ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

PROPERTY OF THE
LIBRARY OF THE
JUL 27 1959
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

1959

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

АРУТЮНЯН А. Б. **Камо. Жизнь и революционная деятельность.** 2-е, переработ. и доп. изд. Ереван. Изд-во Ереванского ун-та. 1958. 256 стр. 50 000 экз. 8 р. 70 к.

БАХРУШИН С. В. **Научные труды. Т. 4. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI—XVII вв.** М. Изд-во АН СССР. 1959. 258 стр. 2 000 экз. 16 р. 10 к.

БЕЛЯЕВ Б. Л. **Люди и события Приморья. Из истории борьбы за власть Советов в Приморье в 1917—1922 гг.** М. Воениздат. 1959. 230 стр. 4 р. 60 к.

БОБОВИЧ И. М. **Лекции по истории народного хозяйства СССР. Эпоха феодализма.** Л. Изд-во Ленингр. ун-та. 1959. 186 стр. 6 580 экз. 3 р. 70 к.

БОНЧ-БРУЕВИЧ В. Д. **Избранные сочинения. В 3 т. Т. 1. О религии, религиозном сектантстве и церкви.** (Вступит. статья А. И. Клибанова). М. Изд-во АН СССР. 1959. 410 стр. 7 000 экз. 16 р. 25 к.

Вопросы строительства коммунизма в СССР. Материалы научн. сессии отд-ний обществ. наук АН СССР. М. Изд-во АН СССР. 1959. 434 стр. 10 000 экз. 15 руб.

ДЖУНУСОВ М. **О некапиталистическом пути развития киргизского народа к социализму.** Фрунзе. Киргизгосиздат. 1958. 192 стр. 5 000 экз. 3 р. 10 к.

Иркутский губернский Совет народного хозяйства. (1920—1923 гг.) Материалы и документы. (Сост. З. Тогаров). Иркутск. Кн. изд. 1959. 114 стр. 2 000 экз. 2 р. 45 к.

Исторические записки. Отв. ред. А. Л. Сидоров. Т. 64. М. Изд-во АН СССР. 1959. 303 стр. 2 000 экз. 17 р. 25 к.

История Белорусской ССР. Т. 2. Минск. Изд-во АН БССР. 1958. 661 стр. 6 000 экз. 20 руб. На белорусском языке.

История Киева. В 2 т. Т. 1. Киев. Изд-во АН УССР. 1959. 802 стр. 10 000 экз. 25 руб. На украинском языке.

КРАВЧЕНКО И. С. и ЗАЛЕССКИЙ А. И. **Белорусский народ в годы Великой Отечественной войны.** Минск. Учпедгиз. БССР. 1959. 146 стр. 5 000 экз. 3 р. 40 к.

МАЛЬКОВ П. **Записки коменданта Московского Кремля.** М. «Мол. гвардия». 1959. 288 стр. 100 000 экз. 5 р. 85 к.

Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 3. М. Изд-во АН СССР. 1959. 495 стр. 2 000 экз. 19 р. 30 к. Статьи освещают историю сельского хозяйства и крестьянства нашей страны с XIII по XX век (до 1917 г.).

НИКИФОРОВ Л. А. **Внешняя политика России в последние годы Северной войны.** Ништадтский мир. М. Изд-во АН СССР. 1959. 498 стр. 1 600 экз. 30 руб.

Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. (Сборник документов и материалов). Сост. Силаева Н. М. Казань. Татгосиздат. 1958. 824 стр. 3 000 экз. 12 руб.

РУБЦОВ Г. А. **Военно-боевая работа большевиков Украины. (1905—1907 гг.).** Киев. Госполитиздат УССР. 1958. 159 стр. 10 000 экз. 2 р. 5 к. На украинском языке.

Симбирская губерния в годы гражданской войны. (Май 1918 г.— март 1919 г.). Сборник документов. Т. 1. Ульяновск. Кн. изд. 1958. 488 стр. 3 000 экз. 10 р. 50 к.

СОЛОВЬЕВ Ю. Я. **Воспоминания дипломата.** 1893—1922. Вступит. статья Е. Штейна. М. Соцэкгиз. 1959. 415 стр. 75 000 экз. 8 р. 5 к.

Труды Института истории партии при Дагестанском обкоме КПСС. Т. 2. Махачкала. Дагкнигоиздат. 1958. 214 стр. 2 000 экз. 4 р. 20 к.

Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. М. Изд-во АН СССР. 1959. 364 стр. 1 600 экз. 27 р. 65 к.

ШАМШАТОВ И. **Борьба партийных организаций Казахстана за освоение целинных земель.** Алма Ата. Казгосиздат. 1959. 88 стр. 10 000 экз. 1 р. 10 к.

Всеобщая история

АЯШ А. **Марокко. Итог одной колонизации.** Предисл. Ж. Дреша. Пер. с франц. М. Изд. иностр. лит. 1958. 436 стр. 16 р. 35 к.

ВИНОГРАДОВ В. Н. **Крестьянское восстание 1907 года в Румынии.** М. Изд-во АН СССР. 1958. 327 стр. 2 000 экз. 11 р. 90 к.

ГУРЕВИЧ Н. М. **Внешняя торговля Афганистана до второй мировой войны.** М. Изд. вост. лит. 1959. 225 стр. 1 200 экз. 7 р. 70 к.

ДРАБКИН Я. С. **Революция 1918—1919 гг. в Германии.** Краткий очерк. М. Соцэкгиз. 1958. 443 стр. 10 000 экз. 13 р. 35 к.

Из истории формирования и развития марксизма. Материалы научн. сессии. М. Госполитиздат. 1959. 391 стр. 8 000 экз. 11 руб. Сборник докладов и сообщений, прочитанных в 1955 и 1956 гг. в связи с годовщинами со дня рождения К. Маркса и Ф. Энгельса и посвященных их жизни, деятельности и научным трудам.

КОДАЧЕНКО А. С. **Англо-американская борьба за рынки сбыта в период мирового экономического кризиса (1929—1933).** М. ИМО. 1959. 130 стр. 2 000 экз. 4 р. 80 к.

ЛУЦКАЯ Н. С. **Республика Риф.** Изд. вост. лит. 1959. 211 стр. 1 500 экз. 6 руб. Книга посвящена истории борьбы жителей горной области Риф в Марокко против французского завоевания в 1921—1926 гг.

Народы Америки. Т. 1. Под ред. А. В. Ефимова и С. А. Токарева. М. Изд. АН СССР. 1959. 672 стр. 4 500 экз. 37 р. 45 к.

Очерки истории Италии. 476—1918 годы. Пособие для учителя. М. Учпедгиз. 1959. 388 стр. 12 000 экз. 8 р. 25 к.

Палестинский сборник. Вып. 4(67). М.-Л. Изд. АН СССР. Ленингр. отд-ние. 1959. 248 стр. 1 800 экз. 10 р. 50 к.

Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924). Ред. Н. В. Матковский. М. «Сов. Россия». 1958. 560 стр. Документы и материалы. Сб. 2. 12 000 экз. 10 руб.

ТАРЛЕ Е. В. **Сочинения. В 12 т. Т. 6.** М. Изд-во АН СССР. 1959. 815 стр. 30 000 экз. 20 руб. В том включены произведения: «Рабочий класс ьо Франции в первые времена машинного производства», «Жерминаль и прериаль» и другие работы 1928—1939 гг.

Турецкий сборник. История. Экономика. Литература. Язык. М. Изд. вост. лит. 1958. 206 стр. 1 500 экз. 9 р. 50 к.

1919 год в Венгрии. Сборник материалов к 40-летию Венгерской Советской Республики. М. Госполитиздат. 1959. 272 стр. 10 000 экз. 5 руб.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 6 ИЮНЬ 1959 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

М. З. Данилюк (Киев) — Трудовой подвиг колхозного крестьянства Украины в годы Великой Отечественной войны 3

Н. В. Полякова — Борьба рабочих-текстильщиков за повышение производительности труда в 1921—1925 гг. 20

Академик С. Д. Сказкин, А. Н. Чистозвонов — Задачи изучения проблемы генезиса капитализма 38

Я. И. Линков — Идейные и тактические разногласия в рядах революционной демократии в эпоху падения крепостного права . . 47

Роже Гароди, кандидат в члены Политбюро ЦК Французской коммунистической партии — О политическом положении во Франции . 69

И. А. Хренов — Из истории образования и первого периода деятельности Коммунистической рабочей партии Польши (1918—1923 гг.) 79

Н. М. Митрофанов — Германская Демократическая Республика в борьбе за мир и построение социализма 98

ИСТОРИОГРАФИЯ

Х. Х. Круус, член-корреспондент АН СССР (Таллин) — «Балтийский вопрос» в XVI в. в зарубежной исторической литературе . . . 108

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ СССР

М. И. Стишов, Д. К. Шелестов — О некоторых вопросах изучения истории борьбы за власть Советов в Сибири в 1917—1920 гг. . 120

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Г. В. Ефимов (Ленинград), **А. Д. Люблинская** (Ленинград), **В. В. Мавродин** (Ленинград), **Н. Д. Миклуха-Маклай** (Ленинград), **А. Д. Новичев** (Ленинград), **Л. В. Разумовская** (Ленинград) — «Всемирная история». Т. III 136

Н. Н. Яковлев — Э. Ротштейн. Мюнхенский сговор 151

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

М. И. Ассатурова — Общее собрание Отделения исторических наук . 157
Ф. А. Гаврилов, К. А. Тимофеев — Всероссийское совещание по вопросу об историческом образовании в восьмилетней и средней школе 163
С. М. Сергеев — Научная сессия, посвященная 40-летию Коминтерна 180
А. Е. Иоффе — Конференция историков в Баку 181
Ю. О. Бем — Работа историков, археологов и этнографов в филиалах Академии наук СССР в 1958 году 190
М. Л. Иткин, Э. А. Вайсборд, Р. М. Инглези, А. А. Соленникова — О состоянии и задачах советской исторической библиографии . . 195
Н. А. Долдобанова — Общее собрание археографической комиссии . 203
Хроникальные заметки 206

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

А. А. Шевяков — Празднование 100-летия Румынского национального государства 208
М. Богуцкая (Польша), **Я. Жерновский** (Польша) — Исторические научные учреждения в Польше 211
С. Л. Тихвинский — Навстречу XII международной конференции синологов в Кембридже 218
Хроникальные заметки 222

СТАТЬИ

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА УКРАИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М. З. Данилюк

Самоотверженный труд украинского крестьянства в годы Великой Отечественной войны освещен в нашей литературе недостаточно. Специальных трудов, посвященных данной теме, нет. В ряде работ трудовой героизм колхозного крестьянства Украины затрагивается лишь попутно и не является основной темой исследования, часто не охватывая всего периода Великой Отечественной войны. Например, в первой главе монографии Н. И. Супруненко [1] патриотический и трудовой подъем украинского народа в связи с отпором фашистскому агрессору освещен в общем плане, без характеристики работы, проделанной колхозным крестьянством до оккупации территории республики; в небольшом разделе восьмой главы трудовая деятельность колхозников Украины после изгнания оккупантов также не исследована автором в полной мере. В книге А. Ф. Каневского [2], в разделе «Возрождение колхозного производства в 1943—1945 гг.», кратко изложены лишь результаты восстановления сельскохозяйственного производства на Украине в годы Великой Отечественной войны.

В настоящей статье рассматривается деятельность украинских колхозников с первых дней нападения фашистских войск до оккупации территории Украины и затем после изгнания оккупантов. Исследуя трудовой подвиг колхозного крестьянства Украины, автор не касается других форм участия колхозников в борьбе против фашистских захватчиков: партизанского движения и помощи Советской Армии, сборов продовольствия и денежных средств в фонд обороны, строительства дорог и укреплений и т. д.

★

Вдохновителем и организатором защиты социалистической Родины явилась Коммунистическая партия, соединившая все усилия советских людей и направившая их к общей цели — обеспечению победы над гитлеровской Германией. Народное хозяйство было быстро перестроено на военный лад, страна превратилась в единый боевой лагерь.

Программа всенародной борьбы с врагом была изложена в директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 года. ЦК КП(б) Украины, Президиум Верховного Совета и Совет Народных Комиссаров УССР 6 июля 1941 г. обратились к украинскому народу с призывом «Родина зовет на подвиг в бою, на подвиг в труде» [3], мобилизуя трудящихся республики отдать все свои силы на борьбу с фашистскими захватчиками.

---

[1] Н. И. Супруненко. Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза. Киев. 1956.

[2] О. П. Канєвський. Відбудова і розвиток сільского господарства УРСР. К.-Х. 1947.

[3] Газета «Комуніст», 7 июля 1941 года.

Перестройка сельского хозяйства Украины происходила в условиях мобилизации и добровольного ухода в армию многих колхозников, работников МТС и совхозов, специалистов сельского хозяйства. Для нужд армии и на строительство оборонительных сооружений было мобилизовано в республике 9 300 тракторов [4], много лошадей, автомобилей. Немало трудоспособного населения, а также колхозного транспорта, особенно в прифронтовой полосе, отвлекалось от сельскохозяйственного производства для строительства оборонительных сооружений, прокладки и ремонта дорог. Многие колхозники участвовали в борьбе против шпионов и диверсантов, охраняли имущество колхозов, посевы. Так, 17 августа 1941 г. исполком облсовета депутатов трудящихся Полтавской области и бюро обкома КП(б)У приняли решение о привлечении на строительство оборонительных сооружений 140 200 человек [5]. 1 октября для той же цели были мобилизованы еще 230 тыс. человек [6]. Подобные мобилизации колхозников проводились во всех областях УССР, как и во всех прифронтовых районах страны.

Сельское хозяйство Украины, достигшее в предвоенные годы мощного развития, имело все возможности для того, чтобы дать максимум продовольствия фронту и стране, сырья для промышленности. В 1941 г. на колхозных полях был выращен богатый урожай, животноводство находилось в хорошем состоянии. К началу военных действий в большинстве областей шла интенсивная подготовка к уборке урожая, а в южных областях к тому времени уборочные работы уже начались.

Сельские коммунисты умело руководили подготовкой и ходом уборочной кампании, учитывая убыль рабочей силы и тягла в сельскохозяйственном производстве, разрабатывали планы уборки, обсуждали их на открытых партийных и общих собраниях колхозников, активно боролись за их выполнение, мобилизовывали колхозников на самоотверженный, высокопроизводительный труд. Так, в артели имени Трех коммунаров, Золочевского района, Харьковской области, на открытых партийных собраниях дважды обсуждался план уборки урожая. Коммунисты и беспартийные колхозники внесли ряд ценных предложений, направленных на быстрейшее выполнение плана уборки и обязательств перед государством. При помощи парторганизации правление этого колхоза всесторонне подготовилось к уборке. Коммунисты были расставлены так, чтобы на каждом ответственном участке осуществлять влияние партийной организации и проводить политико-массовую работу среди колхозников [7]. Правление артели «Поля Октября», Валковского района, Харьковской области, под руководством партийной организации также умело перестроило всю работу колхоза на военный лад, к уборке организовало своевременную подготовку машин и уборочного инвентаря [8].

С первых же дней Великой Отечественной войны ушедших в армию колхозников заменяли женщины, подростки и добровольно возвратившиеся на производство старики. Многие женщины и невоеннообязанные проходили обучение в МТС и становились механизаторами.

Обкомы КП(б)У и облисполкомы Советов депутатов трудящихся, учитывая патриотическую инициативу колхозниц, принимали постановления о подготовке трактористов, комбайнеров, помощников комбайнеров. 1 июля 1941 г. бюро Николаевского обкома КП(б)У и исполком областного Совета депутатов трудящихся постановили подготовить 6 813 трактористов, 1 151 комбайнера, 608 помощников комбайнеров [9]; бюро За-

[4] Архив Министерства сельского хозяйства УССР, ф. 1, оп. 18, арх. № 1, л. 66.
[5] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 1, ед. хр. 3302, лл. 74—77.
[6] Там же, л. 120.
[7] Газета «Соціалістична Харківщина», 24 июля 1941 года.
[8] «Соціалістична Харківщина», 15 июля 1941 года.
[9] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, ед. хр. 3237, л. 5.

порожского обкома КП(б)У и исполком областного Совета решили подготовить 5 245 трактористов, 1 231 комбайнера, 1 830 помощников комбайнеров [10]. Всего в течение первого месяца войны на Украине было подготовлено без отрыва от производства 35 тыс. трактористов [11].

Правления артелей убыль в технике восполняли применением простейших машин и мелкого инвентаря, использованием на уборке лошадей и волов. Проявляя высокую сознательность, колхозники стали принимать крайне напряженные планы работ. Райкомы партии, колхозные партийные и комсомольские организации неустанно разъясняли необходимость усиления трудовой энергии, вовлекали колхозников в массовое социалистическое соревнование за проведение уборки в кратчайшие сроки и без потерь. Так, по инициативе колхоза «Днепрогэс» все колхозы Чкаловского района, Днепропетровской области, пересмотрели свои планы и значительно сократили сроки уборки [12]. При пересмотре планов уборочных работ в колхозах Широковского района, Днепропетровской области, сроки уборки были сокращены с 17—18 до 10—12 дней [13].

Нормы мирного времени были отброшены. На уборке урожая люди трудились от зари до зари, часто по 20 часов в сутки. В первый день уборки в артели «Культура», Апостоловского района, Днепропетровской области, скосили лобогрейками 75 га, во второй день — 81 га, а в третий день — 86 га. Отдельные колхозники этой артели скашивали лобогрейками ежедневно по 7,5—8 га при норме 4 га [14]. Колхозницы артели «Красная Украина», Балаклейского района, Харьковской области, Мантула, Мещенкова, Ильинская и другие выполняли нормы на 200 и больше процентов. Девушки-трактористки Худякова и Карташова выполняли свое дневное задание на 150—160% [15]. Подобных примеров высокой трудовой активности колхозников и колхозниц было много в каждой артели республики. Многие колхозы организовали круглосуточную работу машин, что повышало производительность труда в 1,5—2,5 раза.

Большую помощь колхозному крестьянству в уборке урожая оказывало население городов, студенты, школьники. Например, в первых числах августа на полях Харьковской области работало свыше 16 тыс. жителей Харькова [16]. На полях Запорожской области трудились 70 тыс., в Ворошиловградской области — 50 тыс. студентов и школьников [17].

Метеорологические условия лета 1941 г. (избыток влаги и сравнительно низкая температура) вызвали позднее созревание зерновых культур, в результате чего уборка их началась на Украине позднее, чем в 1940 году. Несмотря на неблагоприятные климатические условия и трудности, вызванные войной, многие колхозы, расположенные вдали от фронта, добились того, что темпы уборки урожая были выше, чем в довоенные годы. Так, в Ворошиловградской области на 20 июля 1941 г. было убрано 22,9% зерновых, в то время как на то же число в 1940 г. при более благоприятных условиях было убрано лишь 12% [18]. На 15 июля по шести южным областям республики было убрано 959 тыс. га, а на это же число 1940 г.— 415,3 тыс. га [19]. Значительно возросла производительность уборочных машин. В Запорожской области на 15 июля комбайнами было убрано зерновых культур в 2 раза больше, чем на это же время в 1940 году [20].

---

[10] Там же, ед. хр. 3111, л. 166.
[11] «Комуніст», 27 июля 1941 года.
[12] «Правда», 20 июля 1941 года.
[13] «Комуніст», 15 июля 1941 года.
[14] Журнал «Большевик», 1941, № 14, стр. 44.
[15] «Нерозривний зв'язок фронту і тилу — запорука перемоги над ворогом». К. 1941, стр. 10—11.
[16] Газета «Советская Украина», 11 августа 1941 года.
[17] Газета «Сталинское племя», 9 августа 1941 года.
[18] «Советская Украина», 24 июля 1941 года
[19] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 33, ед. хр. 1, л. 27.
[20] «Правда», 19 июля 1941 года.

Одновременно с уборочными работами на Украине началась сдача колхозами государству хлеба урожая 1941 года.

Колхозники передовых артелей Сумской и Полтавской областей явились инициаторами досрочной сдачи государству хлеба из запасов прошлых лет в счет поставок 1941 года. Это начинание было подхвачено всеми украинскими колхозниками. Артели досрочно выполняли поставки мяса, молока, шерсти и других продуктов. Например, к 10 июля 1941 г. 37 колхозов Синельниковского района, Днепропетровской области, выполнили годовой план поставок государству всех сельскохозяйственных продуктов. Многие колхозы к этому времени сдавали продукцию в счет 1942 года [21].

Досрочная сдача зерна из урожаев прошлых лет и организованная сдача урожая 1941 г. дали возможность многим колхозам и районам республики, расположенным вдали от фронта, выполнить свои обязательства перед государством быстрее, чем в довоенные годы. Например, колхозы Киевской области к 9 сентября выполнили государственное задание по хлебопоставкам и продолжали сдавать зерно сверх плана [22].

По мере продвижения фашистских войск в глубь страны работники сельского хозяйства Украины наряду с уборкой урожая подготовляли эвакуацию в глубинные районы людей, имущества колхозов, МТС и совхозов. Значительная часть трудоспособного населения, а также транспортные средства отвлекались на строительство оборонительных рубежей. Дождливая погода также тормозила ход уборки. Все это привело к тому, что темпы уборки урожая по республике, начиная с сентября, снизились по сравнению с 1940 годом [23].

Однако, несмотря на исключительно тяжелые условия, колхозники Украины благодаря напряженному, героическому труду собрали до вторжения фашистских войск богатый урожай с большой площади. Колхозы Сталинской области закончили уборку зерновых к 25 августа, Ворошиловградской — к 1 сентября, Харьковской — к 15 сентября [24]. До 1 октября было убрано зерновых в Запорожской области 98,5%, в Сумской — 97,1%, в Полтавской — 90,3%, в Днепропетровской — 89,2%, в Черниговской — 72,7%, обмолочено, включая и уборку комбайнами, 52,9% убранного хлеба [25].

Успешное проведение уборки урожая на большей части территории республики, выполнение колхозами государственных поставок хлеба, сдача в фонд обороны большого количества продовольствия позволили полностью обеспечить армию, действовавшую на территории Украины, продовольствием и значительные его запасы вывезти в глубинные районы. По неполным данным, только за август и 23 дня сентября 1941 г. с Украины было вывезено 1 246 тыс. т зерна и других сельскохозяйственных продуктов [26].

Под натиском превосходящих сил противника Советская Армия отступала на восток. К концу 1941 г. враг занял бо́льшую часть территории Украины, а в 1942 г.— Ворошиловградскую и часть районов Харьковской и Сталинской областей. Еще с июля 1941 г. по решению Государственного Комитета Обороны из прифронтовых районов началась эвакуация скота, имущества колхозов, совхозов, МТС, оборудования фабрик и

---

[21] «Советская Украина», 11 июля 1941 года.

[22] «Правда», 10 сентября 1941 года.

[23] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 33, ед. хр. 1, л. 27.

[24] Там же.

[25] Архив Министерства сельского хозяйства УССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 4, л. 7.

[26] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 14, ед. хр. 24, л. 85.

заводов. Эвакуация проводилась по мере отхода нашей армии из Правобережной Украины в июле и августе, из Левобережья — с августа до октября 1941 года.

В соответствии с постановлениями ГКО, указаниями Совета по эвакуации, наркомземов СССР и УССР партийные и советские организации республики совместно с военными советами фронтов и армий проделали большую работу по эвакуации населения, а также скота, имущества МТС, совхозов, колхозов.

Все вопросы, связанные с эвакуацией, обсуждались на заседаниях бюро обкомов и райкомов партии. В первых числах июля 1941 г. были созданы во главе с членами бюро райкомов специальные бригады, за которыми закреплялись объекты, намеченные к эвакуации. В колхозах, МТС и совхозах под руководством коммунистов, лучших колхозников и работников МТС и совхозов создавались специальные группы по вывозке сельскохозяйственной техники и перегону скота.

В областях и районах заблаговременно разрабатывались планы эвакуации, осуществление которых начиналось при приближении линии фронта.

Обкомы КП(б)У и облисполкомы Советов депутатов трудящихся для оказания помощи и контроля за ходом эвакуации посылали в районы своих уполномоченных. 30 августа 1941 г. в соответствии с решением СНК СССР от 21 августа 1941 г. исполком облсовета депутатов трудящихся и бюро Полтавского обкома КП(б)У приняли решение об эвакуации скота, тракторов, сельскохозяйственного инвентаря из районов прифронтовой полосы [27]. 3 сентября 1941 г. в соответствии с решением СНК УССР было принято постановление о переселении до 10 сентября 1941 г. до 100 колхозов с 11 220 семействами в Поволжье [28].

Сложны и тяжелы были условия эвакуации: ее проводили в широких масштабах, в сжатые сроки, под бомбежкой вражеской авиации. Особенно активно фашисты бомбили переправы через реки. В осеннее и зимнее время эвакуированные страдали от дождей и холодов. Тем колхозам, которые прибыли в Сталинградскую и Ростовскую области, Краснодарский и Орджоникидзевский края, в 1942 г. пришлось эвакуироваться вторично.

Огромная работа была проведена по сохранению общественного скота. Большая часть эвакуированного скота в конце октября 1941 г. вышла за пределы Украины и достигла Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Сталинградской, Астраханской областей, Орджоникидзевского края и других районов СССР [29]. О масштабах организованного колхозниками и специалистами сельского хозяйства перегона скота свидетельствуют, хотя и не полно, следующие данные: за пределы Украины в 1941 г. было эвакуировано 14,2% лошадей, 30,9% свиней, 65,3% крупного рогатого скота, 92,2% овец [30] (по наличию на 1 января 1941 г.). Многие колхозы и совхозы прифронтовой полосы свой скот сдавали воинским частям или на мясокомбинаты, большое количество скота было отдано в счет поставок 1942 года.

Колхозники оказали большую помощь работникам МТС и приняли активное участие в эвакуации тракторов и другой техники. Из 72 280 тракторов к отправке в глубинные районы было подготовлено 50 тыс., кроме

---

[27] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, ед. хр. 3393, л. 128.

[28] Там же, оп. 1, ед. хр. 3302, л. 140.

[29] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 33, ед. хр. 1, л. 6.

[30] Там же, лл. 3—4. Часть этого скота не была переправлена через Дон и оказалась захваченной фашистскими войсками. Что касается эвакуированных лошадей, то их количество фактически было бóльшим. Так, много лошадей было мобилизовано в армию, часть использована для эвакуации населения. Эти лошади не были учтены на контрольно-пропускных пунктах.

тех, которые были переданы в армию и использованы на оборонных работах. К концу октября за пределы Украины было отправлено 25 195 тракторов [31], много комбайнов и различного оборудования.

Успешное проведение эвакуации в тяжелых условиях продемонстрировало великую силу и преимущества социалистической системы хозяйства. Эвакуированные нашли теплый прием и помощь у великого русского народа и у всех народов нашей Родины. На новых местах они сразу же включились в огромную творческую работу народов Советского Союза по оказанию всесторонней помощи фронту. Однако эта важная и интересная сторона деятельности эвакуированных с Украины колхозников не является предметом рассмотрения в настоящей статье.

★

После разгрома фашистских войск под Сталинградом началось освобождение Украины. Отступая под ударами Советской Армии, оккупанты по заранее подготовленному плану стали производить на советской земле чудовищные разрушения, уничтожать население.

Воодушевленные славными победами Советской Армии, украинские крестьяне усилили борьбу против оккупантов. Рискуя жизнью, колхозники мешали захватчикам вывозить или уничтожать хлеб и другие продукты, инвентарь, тракторы и скот. Так, только в 19 колхозах Меловского района, Ворошиловградской области, в глухих хуторах и в домах колхозников было спрятано и сохранено до прихода частей Советской Армии 406 волов, 276 лошадей, 202 свиньи, 571 овца, 4 007 ц посевного материала, 1 042 ц картофеля, 99 тракторов, из которых 50 были исправными [32]. В Бориспольском районе, Киевской области, колхозницы М. Чеховская, А. Гопкало и другие сохранили 37 колхозных свиноматок, колхозники Переяслав-Хмельницкого района, той же области,— 550 племенных коров [33].

В тех районах, которые гитлеровцы не надеялись удержать в своих руках, они под угрозой смерти запрещали проводить сев, пытались ускорить уборочные работы и обмолот хлеба с тем, чтобы вывезти его или в случае невозможности уничтожить в скирдах. Невзирая на трудности и грозившую им опасность, колхозники засевали большие площади, работая зачастую в ночное время, всячески затягивали уборку и сохранили от уничтожения и вывоза много хлеба, в том числе и необмолоченного. Например, к моменту освобождения Днепропетровской области было спасено 546 500 га зерновых, 36 842 га кукурузы, 103 908 га подсолнуха, в Полтавской области — 310 797 га зерновых [34]. В борьбе за сохранение артельного имущества, хлеба и скота ярко проявилась забота крестьянства о восстановлении колхозного строя, развитии и укреплении его после изгнания фашистских поработителей.

Коммунистическая партия в гигантских масштабах организовала восстановление народного хозяйства в освобожденных районах, что имело важное значение для победы над фашистской Германией, способствовало созданию нормальных условий жизни для советских людей, освобожденных от фашистского рабства, и быстрейшей ликвидации тяжелых последствий оккупации.

Производительным силам Украины был нанесен огромный ущерб, составивший 285 млрд. руб. (в ценах 1941 г.). Общая сумма прямого ущерба, нанесенного только колхозам, составляла 88,1 млрд. рублей [35].

---

[31] Архив Министерства сельского хозяйства УССР, ф. 1, оп. 40, арх. № 2, л. 5.
[32] «Советская Украина», 6 февраля 1943 года.
[33] Газета «Правда Украины», 27 марта 1945 года.
[34] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 7, оп. 3, ед. хр. 1308, л. 69; ед. хр. 1307, л. 39.
[35] «Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР», М. 1954, стр. 450—451.

На территории Украины было истреблено свыше четырех миллионов советских граждан [36], более трех миллионов человек было угнано на каторжные работы в Германию [37], где значительная их часть погибла от истязаний, непосильного труда и голода. Никогда еще украинская земля не подвергалась такому опустошению.

Особенно важное значение для возрождения хозяйства, культуры и быта на освобожденных украинских территориях имело постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Принятое в разгар наступления Советской Армии, оно отражало коренной перелом в ходе войны. На основе и во исполнение этого постановления партийные организации Украины развернули широким фронтом восстановительные работы в освобожденных от врага районах.

Большую помощь освобожденные районы Украины получили от трудящихся других республик Советского Союза, не оставивших в беде своих украинских братьев и сестер. По инициативе колхозников Иркутской области в феврале 1943 г. при Союзном правительстве был создан специальный фонд братской помощи освобожденным районам [38]. Колхозники артели Горшиха, Ярославского района, Ярославской области, в апреле 1943 г. предложили засеять в каждой артели сверхплановые участки в фонд помощи колхозам и колхозникам, пострадавшим от фашистской оккупации [39]. Колхозники артели имени Сталина, Родниковского района, Ивановской области, выступили с призывом оказать помощь колхозам в восстановлении разрушенных и уничтоженных фашистами животноводческих ферм [40].

Это патриотическое начинание было поддержано колхозниками всей страны и приняло форму шефства областей глубокого тыла над освобожденными районами. За счет мобилизации внутренних ресурсов шефствовавшие области посылали различное оборудование, материалы, инструменты, семена, скот, предметы домашнего обихода. Так, колхозники Башкирии в сентябре 1943 г. выделили для подшефных колхозов Ворошиловградской области 7 тыс. голов крупного рогатого скота, 10 тыс. овец, 3 тыс. свиней; рабочие изготовили много запасных частей к тракторам, а коллектив одного завода оборудовал машинно-тракторную мастерскую [41].

В первых числах января 1944 г. было опубликовано сообщение, в котором подводились итоги помощи освобожденным районам с момента принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) по 1 января 1944 года. За этот период освобожденные районы получили 1 723 201 голову скота (в том числе 630 830 голов прежде эвакуированного скота). В восточных районах было закуплено и продано на льготных условиях колхозам освобожденных районов 250 613 голов скота, из этого количества на Украину было доставлено 30 264 овцы, 5 тыс. коз, 6 465 свиней. Для восстановления и строительства животноводческих помещений колхозам Украины было выделено бесплатно 550 тыс. кубометров леса [42].

В 1944 г. на Украину было возвращено, а также завезено в поряд-

---

[36] «Правда Украины», 19 января 1946 года.

[37] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Документы и материалы. Т. 3. М. 1947, стр. 230.

[38] «Правда», 20 февраля 1943 года.

[39] «Социалистическое земледелие», 24 апреля 1943 года.

[40] «Социалистическое земледелие», 29 мая, 21 декабря 1943 года.

[41] «Правда», 19 сентября 1943 года.

[42] О выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Госполитиздат. 1944, стр. 3—9

ке государственной помощи 159 тыс. голов крупного рогатого скота, 267 600 овец, 5 300 свиней, 13 400 лошадей [43], много птицы. Из тыловых областей и за счет фонда правительства сельское хозяйство УССР в 1943 и 1944 гг. получило 7 916 тракторов, 700 комбайнов, 7 429 плугов, 1 780 сенокосилок, 1 650 сортировок, 1 400 жаток [44] и много других машин и материалов; были возвращены эвакуированные тракторы и комбайны, приехали механизаторы. В 1944 г. государство отпустило колхозам Украины кредит в сумме 388,9 млн. руб., 2,7 млн. кубометров леса (в том числе 2 350 тыс. кубометров бесплатно), а районам, особенно сильно пострадавшим от оккупации, было дано взаймы более 2 млн. пудов семян и фуража [45]. Советское правительство предоставило колхозам и колхозникам освобожденных районов большие льготы по поставкам сельскохозяйственной продукции и налогам.

Украинские крестьяне под руководством Коммунистической партии с величайшим энтузиазмом приступили к возрождению колхозов. Колхозники с первых дней освобождения по собственной инициативе доставляли на артельные дворы спрятанные от фашистских грабителей инвентарь и машины, приводили сохранившийся рабочий и продуктивный скот, восстанавливали и ремонтировали колхозные производственные постройки, из личных запасов засыпали семенные фонды.

К началу весеннего сева 1943 г. было освобождено от фашистских оккупантов в Ворошиловградской области 26 районов, в Харьковской — 14, в Сталинской — 1, в Сумской — 1. Во второй половине 1943 г. была освобождена вся Левобережная Украина. Государственный план сельскохозяйственных работ на 1943 г. по Украине был установлен только для 28 районов, при этом предусматривалось освоение примерно 60% пахотной земли. Для остальных районов в связи с их непосредственной близостью к фронту государственный план не устанавливался. Исполкомы областных Советов и обкомы КП(б)У сами определяли для них задания по севу и другим видам работ.

Партийные органы развернули большую работу среди тружеников сельского хозяйства. Ворошиловградский обком КП(б)У в марте 1943 г. созвал совещание секретарей райкомов партии, председателей райисполкомов, директоров и начальников политотделов МТС и совхозов, на котором обсуждался вопрос о готовности колхозов к весенне-полевым работам и о задачах массово-политической работы среди колхозников во время посевной кампании. В апреле 1943 г. на пленумах Ворошиловградского и Харьковского обкомов КП(б)У были определены очередные задачи областных парторганизаций [46], в том числе по восстановлению сельского хозяйства. Решения пленумов обкомов обсуждались на районных собраниях партактива, собраниях первичных организаций, которые намечали конкретные мероприятия по восстановлению колхозов и улучшению массово-политической работы среди колхозников.

Деятельность партийных организаций по мобилизации колхозников на успешное проведение весеннего сева 1943 г. положительно сказалась на выполнении сельскохозяйственных работ. План весеннего сева в освобожденных районах Украины был выполнен на 111,5% [47]. Во время сева в качестве тягловой силы использовались главным образом коровы, так как рабочих лошадей и волов в колхозах осталось незначительное количество.

---

[43] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 15, ед. хр. 144, л. 55.

[44] Центральный архив Министерства сельского хозяйства СССР, оп. 270, св. 874, д. 173, л. 3.

[45] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 15, ед. хр. 144, л. 55.

[46] Там же, оп. 18, ед. хр. 147, лл. 4, 5.

[47] Там же, оп. 15, ед. хр. 31, лл. 125—129.

Например, по 9 районам Харьковской области на каждый колхоз приходилось по 4 лошади и 3 вола [48]. Такое же положение было и в других районах.

Партийные и советские организации обеспечили подготовку руководящих колхозных кадров и механизаторов. К весне 1944 г. на Украине было подготовлено специалистов различных отраслей сельского хозяйства 30 547 человек и работников массовых профессий для МТС — 45 035 человек [49].

Партийные и советские органы, возрождая колхозы, опирались на инициативу трудящихся. Так, комсомольцы колхоза имени Ленина, Синельниковского района, Днепропетровской области, явились зачинателями создания фонда возрождения колхозов [50]. Колхозники артели имени Коминтерна, того же района, предложили оказать помощь наиболее пострадавшим колхозам в восстановлении животноводства [51]. Широко практиковался межколхозный, межрайонный и межобластной обмен семенами.

После освобождения Украины возобновились традиционные связи и социалистическое соревнование украинских колхозников с колхозниками РСФСР, Грузии, Армении и других республик. Вновь развернулось соревнование колхозников Киевского района, Киевской области, и Раменского района, Московской области. Помогая киевским колхозникам, раменцы снабдили их семенами огородных культур и выделили 750 голов чистопородного скота [52].

О восстановлении сельского хозяйства Украины заботились и воины Советской Армии. Бойцы и офицеры 25-го управления оборонного строительства из личных сбережений собрали и передали правительству УССР 2 100 580 рублей [53]. Воинские части, расположенные на территории Украины, выделяли МТС и колхозам транспорт для перевозки хлеба, горючее, смазочные материалы; многие бойцы принимали участие в сельскохозяйственных работах.

В тяжелой обстановке рабочие находили силы и средства для помощи колхозам, МТС и совхозам. Коллективы предприятий в порядке шефства ремонтировали инвентарь, автомобили, комбайны, тракторы, выделяли дефицитные материалы, во внеурочное время ремонтировали и собирали для МТС станки и моторы, из сэкономленного материала изготовляли инструменты, запасные части и т. п. К весеннему севу 1944 г. коллективы предприятий Харькова оборудовали для каждого сельского района области по одной передвижной мастерской для ремонта тракторов и машин в полевых условиях [54]. В конце 1944 г. харьковские предприятия направили в районы области 65 бригад квалифицированных рабочих для помощи в осенне-зимнем ремонте сельскохозяйственной техники [55].

Партийные организации в освобожденных колхозах первоначально создавались в основном из прибывших руководящих партийных и других работников — членов партии, реэвакуированных коммунистов, демобилизованных из армии коммунистов — инвалидов Отечественной войны, коммунистов, остававшихся по заданию партии в тылу врага и в партизанских отрядах. На 1 января 1944 г. в организациях КП(б)У числилось 34 826 членов и кандидатов партии, на 1 декабря 1944 г.— 149 920 коммунистов, на 1 июля 1945 г.— 195 649 коммунистов, в то вре-

---

[48] Там же, ед. хр. 27, лл. 1—2.
[49] Там же, ед. хр. 144, л. 5.
[50] Там же, ф. 7, оп. 3, ед. хр. 1318, л. 93.
[51] Газета «Колгоспник України», 28 января 1944 года.
[52] «Правда Украины», 20 июня 1944 года.
[53] Архив Министерства сельского хозяйства УССР, ф. 1, оп. 4, арх. № 2, л. 118.
[54] «Правда Украины», 8 апреля 1944 года.
[55] «Правда Украины», 21 декабря 1944 года.

мя как на 1 января 1941 г. в КП(б)У на учете состояло 559 235 коммунистов [56].

Особенно осложнялась работа Коммунистической партии в сельских местностях в связи с тем, что во многих колхозах партийные организации были малочисленными, а в некоторых местах и вовсе отсутствовали.

Однако сельские партийные организации, несмотря на свою малочисленность, играли руководящую роль на селе, были боевыми организаторами восстановления колхозов и сельскохозяйственного производства, возглавляли борьбу за выполнение важнейших военно-хозяйственных задач. В тех артелях, где не было первичных партийных организаций, эту работу под руководством райкомов КП(б)У осуществляли партийно-комсомольские группы и комсомольские организации.

Подлинным руководителем и организатором колхозников была, например, первичная организация колхоза «Вольный труд», Велико-Бурлукского района, Харьковской области, где все коммунисты, находясь на важнейших участках колхозного производства, вели большую работу среди крестьян. Умело действовала первичная партийная организация села Спиваковка, Ново-Айдарского района, Ворошиловградской области, состоявшая из трех членов и трех кандидатов партии. Она правильно сочетала партийно-организационную и агитмассовую работу с решением хозяйственных задач.

Возглавив политический и трудовой подъем колхозного крестьянства, партийные организации проделали огромную работу по возрождению колхозов и МТС. Уже в 1944 г. на Украине было восстановлено 26 439 колхозов (из 27 195 на 1 января 1941 г.) [57], 56 тыс. животноводческих и 20 580 птицеводческих ферм, 1 173 МТС, тысяча мастерских капитального ремонта [58].

В своей массово-политической работе партийные организации Украины руководствовались постановлениями ЦК ВКП(б) «Об организации политических докладов партийных и советских работников для сельского населения» (1943 г.), «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения» (1944 г.), «О недостатках в политической работе среди населения западных областей УССР» (1944 г.) и другими решениями партии.

После изгнания фашистских оккупантов сельское хозяйство республики располагало только 29,8% довоенных средств механического и живого тягла [59]. В колхозах было значительно меньше рабочей силы, чем в довоенное время; так, мужчин в 1944 г. осталось только 23,7%, а всего мужчин, женщин и подростков — 71% [60]. Большинство здоровых мужчин находилось в рядах армии. Поэтому основные восстановительные работы во время войны выполнялись женщинами.

В феврале — марте 1944 г. Советская Армия изгнала врага из Правобережной Украины. Успешное наступление наших войск дало возможность подавляющему большинству колхозников Украины с весны 1944 г. включиться в восстановление сельскохозяйственного производства. Учитывая необходимость освоения максимального количества земли уже в первый год после освобождения, партия и правительство решили освоить в 1944 г. в 16 восточных областях УССР 16 548,8 тыс. га земли, или 67,5% плана довоенного, 1940 года. При этом объем работ на весновспашке и посев яровых составляли 94,1%, а нагрузка на одну условную

[56] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 18, ед. хр. 132, л. 32; ед. хр. 371, л. 100; ед. хр. 718, л. 43; ед. хр. 1498, л. 2.

[57] К тому времени не были восстановлены колхозы, в которых население было истреблено фашистскими оккупантами, а колхозы, где после освобождения осталось мало населения, вошли в состав соседних.

[58] Архив Министерства сельского хозяйства УССР, ф. 1, оп. 4, арх. № 38, л. 96.

[59] Там же, оп. 5, арх. № 13, л. 6.

[60] Там же, оп. 4, арх. № 12, л. 124.

лошадиную силу живого и механического тягла увеличивалась по сравнению с 1940 г. на 330% [61].

В 1945 г. общая нагрузка на весновспашке и севе на одну условную лошадиную силу составляла 295,2% против 1940 г., а объем работ в это время года увеличился на 16% [62]. Следовательно, чтобы успешно справиться с полевыми работами, труженики деревни должны были мобилизовать все силы и резервы, рационально использовать технику, тягло, трудовые ресурсы.

В массовое социалистическое соревнование включились области и районы, колхозы и МТС, бригады и звенья, колхозники и колхозницы. В Ново-Псковском районе, Ворошиловградской области, при умелом руководстве райкома КП(б)У в 1943 г. соревнованием были охвачены все колхозы, обе МТС, 32 тракторные и 103 полеводческие бригады, 309 звеньев. В индивидуальном соревновании участвовало около 4 тыс. человек. В результате того, что 93% соревновавшихся выполняли и перевыполняли нормы и свои повышенные обязательства, колхозы района в 1943 г. успешно провели все сельскохозяйственные работы. Район завоевал первое место в области и получил Красное знамя облисполкома [63].

Звеньевая колхоза «Вторая пятилетка», Красноградского района, Харьковской области, А. В. Батова весной 1944 г. обратилась через газету «Правда Украины» к колхозницам республики с призывом организовать соревнование женских звеньев. Эта патриотическая инициатива, имевшая большое государственное значение, была при поддержке партийных организаций подхвачена многими колхозницами и колхозниками УССР.

Хорошо подготовившись к посевной кампании 1944 г., многие районы республики выполнили план сева яровых за 4 и 5 дней при хорошем качестве работ. Успешно провели весенний сев колхозы Киевской, Полтавской, Сумской, Днепропетровской и Сталинской областей, посеявшие ранние колосовые за 10—12 дней. В целом по Украине план весеннего сева был выполнен к 20 июня на 105,4% [64].

Успешно проводились весенние полевые работы и в 1945 году. К 1 мая украинские колхозы выполнили план посева яровых колосовых на 104,4%. Все области республики, кроме Сумской, к этому времени перевыполнили задания [65].

Колхозники и колхозницы показывали образцы высокопродуктивного труда. Так, старик-колхозник М. Обух из артели «15-летие 30-й Иркутской дивизии», Васильковского района, Днепропетровской области, вспахал на коровах 21 га. Многие колхозники вырабатывали по две дневные нормы и больше, выполнив за время весеннего сева значительную долю годичного минимума трудодней [66]. Например, колхозница артели «Красная Армия», Ахтырского района, Сумской области, М. Грицаенко на весеннем севе выработала 87 трудодней, колхозница артели «Красный партизан», того же района, А. Бабина — 98 трудодней [67]. Таких колхозников было много в каждой артели.

Особенностью полевых работ 1944 и 1945 гг. было использование коров в качестве тягловой силы; например, в 1944 г. в Запорожской области с их применением было выполнено до 40% всех полевых работ [68], хотя

---

[61] Там же, оп. 5, арх. № 13, л. 6.

[62] Там же, оп. 4, арх. № 36, л. 6.

[63] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 18, ед. хр. 148, л. 42.

[64] «Правда Украины», 14 июня и 2 июля 1944 года.

[65] «Правда Украины», 4 мая 1945 года.

[66] Годичный минимум для колхозников УССР составлял 120 трудодней.

[67] «Правда Украины», 14 июня 1944 года.

[68] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 33, ед. хр. 275, л. 3.

производительность труда при этом была на 25—40% ниже, чем при использовании лошадей. В ряде районов, где оккупанты уничтожили или угнали почти все тягло и коров, вывезли или привели в негодность машины, колхозники проявляли подлинный трудовой героизм, работая вручную.

После завершения весеннего сева партийные и советские организации Украины мобилизовали колхозников на уход за посевами, провели значительную работу по обеспечению успешной уборки урожая 1944 года. Советские и земельные органы при участии партийных работников проводили государственную проверку готовности каждого района, МТС и колхоза к уборке. Результаты рассматривались райкомами и обкомами КП(б)У, райисполкомами и облисполкомами, которые принимали необходимые меры по устранению недостатков, усилению агитмассовой работы среди колхозников.

Областные партийные организации посылали в колхозы руководящих работников, лучших агитаторов из партийно-комсомольского актива городов и районных центров. Например, в 1944 г. из городов Сталинской области для работы в колхозах во время уборочной кампании было направлено 1 105 агитаторов [69]. Перед выездом на село обкомы партии проводили кустовые совещания агитаторов, совещания редакторов районных и стенных газет.

В конце мая 1944 г. пленум ЦК КП(б)У подвел итоги весеннего сева и наметил меры по организации уборки урожая и проведению заготовок сельскохозяйственных продуктов. В первой половине июня в областях состоялись пленумы обкомов партии, собрания актива, в районах — районные партийные собрания и собрания актива, которые обсудили задачи уборочной кампании и наметили конкретные мероприятия [70]. Планы уборки, обсужденные на общих собраниях колхозников и работников МТС, доводили до каждой бригады и звена. Правления артелей проверяли расстановку рабочей силы с тем, чтобы привлечь к уборке возможно большее число людей.

После изгнания захватчиков уборка урожая производилась в основном вручную и простыми уборочными машинами. Из 27 194 комбайнов, имевшихся в 1940 г., в 1944 г. остался 5 531 комбайн (комплектных было только 262) [71]. К уборке урожая было приспособлено 2 460 комбайнов [72]. О незначительном удельном весе комбайнов в уборке урожая свидетельствуют следующие данные: в Харьковской области в 1944 г. комбайнами было убрано лишь 2,28% всей площади зерновых [73], а в целом по республике к 5 сентября 1944 г. было убрано комбайнами всего 4,2% всей площади зерновых [74]. Больше половины зерновых приходилось убирать косами и серпами. В Киевской области в 1944 г. около 70% площади зерновых было убрано вручную [75].

Любовь к Родине, стремление помочь Советской Армии быстрее разгромить фашистских захватчиков воодушевляли колхозников. Далеко за пределами Днепропетровской области были известны трудовые успехи 62-летнего И. А. Протака, косаря колхоза «Новая жизнь», Томаковского района, Днепропетровской области. Соревнуясь с косарями своего колхоза, он выполнял ежедневно по 3—6 норм. В июле 1944 г. И. А. Протак косил вручную 17 дней и за это время убрал 19,95 га ржи; 4 дня он работал на лобогрейке. Всего в июле он выработал 128 трудодней, то есть больше годичного минимума. Рекордная выработка И. А. Протака на

---

[69] Там же, ед. хр. 304, лл. 105—106.
[70] Там же, ед. хр. 70, л. 115.
[71] Архив Министерства сельского хозяйства УССР, ф. 1, оп. 5, арх. № 11, л. 32.
[72] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 15, ед. хр. 150, л. 209.
[73] Там же, оп. 33, ед. хр. 276, л. 108.
[74] Архив Министерства сельского хозяйства УССР, ф. 1, оп. 5, арх. № 11, л. 33.
[75] «Правда Украины», 10 октября 1944 года.

косьбе вручную составляла 2,3 га [76]. Так же производительно работал И. А. Протак и на уборке урожая в 1945 г., ежедневно скашивая вручную до 2 га [77]. Широкую известность в Ворошиловградской области в 1944 и 1945 гг. завоевал своим самоотверженным трудом на косьбе вручную колхозник Л. Ильинов из артели имени Сталина. В 1944 г. он ежедневно скашивал 1,5 га пшеницы [78], а в 1945 г.— по 2 га и больше, добившись рекордной выработки — 3,27 га за день [79].

Во многих украинских колхозах создавались женские звенья косарей. К ним прикрепляли опытных косарей, которые обучали колхозниц, руководили их работой, отбивали и правили косы. На Одесщине, в Кривоозерском районе, соревновавшиеся между собой женские звенья С. Лесковой и Х. Вдовиченко ежедневно скашивали по 6—7 га пшеницы при норме в 3 га [80]. В артели «12 лет Октября», Кишеньковского района, Полтавской области, 154 колхозницы за день скосили, связали и сложили в копны рожь на площади в 51 га [81].

Во многих артелях и районах была организована круглосуточная уборка и обмолот хлеба. Показательна в этом отношении работа колхозников Васильевского района, Запорожской области. Васильевский райком КП(б)У и райисполком Совета депутатов трудящихся помогали правлениям артелей изыскивать резервы рабочей силы и тягла, правильно расставить людей, четко и продуманно организовать их труд, вели активную и действенную массово-политическую работу среди колхозников.

Косовицу хлебов колхозы начали выборочно. В первые же дни в работу включились косцы. Во всех артелях круглосуточно работали лобогрейки. В результате выработка лобогрейками с упряжкой коров достигла 6—7 га вместо 3 по норме, а с конной упряжкой — 8—9 га при норме в 5 га [82].

Больших успехов в организации труда и сокращении сроков уборки достигли вязальщицы. Так, пожилая колхозница артели имени Щорса, Красноармейского района, Запорожской области, П. Шпак в 1944 г. стала вязать больше тысячи снопов в день, положив этим начало движению тысячниц. В каждом районе и в каждой области было много колхозниц, применявших прогрессивные методы вязки снопов и в несколько раз перевыполнявших нормы. Такие колхозницы связывали от 2 до 5 тысяч и больше снопов за день. Следуя примеру запорожских вязальщиц, колхозница артели «Красная нива», Городокского района, Каменец-Подольской области, З. Богуневич в течение дня связала 3 260 снопов пшеницы с площади 5,5 га, выработав 32 трудодня. Колхозница Е. Халактерна из артели «Октябрь», того же района, связала за день 6 200 снопов [83].

В тех артелях и районах, где была хорошо поставлена политико-массовая работа и умело организовано соревнование, где использовались все трудовые резервы, правильно сочеталась уборка машинами с уборкой вручную, уборочные работы проводились в сжатые сроки. Например, в Васильевском районе, Запорожской области, уборку зерновых было намечено провести за 17 дней, но благодаря трудовой активности колхозников уборка была закончена за 12 дней [84]. В Пятихатском районе, Днепропетровской области, средняя нагрузка пахотной земли на

---

[76] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 15, ед. хр. 30, л. 274.
[77] «Правда Украины», 29 июля 1945 года.
[78] «Правда Украины», 22 июля 1944 года.
[79] «Правда Украины», 4 августа 1945 года.
[80] «Правда Украины», 1 августа 1944 года.
[81] Газета «Зоря Полтавщины», 13 августа 1944 года.
[82] «Правда Украины», 28 июля 1944 года.
[83] «Правда Украины», 23 августа 1944 года.
[84] «Правда Украины», 26 июля 1944 года.

одного трудоспособного колхозника в 1944 г. была в два с лишним раза больше, чем в 1940 г., и составляла 8,5 га (217,9%) и на единицу живого тягла — 7,2 га (218,1%). Несмотря на это, уборка хлебов в 1944 г. была проведена здесь за 17 дней, в то время как в 1940 г. при более благоприятных условиях — за 22 дня [85].

В период уборки сельские районы испытывали затруднения с рабочей силой. Руководящие органы принимали меры для проведения уборки в сжатые агротехнические сроки и оказывали помощь колхозам рабочей силой. Майский пленум ЦК КП(б)У в своем постановлении «Об итогах весеннего сева, подготовке к уборке урожая в 1944 г.» обязал областные комитеты партии командировать квалифицированных рабочих и техников из промышленных центров сроком на полтора — два месяца для помощи МТС и совхозам в полевом ремонте тракторов и комбайнов, а в областях и районах, где не хватало рабочей силы, мобилизовать трудоспособное население городов и сел, а также привлечь учеников старших классов средних школ к уборке урожая [86].

Учитывая потребности МТС, совхозов и колхозов в рабочей силе и квалифицированных работниках, руководящие органы распределяли имевшиеся в областях кадры и трудоспособное население по районам и отдельным хозяйствам. Из городов Днепропетровской области во время уборки урожая 1944 г. в МТС, совхозах и колхозах работало 850 квалифицированных рабочих; из промышленных предприятий Сталинской области было послано 900 специалистов; в Полтавской области в период уборки было занято на селе 47 929 человек, прибывших из городов и районных центров [87].

Мероприятия по оказанию помощи сельским районам горячо поддерживались рабочими и служащими, молодежью. Летом 1944 г. на колхозные поля Украины вышло свыше 960 тыс. пионеров и школьников, выработавших под руководством 26 тыс. учителей более 26 155 тыс. трудодней [88].

Героический труд колхозников Украины дал замечательные плоды. Успешно восстанавливались колхозы и сельскохозяйственное производство.

Весной 1944 г. колхозники Староселья — родины движения пятисотниц — взяли на себя обязательство возродить славу своего села, собрать с каждого гектара 100-пудовый урожай зерновых и по 320 центнеров сахарной свеклы. И они выполнили эти обязательства: на площади 1 583 га собрали по 112 пудов зерновых с гектара и по 373 центнера сахарной свеклы на площади в 100 га [89].

Высокой урожайности добивались не только отдельные колхозы, но и многие районы. Это дало возможность значительно перевыполнить государственное задание по урожайности. В целом по республике при плане по средней урожайности зерновых культур в 1944 г. 9,1 центнера фактически с каждого гектара было собрано 10,8 центнера [90].

Поддерживая патриотическое начинание звеньевой А. Батовой, колхозницы развернули соревнование за выращивание довоенного урожая сахарной свеклы. Многие взяли обязательство дать по 500 центнеров сахарной свеклы с гектара. В целом по республике средняя урожайность составляла 112 центнеров свеклы с гектара [91]. Если учитывать засорен-

---

[85] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 38, ед. хр. 296, л. 20.

[86] «Резолюції Пленуму Центрального комітету КП(б)У 24—26 травня 1944 р.». К. 1944, стр. 14—15.

[87] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1. оп. 33, ед. хр. 304, л. 107; ед. хр. 70, л. 116; оп. 50, ед. хр. 50, лл. 8—9.

[88] «Правда Украины», 14 ноября 1944 года.

[89] «Правда Украины», 11 ноября 1944 года.

[90] Архив Министерства сельского хозяйства УССР, ф. 1, оп. 4, арх. № 36, л. 1.

[91] Там же, л. 151.

ность полей за время оккупации, большое количество вредителей, отсутствие хороших семян и минеральных удобрений и другие трудности военного времени, то эти результаты можно считать вполне удовлетворительными.

К концу войны украинские колхозники достигли значительных успехов в восстановлении посевных площадей, в первую очередь зерновых, овоще-бахчевых культур и картофеля. Так, при освоении в 1944 г. всей посевной площади на 70% [92] площадь посева овоще-бахчевых культур и картофеля была освоена на 79,3%, яровых зерновых — на 72%, технических культур — на 54,3% [93], сахарной свеклы — на 35% [94] от уровня 1940 года. В 1945 г. в республике было освоено 76% довоенных посевных площадей, при этом посевная площадь зерновых составила 84%, сахарной свеклы — 52% [95].

Успешное освоение сравнительно больших посевных площадей, перевыполнение плановой урожайности в 1944 г. дали колхозам республики возможность выполнить государственные обязательства по хлебопоставкам на 100,3%, по натуроплате МТС — на 107,9%, по сдаче хлеба в фонд Советской Армии — на 171,1% [96].

Механизаторы трудились так же самоотверженно, как и колхозники. Несмотря на перебои в снабжении горючим и запасными частями, зачастую работая на изношенных машинах, испытывая недостаток в хорошо подготовленных кадрах, МТС в 1944 г. выполнили государственный план на 102,1%. Правда, обьем проделанной ими работы был значительно меньшим, чем в довоенное время, и составлял 29% по сравнению с 1940 г. [97], но это было вызвано трудностями, связанными с войной.

Из всех отраслей колхозного производства больше всего пострадало от фашистской оккупации животноводство. После освобождения в колхозах Украины было по сравнению с 1941 г. крупного рогатого скота 6,4% (в том числе коров — 2,6%), свиней — 1,9% (в том числе свиноматок — 2,3%), овец — 3,2%, волов — 22%, лошадей — 16% (в том числе рабочих — 14,9%) [98]. Птицеводство в колхозах и совхозах было совершенно уничтожено.

Возрождение животноводческих ферм началось с возвращения колхозам общественного скота, сохраненного населением от конфискации и вывоза в Германию. Однако комплектование ферм в основном производилось путем контрактации и покупки молодняка у колхозников, рабочих и служащих, а также за счет государственной помощи и возвращения эвакуированного скота из восточных областей. На 1 ноября 1944 г. было законтрактовано 1 157 тыс. голов молодняка крупного рогатого скота, 120 600 ягнят, 52 800 поросят [99], а за 1944 и 1945 гг. колхозники передали на фермы в порядке контрактации 2 003 тыс. голов молодняка [100]. За это время количество молодняка в колхозах значительно увеличилось и за счет приплода, полученного на колхозных фермах.

Трудовой героизм колхозного крестьянства, руководство партии и правительства, помощь всех народов СССР освобожденным районам обусловили весьма быстрое восстановление животноводства на Украине. Общее количество продуктивного скота в колхозах возросло за 1944 г. в несколько раз. Количество крупного рогатого скота увеличилось на

---

[92] Там же, арх. № 12, л. 123.
[93] Там же, арх. № 36, лл. 149—150.
[94] «Правда Украины», 30 января 1946 года.
[95] Там же.
[96] Архив Министерства сельского хозяйства УССР, ф. 1, оп. 4, арх. № 12, л. 123.
[97] Там же, арх. № 36, л. 151.
[98] Там же, оп. 18, арх. № 1, л. 87.
[99] Там же, оп. 5, арх. № 10, л. 411.
[100] «Правда Украины», 30 января 1946 года.

761%, свиней — на 582%, овец и коз — на 523% [101]. А в конце 1945 г. на колхозных фермах республики было уже 3/4 довоенного поголовья крупного рогатого скота, 1/3 поголовья свиней, половина поголовья овец и коз и более 40% довоенного количества лошадей [102]. Восстанавливая животноводческие фермы, колхозники одновременно старались повысить продуктивность скота и значительно перевыполнили свои обязательства перед государством [103]. В 1944 г. план мясопоставок был выполнен Украиной на 174,4% [104].

Партийные организации энергично проводили в жизнь постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 декабря 1940 г. «О дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства по УССР». Это решение способствовало более эффективному использованию трудовых резервов, развитию трудовой активности колхозников, направляло их усилия на выполнение и перевыполнение государственных заданий. В 1944 г. дополнительная оплата была начислена в 4 009 колхозах республики (15,2%), ее получили 258 602 члена артелей (5,5%) [105].

Однако в ряде районов и областей (Ворошиловградская, Сумская, Житомирская и др.) земельные органы не уделяли должного внимания вопросам организации и учета труда, недооценивали значение принципа дополнительной оплаты. Задания по урожайности до бригад и звеньев здесь не доводились, затраты трудодней по культурам, закрепленным за звеньями, не определялись, не учитывался полученный урожай [106]. В некоторых районах дополнительная оплата колхозникам не была осуществлена.

Строительство и ремонт производственных зданий и жилых домов колхозников требовали много рабочей силы, тягла и больших средств. Из 590 409 уничтоженных оккупантами жилищ колхозников в 1943 и 1944 гг. было построено 209 313 и в 1945 г.— 127 тыс. домов. Из 155 тыс. производственных построек, разрушенных и уничтоженных фашистами, за 1943 и 1944 гг. было восстановлено 38 533 и за 1945 г.— 44 582 [107].

В 1943 г. по почину колхозников Балаклейского района, Харьковской области, в освобожденных районах развернулось соревнование за продажу государству хлеба и других продуктов из личных и колхозных запасов. Оно превратилось в могучее массовое движение, давшее государству миллионы пудов хлеба. На 1 января 1944 г. колхозники только трех областей: Полтавской, Черниговской и Запорожской,— выполнив государственные планы сдачи зерна и других культур, продали государству около 21 млн. пудов хлеба, много семян подсолнуха, картофеля и овощей [108].

О большой помощи украинского колхозного крестьянства государству и армии говорят следующие данные: из урожая 1943 г. освобожденные области к 20 мая 1944 г. сдали и продали государству 22% хлеба, 34% семян подсолнечника, 78,3% картофеля, если сравнивать с заготов-

---

[101] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 15, ед. хр. 144, л. 52.

[102] Н. С. Хрущев. Мобилизовать все силы на скорейшее восстановление и дальнейшее развитие сельского хозяйства. Киев. 1946, стр. 46.

[103] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ед. хр. 61, лл. 103—104.

[104] Журнал «Пропагандист і агітатор», 1945, № 2—3, стр. 13.

[105] Архив Министерства сельского хозяйства УССР, ф. 1, оп. 4, арх. № 12, лл. 130, 132.

[106] «Правда Украины», 12 ноября 1944 года.

[107] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 15, ед. хр. 429, л. 185.

[108] Подсчитано по материалам партийного архива Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 50, ед. хр. 48, л. 260 и газеты «Советская Украина», 6 января 1944 года.

ками этих культур по всей Украине в 1940 году [109]. Успешно выполнялись планы сдачи государству продуктов животноводства. Значение этой помощи было особенно велико потому, что украинский хлеб и продовольствие находились недалеко от фронта и их можно было доставлять в Действующую армию легче и быстрее, чем из других районов страны.

В ответ на замечательные победы Советской Армии, движимые чувством советского патриотизма, колхозники Украины развернули активную борьбу за досрочное выполнение планов сдачи государству хлеба и других сельскохозяйственных продуктов в 1944 г. и за сверхплановую сдачу продовольствия в фонд обороны. Они обратились ко всем работникам сельского хозяйства СССР с призывом начать всесоюзное социалистическое соревнование за досрочное выполнение государственных планов хлебопоставок и сверхплановую сдачу продовольствия в фонд Советской Армии [110]. Это патриотическое начинание было подхвачено работниками сельского хозяйства всей страны.

В 1944 г. работниками сельского хозяйства Украины было сдано сверх плана в фонд Советской Армии 33 млн. пудов хлеба [111], 16 млн. пудов картофеля [112] и много другого продовольствия. В этом году государство получило от Украины всего на $^1/_3$ хлеба меньше, чем в предвоенном 1940 году [113]. Украинский и Белорусский фронты полностью и бесперебойно снабжались украинским хлебом и имели необходимые запасы до урожая 1945 года. Кроме того, в 1944 г. Украина послала Ленинградскому фронту и населению Ленинграда более 6 млн. пудов хлеба; другим областям СССР было отгружено 5 млн. пудов [114]. Со времени освобождения территории республики от врага по июнь 1945 г. украинские колхозники внесли в фонд Советской Армии 175 млн. пудов хлеба, 1 700 тыс. пудов мяса, более 86 млн. пудов картофеля [115] и много других сельскохозяйственных продуктов.

Самоотверженный труд колхозников Украины был высоко оценен партией и правительством. В 1944 г. Киевской области трижды присуждалось переходящее Красное знамя ГКО с выдачей первой денежной премии, Полтавской — два раза с выдачей второй денежной премии. Правительство СССР отметило хорошее выполнение сельскохозяйственных работ Днепропетровской, Сталинской, Черниговской областями. В 1944 г. Советское правительство присудило Красное знамя также 5 районам и 25 МТС УССР [116].

Успехи, достигнутые украинским колхозным крестьянством, явились результатом трудовой энергии колхозников республики и в первую очередь женщин-колхозниц, которые вынесли на своих плечах основную тяжесть работ. Об этом красноречиво говорят следующие данные: удельный вес трудодней, выработанных трудоспособными колхозницами Украины, в 1944 г. составил 77,2%, а в 1945 г.— 72,2% [117].

Самоотверженным трудом во имя защиты свободы и независимости нашей социалистической Родины колхозники Украины внесли большой вклад в победу советского народа над фашистской Германией.

---

[109] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 13, ед. хр. 660, л. 235.

[110] «Правда Украины», 11 октября 1944 года.

[111] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 13, ед. хр. 683, л. 70.

[112] «Колгоспник України», 30 декабря 1944 года.

[113] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 13, ед. хр. 683, л. 71.

[114] Там же, ед. хр. 660, лл. 52—53.

[115] «Сьома сесія Верховної Ради УРСР. Стенографічний звіт». К. 1946, стр. 126.

[116] Центральный архив Министерства сельского хозяйства СССР, оп. 496, св. 265. д. 14, л. 3.

[117] См. О. П. Канєвський. Указ, соч., стр. 65.

БОРЬБА РАБОЧИХ-ТЕКСТИЛЬЩИКОВ ЗА ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА в 1921—1925 гг.

(ПО МАТЕРИАЛАМ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Н. В. Полякова

Героическая история рабочего класса СССР и его самоотверженной борьбы за повышение производительности труда в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.) привлекает пристальное внимание советских ученых. Этого вопроса касаются авторы ряда монографий, брошюр, статей и кандидатских диссертаций [1]. Борьба рабочих-текстильщиков за повышение производительности труда освещена в перечисленных изданиях весьма кратко. Авторы приводят немало фактов, показывающих повышение производительности труда, не вскрывая при этом причин роста и особенностей борьбы за повышение производительности труда в текстильной промышленности. Специальных исследований на эту тему нет.

Период восстановления народного хозяйства является временем, когда родились такие замечательные формы борьбы за повышение производительности труда, как производственные совещания, производственные конференции, многостаночная работа и другие. Эти формы получили свое дальнейшее развитие в последующие годы социалистического строительства. Многие из них играют важную роль в наши дни в созидательном труде советского народа по строительству коммунизма.

В настоящей статье сделана попытка на примере текстильщиков Москвы и Московской губернии показать борьбу рабочего класса нашей страны за повышение производительности труда в восстановительный период.

★

После победоносного завершения гражданской войны главная задача рабочего класса и всех трудящихся нашей страны состояла в том, чтобы в короткие сроки восстановить разрушенное войной народное хозяй-

---

[1] См. «СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). Исторические очерки». Институт истории АН СССР. М. 1955; Э. Б. Генкина. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922). М. 1954; «История Москвы». Т. VI. М. 1955; А. А. Матюгин, Д. А. Чугаев. СССР в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925). М. 1952; О. М. Лукашова. СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). М. 1951; Л. В. Метелица, А. Л. Угрюмов. Коммунистическая партия в период восстановления народного хозяйства. М. 1958; А. М. Подколзин. Народное хозяйство Советского Союза в восстановительный период (1921—1925 гг.). М. 1958; А. А. Матюгин. Москва в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). М. 1947; Э. Б. Генкина. Возникновение производственных совещаний в годы восстановительного периода (1921—1925) Журнал «История СССР», 1958, № 3; П. И. Лященко. Народное хозяйство СССР в восстановительный период (1921—1925). «Вопросы истории», 1953, № 7; кандидатские диссертации: Т. Ф. Коган. Московские большевики в борьбе за восстановление социалистической промышленности (1921—1925 гг.). М. 1951; В. Д. Малышев. Борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие промышленности (1921—1925 гг.). М. 1954; И. Г. Попов. Борьба московских большевиков за восстановление социалистической промышленности столицы (1923—1925 гг.). М. 1950.

ство, а затем создать тяжелую индустрию — основу основ социалистической экономики. Только индустриализация страны, преимущественное развитие тяжелой промышленности могли дать надежные рычаги для реорганизации всех отраслей народного хозяйства, обеспечить независимость страны и поднять благосостояние трудящихся.

В создании предпосылок для индустриализации страны немалая роль принадлежит рабочим-текстильщикам, в особенности многочисленному отряду — текстильщикам Москвы и Московской губернии.

Для восстановления народного хозяйства страны требовались большие материальные и финансовые средства. Многое зависело от накоплений в промышленности. Быстрее всего в тех условиях их могла дать легкая промышленность. Кроме того, от развития легкой промышленности во многом зависело укрепление хозяйственного союза рабочего класса с крестьянством. Видя заботу Коммунистической партии и Советского правительства об удовлетворении потребностей крестьян в промышленных изделиях, в том числе в тканях, труженики деревни проявляли большую заинтересованность в подъеме сельского хозяйства, расширении запашки земель и увеличении производства сельскохозяйственных продуктов. Вот почему партия так много внимания уделяла восстановлению всех отраслей легкой промышленности, особенно текстильной.

Текстильщики Москвы и Московской губернии являлись в исследуемый период крупным отрядом рабочего класса. По данным всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г., в Московской губернии было сосредоточено 34% и в Москве — 4,8% всех предприятий страны по обработке хлопка [2]. В 1920—1921 гг. в Московской губернии (в том числе и в Москве) находилось около 51% текстильных фабрик РСФСР с числом рабочих 106,6 тыс. чел. [3], или 36% текстильщиков страны.

Удельный вес текстильной промышленности в общем объеме губернской промышленности был также весьма значительным. В 1913 г. стоимость валовой продукции промышленности Московской губернии составляла 1 067 642 тыс. зол. руб. по средним ценам 1913 г.; продукция текстильной промышленности исчислялась на тот же период в сумме 563 599 тыс. зол. руб., или 52% [4]. В Московской губернии находились такие гиганты хлопчатобумажного производства, как Трехгорная и Глуховская мануфактуры, Серпуховские, орехово-зуевские фабрики и другие.

После окончания иностранной военной интервенции и гражданской войны большинство текстильных предприятий находилось в крайне тяжелом состоянии. Многие фабрики бездействовали, помещения их не отапливались, оборудование приходило в негодность, часть квалифицированных рабочих уходила в деревню и т. д. В начале 1921 г. не работало 55% всех текстильных предприятий Московской губернии [5].

Из-за расстройства транспорта не было налажено регулярное снабжение фабрик сырьем: хлопком, шерстью, льном и т. д. Посевы хлопчатника в годы войны резко сократились. Вместо 20 млн. пудов волокна, доставлявшихся из Туркестана в довоенное время, фабрики страны в те годы получали всего лишь 500—600 тыс. пудов [6].

Выработка продукции текстильными предприятиями Москвы была

---

[2] «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года. Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.». М. 1926, стр. 22.

[3] «Фабрично-заводская промышленность гор. Москвы и Московской губернии, 1917—1927 гг.». М. 1928, стр 15; «Народное хозяйство СССР». М.-Л. 1932, стр. 10.

[4] «Фабрично-заводская промышленность гор. Москвы и Московской губернии, 1917—1927 гг.», стр. 15.

[5] «Известия ВЦИК», 12 октября 1922 года.

[6] Газета «Текстильщик, к станку» (орган ВПСТ), 9 июля 1921 года.

чрезвычайно низкой. Хлопчатобумажные фабрики в 1920 г. дали 5,3% продукции 1913 г., льняные — 24,8%, шерстяные — 15% [7].

На крупнейших предприятиях численность рабочих значительно сократилась. На Даниловской мануфактуре в 1921 г. было занято всего 512 чел., в то время как в 1913 г. ее штат составлял 7 тыс. рабочих [8]. На фабриках Орехово-Зуевского объединения (Никольских, Савинской, Ликинской, Дрезненской, Городищенской, Зуевской, Новинской, Подгорной) число рабочих к 1921 г. по сравнению с 1914 г. уменьшилось более чем вдвое [9]. Немало рабочих-текстильщиков погибло в период гражданской войны, защищая завоевания Великого Октября.

О социальном составе текстильщиков имеются лишь косвенные данные. Среди поступивших на работу в текстильную промышленность в 1918—1925 гг. 62,5% являлись выходцами из рабочих и 32,2% — выходцами из крестьян [10]. По данным А. Г. Рашина, среди пришедших в хлопчатобумажную промышленность Московской губернии в 1918—1921 гг. дети рабочих составляли 62,1% и дети крестьян — 33,4% [11]. Таким образом, текстильщики в большинстве своем являлись потомственными пролетариями.

Другой характерной особенностью состава рабочих-текстильщиков являлось наличие среди них значительного процента женщин. Такое положение сложилось еще до революции. В 1913 г. работницы составляли в текстильной промышленности 55,7% [12]. Тогда предприниматели, как правило, систематически заменяли мужской труд женским, так как последний оплачивался почти вдвое ниже. Хозяева учитывали и то, что в общественно-политическом отношении женщины до революции представляли собой менее активную силу, чем мужчины.

Для возрождения промышленности и подъема производительности труда в условиях огромной разрухи и неслыханной нужды, какие царили в стране в 1921 г., необходимо было прежде всего материально обеспечить рабочих. X съезд партии в резолюции «Об улучшении положения рабочих и нуждающихся крестьян», написанной В. И. Лениным, потребовал от всех партийных и советских учреждений немедленно выработать ряд мер по улучшению положения рабочих: «Политика партии должна быть направлена к тому, чтобы в кратчайший срок обеспечить, по крайней мере, для рабочих важнейших центров республики такой паек и такие условия жизни, которые действительно были бы для них стимулом оставаться на фабриках и заводах» [13].

20 марта 1921 г. 2-я сессия ВЦИК приняла решение о создании Центральной комиссии по улучшению положения рабочих [14].

По указанию Центрального Комитета партии такие комиссии стали создаваться и в губерниях. За короткий срок они были образованы повсеместно, в том числе и при президиуме Московского Совета. Возглавлял эту комиссию Ф. Э. Дзержинский. Комиссия провела большую работу по ликвидации продовольственного кризиса в Москве, решению жилищной проблемы, организации яслей, детских садов, бытовому обслуживанию рабочих [15].

---

[7] «Бюллетень МСНХ», 1921, № 11—12, стр. 13.

[8] Газета «Рабочая Москва», 22 июля 1922 года.

[9] «Правда», 11 марта 1921 года.

[10] «Труд в СССР. Справочник 1926—1930 гг.». М. 1930, стр. XIII.

[11] А. Г. Рашин. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М. 1930, стр. 19.

[12] «Социалистическое строительство СССР». Статистический ежегодник. М. 1936, стр. 517.

[13] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1. Госполитиздат. 1953, стр. 565.

[14] «Сборник важнейших постановлений и распоряжений Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета VIII-го созыва (За время с января — ноябрь 1921 г.)». М. 1921, стр. 5.

[15] Партархив МК и МГК КПСС, ф. 3, оп. 2, д. 28, к. 26, л. 33.

Чтобы материально заинтересовать рабочий класс в повышении производительности труда, необходимо было привести зарплату в соответствие с количеством и качеством выработанной продукции. В решениях X съезда партии предусматривалась в качестве одной из мер по улучшению положения рабочих натурализация заработной платы. Совет Народных Комиссаров издал 7 апреля 1921 г. декрет о натуральном премировании рабочих, вводившемся в виде опыта в некоторых важнейших отраслях промышленности, в том числе в текстильной. Отчисления в фонд натурального премирования делались на каждом предприятии в зависимости от роста производительности труда и от фактической сдачи продукции государству [16]. Такая премия являлась дополнением к заработной плате.

Введение натурального премирования было временной мерой, вызванной трудностями восстановительного периода. Оно должно было способствовать сохранению кадровых рабочих и повышению производительности труда. На ряде предприятий рост производительности труда отмечался уже в первые месяцы после введения декрета о натуральном премировании. Указывая на связь натурпремирования с ростом производительности труда, ВЦСПС сообщал в своем отчете: «Натурпремирование было... шагом вперед в области повышения производительности труда и увеличения заработка рабочих» [17].

17 мая 1921 г. СНК принял декрет о порядке отчисления продуктов в фонд натурпремирования, согласно декрету от 7 апреля 1921 г., в соответствии с которым срок действия последнего устанавливался с 15 мая по 30 августа 1921 г. и распространялся на национализированные предприятия: текстильные, спичечные, посудные, крахмало-паточные и некоторые другие [18].

В июне 1921 г. группа предприятий, представлявших особую важность для государства, была переведена на коллективное снабжение. Среди них были и текстильные: Трехгорная мануфактура, фабрики бывш. Иокиш, бывш. Бутикова, Обуховская и Воскресенская [19]. Система коллективного снабжения ставила заработную плату в более тесную связь с производительностью труда по сравнению с натуральным премированием.

В то же время укреплялась и денежная форма оплаты труда. По декрету Совнаркома от 7 апреля 1921 г. «Об урегулировании оплаты труда рабочих» с 1 мая отменялись ограничения приработка при сдельно-премиальной системе [20]. При этом указывалось на необходимость введения упрощенных систем оплаты труда с тем, чтобы рабочим была ясна связь между их производительностью и размером заработной платы.

Важное значение для стимулирования роста производительности труда имел декрет Совнаркома от 10 сентября 1921 г. «Основное положение по тарифному вопросу», в котором говорилось, что увеличение оплаты должно быть связано прямо и непосредственно с увеличением производительности труда, со степенью участия рабочего в развитии производства [21].

В резолюции XI Всероссийской конференции РКП(б) (декабрь 1921 г.) было указано: «Непосредственная заинтересованность рабочего в производстве и в повышении производительности труда должна быть положена в основу тарифной политики и политики снабжения рабочих...» [22]. Решения конференции направили внимание партийных, профсоюзных ор-

---

[16] «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства» (СУ), 1921 г., № 28, ст. 156.

[17] «Отчет Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов за 1921—1922 год (с мая 1921 г. по апрель 1922 г.)». Птгр. 1922, стр. 214.

[18] СУ, 1921 г., № 45, ст. 224.

[19] Московский областной государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (МОГАОР), ф. 627, оп. 2, д. 244, л. 26.

[20] СУ, 1921 г., № 27, ст. 154.

[21] СУ, 1921 г., № 67, ст. 513.

[22] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I, стр. 592.

ганизаций и хозорганов на борьбу за дальнейшее совершенствование системы заработной платы, за улучшение благосостояния рабочих.

Отделом нормирования труда ЦК союза текстильщиков были утверждены сдельные расценки и оклады по тарифным разрядам. В марте 1921 г. на повременной оплате оставалось всего лишь около 4,5% текстильщиков Москвы.

Мероприятия Коммунистической партии и Советского государства по материальному обеспечению рабочего класса, проведенные в 1921 г., явились серьезным фактором в деле увеличения производительности труда в промышленности, в том числе и в текстильной.

Необходимым условием роста производительности труда была подготовка новых квалифицированных кадров. Хотя восстановление народного хозяйства происходило при наличии известной безработицы, ощущалась острая нужда в квалифицированных кадрах, в частности в прядильщиках, ткачах, граверах и других специалистах.

В царской России, где текстильная промышленность представляла одну из наиболее развитых отраслей хозяйства, на 918 тыс. рабочих-текстильщиков имелись лишь две ремесленные школы: Московское прядильно-ткацкое училище, а также школа колористов в Иваново-Вознесенске. Осенью 1919 г. прядильно-ткацкое училище было преобразовано в текстильный техникум с отделениями: прядильным, ткацким, химико-текстильным, текстильного машиностроения, рисования и композиции тканей [23]. Были открыты новые специальные учебные заведения. Уже в начале 1921 г. кадры текстильщиков готовили 5 техникумов, 14 профтехнических школ, 12 учебно-показательных мастерских, 4 профтехнических долгосрочных и более 50 профтехнических краткосрочных курсов [24]. Создание такой сети учебных заведений в то время было серьезным достижением.

Важное значение для подготовки новых кадров рабочих имели решения XI съезда партии. Съезд наметил конкретные меры по сохранению рабочей молодежи на производстве и ее обучению [25].

Московский комитет партии в ноябре 1921 г. принял решение, в котором обратил внимание коммунистов губернии на необходимость развития фабрично-заводского ученичества и обязал фракцию президиума МГСПС совместно с МСНХ, Моспрофобром и представителями союза молодежи разработать вопрос о развитии школ ФЗУ [26]. К 1922 г. они функционировали уже почти при всех крупных фабриках губернии, а на некоторых предприятиях школы были созданы даже при цехах. Так, к лету 1922 г. фабзавучи имелись в каждом цехе Трехгорной мануфактуры [27].

В 1921—1922 гг. при московских текстильных фабриках было создано значительное количество профтехнических школ и курсов. Потребность в них была исключительно большой, так как молодежь 14—15 лет составляла на предприятиях 21,4% от всего числа рабочих [28]. Организацией таких школ и курсов занимались партийные ячейки и уездные комитеты партии. Например, Орехово-Зуевский уком РКП(б) в специальном решении предложил «отделу народного образования разработать проект организации профессионально-технического образования...» [29]. Первый общеуездный съезд Богородской партийной организации постановил «принять все меры к организации вечерних курсов, по возможности на Глуховской фабрике» [30].

[23] «Известия ВЦИК», 2 февраля 1923 года.
[24] Газета «Экономическая жизнь», 2 апреля 1921 года.
[25] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I, стр. 640—642.
[26] Партархив МК и МГК КПСС, ф. 3, оп. 2, д. 28, к. 26, л. 124.
[27] МОГАОР, ф. 627, оп. 2, д. 710, л. 25.
[28] «Бюллетень статистики труда Московской губернии», 1921, № 9—10, стр. 4.
[29] Партархив МК и МГК КПСС, ф. 1673, оп. 1, д. 51, к. 3, л. 4.
[30] Там же, ф. 1614, оп. 1, д. 53, к. 3, л. 4.

Результаты первых шагов в постановке профтехнического образования, осуществлявшиеся в условиях острой финансовой и продовольственной нужды, положительно сказались на росте производительности труда в текстильной промышленности. Ряды квалифицированных рабочих стали увеличиваться.

Важную роль в мобилизации рабочего класса на борьбу за повышение производительности труда сыграли профсоюзы, основные задачи которых были определены в решениях X и XI съездов партии. Осудив взгляды троцкистов, «рабочей оппозиции», децистов и других оппортунистических групп, X съезд потребовал от коммунистов принять активное участие в работе профсоюзов. Московская партийная организация укрепила руководство губернских, уездных и районных профорганов, послав в них на постоянную работу опытных коммунистов.

Коммунистическая партия направила большое количество своих лучших кадров на хозяйственную работу. 26 февраля 1921 г. Московский комитет партии принял решение о мобилизации коммунистов из советских учреждений на работу в профсоюзы и на предприятия. 80% мобилизованных направлялись к станку, на работу в завкомы, 10% — на профсоюзную работу в крупных ячейках и участковых бюро [31]. В связи с пуском текстильных фабрик Орехово-Зуевский уком постановил «в месячный срок пересмотреть вопрос о переброске на фабрики партийных товарищей и правильного их использования, причем признать за принцип посылку не только к станку, а и на административно-хозяйственные должности» [32]. Секретариат Серпуховского укома предложил до минимума сократить формальности при направлении работников из учреждений на производство [33].

Партийные ячейки обеспечивали правильную расстановку коммунистов внутри предприятий. Так, 12 марта 1921 г. ячейка Трехгорной мануфактуры постановила: «Для более тесной связи с массами и для того, чтобы показывать личный пример в работе, раскрепить коммунистов по отделам и мастерским» [34].

Коммунисты шли на самые ответственные участки и, преодолевая трудности, воодушевляли своим личным примером рабочих. Вновь прибывшие значительно укрепили партийные ячейки на текстильных предприятиях.

Большую роль в мобилизации трудящихся-текстильщиков на решение задач, стоявших перед ними, сыграли посещения предприятий руководителями Коммунистической партии и Советского правительства и их выступления перед рабочими. Сохранилось немало воспоминаний рабочих Трехгорной мануфактуры о приезде к ним В. И. Ленина. Владимир Ильич встречался с трехгорцами в Октябрьскую годовщину 1921 г. и в апреле 1922 года. Бывал он на фабрике и прежде. Вот что рассказывала о приезде В. И. Ленина работница Ксения Коненкова: «Ленин был у нас на кухне в 1921 году. Народу пришло очень много. Все хотели его послушать. На печке, на трубах сидели. Даже дети приютские пришли. Был он в темно-зеленом френче, в сапогах. Помню, он Трехгорку приветствовал. Потом говорит: «Как вы в 1905 году боролись и взяли революцию в свои руки, так держите ее теперь в своих руках крепко, как одна семья» [35].

Рабочие Трехгорной мануфактуры встречались у себя на фабрике с М. И. Калининым, А. В. Луначарским, Н. К. Крупской и другими партийными и государственными деятелями.

Важным условием повышения производительности труда в промышленности явилось укрепление руководящих кадров предприятий способ-

---

[31] Там же, ф. 3, оп. 2, д. 23, к. 25, л. 32.
[32] Там же, ф. 1673, оп. 1, д. 51, л. 66.
[33] Там же, ф. 1605, оп. 1, д. 24, св. 2, л. 14.
[34] Там же, ф. 369, оп. 1, д. 6, св. 1, л. 8.
[35] Журнал «Борьба классов», 1932, № 2—3, стр. 94.

ными хозяйственниками, вышедшими из среды рабочего класса. В решениях XI Всероссийской конференции РКП(б) отмечалось, что одна из основных задач профсоюзов в условиях нэпа состояла в выдвижении рабочих-организаторов на посты ответственных руководителей государственных предприятий [36]. Выступая на V Всероссийском съезде профсоюза текстильщиков, М. И. Калинин говорил, что рабочие должны выделять из своей среды администраторов текстильной промышленности для того, чтобы взять текстильное производство в свои крепкие и верные рабочие руки [37].

В первые годы Советской власти была проведена большая работа по смещению с постов директоров — бывших фабрикантов, враждебно относившихся к Советской власти, и передаче руководства фабриками лучшим производственникам из числа наиболее сознательных рабочих. К марту 1923 г. из 212 директоров московских текстильных фабрик по социальному происхождению 82 были рабочими. 85 директоров являлись коммунистами [38].

В целях подъема уровня хозяйственного руководства в конце 1922 г. «Правда» на своих страницах организовала конкурс на лучшего красного директора. Газета печатала материалы о передовых директорах-текстильщиках коммунистах Чистякове (Трехгорная мануфактура), Архангельском (суконная фабрика Москуста), Угарове (Глуховская мануфактура), Янушине (Измайловская фабрика), Горовом (фабрика бывш. Циндель) и других. Регулярно сообщала о работе красных директоров и «Рабочая Москва». Например, газета рассказала об опыте И. Д. Кашинцева, красного директора Ивантеевской фабрики тонких сукон. Совместно с фабкомом директор провел большую работу по улучшению быта рабочих: были отремонтированы жилые дома, оборудованы детские очаги и ясли. Много внимания уделялось производственным вопросам. Уже в 1922 г. выпуск продукции на фабрике достиг 73% довоенного уровня [39].

Новый характер приобрели взаимоотношения администрации с рабочими. Это были отношения взаимной помощи и товарищеского сотрудничества. Вот что писал Ф. Э. Дзержинский об условиях, в которые был поставлен директор социалистического производства. Красный директор, по его словам, «имеет на своей стороне моральную поддержку рабочих масс, и это избавляет его от многих ошибок и неудач, которые были бы неизбежны, если бы он был совершенно одинок» [40].

Определяя пути социалистических преобразований, В. И. Ленин указывал на необходимость «опереться на массу, о б у ч а я ее через передовиков». В другом месте он писал: «Сила примера, которая не могла проявить себя в обществе капиталистическом, получит громадное значение в обществе, отменившем частную собственность на земли и на фабрики...» [41].

Уже в начале 1921 г. на фронте восстановления хозяйства появляются Герои труда — производственники, сильные своей высокой сознательностью, стремлением отдать все силы возрождению промышленности. К середине 1921 г. среди текстильщиков Москвы насчитывалось 50 Героев труда [42].

На основе решений X съезда РКП(б) партийные ячейки и фабзавкомы активно популяризировали опыт лучших производственников.

10 апреля 1921 г. правление Московского губотдела союза текстильщиков создало комиссию по организации чествования отличившихся в труде рабочих, которым присваивалось почетное звание Героя труда. Чество-

[36] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I, стр. 593.
[37] См. «Известия ВЦИК», 7 октября 1922 года.
[38] «Правда», 30 марта 1923 года.
[39] «Рабочая Москва», 13 января 1923 года.
[40] Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения. Т. 2. М. 1957, стр. 22.
[41] «Ленинский сборник» XXIV, стр. 26; В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 179.
[42] «Текстильщик, к станку», 9 июля 1921 года.

вание Героев труда, в большинстве случаев старых, кадровых рабочих, многие из которых являлись членами большевистской партии, проводилось в торжественной обстановке на общих собраниях, конференциях и съездах.

Грамоты, вручавшиеся Героям труда, содержали их производственные характеристики и биографические данные. Например, ткача Алексинской суконной мануфактуры Ф. К. Семенова, начавшего работать в 1895 г., комиссия фабрики характеризовала так: «Примернейший работник, весьма опытный ткач во всех видах ткачества и на всякого рода станках. Самая большая производственная выработка, наивысший процент премии. Прогулов никаких. Безотлучно при машине. Наилучший работник, достойный всякого поощрения»[43].

На Дедовской мануфактуре 100 Героев труда имели в 1922 г. производственный стаж от 25 до 57 лет, среди них рабочие Фомин, Хрипунов, Лапшин, Бусуркин[44]; 12 Героев труда фабрики «Веретено» проработали на производстве от 21 до 37 лет. У Героев труда было много последователей в работе. О лучших людях публиковали большое количество корреспонденций газеты «Правда», «Рабочая Москва» и другие органы печати.

Трудовой героизм московских текстильщиков проявился в их активном участии в субботниках по обеспечению предприятий топливом, сырьем и т. д. Партийная ячейка Трехгорной мануфактуры, например, вынесла решение о том, что каждый коммунист в обязательном порядке должен принять участие в субботнике не менее одного раза в месяц[45]. Коммунисты личным примером увлекали остальных рабочих. Всего коллектив Трехгорной мануфактуры провел в 1921 г. 9 субботников[46].

Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства и самоотверженный труд рабочих-текстильщиков позволили в короткие сроки оживить текстильную промышленность Москвы и столичной губернии и поднять производительность труда. Уже весной 1921 г. вновь зашумели станки на ряде предприятий. С 15 марта начала работать Яхромская прядильно-ткацкая фабрика, долгое время стоявшая из-за отсутствия топлива и сырья[47]. К концу 1921 г. число работавших предприятий в Орехово-Зуеве выросло до 45; все еще стояли 16[48]. Усилиями рабочих были восстановлены Ликинская, Болшевская и Раменская мануфактуры. В 1922 г. вступили в строй Никольские фабрики, Голутвинская и др.

Действующие предприятия расширяли производство. С каждым месяцем возрастало количество работавших веретен. Например, на прядильно-ткацкой фабрике Большой Серпуховской мануфактуры в сентябре 1921 г. их было 20 тыс., в ноябре — 30 тыс., в начале декабря — 40 тыс. веретен[49]. Глуховская мануфактура в 1921 г. расширила производство с 5 тыс. до 20 тыс. веретен[50].

Трудовой героизм текстильщиков, проявленный ими при восстановлении предприятий, высоко оценил М. И. Калинин. Выступая на V Всероссийском съезде профсоюза текстильщиков в 1922 г., он говорил: «В 1855 году, при осаде Севастополя, каждому солдату, участвовавшему в этой осаде, месяц засчитывался за год военной службы. Я думаю, что та работа, та осада, те тяжести и те задачи, которые стояли перед русским рабочим и, в частности, перед рабочими-текстильщиками, не менее велики, чем задачи защитников Севастополя. Я думаю, что эти задачи в десять раз больше, и в соответствии с этим ваше пятилетнее существова-

---

[43] «Рабочая газета», 3 декабря 1922 года.
[44] МОГАОР, ф. 627, оп. 2, д. 731, л. 7.
[45] Партархив МК и МГК КПСС, ф. 369, т. 1, д. 6, св. 1, л. 1.
[46] В. Семенова. Трехгорная мануфактура. М. 1927, стр. 27.
[47] Газета «Труд», 22 марта 1921 года.
[48] Газета «Коммунистический труд», 7 декабря 1921 года.
[49] «Текстильщик, к станку», 14 января 1922 года.
[50] Партархив МК и МГК КПСС, ф. 1614, оп. 19, д. 44, к. 2, л. 99.

ние — мы по праву можем сказать — равняется по крайней мере 50 годам мирного существования и нормального развития профсоюза» [51].

Годовая выработка одного рабочего в хлопчатобумажной промышленности страны в 1922 г. увеличилась против предыдущего года более чем на 80% [52]. Резко возрос объем промышленной продукции, что объяснялось вступлением в строй стоявших ранее станков и машин, возвращением на производство демобилизованных из армии рабочих и т. д.

Важной формой борьбы за повышение производительности труда, родившейся в первые годы восстановительного периода, было снижение накладных расходов. У текстильных трестов и их предприятий существовали чрезмерно большие штаты служащих и громоздкая структура. Например, на фабрике имени Свердлова на 200 рабочих приходилось 57 служащих [53]. Среди работников Богородско-Щелковского треста 45,6% составляли служащие и рабочие, не занятые непосредственно на производстве [54]. Разбухшие штаты имел Орехово-Зуевский трест. В нем было 45 подотделов, часто дублировавших друг друга. Все это приводило в ряде случаев к бюрократическим извращениям и удорожанию себестоимости продукции. Правление приобретало абсолютно ненужные для производства материалы, которые часто хранились на складах незаприходованными. В работе треста имели место злоупотребления.

Московская рабоче-крестьянская инспекция совместно с рабочими-активистами текстильных предприятий провела в 1922 г. ревизию Орехово-Зуевского треста. Ознакомившись с материалами ревизии, ВСНХ решил немедленно заменить состав правления треста и ввести в него хозяйственников-специалистов. Новому правлению было предложено пересмотреть совместно с МРКИ все ранее заключенные договоры, наладить отчетность, сократить штаты, особенно за счет служащих, а также принять предложение МРКИ о привлечении к суду лиц, ответственных за злоупотребления [55].

Чтобы уменьшить накладные расходы, был установлен процент административных, конторских и хозяйственных служащих по отношению к числу производственных рабочих: в хлопчатобумажной, трикотажной и шерстяной промышленности — 9, льняной — 6,8, шелковой — 8,7 и т. д.

В борьбе за снижение накладных расходов активное участие принимали широкие массы рабочих. Этот вопрос обсуждался на общих собраниях рабочих и служащих текстильных фабрик. Нередко рабочие критиковали администрацию за раздувание штатов. На фабрике «Освобожденный труд» имени Петра Алексеева в течение трех месяцев этот вопрос обсуждался на собраниях трижды. Рабочие указывали, что специалисты на фабрике и служащие в тресте зачислялись в штат подчас без всякой на то нужды. Собрание вынесло решение о необходимости контроля над администрацией со стороны рабочих и предложило в дальнейшем «ставить перед рабочими отчет о работе треста и об экономических обстоятельствах треста» [56].

Собрание коммунистов Орехово-Зуевского уезда (1923 г.) рекомендовало руководителям хлопчатобумажного треста сократить обслуживающий персонал [57]. Такие же решения принимались и многими другими коллективами.

Принятые меры позволили к 1 марта 1923 г. снизить процент служа-

---

[51] «М. И. Калинин о профсоюзах». М. 1958, стр. 42.

[52] П. А. Хромов. Очерки экономики текстильной промышленности СССР. М.-Л. 1946, стр. 128.

[53] МОГАОР, ф. 627, оп. 2, д. 1031, л. 1.

[54] «Экономическая жизнь», 10 января 1923 года.

[55] «Известия ВЦИК», 27 июля 1922 года.

[56] МОГАОР, ф. 627, оп. 2, д. 1111, лл. 7, 15, 21.

[57] Партархив МК и МГК КПСС, ф. 1673, оп. 1, д. 59, к. 4, л. 13.

щих в московской текстильной промышленности до 7,9 (в январе 1921 г. он составлял 9,3) [58]. Одновременно проходило сокращение непроизводственных рабочих. Так, в хлопчатобумажном производстве было сокращено 17 372 чел., шерстяном — 3 645, трикотажном — 1 087, смешанных тканей — 501 [59].

Летом 1923 г. была проведена так называемая концентрация текстильных фабрик. Цель этого мероприятия состояла в том, чтобы сохранить прежде всего крупные предприятия и снизить себестоимость тканей. В Егорьевско-Раменском тресте, например, оставлялись фабрики «Красное знамя», «Вождь пролетариата», «Победа пролетариата». Консервации подлежали фабрики бывш. Бардыгина, прядильная бывш. Хлудова и Даниловская ткацкая [60].

Из-за отсутствия сырья была закрыта фабрика бывш. Гюбнер. На предприятии оставался персонал, необходимый для охраны здания. Часть рабочих переводилась на Трехгорную мануфактуру. Туда же передавались запасные части, краски, материалы и товары [61].

Борьба за снижение накладных расходов дала свои результаты. Шестая Московская губернская конференция текстильщиков, состоявшаяся в октябре 1924 г., отмечала, что себестоимость продукции по всем текстильным предприятиям снизилась на 51% [62]. Одна из важных причин столь значительного снижения себестоимости состояла в уменьшении накладных расходов.

Борьба за снижение накладных расходов являлась свидетельством высокой сознательности рабочих, которые относились к производству как к своему родному делу.

Однако, несмотря на принятые меры, себестоимость продукции оставалась все еще высокой, препятствуя снижению цен на товары. Повышенные цены на промтовары сокращали покупательную способность населения, вели к кризису сбыта.

В Москве с марта 1922 по февраль 1923 г. находилось на складах около 380 млн. аршин мануфактуры. Такое положение особенно тяжело отражалось на интересах крестьянства, являвшегося главным потребителем продукции текстильной промышленности. Кризис сбыта грозил нарушить смычку между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством. В решениях XII съезда РКП(б) указывалось на необходимость улучшения сбыта промышленных товаров и уменьшения накладных расходов [63].

Среди мероприятий, направленных на ликвидацию кризиса сбыта, важное место занимали денежная реформа 1924 г. и снижение цен. На текстильные товары они были снижены от 33% до 50% [64]. Особенно большое снижение было осуществлено на шерстяные товары. Фабрики значительно улучшили ассортимент тканей. К этому времени заметно продвинулось вперед восстановление текстильной промышленности, укреплялась ее сырьевая база.

В связи с восстановлением промышленности «распыление» пролетариата прекратилось. В отчетном докладе ЦК XII съезду РКП(б) указывалось, что происходил «процесс собирания пролетариата... Старые рабочие, вынужденные раньше разбрасываться по деревням, вновь притекают к фабрикам и заводам...» [65].

---

[58] «Рабочая Москва», 1 июня 1923 года.

[59] «Московская промышленность в 1922—23 операцион. году». М. 1924, стр. 99.

[60] Газета «Голос текстилей» (орган ВПСТ), 12 июля 1923 года.

[61] «Текстильщик, к станку», 25 июня 1922 года.

[62] «Рабочая Москва», 14 октября 1924 года.

[63] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I, стр. 696.

[64] «Труды совещания производственников в текстильной промышленности». М. 1925, стр. 100.

[65] И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 206.

Количество рабочих-текстильщиков на предприятиях Московской губернии (в том числе Москвы) увеличилось в 1923/24 г. по сравнению с 1920/21 г. в полтора раза и составило 157 тыс. человек [66].

Состоявшаяся в январе 1924 г. XIII конференция РКП(б) отметила в своих решениях, что одной из важнейших задач партии в области промышленности являлась рационализация производства и повышение производительности труда [67]. В связи с этим еще больше возрастала роль партийных и профсоюзных организаций в руководстве производством. В феврале 1924 г. Центральный Комитет партии принял решение «О привлечении ячеек и фабрично-заводских комитетов к участию в производственной работе предприятий». ЦК рекомендовал партийным организациям заслушивать на общих собраниях рабочих доклады руководителей предприятий по вопросу о производственной деятельности; для взаимного обмена опытом работы один — два раза в год созывать производственные конференции представителей ячеек предприятий. Вместе с тем проведение таких конференций не исключало необходимости созыва совещаний по административной и профсоюзной линиям [68].

В 1924 г. при уездных комитетах партии Московской губернии ежемесячно стали созываться совещания коммунистов-хозяйственников, профсоюзного актива, членов бюро ячеек РКП(б) и цеховых парторганизаторов. Роль этих совещаний в руководстве производственной работой фабрик и трестов была огромна. На совещаниях регулярно заслушивались доклады директоров предприятий и представителей трестов, подробно выяснялись и решались вопросы, имевшие важное значение для повышения производительности труда. Участники совещаний вскрывали причины простоев фабрик, недостаточной загрузки оборудования, высокой себестоимости продукции и т. д. Положительный результат давали организованные по почину партийных ячеек посещения рабочими лучших текстильных фабрик и ознакомление с достижениями передовых производственников.

В октябре 1924 г. МК РКП(б) разработал меры, направленные на усиление партийного руководства вопросами борьбы за повышение производительности труда: установление связи партийных ячеек с экономическими комиссиями при губотделах, участие их в подготовке трестовских производственных совещаний, проведение выборочных обследований работы производственных совещаний предприятий и подготовка материала для общемосковского совещания [69].

Важнейшей формой борьбы за повышение производительности труда, развертывание инициативы рабочего класса явились производственные совещания, комиссии и конференции. Их деятельность в текстильной промышленности осуществлялась при неослабном руководстве партийных организаций. Так, в плане работы Орграспреда Московского губкома партии на июль — сентябрь 1924 г. говорилось: «Считать работу производственных совещаний на предприятиях особенно важной. Установить контроль парторганов и профсоюзов над работой производственных совещаний, для чего РК, УК и Губотделам профсоюзов необходимо проявить значительную инициативу для определения надлежащей формы контроля». В плане указывалось на необходимость увязывать работу трестовских производственных совещаний с производственными совещаниями на предприятиях [70].

На совещаниях обсуждались важнейшие вопросы производства: со-

[66] «Фабрично-заводская промышленность гор. Москвы и Московской губернии, 1917—1927 гг.», стр. 15.

[67] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I, стр. 799.

[68] «Справочник партийного работника». Вып. 4. М. 1924, стр. 106—108.

[69] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ) при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 216, д. 518, ч. II, л. 13.

[70] Там же, д. 517/1, л. 132.

стояние оборудования, качество сырья и вспомогательных материалов, топливный вопрос, охрана труда, контроль и учет производства, выполнение производственной программы и многие другие. Регулярно заслушивались доклады директоров о ходе работы фабрик и содоклады мастеров. По докладам задавалось много вопросов, развертывались прения. Выступления рабочих свидетельствовали о том, что они глубоко вникали в производство, проявляли огромную заинтересованность в его улучшении. В принятых на совещаниях решениях определялись сроки устранения вскрытых недочетов и лица, ответственные за это.

Партийные ячейки помогали устранять недостатки в работе производственных кружков и совещаний ряда предприятий, состоявшие, с одной стороны, в вынесении на обсуждение производственных совещаний только вопросов технологии, а с другой — в постановке на обсуждение только бытовых вопросов. Общефабричное бюро партийной ячейки Трехгорной мануфактуры отмечало, например, что «общее направление работы производственной комиссии должно идти не по линии технически-исследовательского изучения процессов производства (эту линию должна вести оргстанция), а по линии выявления инициативы рядовых рабочих по поднятию производительности труда» [71]. Партячейка Первой ситценабивной фабрики подчеркивала, что на фабрике не разграничены функции ячейки научной организации труда и производственного совещания [72].

Производственные совещания созывались также при правлениях трестов. Здесь обсуждались рационализаторские предложения, поступившие с предприятий, обобщался и распространялся опыт работы отдельных производственников. Совещания способствовали активному приобщению рабочих к управлению производством.

В сводке губкома партии о работе производственных совещаний в Москве и губернии сообщались результаты их деятельности на текстильных предприятиях за 1925 год. Так, на Первой ситценабивной фабрике благодаря усовершенствованию, намеченному на производственном совещании, ежемесячная экономия составляла десятки тысяч рублей [73].

Работа производственных совещаний приобрела еще больший размах и целеустремленность, а уровень партийного руководства ими значительно возрос после принятия 15 мая 1925 г. Центральным Комитетом партии постановления «О работе производственных совещаний и производственных конференций». «Практика показала,— отмечал в своем решении ЦК партии,— жизненность производственных совещаний, как массовых организаций, вовлекающих широкие массы рабочих к активному участию в производственной работе предприятий, способствующих упорядочению и развитию производства и повышающих производственную квалификацию рабочих» [74]. Центральный Комитет партии считал основной задачей на ближайший период привлечение большинства рабочих к активному участию в борьбе за повышение производительности труда и улучшение производства. Необходимо было расширить круг вовлекаемых в работу производственных совещаний коммунистов и беспартийных, вносить в эту работу больше плановости и конкретности. ЦК РКП(б) подчеркивал, что партийные ячейки должны тщательно выявлять инициативных рабочих, активно проявлявших себя на производственных совещаниях, и наиболее способных из них выдвигать на административно-техническую работу.

Партийная и профсоюзная печать широко пропагандировала опыт лучших предприятий, критиковала недостатки в работе производственных совещаний и комиссий на некоторых фабриках. Так, «Правда» проанализировала работу производственной комиссии на Первой ситценабивной

---

[71] Партархив МК и МГК КПСС, ф. 369, оп. 1, д. 12, св. 1, л. 65.
[72] Там же, ф. 262, оп. 1, д. 8, к. 1, л. 89.
[73] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 216, д. 515/2, лл. 647—648.
[74] «Справочник партийного работника». Вып. 5. М. 1926, стр. 304.

фабрике. «Главный недостаток,— указывала газета,— состоял в том, что производственная комиссия еще не втянула в свою работу широкий круг производственников, и поэтому она не могла ставить и решать назревших и конкретных вопросов производства». «Правда» показала пути преодоления этого недостатка [75].

Мало было, однако, только развивать активность рабочего класса. Следовало бороться за то, чтобы большинство рационализаторских предложений, высказанных на производственных совещаниях, претворить в жизнь. Многого сумели добиться в этом отношении коммунисты фабрики «Красная Роза». На предприятии было реализовано 80 предложений из 87, внесенных производственниками за 4 месяца 1925 года [76]. Предприятия Кардолентного треста осуществили 85% рационализаторских предложений, внесенных рабочими на производственных совещаниях [77].

Таким образом, производственные совещания являлись важнейшей формой борьбы за повышение производительности труда. Они развивали активность и творческую инициативу рабочего класса, поднимали его культуру.

Значение производственных совещаний в период восстановления народного хозяйства состояло и в том, что они подготовили переход к массовому социалистическому соревнованию в промышленности.

Энтузиазм и самоотверженность рабочих, проявленные ими в борьбе за повышение производительности труда, поддерживались и поощрялись социалистическим государством. Советская власть создавала все необходимые условия для развития творческой инициативы масс. В 1922 г. был принят Кодекс законов о труде, имевший огромное политическое и международное значение. Он регламентировал труд рабочего, устанавливал правила найма, увольнения и техники безопасности. Охрана труда имела особенно важное значение в текстильной промышленности, где некоторые производственные операции являются вредными для здоровья (запыленность воздуха, высокая температура, повышенная влажность, ядовитые испарения и т. д.). В том же году в текстильной промышленности было выделено 210 профессий, работники которых имели право на дополнительный отпуск. ЦК союза текстильщиков в 1922 г. издал инструкцию о порядке реализации постановления СНК «О снабжении рабочих молоком и жирами» [78].

Отделом охраны труда Наркомтруда был составлен список профессий в текстильной промышленности, вредных по условиям труда для женщин и подростков-учеников [79]. Пункт об охране труда являлся постоянным в коллективном договоре профсоюза с предприятиями.

Для дальнейшего развития промышленности необходимо было правильное соотношение между уровнем производительности труда и заработной платы. Однако в 1924 г. обнаружились серьезные диспропорции в этой области, что угрожало интересам государства, противоречило требованиям объективного экономического закона планомерного развития народного хозяйства. Коммунистическая партия не только вовремя подметила это несоответствие, но и указала конкретные пути для его устранения. «Лозунгом дня должно стать, — указывалось в постановлении пленума ЦК РКП(б) «О политике заработной платы» (август 1924 г.),— увеличение производительности труда, расширение производства, удешевление изделий промышленности» [80]. Пленум наметил ряд

---

[75] «Правда», 10 сентября 1925 года.

[76] «Известия ЦК РКП(б)», 1925, № 15—16 (90—91), стр. 17.

[77] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 5457, оп. 9, д. 117, л. 3.

[78] Журнал «Текстильщик», 1922, № 3—4 (38—39), стр. 142—143.

[79] ЦГАОР и СС, ф. 5457, оп. 9, д. 132, лл. 1—13.

[80] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I, стр. 903.

конкретных мер по упорядочению зарплаты и повышению производительности труда.

Большое значение в борьбе за подъем производительности труда в текстильной промышленности имели решения XIII съезда партии. Чтобы укрепить смычку города и деревни, съезд признал необходимым дальнейшее расширение легкой промышленности.

Вопросы повышения производительности труда были в центре внимания VI Всесоюзного съезда профсоюза текстильщиков (ноябрь 1924 г.). М. И. Калинин и Ф. Э. Дзержинский, выступившие на съезде, призвали рабочих к борьбе за уплотнение 8-часового рабочего дня, удешевление производства, за подъем культурного уровня рабочих-текстильщиков.

Одной из форм борьбы за повышение производительности труда, получившей широкое распространение в эти годы, был пересмотр норм выработки. В 1924 г. циркуляром ВСНХ устанавливались новые нормы выработки для рабочих текстильной промышленности. Текстильщики энергично принялись за их внедрение. В результате новые нормы не только выполнялись, но и значительно перевыполнялись многими рабочими. Так, на фабрике «Освобожденный труд» после установления новых норм выработка достигла 127% [81].

Замечательную инициативу, свидетельствовавшую о высокой сознательности и патриотизме, проявили рабочие Старо-Павловской фабрики, принявшие решение о добровольном повышении норм выработки. Они писали: «Мы, рабочие тамбурного и вышивального отдела Старо-Павловской фабрики, узнав о постановлении правления треста о снижении цен на вырабатываемую нами ткань, постановляем добровольно повысить нормы выработки на 10% сверх проведенной фабрикой 7%, в интересах нашего текстильного производства мы желаем еще более удешевить производимые нами товары и сделать их более доступными товарами для крестьян и рабочих. Призываем всех товарищей текстильщиков как Старо-Павловской фабрики, так и других последовать нашему примеру. Все, как один, за поднятие производительности и удешевление себестоимости» [82].

Другой важной формой повышения производительности труда в эти годы явилась борьба за уплотнение рабочего дня. В текстильной промышленности она выразилась в переходе прядильщиц на обслуживание трех сторонок ватерных машин, ткачей — трех станков, банкаброшниц — двух машин.

В январе 1925 г. на Никольских фабриках Орехово-Зуевского треста по уплотненному графику уже работали ткачи на двух тысячах станков. По уплотненному графику трудились также рабочие фабрики «Вождь пролетариата» Егорьевско-Раменского треста, Глуховской мануфактуры, Истомкинской, Павловско-Покровской, Реутовской и Соболево-Щелковской фабрик Богородско-Щелковского треста, часть рабочих Ярцевской фабрики и фабрики «Октябрьская революция».

Переход на работу по уплотненному графику носил планомерный характер и осуществлялся под непосредственным руководством партийных организаций. Коммунисты разъясняли сущность этого перехода и были в первых рядах работавших по новым нормам. Переход на многостаночную работу, как явление новое, встречал подчас сопротивление со стороны части отсталых рабочих и некоторых администраторов. На Первой ситценабивной фабрике рабочий красильного цеха Матвеев по собственной инициативе стал пропускать вместо трех шестерок [83] четыре, а позже — шесть. Это вызвало недовольство мастера и подмастерьев. Инициативу передового производственника поддержал красный директор фаб-

[81] «Рабочая Москва», 15 ноября 1924 года.
[82] ЦГАОР и СС, ф. 5457, оп. 8, д. 1, л. 18.
[83] Шестерка — шесть кусков суровья.

рики Архангельский. Вскоре многие рабочие стали пропускать 4 шестерки и подняли производительность труда на 33% [84].

К 1 октября 1925 г. 43% прядильного оборудования Трехгорной мануфактуры было использовано для работы по уплотненному графику [85].

Необходимо отметить, что на некоторых предприятиях нарушался принцип добровольности, отсутствовала подготовительная работа к организации перехода на многостаночную работу. На Орехово-Зуевском уездном съезде союза текстильщиков (1925 г.) рабочие отмечали в своих выступлениях, что на Дрезненских фабриках некоторые хозяйственные руководители в категорической форме предлагают работать на 3 и 4 сторонках таким рабочим, которые по своей квалификации не могли справиться с этим. Фабзавкомы не обращали должного внимания на факты нарушения добровольности [86].

Принятое ЦК РКП(б) в мае 1925 г. постановление «Партийная и профессиональная работа на предприятиях текстильной промышленности» содействовало исправлению недостатков в руководстве переходом на многостаночную работу. ЦК партии отметил, что переход на три станка на отдельных предприятиях не был достаточно согласован между соответствующими организациями и подготовлен ими. В постановлении указывалось на обязанность руководителей партийных и профессиональных организаций относиться более внимательно к запросам рабочих масс и при проведении тех или иных мероприятий на производстве всесторонне разъяснять их целесообразность и необходимость [87].

Партийные ячейки предприятий, руководствуясь решением ЦК партии, принимали необходимые меры к тому, чтобы внедрение новых форм борьбы за повышение производительности труда осуществлялось на основе широкой разъяснительной работы. Бюро ячейки Трехгорной мануфактуры в июне 1925 г. вынесло, например, следующее решение: «Всякие мероприятия по уплотнению рабочего дня должны проводиться только после проработки их в партийных и профессиональных организациях и широкого разъяснения и проработки на делегатских собраниях рабочих цехов, заинтересованных в проведении их» [88]. «Доклад о переходе на 6 машин принять к сведению и проводить в жизнь, проработав вопрос на делегатском собрании» [89],— постановило собрание ячейки чулочного цеха фабрики имени Баумана. Общее собрание коммунистов фабрик Орехово-Зуевского треста по докладу о производительности труда постановило развернуть агитацию среди беспартийных с тем, чтобы они приняли самое активное участие в улучшении производства [90]. По докладу о работе Ликинской фабрики бюро Орехово-Зуевского укома РКП(б) решило: «Ячейке (Ликинской фабрики.— *Н. П.*) уделить больше внимания на разъяснение рабочим вопроса о поднятии производительности труда, урегулировать вопросы, связанные с переходом на работу на 3 станка и 3 сторонки» [91].

Коммунисты не только руководили борьбой рабочего класса за повышение производительности труда, но своим личным примером показывали образцы работы. Повсюду на предприятиях они были в первых рядах борющихся за рост производительности труда. Ячейка Трехгорной мануфактуры постановила: «Всеми коммунистами в первую очередь должны быть приняты все зависящие от них меры, чтобы своим примером увлечь всех остальных рабочих в практическую борьбу за повышение производительности труда» [92].

---

[84] «Правда», 22 мая 1925 года.
[85] «Краснопресненский трест в 1924—25 году». М. 1925, стр. 17.
[86] МОГАОР, ф. 627, оп. 2, д. 1610, л. 9.
[87] См. «Известия ЦК РКП(б)», 1925, № 27(102), стр. 4.
[88] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 216, д. 519(2), л. 159.
[89] МОГАОР, ф. 627, д. 1197, л. 23.
[90] Партархив МК и МГК КПСС, ф. 1673, оп. 1, д. 102, св. 7, л. 15.
[91] Там же, д. 120, св. 7, л. 7.
[92] Там же, ф. 369, оп. 1, д. 14, св. 1, л. 40.

Многостаночное обслуживание имело своим результатом увеличение выпуска продукции, а также улучшение материального положения рабочего класса. На Вознесенской прядильно-ткацкой фабрике, например, после перехода рабочих на многостаночную работу себестоимость тканей снизилась, значительно уменьшился брак. С января по май 1925 г. брак по угарам уменьшился почти в три раза, простои сократились с 11,1% до 3,65%. Выработка одного рабочего на банкаброшной машине увеличилась на 100%, а заработок — на 35%. Ватерщица и ткач вырабатывали продукции на 50% больше, чем ранее, заработок их увеличился на 25%. Сократилась себестоимость пряжи и суровья [93]. Подобная картина наблюдалась на большинстве текстильных предприятий.

Переходя на многостаночную работу, текстильщики принимали обязательство не только не снижать качество продукции, но и всемерно бороться за его улучшение. Рабочие Болшевской прядильной фабрики приняли решение не допускать брака продукции выше установленного [94]. Общее собрание рабочих Трехгорной мануфактуры постановило: «Основное внимание в ближайший период времени должно быть обращено на улучшение качества товара, чтобы качественность довести до значительного улучшения» [95].

Улучшению качества продукции способствовала и проведенная в 1924 г. стандартизация тканей. По хлопчатобумажной промышленности из 2 626 сортов было сокращено 1 087, то есть 41% [96].

На базе восстановления промышленности и повышения производительности труда выросла заработная плата рабочих. Средний заработок ткача в день по Краснопресненскому тресту вырос с 1 руб. 76,5 коп. на парах до 2 руб. 26,9 коп. на тройках [97]. На ткацкой фабрике № 2 Шелкотреста зарплата увеличилась соответственно с 1 руб. 65 коп. до 2 руб. 23 коп., то есть на 35,1% [98]. Так повышение производительности труда, происходившее в годы восстановления народного хозяйства в различных формах, содействовало улучшению материального положения рабочего класса.

Важную роль в организации текстильщиков на борьбу за повышение производительности труда сыграли профессиональные союзы, которые к концу восстановительного периода выросли количественно и значительно окрепли. Заметно увеличились ряды профсоюза текстильщиков. С 1 октября 1923 г. по 1 октября 1925 г. количество членов союза по Москве и Московской губернии выросло с 182 411 до 267 040 человек [99]. Укрепилось партийно-комсомольское ядро союза. В фабрично-заводских комитетах Москвы в 1924 г. коммунисты и комсомольцы составляли 52,6%, в 1925 г.— 50,9% [100]. Важным показателем активизации работы профсоюза текстильщиков явилось вовлечение в его ряды женщин. В 1925 г. текстильщицы Московской губернии составляли 54,1% от числа членов профсоюза [101]. К январю 1924 г. в фабкомах текстильных фабрик Москвы работниц было 30% и в Московской губернии — 21% [102].

Росту производительности труда способствовала большая работа, проводимая Советским государством по повышению общеобразовательного уровня и профессиональной подготовки рабочего класса. Партия придавала большое значение обучению кадров, особенно из числа молодых

---

[93] МОГАОР, ф. 627, оп. 2, д. 1197, лл. 54, 58.
[94] Там же, д. 1621, л. 14.
[95] Партархив МК и МГК КПСС, ф. 369, оп. 1, д. 28, св. 1, л. 32.
[96] «Труды совещания производственников в текстильной промышленности», стр. 98.
[97] ЦГАОР и СС, ф. 5457, оп. 9, д. 108, л. 28.
[98] Там же, л. 54.
[99] «Труд в Московской губернии 1923—1925 гг.». М. 1926, стр. 278; «Труд в Москве и Московской губ. в 1924—1925 гг.». М. 1926, стр. 4.
[100] «Бюллетень статистики труда», 1925, № 7, стр. 5.
[101] «Труд в Москве и Московской губ. в 1924—1925 гг.», стр. 7.
[102] «Голос текстилей», 7 марта 1924 года

рабочих. Выступая на VI Всесоюзном съезде профсоюза текстильщиков, М. И. Калинин говорил, что повышение культурного уровня текстильщиков является необходимым условием роста производительности труда [103]. К концу восстановительного периода еще более выросла сеть школ фабрично-заводского ученичества, профтехнических курсов, большое распространение получила система бригадного и индивидуального ученичества.

В 1924 г. была расширена школа фабрично-заводского ученичества в одном из крупнейших районов текстильного производства — Орехово-Зуеве. В секции по ткачеству обучалось 240 чел., по прядильному производству — 200, по механическому — 105, по красильному — 105 [104]. В том же году 25% молодых текстильщиков губернии были охвачены бригадным и индивидуальным ученичеством, в 44 профтехнических школах обучалось 4 077 молодых рабочих [105]. Большое развитие получила такая форма обучения на предприятиях, как прикрепление подростков к старым производственникам. В течение года каждый кадровый рабочий обучал нескольких учеников. К концу восстановительного периода 75% молодых текстильщиков были охвачены разнообразными формами профессионально-технического обучения. Принимались меры к тому, чтобы охватить учебой 100% молодежи, работавшей в текстильной промышленности. Старые производственники повышали свою квалификацию в профтехнических школах и на курсах. Большим достижением в подготовке квалифицированных кадров явилось активное вовлечение в учебу женщин-текстильщиц. Если в 1924 г. на профтехнических курсах и в школах фабзавуча занималось 22% женщин, работавших на московских текстильных фабриках, то в 1925 г. этот процент вырос до 36 [106].

Рабочие-текстильщики, успешно окончившие школы фабрично-заводского ученичества и профтехнические курсы, поступали на рабфаки и в вузы. В 1923 г. общественные организации предприятий города и губернии командировали в Московский текстильный институт 35 чел., на рабфаки 84 чел., в другие вузы поступило 220 текстильщиков [107]. Важную роль в подготовке квалифицированных кадров для текстильной промышленности имела реорганизация текстильного техникума в текстильный практический институт и перевод его в мае 1923 г. в разряд вузов.

Достигнутое в 1921—1925 гг. значительное увеличение выпуска текстильной продукции не удовлетворяло полностью потребности в тканях. Большое внимание вопросу дальнейшего развития текстильной промышленности в губернии уделил пленум Московского комитета партии, состоявшийся в марте 1925 года. Он признал необходимым расширение производства до максимальных размеров путем загрузки уже работавших фабрик. Одновременно пленум рекомендовал пустить законсервированные фабрики, пригодные для возобновления работы [108].

Наступило время, когда текстильная промышленность не могла развиваться на основе старого оборудования. Для того, чтобы успешно решить задачу расширения промышленности и дальнейшего роста производительности труда, необходимо было всемерно развивать тяжелую индустрию, обновить основной капитал в легкой промышленности. Принятый XIV съездом партии курс на социалистическую индустриализацию страны сыграл решающую роль для дальнейшего успешного развития социалистической экономики.

В восстановительный период были достигнуты значительные успехи в развитии текстильной промышленности. Московские текстильщики доби-

---

[103] «Голос текстилей», 22 ноября 1924 года.
[104] «Голос текстилей», 26 сентября 1924 года.
[105] «Голос текстилей», 25 апреля 1924 года.
[106] «Голос текстилей», 17 февраля 1925 года.
[107] МОГАОР, ф. 627, оп. 2, д. 1088, л. 2.
[108] Партархив МК и МГК КПСС, ф. 3, оп. 6, д. 24, к 57, л. 3.

лись в 1925 г. довоенной производительности. Средняя выработка одного рабочего (в довоенных рублях) в 1925/26 г. достигла 2 233 руб.; в 1913 г. она составляла 2 234 рубля [109].

Выработка продукции текстильной промышленностью Москвы и губернии к концу восстановительного периода составила 97,5% к уровню 1913 г. [110], а численность рабочих достигла 97,5% довоенного уровня [111]. В 1925—1926 г. текстильная промышленность Москвы и губернии давала продукции на сумму 549,4 млн. зол. руб. (по ценам 1913 г.) [112].

Повышение производительности труда в текстильной промышленности имело важное значение для народного хозяйства страны, в частности для развития тяжелой индустрии. Текстильная промышленность дала государству большую прибыль, что позволило создать известные накопления, в дальнейшем использованные для расширения производства средств производства.

Советское государство получило возможность отправить в деревню значительное количество мануфактуры, что способствовало развитию товарооборота, расширению внутреннего рынка, укреплению союза рабочего класса с крестьянством.

В 1924/25 г. текстильная промышленность выпустила 1 523 млн. м хлопчатобумажной продукции [113]. Значительная часть тканей направлялась в районы с крестьянским населением. Так, в 1925/26 г. отделениями и магазинами Всероссийского текстильного синдиката на Украине было продано хлопчатобумажных товаров на 101,7 млн. руб., на Северном Кавказе — 71,8 млн. руб., в Поволжье — 50,9 млн. руб., в Сибири — 60,4 млн. руб. [114] и т. д.

Указывая на причины успехов рабочего класса, Ф. Э. Дзержинский на III Всесоюзном съезде Советов сказал: «Если спросить себя, как мы достигли того уровня и тех успехов, которые мы имеем, то необходимо сказать, что успехом в отношении производительности труда мы обязаны почти исключительно... сознательности и воле рабочего класса» [115].

Рабочие-текстильщики, добившись повышения производительности труда, сделали важный шаг вперед по пути строительства социалистического общества.

В настоящее время в СССР производится хлопчатобумажных и шелковых тканей больше, чем в любой из западных капиталистических стран, за исключением США. По количеству производимых шерстяных и льняных тканей Советский Союз занимает первое место в мире. Семилетним планом предусматривается увеличение производства всех тканей в 1,4 раза. По объему производства тканей наша страна значительно приблизится к Соединенным Штатам Америки, а по выработке шерстяных тканей превзойдет современный уровень США в 1,8 раза [116].

Грандиозная программа коммунистического строительства, разработанная XXI съездом КПСС, предусматривает такие темпы роста производительности труда, каких еще не знала история. Повышение производительности труда должно дать к концу семилетки три четверти прироста всей промышленной продукции [117].

---

[109] «Фабрично-заводская промышленность гор. Москвы и Московской губернии, 1917—1927 гг.», стр. 23.

[110] Там же, стр. 15.

[111] Там же.

[112] Там. же.

[113] «Социалистическое строительство СССР», стр. 22—23.

[114] «Материалы по статистике торговли текстильной синдицированной промышленности за 1925/26 г.». М.-Л. 1927, стр. XVIII.

[115] Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения. Т. 2, стр. 152.

[116] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. I. М. 1959, стр. 165.

[117] «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС». М. 1959, стр. 36.

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Академик С. Д. Сказкин, А. Н. Чистозвонов

Осуществление величественной программы построения коммунистического общества в нашей стране, начертанной в исторических решениях XXI съезда КПСС, требует от работников советской науки активизации исследовательской деятельности. Это относится как к естественным и техническим, так и гуманитарным наукам.

В тезисах ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране» отмечается, что «должно быть всемерно усилено внимание к гуманитарным наукам, значение которых непрерывно возрастает» [1]. Новые задачи требуют и новых организационных форм, призванных обеспечить разработку ведущих проблем гуманитарного цикла в целом и исторических наук в частности.

Важные и интересные соображения о реорганизации структуры исследовательских институтов и улучшении координации исследований изложены в статье члена-корреспондента АН СССР В. А. Кириллина, опубликованной 13 марта 1959 г. в газете «Правда». Президиумом АН СССР уже предпринят ряд практических мер по совершенствованию структуры отраслевых институтов: определен круг ведущих проблем по различным отраслям науки, рассмотрены перспективные планы, наконец, созданы новые организационные формы в целях лучшего изучения основных вопросов в каждой отрасли знаний. К этим органам принадлежат научные советы по проблемам. В Институте истории АН СССР также создан ряд советов по проблемам: генезис феодализма, генезис капитализма, кризис и распад колониальной системы в эпоху империализма, история Великой Октябрьской социалистической революции и другие.

Бюро Отделения исторических наук АН СССР в своем решении постановило усилить работу научных советов по важнейшим направлениям и проблемам, повысить их роль в планировании исследований и координации научной работы.

На годичном собрании АН СССР также обращалось значительное внимание на активизацию работы научных советов по проблемам. Решение общего собрания АН СССР возложило на научные советы разработку перспективных планов по соответствующим проблемам, анализ и проверку их выполнения научно-исследовательскими учреждениями, осуществление информации по координируемым вопросам, обсуждение хода работ, определение основных направлений исследований и т. д. В решении подчеркивалось, что свое влияние на развитие научных исследований научные советы по проблемам должны осуществлять через представителей научных учреждений, входящих в их состав. В задачу советов входит также подготовка предложений по тематике научных исследований и со-

---

[1] «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране». Тезисы ЦК КПСС и Совета Министров СССР. М. 1958, стр. 41.

ответствующих рекомендаций исследовательским организациям. В свете этих больших задач представляется целесообразным рассмотреть результаты деятельности некоторых научных советов.

Задача авторов настоящей статьи заключается в том, чтобы на основе анализа современного состояния исследования генезиса капитализма и учета практики нашего Научного совета высказать ряд соображений о перспективах исследовательской работы в этой области и месте совета в ее организации.

С нашей точки зрения, создание таких органов, как научные советы по проблемам, давно диктуется потребностями практики. В некоторых зарубежных странах уже существуют так называемые межуниверситетские центры, призванные осуществлять координацию исследовательской деятельности по социально-экономическим проблемам, связанным с зарождением и развитием капитализма в Европе. Значение таких форм организации научной работы представляется особенно важным в социалистических странах, где вся экономическая и культурная жизнь строится на плановых началах. К этим выводам приводит и анализ состояния науки по рассматриваемой проблеме. За 25 лет, прошедших со времени опубликования постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома «О преподавании гражданской истории в школах СССР», которое сыграло решающую роль в разгроме антиисторической концепции М. Н. Покровского и его школы и способствовало развитию исторической науки, советскими учеными сделано немало: решены многие крупные и сложные вопросы, вышло в свет большое количество капитальных монографий, локальных исследований, исследовательских статей, а также ряд обобщающих трудов. Это в равной мере относится и к изучению вопросов генезиса и развития капитализма.

★

Генезис капитализма представляет собой комплекс сложных проблем. Отправным моментом для их исследования является установление факторов, обусловивших переход от феодализма к капитализму, а это сопряжено с определенным уровнем развития производительных сил, степенью разложения феодальных производственных отношений и феодальной собственности, прежде всего земельной.

Как известно, огромную роль в ускорении перехода от феодальных производственных отношений к капиталистическим играл процесс первоначального накопления капитала, сущность которого сводится к отделению непосредственных производителей от средств производства и сосредоточению их, а также денежных богатств в руках численно небольшой, но экономически могущественной группы лиц.

Разработав теорию первоначального накопления на классическом английском примере, К. Маркс подчеркивал, что применительно к другим странам этот процесс приобретает «различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи»[2]. В разных странах с наибольшей отчетливостью выявляются не обязательно одни и те же стороны процесса, а различные, в зависимости от местных экономических, исторических и прочих условий.

Возникновение капиталистических отношений происходило в недрах феодального общества и органически переплеталось с процессом первоначального накопления. Этот процесс охватывал все сферы социально-экономической жизни. На базе широкого развития товарного производства и товарно-денежных отношений на развалинах средневекового цехового строя возникла капиталистическая мануфактура. Система феодальных держаний и парцеллярного мелкокрестьянского землевладения уступила место капиталистической аренде и капиталистически-предприни-

[2] К. Маркс. Капитал. Т. I. М. 1955, стр. 721.

мательскому фермерскому хозяйству. Локальные рынки развивались сна чала в национальные, а затем и во всеобъемлющий мировой рынок. По явились колонии и колониальное хозяйство, банки и банковский кредит вместо средневекового ростовщичества.

На базе этих изменений в экономической области менялась и соци альная структура общества: отмирали и разлагались отдельные социаль ные прослойки и традиционные сословия, формировались новые классы — буржуазия и пролетариат. Соответствующие изменения претерпела и по литическая надстройка: сословную монархию периода развитого феода лизма сменила монархия абсолютная. Глубокие изменения в социально экономической структуре общества привели к возникновению новых, про грессивных форм идеологии и обострению непримиримых классовых про тиворечий, находивших свое выражение в ранних буржуазных революци ях. Эти революции ниспровергли феодальный строй, привели производ ственные отношения в соответствие с уровнем развития производительных сил и утвердили политическое господство буржуазии, в условиях которого капиталистический строй получает завершенные формы.

Таков в самых общих чертах круг основных вопросов генезиса капи тализма. Советские историки проделали значительную работу по изуче нию этого комплекса. Медиевистами и историками нового времени созда ны труды по истории экономического развития Англии в XVI—XVII вв., истории английской буржуазной революции XVII в., английской колони альной империи [3]; исследован ряд важных сторон зарождения и развития капиталистических отношений во Франции, Германии, Италии [4]. Проде лана известная работа по изучению экономического развития Нидерлан дов в первой половине XVI в. и истории нидерландской буржуазной ре волюции 1566—1609 годов [5].

Советские слависты, занимающиеся историей Польши, Чехослова кии, Болгарии, Югославии, написали несколько исследований, связанных в той или иной мере с изучением капиталистических отношений [6]. Менее

---

[3] С. И. Архангельский. Аграрное законодательство великой английской революции. Чч. I—2. М.-Л. 1935—1940; В. Ф. Семенов. Огораживания и крестьян ские движения в Англии в XVI в. (Из истории обезземеления крестьян в Англии.) М.-Л. 1949; В. В. Штокмар. Очерки по истории Англии XVI в. Л. 1957; «Англий ская буржуазная революция». Тт. I—II. Под редакцией Е. А. Косминского и Я. А. Ле вицкого. М. 1954; В. М. Лавровский, М. А. Барг. Английская буржуазная революция. М. 1958, В. М. Лавровский. Проблемы исследования земельной соб ственности в Англии XVII—XVIII вв. М. 1958.

[4] М. А. Покровская. К вопросу экономической политики французского абсо лютизма первой половины XVI века. Сборник «Средние века». Вып. VII. М. 1955; М. А. Молдавская. Зарождение капитализма в книгопечатном производстве во Франции в первой половине XVI века. Сборник «Средние века». Вып. VII. М. 1955; Т. П. Воронова. Социально-экономические отношения и классовая борьба в Лионе в первой половине XVII века. Сборник «Средние века». Вып. VII. М. 1955; В. В. Сто клицкая-Терешкович. Немецкий город в эпоху Крестьянской войны. «Вестник Московского университета». Серия общественных наук. 1950. № 4; В. А. Ермолаев. Франконский город в Крестьянской войне 1525 г. Сборник «Средние века». Вып. V. М. 1954; М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьян ская война. 2-е изд. М. 1955; «Очерки истории политической борьбы в Германии пере Реформацией». М. 1952; В. И. Рутенбург. Очерк из истории раннего капитализ ма в Италии. М.-Л. 1951; «Народные движения в городах Италии XIV — начала XV в.» М.-Л. 1958; А. Д. Ролова. Экономический строй Флоренции во второй половине XV и в XVI в. Сборник «Средние века». Вып. VIII. М. 1956.

[5] А. Н. Чистозвонов. Гентское восстание 1539—1540 гг. М. 1957; Его же Нидерландская буржуазная революция. М. 1958.

[6] Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов 1957; И. И. Костюшко. Разложение феодальных отношений и развитие капита лизма в сельском хозяйстве Царства Польского. «Ученые записки» Института славя новедения. Т. X. 1954; «Развитие капитализма и кризис феодально-крепостнически отношений (Царство Польское в 30-х — начале 60-х годов XIX в.)»; В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-Русском государстве. М. 1958 «История Польши». Тт. 1—3. М. 1954—1958; «История Чехословакии». Т. I. М. 1956 И. И. Удальцов. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии

значительны результаты, достигнутые в изучении развития капиталистических отношений в странах американского континента.

Начата разработка истории капитализма в странах Востока: Китае, Индии, Японии.

Специалистами по истории народов СССР, занимающимися исследованиями социально-экономической истории XVII—XIX вв., написано большое количество серьезных монографий по истории различных отраслей промышленности, отдельных предприятий, капиталистических мануфактур и фабрик, подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г. и др.[7]. Созданы труды по истории отдельных крупнейших городов: Москвы, Ленинграда и др. Проделана также известная работа по подготовке к изданию и публикации источников, относящихся к проблеме генезиса капитализма[8]. Завершен ряд исследований и по истории классовой борьбы в России в XVII—XIX веках[9].

Однако итоги исследования проблемы генезиса капитализма во всемирном ее охвате ни в какой мере нельзя считать удовлетворительными. Даже генезис капиталистических отношений в Англии, по истории которой у нас написано наибольшее количество работ, изучен недостаточно. В частности, в подробном освещении нуждаются ранние огораживания конца XV — первой половины XVI в., крестьянское движение времен английской буржуазной революции, огораживания XVIII—XIX вв., развитие английской капиталистической мануфактуры в XVI—XVII вв. и др.

Что же касается других европейских стран, то историками СССР и государств народной демократии изучены лишь отдельные вопросы. Не освещены процесс первоначального накопления и аграрная история Франции XVI—XVII вв.; дискуссионными остаются вопросы, связанные с ранним капитализмом в Италии и Нидерландах, с оценкой социально-экономического развития Германии накануне Реформации и Крестьянской войны 1525 г., с путями эволюции цехового строя в XVI—XVII вв. и т. д. Не исследованы формы и специфика первоначального накопления в Испании и Португалии. Мало написано у нас трудов по истории промышлен-

---

1848 г. М. 1957; «История Болгарии». Тт. 1—2. М. 1954—1955; И. С. Достян. Социально-экономические отношения в сербской деревне накануне восстания 1804 г. «Ученые записки» Института славяноведения. Т. VI. 1952; «Борьба сербского народа против турецкого ига в XV—XIX в.». М. 1958.

[7] И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в. М.-Л. 1950; П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в. М. 1947; Д. Кашинцев. История металлургии Урала. М.-Л. 1939; Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVII—XVIII вв. М.-Л. 1949; «Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в.». М. 1958; Д. Бабурин. Очерки по истории мануфактур-коллегии. М. 1939; Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М. 1953; Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М. 1957; С. Г. Струмилин. История черной металлургии СССР. Т. I. М. 1954; Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа Киселева. Т. I. М. 1946; Т. II. Реализация и последствия реформы. М. 1958.

[8] «Материалы по истории крестьянской промышленности». Тт. 1—2 М. 1935—1950; «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства в первой четверти XVIII века». М. 1951; «Материалы по истории крестьянских волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.». М. 1937; «Крестьянская реформа в России 1861 года». М. 1954; «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». М. 1954—1957. Отдельные публикации по данной тематике имеются также в выпусках 4—10 «Исторического архива» за 1949—1954 годы.

[9] К. В. Сивков. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в. М. 1951; К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве 1662 г. М.-Л. 1936; «Городские восстания в Московском государстве XVII в.». М.-Л. 1936; М. А. Горловский и А. Н. Пятницкий. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск. 1954; В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество. Киев. 1957; Н. Б. Голикова. Политические процессы в царствование Петра I. М. 1957; П. К. Алефиренко. Крестьянское хозяйство и крестьянские движения в России 30-х — 50-х гг. XVIII в. М. 1958.

ного переворота, об экономическом развитии европейских стран в XVIII— начале XIX века. Явно недостаточно изучен весь комплекс вопросов генезиса капитализма в странах Восточной Европы.

Наши историки последние годы стали активнее разрабатывать экономическую историю России XVII — XIX веков. Однако важнейшие, принципиальные вопросы периода генезиса капитализма до сих пор еще не решены; более того, до настоящего времени ведутся горячие споры о том, как их ставить и в каком направлении вести изыскания. Разногласия в этой области имеются между исследователями истории СССР, с одной стороны, и специалистами по всеобщей истории — с другой.

Изучение русской капиталистической промышленности в пореформенный период только начато; пока освещены отдельные вопросы истории складывания общероссийского внутреннего рынка. Очень мало трудов имеется по истории формирования русской буржуазии, русского города в период развития капитализма, по истории русского рабочего класса и т. д.

К изучению проблемы генезиса капитализма в странах Востока советские историки только приступают. Эта работа, к сожалению, ограничивается пока лишь постановкой вопросов.

Активизация исследований генезиса капитализма особенно необходима и в связи с тем, что буржуазная историография в последние годы уделяет большое внимание данной проблеме, имея своей главной целью скомпрометировать основные достижения марксистской исторической науки в этой области. Пропагандируя теорию извечного существования капитализма и его «народного» характера, буржуазные историки вовсе не ограничиваются злободневными, конъюнктурными темами, а стремятся обосновать свои апологетические взгляды «историческим» опытом. Они пытаются доказать, что капиталистический способ производства якобы укрепился в странах Западной Европы уже в XIV в.; отрицают процесс первоначального накопления, утверждая, что капитализм с самого начала вырастал из «трудолюбия и бережливости»; отвергают наличие промышленного переворота; проповедуют идеи классового мира; старательно выхолащивают социальное содержание ранних буржуазных революций, представляя их в качестве движений по преимуществу политических; изображают переход от феодального к капиталистическому способу производства в виде мирного, эволюционного процесса.

Последние годы буржуазные историки и экономисты деятельно занимаются исследованием истории развития производительных сил и техники в период перехода от феодализма к капитализму как в области ремесла, так и в области сельского хозяйства. Эти исследования, однако, ведутся тенденциозно: эволюция производительных сил и техники рассматривается в отрыве от изменения производственных отношений; буржуазные ученые всемерно подчеркивают незначительность развития техники и агрикультуры в переходный период. На этой базе делается вывод, что развитие производительных сил и техники якобы не является определяющим моментом для тех социальных и политических изменений, которые совершались в период развития капитализма. Всем своим острием эта концепция направлена против марксистской теории о закономерности смены общественно-экономических формаций и определяющем значении производительных сил и производственных отношений в развитии человеческого общества. Пропаганда подобных взглядов ведется не примитивно-декларативным путем; ей придается респектабельная форма солидных научных исследований, основанных на привлечении новых источников. Буржуазные фальсификаторы истории пытаются доказать, что выводы классиков марксизма-ленинизма «устарели», так как они-де были основаны на использовании потерявших свое значение материалов, несовместимых якобы с современным уровнем развития исторической науки. Поэтому наша критика буржуазно-модернизаторских извращений истории

генезиса капитализма должна быть веской и убедительной, основанной на солидной исследовательско-монографической базе. Историки СССР, например, располагают исчерпывающими архивными фондами и другими благоприятными условиями для плодотворной работы.

★

Из этого краткого обзора можно заключить, что в области исследования проблемы генезиса и развития капитализма наряду с несомненными достижениями имеется и ряд существенных недочетов. Причиной многих недостатков является распыленность сил, неэффективность существующих методов координации исследовательских работ и, что особенно тревожно, известное притупление интереса к созданию обобщающих теоретических исследований, подводящих итоги научной разработки кардинальных проблем исторического процесса. То, что написано в этой области за последние годы, не выходит обычно за рамки учебной литературы или коллективных трудов научно-популярного характера.

В этой связи необходимо отметить, что при написании, например, «Всемирной истории» авторский и редакционный коллектив столкнулся с очень большими трудностями, главной причиной которых была запущенность разработки ряда важных в теоретическом отношении проблем не только по истории нового и новейшего времени, но и по истории первобытно-общинного строя, рабовладельческой и феодальной формаций.

Весьма существенные расхождения в мнениях между исследователями истории СССР и истории средних веков выявились в вопросе о характере первоначального накопления и путях развития капитализма в России и в странах Восточной Европы. Медиевисты рассматривают вторичное закрепощение в странах Восточной Европы как проявление феодальной реакции, а создание вотчинных и посессионных мануфактур — как попытку феодалов при помощи этих и им подобных мер укрепить свое экономическое и политическое господство, не затрагивая основ существующего строя. Часть специалистов по истории народов СССР склонна оценивать эти явления в качестве неких своеобразных путей первоначального накопления и развития капитализма на базе крепостничества. Понятно, что интересы дальнейшего развития советской исторической науки требуют быстрейшего решения подобных дискуссионных вопросов по кардинальным проблемам. Именно эта задача и является, по нашему мнению, основной, и ее в первую очередь должен решать Научный совет по проблеме генезиса капитализма.

В состав совета включены 25 специалистов из исследовательских институтов и высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева и других городов Советского Союза, работающих в области отечественной и всеобщей истории, а также истории феодализма и нового времени в странах Европы, Америки и Востока. Со времени создания совета прошло полтора года; накоплен уже некоторый положительный опыт, определились успехи и недочеты, наметились перспективы дальнейшей работы.

Совет начал свою деятельность с выпуска в свет справки по проблеме генезиса капитализма. В ней было охарактеризовано состояние исследований в этой области, намечены главные направления, собраны и систематизированы сведения о работах, ведущихся в исследовательских институтах, высших учебных заведениях и других научных учреждениях. Отклики на эту справку свидетельствуют о большом интересе специалистов как к самому факту создания совета, так и к его деятельности. Наряду с одобрением организации совета в письмах содержатся предложения о включении в план исследований новых тем, заявки на постановку научных докладов на заседаниях совета, просьбы о регулярной информации, а также о вызовах специалистов с периферии для принятия участия в обсуждении тех или иных докладов и т. д.

На заседаниях совета в 1958—1959 гг. был заслушан ряд докладов по вопросам социально-экономической истории периода генезиса капитализма в странах Европы и в России. К числу их относятся доклады: академика С. Д. Сказкина «К вопросу о так называемом втором издании крепостничества в Средней и Восточной Европе»; кандидата исторических наук Н. И. Павленко «Происхождение капиталов, вложенных в металлургию России в XVIII в.»; доктора исторических наук В. М. Лавровского «Некоторые спорные вопросы генезиса капитализма в странах Европы»; доктора исторических наук В. К. Яцунского «Формирование русской промышленной буржуазии в первой половине XIX в.» и др. Некоторые доклады заслушивались и на совместных заседаниях совета и соответствующих секторов.

В плане на 1959 г. намечено обсуждение ряда докладов по различным вопросам генезиса капитализма в России, а также в европейских и восточных странах. Члены совета принимали участие в проведенном в декабре 1958 г. в Таллине межреспубликанском симпозиуме по вопросам аграрной истории стран Восточной Европы в XVIII—XIX веках.

Вместе с тем практика работы совета выявила наличие ряда нерешенных вопросов, недостатков как в его организации, так и в деятельности.

Прежде всего следует отметить, что организационная структура совета в теперешнем виде представляется слишком рыхлой. Члены совета участвуют в его работе лишь факультативно, всей своей производственной деятельностью, своими индивидуальными планами они связаны исключительно с соответствующими секторами, кафедрами и учреждениями, а не с советом.

При таких условиях становится практически не осуществимой одна из главных целей, поставленная перед советом,— быть органом, в котором специалисты разных отраслей не только обсуждают, но и практически совместно разрабатывают разные стороны одной общей темы. Пока достигнуто лишь механическое и очень непрочное объединение специалистов. В итоге порою на обсуждение докладов по темам истории народов СССР приходят преимущественно члены совета, работающие в области русской истории, на доклады по всеобщей истории — специалисты по истории западноевропейского средневековья и нового времени и т. п. Поэтому решение основной задачи совета — комплексное обсуждение и разработка проблемы — остается необеспеченным.

Очень мало участвуют в работе совета востоковеды, хотя имеется много общих проблем, которые они могут решать в тесном контакте с исследователями в области истории народов СССР, особенно со специалистами по истории восточных национальных республик.

Нам представляется, что эти серьезные недостатки объясняются отсутствием таких организационных форм, которые обеспечивали бы целеустремленность и научно-организационное единство в работе совета. Но пока совет является, по существу, неким стоящим над рядом институтов консультативным органом, который не поддерживает с научными учреждениями достаточно прочной связи.

Не решен еще вопрос о компетенции совета в области координации исследований, ведущихся в различных учреждениях. Этот вопрос имеет два аспекта — внутриакадемический и общий. До сих пор и в том и в другом, применительно к практике нашего совета, не найдено удовлетворительного решения. Пока совет лишь собирает сведения о научных планах. Это, несомненно, полезно. Но такая пассивная, регистраторская постановка дела в лучшем случае превратила бы совет в своеобразный почтовый ящик, ни в какой мере не решив задач координации, для чего необходима активная организационная и направляющая деятельность.

Убедительным доказательством того, что советы не заняли должного места в координации научной работы даже в академических учрежде-

ниях, служит следующий факт. В этом году во всех институтах АН СССР, входящих в состав Отделения исторических наук, проводилась большая и ответственная работа по составлению перспективных планов на предстоящее семилетие. В частности, в Институте истории была создана специальная комиссия, готовившая данный вопрос для дирекции. Но, как ни странно, наш совет, да и некоторые другие советы не были привлечены к этому кардинальному, кровному для них делу. Не запланировано (даже в рамках Института истории) ни одной «сквозной» темы по проблеме «генезис капитализма», которую разрабатывали бы специалисты разных секторов. Это произошло потому, что не решены многие основные вопросы организации советов, их деятельности, вследствие чего они в значительной степени оторваны от существующей структуры Института истории, а тем более других институтов. Поэтому о них и забывают при решении важных задач. Неясными представляются формы координации исследований по проблеме генезиса капитализма применительно к учреждениям, входящим в систему других ведомств.

Важным является вопрос о публикации работ, не нашедший еще своего решения. В изданной советом справке отмечалась необходимость создания особого органа (для начала хотя бы ежегодника), где помещались бы заслуживающие внимания научной общественности доклады и сообщения, обсуждавшиеся на заседаниях совета, отчеты о дискуссиях, информационные материалы о работе совета и т. п. Но наше пожелание не нашло отклика. Было высказано предложение ограничиться существующими издательскими возможностями и помещать статьи в отраслевых журналах. С этим нельзя согласиться, так как отраслевые журналы имеют вполне определенную структуру, направленность и, что, может быть, самое важное,— определенный круг читателей.

Итак, резюмируем основные вопросы, требующие решения, по нашему мнению: 1) необходимо создать гибкие, эффективные, построенные на реальной производственной основе организационные формы научных советов по проблемам; 2) определить компетенции советов и формы их участия в координации исследований по проблеме как в рамках учреждений АН СССР, так и в межведомственных масштабах; 3) вопросы создания печатных органов.

Наши предложения сводятся к следующему. Обсуждение докладов на заседаниях совета в основном себя оправдало. Но оно должно быть дополнено практическим участием его членов в разработке тех или иных комплексных, «сквозных» проблем как по вертикали (по разным хронологическим периодам и формациям), так и по горизонтали (по разным географическим и национальным комплексам), что невозможно сделать, если совет по проблеме и впредь будет основываться лишь на научно-общественных организационных принципах. Практически это можно осуществить путем кооперации группы специалистов, разрабатывающих комплексно те или иные темы, с более широким авторитетным консультативно-координирующим органом. Тем самым будут обеспечены благоприятные условия для создания квалифицированного научного коллектива, усилия которого будут направлены на организацию комплексного изучения отдельных сторон общей проблемы. Решаться этот вопрос может по-разному: путем исследования «сквозных», межсекторских тем специалистами разных секторов под руководством совета, использования существующих секторов (в частности, по истории народов СССР периода социализма) с несколько измененной и суженной специализацией, создания постоянных групп из исследователей разных отраслей науки, работающих над общей темой, и т. п. В этом случае совет будет иметь прочную производственную базу, сможет органически сочетать практическую и координационно-организаторскую деятельность и действенно решать поставленные задачи. Только на такой основе могут появиться и доклады, охватывающие комплекс вопросов, а не отдельные их стороны.

Должность председателя совета и руководителя сектора, группы, межсекторской или межинститутской темы, видимо, целесообразнее объединять в одном лице. Иногородних членов совета надо систематически привлекать к решению наиболее важных вопросов; выдвижение и подбор специалистов в соответствующих учреждениях не следует осуществлять механически; они должны быть полномочными представителями совета на местах; вызов их в центр должен согласовываться между ведомствами [10]. Совету не следует заниматься сразу всеми темами, связанными с разработкой проблемы в целом; он должен наметить для комплексного исследования определенную группу вопросов, чтобы избежать распыления сил и средств. Для начала можно было бы поставить, например, такую «сквозную» тему: «Черты общего и особенного в процессе генезиса капитализма в странах Западной Европы и в России». Материалов по данной теме достаточно, по крайней мере для постановки проблемы, а выход такой работы в свет, даже если она будет иметь дискуссионный характер, окажет большое влияние на развитие исследований в этой области и творческое решение спорных вопросов.

Укрепление организационной структуры совета, включение его в ту систему (группа научно-исследовательских учреждений, объединенный научный или научно-технический совет, институт), которая предлагается в статье члена-корреспондента АН СССР В. А. Кириллина, значительно облегчили бы и координацию исследований по проблеме. В этой связи было бы целесообразным предоставить совету право санкционировать темы для исследования на местах, а также рекомендовать темы, которые следует планировать в централизованном порядке или включать в государственный план. С одной стороны, это облегчило бы решение вопроса в руководящих органах, так как вместо большого списка тем они имели бы уже определенные рекомендации, составленные компетентным коллективом специалистов. С другой — упростилась бы и стала бы более эффективной вся координационная работа.

Необходимо решить и вопрос публикации исследований, одобренных советами. Они могут быть напечатаны в отраслевых и прочих изданиях, а также в коллективных трудах, подготовленных самим советом или под его контролем. Но такими путями можно достигнуть лишь частичных результатов. Для публикации коллективных трудов нужно будет тщательно подсчитать резервы, изменить, может быть, форму издающихся «Ученых записок», придав им специализированный профиль, и т. п.

Превращение совета по проблеме в самодеятельную форму организации исследовательской деятельности, возможно, будет связано с определенными структурными изменениями и штатными перемещениями в рамках отдельных секторов, институтов. Во всех таких случаях следует предупреждать как попытки решать эту задачу путем простой механической комбинации уже включенных в индивидуальные планы работ, так и попытки свертывать исследования, по которым уже созданы значительные заделы. Вся эта работа должна производиться вдумчиво, после зрелого обсуждения и тщательной подготовки.

Мы изложили некоторые взгляды на перспективы развития Научного совета. Разумеется, наши предложения не могут претендовать на какую-то общезначимость и универсальность. Специфика каждого Научного совета по проблеме, как и специфика отдельных отраслей науки, требует своих, особых организационных и прочих форм. При этом нельзя допускать, чтобы структура, практическая деятельность того или иного Научного совета топтались на месте, их следует развивать и совершенствовать.

[10] При современной структуре советы практически не могут ни вызывать своих иногородних представителей, ни решать вопросы финансирования их командировок.

ИДЕЙНЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ В РЯДАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ В ЭПОХУ ПАДЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Я. И. Линков

В эпоху падения крепостного права русское революционное движение возглавлялось блестящей плеядой мыслителей и борцов: А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым. Все они, будучи революционными демократами, боролись за одну и ту же цель — освобождение крестьян от крепостнической эксплуатации и избавление России от ига самодержавия. Но, несмотря на единство, обусловленное общей целью, в революционно-демократическом лагере были и серьезные идейные и тактические разногласия [1].

К 1859 г. в России сложилась революционная ситуация. Для этого времени характерно обострение классовой борьбы, выразившееся прежде всего в нарастании массового крестьянского движения, что содействовало ускорению процесса дифференциации всех идейных направлений и тенденций в русском обществе, более четкой поляризации и расстановке социальных сил. Вместе с тем революционная ситуация особенно отчетливо выявила в связи с необходимостью определить программу политической борьбы идейные противоречия и внутри самого революционно-демократического лагеря. Это, конечно, было не случайным, а закономерным явлением. На разных этапах русского освободительного движения имели место борьба мнений, идейные и тактические разногласия в рядах революционных борцов. Они были у декабристов, петрашевцев, позже и у народников 70-х годов XIX века. Конечно, эта борьба мнений проявлялась своеобразно в каждом конкретном случае и определялась особенностями исторического периода.

Разногласия были внутри лагеря русской революционной демократии, прежде всего между Герценом и Огаревым, деятельность которых началась еще на дворянском этапе освободительного движения, с одной стороны, и Чернышевским и Добролюбовым, представителями разночинно-демократического поколения революционного движения,— с другой. Разногласия возникли в ходе борьбы против общего врага — самодержавия и затронули коренные вопросы теории и тактики освободительного движения. Кроме того, была еще одна линия разногласий, выразившаяся в борьбе Герцена и Огарева,— против анархистского авантюризма Бакунина.

Идейные и тактические разногласия в революционно-демократическом лагере в той или иной степени проявлялись на протяжении всей рассматриваемой нами эпохи. Они отражались на страницах «Колокола», «Современника», в письмах революционных деятелей. Без характеристики этих разногласий нельзя составить законченное представление о революционном движении данного периода, понять его особенности и сложный, противоречивый процесс развития.

---

[1] Вопросы единства в революционно-демократическом лагере освещались в связи с созданием и развитием общества «Земля и воля» на страницах журнала «Вопросы истории», 1954, № 3, 1957, № 9, 1958, № 9.

Цель настоящей статьи — рассмотрение борьбы за последовательную революционно-демократическую линию, против колебаний и отклонений как в сторону либерально-реформаторских иллюзий, так и в сторону анархистского авантюризма. Отдельные вопросы темы неоднократно затрагивались в исторической литературе [2], но по ней нет ни одной работы обобщающего характера. Не претендуя на исчерпывающее изложение темы в данной статье, автор стремится охарактеризовать основную линию идейных и тактических разногласий в революционно-демократическом лагере в эпоху падения крепостного права.

Принципиальной основой для научного рассмотрения данной проблемы являются соответствующие высказывания В. И. Ленина. Отмечая великую роль Герцена в подготовке русской революции, Ленин вместе с тем указывал на его ошибки и заблуждения. В статье «Из прошлого рабочей печати в России» он рассматривал Герцена и Чернышевского как выразителей идеологии разночинной интеллигенции, ее народнических взглядов, отмечая при этом, что «Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая доныне ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм» [3].

Чернышевский отличался от Герцена более последовательным демократизмом, более резким разоблачением либерализма, глубокой критикой капитализма. Именно эти отличия Чернышевского от Герцена помогают нам понять их идейные разногласия. Чернышевский, гораздо глубже разбиравшийся в социально-политической обстановке тех лет, сумел наметить более верную и твердую линию революционной борьбы и четче различать врагов и союзников, чем Герцен.

Несомненно, имело значение также и то обстоятельство, что Герцен «принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г.,— писал В. И. Ленин,— он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам». Отсюда его бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения. Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако, справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх» [4].

Идейные и тактические разногласия в рядах революционной демократии тесно связаны с историей тайного общества «Земля и воля». Исходя из этого, вопросы в статье рассматриваются по трем этапам. Первый этап: до образования «Земли и воли», то есть период от начала революционной ситуации до падения крепостного права. Второй этап: возникновение и деятельность «Земли и воли» (1861—1864 гг.). Третий этап охватывает время после самоликвидации «Земли и воли» (вторая половина 60-х годов).

---

[2] См. Б. П. Козьмин. Герцен, Огарев и «молодая эмиграция». «Литературное наследство». Т. 41—42. М. 1941, стр. 1—42; его же. Н. И. Утин — Герцену и Огареву. «Литературное наследство». Т. 62. М. 1955, стр. 605—690; Е. М. Зеликин. Отношение Герцена к Чернышевскому. «Н. Г. Чернышевский. 1889—1939». Л. 1939 («Труды» научной сессии Ленинградского университета к пятидесятилетию со дня смерти); М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский в борьбе за сплочение сил русского демократического движения в годы революционной ситуации (1859—1861). «Вопросы истории», 1953, № 7, стр. 56—73; И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М. 1954.

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 224.

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 12.

★

Разногласия в рядах революционной демократии неразрывно связаны с идейной эволюцией Герцена (а затем и Огарева), с той политической линией, которую он проводил как основатель и руководитель вольной русской прессы, русского революционного центра в Лондоне. Чернышевский и его последователи всегда и во всем поддерживали Герцена, вольную русскую прессу, когда в ней проводилась революционно-демократическая линия, и выступали с критикой Герцена, когда он проявлял те или иные либеральные колебания, временные отклонения от демократизма.

В своей первой прокламации «Юрьев день!!! Юрьев день!!!», напечатанной в Вольной русской типографии в 1853 г., Герцен обратился к русскому дворянству, призывая его к упразднению крепостного права, но фактически он уже тогда положил начало революционной агитации, обращенной непосредственно к народным массам, к крестьянам и солдатам.

В январе — апреле 1854 г. в Вольной русской типографии были отпечатаны четыре прокламации, составленные ближайшим в то время сотрудником Герцена, бывшим петрашевцем В. Энгельсоном, под названием «Первое видение св. отца Кондратия», «Второе видение св. отца Кондратия» и две прокламации-письма «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому имеет низкий поклон». Вслед за этим Герцен написал свою первую листовку, обращенную к армии,— «Русскому воинству в Польше».

Прокламации пропагандировали идею революционного восстания против самодержавного деспотизма и крепостничества, они получили распространение среди тех, к кому были обращены [5].

Выступая на массовых демократических митингах в Лондоне, Герцен объявлял себя сторонником революционного ниспровержения самодержавия. «Я считаю себя представителем мысли восстания в России» [6],— говорил он.

Когда престол занял Александр II, Герцен, исходя из своей глубоко ложной теории «самодержавной революции», стал связывать с его правлением иллюзорные надежды на возможность решения крестьянского вопроса «сверху». В силу этого в широко развернутой Герценом в «Колоколе» и в других изданиях Вольной русской типографии революционной агитации, направленной против феодально-крепостнического строя и самодержавия, порой слышались фальшивые ноты (письма к Александру II) и появлялись временные отклонения от революционного демократизма.

Однако на первом этапе революционной ситуации боевое единство обоих русских революционных центров — Лондонского (редакция «Колокола» — Герцен и Огарев) и Петербургского (редакция «Современника» — Чернышевский и Добролюбов) особенно ярко проявилось в их борьбе против либерализма, а также в горячей поддержке массового народного протеста против крепостничества.

Первым открытым проявлением идейно-политических разногласий в революционно-демократическом лагере была статья Герцена «Very dangerous!!!» («Очень опасно!!!»), напечатанная в 44-м листе «Колокола» от 1 июня 1859 года. Она была опубликована в связи с проводимой «Современником» кампанией против либерального «обличительства».

Чернышевский и Добролюбов считали, что задачей революционно-демократической печати является не обличение частных и мелких

---

[5] По непонятным причинам до последнего времени в исследованиях, посвященных Герцену, об этих важнейших фактах упоминалось вскользь или умалчивалось.

[6] «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне». Лондон. 1863, стр. 86.

несправедливостей, а организация революционной борьбы с крепостнической системой в целом. Они указывали на то, что либералы стремились ограничиться мелкотравчатым обличительством, подменяя им борьбу с феодально-самодержавным строем, и разоблачали половинчатость, политическую трусость и бесхребетность российского либерализма. Развенчание действий либералов рассматривалось Чернышевским и Добролюбовым как одна из важнейших задач освободительного движения. Эта идея нашла отражение в серии статей «Современника» и на страницах сатирического журнала «Свисток».

Кампания «Современника» не только не была одобрена «Колоколом», но получила резко отрицательную оценку Герцена, выступившего со статьей «Very dangerous!!!», где он в острой полемической форме, не называя, впрочем, имен, осуждал линию, проводившуюся Добролюбовым и Чернышевским по отношению к либеральной печати.

Сущность заблуждений Герцена в оценке либерального обличительства становится особенно ясной в свете высказываний В. И. Ленина, который в статье «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?» писал: «У нас слишком легко берут на веру любой протест против самодержавия, относясь с недоброжелательством ко всякой критике характера и сущности этого протеста, как к вредному разъединению освободительного движения» [7].

В ответе, помещенном в ближайшем номере «Современника» (июнь 1859 г.), в критической статье «Весна» [8] Добролюбов дал развернутое объяснение позиции журнала по отношению к либералам и либеральному обличительству. Он указывал, что обличения не только не следует прекращать, а, наоборот, продолжать в еще более широком масштабе. Но они не должны ни заменять, ни заслонять главного — революционной борьбы (подразумеваемой Добролюбовым под «более цельным и основательным образом действий»). Он призывал к ниспровержению крепостничества и самодержавного деспотизма, выступал против проповедовавшихся либералами путей частичных реформистских улучшений. Вот в чем Добролюбов усматривал суть вопроса. Статья «Very dangerous!!!» свидетельствовала о таких серьезных идейных разногласиях, которые требовали не только ответа на страницах «Современника», но и личной встречи его руководителей с Герценом.

Чернышевский и Добролюбов видели в Герцене и Огареве своих соратников по революционной борьбе и, решительно критикуя их либеральные ошибки, старались тем самым выправить линию «Колокола». Именно это и вызвало поездку Чернышевского в Лондон в июне 1859 г. для переговоров с редакторами «Колокола». Конфликт между редакциями «Современника» и «Колокола», связанный с публикацией статьи «Очень опасно!!!», лишь ускорил эту поездку.

Несомненно, центральной темой переговоров был вопрос о тактике, а не о цели революционной борьбы [9].

---

[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 216.

[8] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений. Т. II. М. 1935, стр. 484.

[9] О встрече Чернышевского с Герценом в 1859 г. велась полемика между Б. П. Козьминым и М. В. Нечкиной. См. Б. П. Козьмин. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 г. и его переговоры с А. И. Герценом. «Известия» АН СССР. Отделение литературы и языка. Вып. II, 1953; его же. К вопросу о целях и результатах поездки Н. Г. Чернышевского к А. И. Герцену в 1859 г. «Известия» АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XIV, вып. 2, 1955; его же. Выступление Герцена против «Современника» в 1859 г. «Известия» АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XI, вып. IV. 1953; М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский в борьбе за сплочение сил русского демократического движения в годы революционной ситуации (1859—1861). «Вопросы истории», 1953, № 7, стр. 56—73; ее же. Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен в годы революционной ситуации (1859—1861). «Известия» АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XIII, вып. 1, 1954; ее же. О взаимоотношениях Петербургского и Лондонского центров русского освободительного движения в годы революционной ситуации (1859—1861). «Известия» АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XIV, вып. 2, 1955.

Воспоминания С. Г. Стахевич позволяют утверждать, что Н. Г. Чернышевский в Лондоне рекомендовал Герцену выдвинуть в «Колоколе» определенную политическую программу — «конституционную, или республиканскую, или социалистическую, и затем всякое обличение явилось бы подтверждением основных требований самой программы» [10].

Позиция редакторов «Колокола» по отношению к либеральному обличительству после встречи, состоявшейся в 1859 г., претерпела коренные изменения.

Прошло более года, когда в 83-м листе «Колокола» (от 15 октября 1860 г.) появилась статья Герцена «Лишние люди и желчевики», в которой он заявлял, что разделяет «здоровый, реалистический взгляд» одного из «лучших русских обозрений» (несомненно, речь шла о «Современнике»), имея при этом в виду, что «люди, говорящие, что не на взяточников и казнокрадов следует обрушивать громы и стрелы, а на среду, делающую взятки зоологическим признаком целого племени, например, безбородых русских (то есть чиновников.— *Я. Л.*), совершенно правы» [11].

Герцен признавал правильность позиции «Современника» и приветствовал поколение разночинной интеллигенции, которое представляли Чернышевский и Добролюбов. «Мы уже видим,— писал он в той же статье,— как из дальних университетов, из здоровой Украйны, с здорового северо-востока являются совсем иные люди, с непочатыми силами и крепкими мышцами, и, может, нам, старикам, еще придется... протянуть руку кряжу свежему, который... пойдет своей широкой дорогой» [12].

В 1861 г. Н. П. Огарев в статье «Предисловие» [к сборнику «Русская потаенная литература XIX века»], носящей, несомненно, программный характер, выступил с осуждением обличительной литературы, которая «размельчалась в подтачивании отживающего порядка вещей». Далее он утверждал, что «обличения частностей, при сохранении общего мертвящего склада, не помогут» (разрядка моя.— *Я. Л.*), и делал отсюда весьма решительный вывод: «Слово покончило свою задачу; пора приступить к делу» [13], то есть к борьбе за революционное ниспровержение существовавших порядков.

★

После свидания редакторов «Современника» и «Колокола» Чернышевский и его единомышленники стремились воздействовать на политическую линию Герцена и Огарева и таким образом повернуть ее в тактическое русло, выработанное «Современником». Делалось это при помощи писем и статей, посылавшихся из России в редакцию «Колокола».

В феврале 1860 г. в «Колоколе» появилась знаменитая в истории русского революционного движения статья под названием «Письмо из провинции» за подписью «Русский человек». Автор ее до сих пор не установлен, но не вызывает сомнения, что эта статья вышла из круга революционной демократии, объединявшейся «Современником», и выражала ее точку зрения. Автор статьи, относившийся к Герцену с чувством глубокого уважения и считавший себя одним из его друзей, критиковал либеральные иллюзии Герцена. В заключительной части

---

[10] С. Г. Стахевич. Среди политических преступников. Сборник «Н. Г. Чернышевский». М. 1928, стр. 133.

[11] «Колокол», 1860, лист 83; А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке. Т. X, стр. 414.

[12] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. X, стр. 418.

[13] Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. I. Госполитиздат. 1952, стр. 466.

«Письма» говорилось: «Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет!» — и автор его призывал «Колокол» звонить в набат и звать Русь к топору [14].

В исторической литературе делались попытки рассматривать автора «Письма из провинции», с одной стороны, и Герцена — с другой, как людей разных политических лагерей, что, конечно, глубоко ошибочно: и автор «Письма» и Герцен считали себя бойцами одной партии, и спор между ними шел не о цели, а о путях борьбы.

Предисловие, предпосланное редакцией «Колокола» «Письму из провинции», призывало революционно-демократический лагерь к единству. «С полемикой в основном вопросе,— писал Герцен,— нельзя итти на площадь; 1789 год увлек всех,— вот от чего его непреодолимая сила». Герцен считал топор последним доводом притесненных.

Отнюдь не отвергая крестьянской революции, Герцен ставил вопрос о степени готовности к ней, ибо, «призвавши к топору, надобно овладеть движением, надобно иметь организацию, надобно иметь план, силы и готовность лечь костьми». Но в случае, «если народ, увидя, что его надувают освобождением, сам бросится к топору... тогда рассуждать нельзя, тут каждый должен поступать, как его совесть велит, как его любовь велит» [15].

Несмотря на то, что Герцен в статье «От редакции» (фактически являвшейся развернутым ответом на «Письмо») отдавал дань либеральным иллюзиям, он признавал правомерность выраженной в «Письме» программы в случае, если надежда на мирное решение крестьянского вопроса не оправдается. При этом он в отличие от своей прежней трактовки крестьянской революции как стихийного действия масс впервые на страницах «Колокола» сформулировал задачу руководства народным вооруженным восстанием («надобно овладеть движением»).

Как высоко ценил Герцен «Письмо из провинции», насколько ему импонировал его дух, видно из письма к сыну от 10 марта 1860 г., в котором он писал: «Столько я толковал, а ты не чувствуешь, что в России идет борьба, и что эта борьба отталкивает слабых, а сильных именно потому и влечет она, что это — борьба на смерть. Что ты ссылаешься на письмо в «Кол.»? Разве он его окончил тем, чтобы бежать или лечь спать? Он его окончил боевым криком» [16].

1 апреля 1860 г. в 67-м листе «Колокола» была опубликована статья неизвестного автора, по своему содержанию являющаяся прямым продолжением «Письма из провинции»; в ней не только горячо пропагандировалась идея крестьянской революции, но, по существу, заключался призыв к созданию революционной организации.

Публикация на страницах «Колокола» «Письма из провинции» и других подобных статей, содержащих лозунг крестьянской революции, имела большое пропагандистское значение и оказала серьезное идейное влияние на читателей. Правда, после встречи Герцена с Чернышевским понадобилось еще почти два года острой классовой борьбы, прежде чем издатели «Колокола» сами в своих статьях в 1861 г. выдвинули лозунг крестьянской революции.

Таким образом, Герцен и Огарев хотя и не сразу, но восприняли критику со стороны Чернышевского, Добролюбова и их единомышленников и заняли общую с ними последовательно-демократическую позицию и в оценке либерального обличительства и по отношению к решающей задаче — крестьянской революции.

---

[14] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. X, стр. 228—229.
[15] Там же, стр. 223.
[16] Там же, стр. 232.

★

Но этим круг разногласий не был исчерпан.

Весной 1861 г., в пору, когда закладывались организационные основы революционной партии — тайного общества «Земля и воля» [17], Чернышевский поднял на страницах «Современника» еще один коренной программный вопрос русского революционного движения.

Как известно, В. И. Ленин считал характерной особенностью развития русского освободительного движения рассматриваемого периода неразрывную связь революционного демократизма с утопическим социализмом. Во взглядах Чернышевского эта особенность проявилась со всей силой. Он так же, как Герцен и Огарев, был представителем утопического социализма.

Однако великая действенная сила утопического социализма Чернышевского состояла в том, что его социалистические идеалы были связаны самым тесным образом с идеей крестьянской революции, с решительным призывом к вооруженному свержению царской монархии и полному уничтожению феодально-крепостнической эксплуатации. Объективно это была борьба за установление буржуазно-демократического строя, являвшегося для России того времени большим шагом вперед в ее социальном развитии.

Социалистические взгляды Чернышевского во многом совпадали с воззрениями Герцена и Огарева, но вместе с тем между ними имелись серьезные различия. Это было прямым следствием более зрелого понимания Чернышевским путей исторического развития России и стран Западной Европы и несравненно более глубокой разработки им социалистической теории. В отличие от Герцена Чернышевский отрицал самобытность исторического развития России, считая, что такой социальный институт, как крестьянская поземельная община, сохранившийся до середины XIX столетия, отнюдь не является исключительной особенностью только России, а имел место на том или ином этапе и в других странах.

Чернышевский хотя и рассматривал крестьянскую общину с позиций утопического социализма, но расценивал ее гораздо реалистичнее, чем Герцен и Огарев, не закрывал глаза на процесс разложения натурального крестьянского хозяйства.

Другой основной чертой, отличавшей утопический социализм Чернышевского, было четкое понимание им того важного обстоятельства, что общинное землевладение отнюдь еще не означало общественного производства. Именно в переходе в рамках общинного землевладения к общинному производству Чернышевский и видел путь к развитию и утверждению начал социализма в русской крестьянской общине. Чернышевский не переоценивал степень социалистического сознания русского крестьянства, как это делали Герцен и Огарев, и указывал, что «большинство русского земледельческого сословия еще не желает общинного труда по незнакомству с его выгодами» [18].

Объективное содержание утопического социализма у всех идеологов русской революционной демократии эпохи падения крепостного права было единым по своему существу и идейной направленности. В нем нашло выражение неукротимое стремление многомиллионного русского крестьянства к решительному уничтожению феодально-крепостнического строя и его социальных институтов.

Но это общее не снимало некоторых существенных различий, обусловивших критику Чернышевским взглядов Герцена. Чернышевский считал эти различия настолько важными, что нашел нужным посвятить

[17] См. Я. И. Линков. Основные этапы истории революционного общества «Земля и воля» 1860-х годов. «Вопросы истории», 1958, № 9, стр. 37—40.

[18] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. IV. М. 1948, стр. 413.

им специальную статью. Она была опубликована в пятой (майской) книжке журнала «Современник» за 1861 г. под названием «О причинах падения Рима (Подражание Монтескье). (История цивилизации во Франции от падения Западной Римской империи. Сочинения Гизо, члена французской академии. Часть первая. Переведена под редакцией М. Стасюлевича. С.-Петербург. 1861 г.)».

В статье Чернышевский в сжатом виде и заостренной форме излагал точку зрения Герцена на судьбы Западной Европы в свете разработанной им (Герценом) теории русского общинного социализма [19]. Решительно отвергая тезис Герцена об истощении революционных сил западноевропейских стран, Чернышевский высказывал глубокий оптимизм и веру в будущее человечества.

Свое обращение к столь отдаленному историческому сюжету, как причины падения Рима, Чернышевский мотивировал так: он не стал бы «тревожить такую ветхую старину, если б разоблачение ошибочного взгляда на вопрос ветхой старины не представлялось делом довольно важным для очищения самохвальных и, к счастию, пустых мыслей о некоторых живых отношениях» [20].

Критически относясь к буржуазному строю Западной Европы («мы далеко не восхищаемся нынешним состоянием Западной Европы»), Чернышевский вместе с тем полагал, что ей нечего заимствовать в общественном строе России. «Кроме общинного землевладения, невозможно было самым усердным мечтателям открыть в нашем общественном и частном быте ни одного учреждения или хотя бы зародыша учреждения для предсказываемого ими обновления ветхой Европы нашею свежею помощью» [21]. Социалистическое общество в странах Западной Европы, по убеждению Чернышевского, могло утвердиться помимо общинного землевладения, давно изжитого там ходом исторического развития, в то время как в России оно могло сыграть благотворную роль в этом направлении. Чернышевский видел залог будущего революционного развития западноевропейских стран в активности широких народных масс, в их действенном включении в сознательную политическую жизнь. Он считал, что Герцен в своих рассуждениях об исторических перспективах стран Западной Европы недооценивает потенциальные возможности народа в решении исторических судеб своей родины.

Как реагировал Герцен на это критическое выступление Чернышевского? Непосредственный ответ на него содержался в статье «Repetitio est mater studiorum» («Повторение — мать учения»). Кроме того, об этом можно еще судить по двум документам: письму Огарева с припиской Герцена на имя Н. Н. Обручева (конец июля — начало августа 1861 г.) и черновому наброску Герцена (опубликованному В. Путинцевым в «Литературном наследстве» под названием «Двоюродный братец»).

Не соглашаясь с критикой Чернышевского и полемизируя с ним, Герцен вместе с тем воспринимал его выступления как голос из того же революционного лагеря, в котором находился он сам. В начале статьи Герцен отмечал наличие двоякого рода критики идей, пропагандируемых «Колоколом». С одной стороны, это критика, названная им враждебной (которую можно именовать критикой справа), идущей из самодержавно-крепостнического или же либерального лагерей, а, с другой стороны, по его мнению, «критика желчевая» (или критика слева), берущая начало из революционно-демократических кругов.

В отрывке, являвшемся, как видно, черновым наброском статьи, которая, по признанию самого Герцена, готовилась к публикации в «По-

[19] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. VII. М. 1950, стр. 644, 645.
[20] Там же, стр. 661.
[21] Там же, стр. 661, 663.

лярной звезде», он называл Чернышевского двоюродным братом, который, «как барон Видиль, своего сына вытянул арапником, пользуясь родством». При этом Герцен в воображаемом диалоге с Чернышевским спрашивал его: «Что с вами случилось, давно ли вы были до того согласны со мной, до того, что...» [22].

Это сравнение с бароном Видиль Герцен делает и в приписке к письму Огарева в еще более определенной форме: «Черныш. à la baron Vidil, ехавши дружески возле, вытянул меня арапником» [23]. Следовательно, критика Чернышевского была воспринята Герценом как дружеская, но вместе с тем резкая и жестокая, «как неожиданное вмешательство вооруженным языком» [24].

Так расценивая критику «Современника», Герцен, по существу, остался на своих прежних идейных позициях по вопросам, затронутым Чернышевским.

Он противопоставлял перспективы социального развития России возможностям в этом отношении стран Западной Европы. В итоге Герцен пришел к глубоко ошибочному выводу, что один лишь факт общинного владения землей позволяет утверждать: «То, что на Западе может только совершиться рядом катастроф, потрясений, то может развиться в России на основании существующего» [25].

Герцен и Огарев считали, что побудительной причиной, обусловившей выступление Чернышевского в майском номере «Современника» с критикой их взглядов, были якобы мотивы, связанные с вопросом об огаревском наследстве [26]. Наиболее яркое отражение это получило в письме Огарева к Обручеву, написанном летом 1861 года [27].

Это письмо — свидетельство того, насколько Чернышевский ушел далеко вперед в своей идейной эволюции по сравнению с Герценом и Огаревым.

Почему Н. Г. Чернышевский счел необходимым выступить с критикой взглядов А. И. Герцена (да к тому же в весьма резкой форме) именно в мае 1861 года? Это, конечно, не случайно. В то время в Петербурге закладывались основы тайного революционного общества «Земля и воля», вдохновителем и инициатором которого был Чернышевский. В связи с этим нужно было внести полную ясность в основные программные вопросы для того, чтобы революционная организация развивалась в правильном направлении, а ее члены имели бы перед собой четко сформулированную цель борьбы.

Хотя в создании и деятельности «Земли и воли» принимали участие оба центра русского революционного движения, в их взаимоотношениях при наличии известного политического единства существовали серьезные идейные разногласия. Об этом свидетельствовали статья «О причинах падения Рима» и переданный примерно в то же время совет Чернышевского Герцену «не вовлекать юношей в литературный союз» [28]. В ходе дальнейшего развития «Земли и воли» проявились различия между Герценом и Чернышевским в понимании таких важнейших вопросов, как структура революционной партии и тактика вооруженного восстания [29].

И тогда революционно-демократические круги в России по-прежнему живо волновал вопрос о направлении бесцензурного революционного

---

[22] «Литературное наследство». Т. 61, М. 1953, стр. 122.

[23] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XI, стр. 212.

[24] «Литературное наследство». Т. 61, стр. 122.

[25] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XI, стр. 231.

[26] Этот вопрос подробно освещен в книге Я. Черняка. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в спорах об огаревском наследстве. М. 1933.

[27] М. Лемке. Политические процессы в России 1860 гг. М. 1923, стр. 187.

[28] Там же, стр. 186.

[29] Эта сторона разногласий характеризуется в статье Я. И. Линкова. Проблема революционной партии в России в эпоху падения крепостного права. «Вопросы истории», 1957, № 9, стр. 65, 69.

«Колокола». Статья А. И. Герцена «Мясо освобождения», опубликованная 1 февраля 1862 г. в 121-м листе «Колокола», показывает, что Чернышевский и его единомышленники не были полностью удовлетворены этим органом (несмотря на резкое изменение политической линии Герцена и Огарева, после реформы 19 февраля взявших курс на крестьянскую революцию) и предъявляли претензии к его редакторам, настаивая, как видно, на более четком определении идейно-политических требований.

Герцен, считая упрек в адрес «Колокола» в отсутствии у него программы несправедливым, напоминал при этом своим критикам: «Перед вами два тома «За пять лет», перед вами «Колокол» за прошлый год... вы найдете в них наше мнение о том, что нужно народу, войску, помещикам и пр.» [30].

В революционной среде с неослабным вниманием следили за каждым номером «Колокола». Та или иная статья, помещенная на его страницах, не отвечавшая требованиям последовательной революционно-демократической линии, вызывала возражения.

Когда в листе 119—120 в разделе «Материалы для истории гонения студентов при Александре II» была опубликована «Записка об университетском деле», написанная в умеренно-либеральном духе, в соответствии с настроением ее автора К. Д. Кавелина и без всяких комментариев редакции, Герцен получил письмо из Ниццы, в котором его неизвестный корреспондент высказывал свое недоумение противоречивостью, как ему казалось, позиции редактора «Колокола». «Господин редактор! — писал он,— в последних номерах вашего журнала стало заметно странное колебание: то вы громко зовете русских к составлению тайных обществ, к всеобщему восстанию, то, вдруг, переменив тон, начинаете уговаривать правительство... Возьмем для примера 119—120 лист «Колокола». В нем рядом помещены две статьи, совершенно противоположные по направлению. Одна из них г. Огарева — «Университеты закрывают», в высшей степени революционная, настоящий клич к бою; другая — неизвестного корреспондента, написанная совершенно в духе правительства» [31].

Письмо из Ниццы заканчивалось решительным призывом к проведению последовательной революционной линии. В нем говорилось: «Россия находится накануне страшной кровавой битвы. Она нуждается в людях опытных, твердо держащих знамя революции, способных проникнуть толпу единством убеждений и смело повести ее на бой» [32]. В 127-м листе «Колокола» редакция поместила ответ на письмо, где объясняла, что опубликовала «Записку» только как материал. Тем самым редакция «Колокола» подчеркивала, что не разделяет отношение автора «Записки» к студенческому движению, о котором там шла речь.

Революционная демократия, объединенная под знаменем тайного общества «Земля и воля», намечала на весну или лето 1863 г. всероссийское вооруженное восстание. Важнейшей задачей русского революционного движения в то время являлась планомерная подготовка этого восстания. Принципиальные основы революционной тактики были разработаны прежде всего Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым во многих статьях, опубликованных на страницах «Современника». Наиболее четкое выражение революционная тактика нашла в статье Н. Г. Чернышевского «Предисловие к нынешним австрийским делам» [33] и в прокламации «Барским крестьянам».

Главную силу вооруженного восстания Чернышевский усматривал в

[30] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XV, стр. 32.

[31] «Литературное наследство». Т. 63, стр. 241.

[32] Там же, стр. 242.

[33] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. VIII. М. 1950, стр. 433—465. Я. И. Линков. О политической программе Н. Г. Чернышевского в период революционной ситуации 1859—1861 годов. «Вопросы истории». 1955, № 5, стр. 110—116.

правильной организации крестьянских масс, в их единодушном действии по сигналу, данному из революционного центра. Одним из важнейших принципов, пропагандировавшихся Н. Г. Чернышевским в прокламации «Барским крестьянам», было не выступать прежде времени, не выступать врозь.

Подготовку восстания следовало вести тайно, в обстановке сугубой конспирации, дабы не выдать себя врагу.

Исходя из этих принципов, Чернышевский учил русских революционеров относиться к подготовке вооруженного восстания с величайшей ответственностью. Он решительно выступал против разрозненных попыток, против легковесного, авантюристического подхода к восстанию. Чернышевского глубоко волновал вопрос о предотвращении преждевременного, неподготовленного выступления. В романе «Пролог», когда речь шла о сроках восстания, с которым были связаны судьбы тысяч людей, он призывал революционеров к мудрой осмотрительности и всестороннему учету всех обстоятельств, выступал против скороспелых, опрометчивых решений. Чтобы убедить своих читателей в необходимости именно такого подхода к данному вопросу, Чернышевский приводил в «Прологе» пример с Соколовским (Сераковским). Этот человек, писал он, благодаря своему сильному характеру, прозорливому поведению и рассудительности сумел предотвратить подачу сигнала к несвоевременному восстанию. «Сотни, если не тысячи людей уцелели от напрасной гибели, на которую пошли бы, если б не его рассудительность,— и весь край избавился от напрасного разорения» [34].

А. И. Герцен и Н. П. Огарев были также убежденными сторонниками идеи организованного, подготовленного всероссийского восстания, которое должно было, по их мнению, начаться повсеместно по сигналу из центра. Они были решительными противниками местных разрозненных выступлений, как заранее обреченных на провал, противниками легковесного, авантюристского подхода к восстанию. Эти принципы пронизывают все прокламации и статьи, вышедшие из-под их пера, начиная с «Что нужно народу?»

Такова была и тактическая линия Центрального комитета «Земли и воли», нашедшая отражение, в частности, в его органе «Свобода» № 1, и тактическая линия Совета общества, выраженная в прокламации «Офицерам всех войск от общества «Земли и воли».

Следовательно, в этом важнейшем вопросе революционной тактики Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен и Н. П. Огарев, так же как и руководящие органы общества «Земля и воля», были единодушны и занимали одну принципиальную позицию.

Когда летом 1862 г. в крайне неблагоприятной для революционной демократии обстановке появилась прокламация «Молодая Россия», она была расценена Н. Г. Чернышевским и его ближайшими товарищами — руководителями «Земли и воли» (Н. А. Серно-Соловьевич и др.) как грубая тактическая ошибка. Для ее исправления Чернышевский, по уверению Л. Ф. Пантелеева, намеревался даже написать прокламацию «К нашим лучшим друзьям», но вскоре был арестован и не смог реализовать свое намерение [35]. По другим сведениям, он посылал в Москву одного из руководителей общества «Земля и воля», А. А. Слепцова, чтобы уговорить издателей «Молодой России» как-то сгладить неблагоприятное впечатление, произведенное прокламацией [36]. Возможно, что по совету Чернышевского была выпущена написанная, по всей вероятности, активным землевольцем Н. И. Утиным прокламация «Предостережение» [37].

[34] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. XIII. М. 1949, стр. 133.
[35] См. Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М.-Л. 1934, стр. 267.
[36] См. А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XV, стр. 331.
[37] См. Б. П. Козьмин. К истории «Молодой России». Журнал «Каторга и ссылка». 1930, № 6(67), стр. 62—63.

Герцен на страницах «Колокола» подверг критике «Молодую Россию» за преждевременное заявление о целях революционной борьбы в условиях неблагоприятной обстановки, так как «звать к оружию,— писал он,— можно только накануне битвы. Всякий преждевременный призыв — намек, весть, данная врагу, и обличение перед ним своей слабости» [38].

Большое принципиальное значение имела борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева с анархистским авантюризмом М. А. Бакунина в период, когда общество «Земля и воля» (начиная с ноября 1862 г.) вело непосредственную подготовку к всенародному вооруженному восстанию. Так, осенью 1862 г. во время переговоров А. И. Герцена с представителями Центрального национального польского комитета выявился различный подход к очередным задачам русского революционного движения со стороны Герцена и Бакунина, который непосредственно участвовал в переговорах.

Анархистский авантюризм, свойственный Бакунину, особенно сказался во время этих переговоров. Позицию Бакунина можно охарактеризовать так: восстание во что бы то ни стало и несмотря ни на что! В отличие от Герцена, глубоко анализировавшего обстановку и тщательно продумывавшего каждый шаг, «Бакунин, не слишком останавливаясь на взвешивании всех обстоятельств, смотрел на одну дальнюю цель и принял второй месяц беременности за девятый» [39]. Герцен указывал на то, что в данном случае для Бакунина стало необходимым доводы холодного рассудка заменить чувствами и стремлением видеть вещи не как они выглядели на самом деле, а как Бакунин хотел их видеть. «Он увлекал не доводами, а желанием. Он *хотел* верить и верил, что Жмудь и Волга, Дон и Украина восстанут, как один человек, услышав о Варшаве; он верил, что наш старовер воспользуется католическим движением, чтоб узаконить раскол» [40].

Герцен и Огарев исходили из возможности крестьянской революции в России. Герцен писал: «Бакунин верил в возможность военно-крестьянского восстания в России, верили отчасти и мы». Но эта вера не снимала их величайшей заботы об успехе восстания, наоборот, усиливала ее и была той основой, исходя из которой Герцен стремился во время переговоров добиться необходимой ясности по всем принципиальным пунктам обсуждаемой социально-политической платформы.

Иначе вел себя Бакунин. «Я видел,— вспоминал Герцен,— что он запил свой революционный запой и что с ним не столкуешь теперь». Бакунин «торопился сгладить как-нибудь затруднения, затушевать противоречия, не выполнить овраги, а бросить через них чортов мост».

В этих словах охарактеризованы серьезные тактические разногласия между Герценом и Бакуниным накануне и в период польского восстания 1863 года.

Принципиальность Герцена определяла его стремление не затушевать, а до конца выявить все разногласия сторон, представлявших русское революционное и польское национально-освободительное движение, и добиться правильного решения рассматривавшихся вопросов. Речь шла об основных лозунгах, выражавших судьбы крестьянской революции в России. «Если в России на вашем знамени не увидят *надел земли и волю провинциям* (Герцен имел в виду Украину, Белоруссию и Литву.— *Я. Л.*), то наше сочувствие *вам не принесет никакой пользы, а нас погубит*, потому что вся наша сила в одинаковом биении сердца; у нас оно, может, бьется посильней и потому ушло секундой вперед, чем у друзей наших; но они связаны с нами сочувствием, а не службой!» [41].

[38] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XV, стр. 375.
[39] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XIV, стр. 436.
[40] Там же.
[41] Там же, стр. 439.

Отсюда видно, какое огромное значение придавал Герцен крестьянскому и национальному вопросам в ходе польского восстания и тому, чтобы политическая программа русско-польского революционного союза была воспринята русским революционным движением.

Бакунину был чужд трезвый учет всех обстоятельств, решавших успех русского и польского революционного дела, что порождало его беспринципную уступчивость в определении совместной платформы участников переговоров.

Но определяющее влияние в ходе переговоров имел не Бакунин, а Герцен. Вот почему в документах, как бы подводящих итоги этим переговорам, видна четко проведенная им принципиальная линия. Эти документы (письма издателей «Колокола» Герцена и Огарева Центральному национальному комитету в Варшаве и «Русским офицерам в Польше») были опубликованы одновременно в 47-м листе «Колокола» от 15 октября 1862 года.

Осенью 1862 г., когда решался вопрос, быть или не быть восстанию и все помыслы Герцена и Огарева были направлены на то, чтобы предотвратить его ввиду неподготовленности, Бакунин продолжал придерживаться своих авантюристических позиций — восстание во что бы то ни стало!

31 октября 1862 г. Огарев писал Бакунину: «Я утрачиваю в тебе мою человеческую веру, не сердись на меня за мою откровенность, как сердятся обыденные французы; а просто задумайся искренне и спроси себя по совести, прав я или нет... Ты затем и хочешь вредной попытки (восстания в Польше.— *Я. Л.*) потому, что она т е б е дает занятие, хотя бы и вредила д е л у... Если ты ищешь себе занятия, хотя бы по дороге погибла надолго русская свобода и рост внутренней организации народа,— я враг тебе» [42].

Герцен и Огарев относились к делу политического освобождения России с чувством величайшей ответственности. Вот почему, страстно желая, как горячие патриоты своей Родины, скорейшего осуществления этой великой национальной задачи, они в то же время очень вдумчиво, с большой осторожностью определяли конкретные революционные перспективы, возможные сроки всенародного восстания.

Пропагандируя его идею на протяжении второй половины 1862 г. и отнюдь не отказываясь от широко распространенной среди революционной демократии мысли о восстании летом 1863 г., они многократно взвешивали шансы для успешного свершения этого акта. Такие воззрения четко отразились в письме Огарева Бакунину от 31 октября 1862 года. Восстание надо готовить прочно, терпеливо и безостановочно, писал в нем Огарев [43].

Он требовал преданного отношения к революционному делу. Иной подход, ведущий к попыткам преждевременного восстания без учета обстановки и роста «внутренней организации народа», Огарев считал «безнравственным преступлением» [44]. Взгляды Герцена были такими же.

Бакунин же считал, по словам Жуковского, «что нечего обдумывать. Валяй! Пиши, бунтуй! В Литву, раскол! бунт! и пошел, и пошел» [45].

Герцен и Огарев неоднократно указывали на серьезнейший порок Бакунина — нарушение им элементарных основ конспирации. «Твоя доверчивость к болтунам разных этажей,— писал Огарев Бакунину в октябре

---

[42] «Письма Бакунина к Герцену и Огареву». СПБ. 1906, стр. 88—89.

[43] Н. П. Огарев. Избранные социально-экономические и философские произведения. Т. II. Госполитиздат. 1956, стр. 475.

[44] Там же.

[45] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI, стр. 455. Приложения.

1863 г.,— твоя внутренняя тревога, заставляющая тебя искать аудитории, невольно вовлечет тебя к нарушению тайны, а что потом из этого выйдет в руках другого человека — это уже дело судьбы» [46].

Не меньший ущерб революционному движению наносила также свойственная Бакунину несдержанность в разговорах и публичных выступлениях, когда «преждевременный гам губит дело» [47]. К тому же порой Бакунин настолько парил в облаках и порывал с реальной действительностью, что впадал в несусветные преувеличения. Так, в частности, случилось во время его выступления в Стокгольме летом 1863 года. Речь эта была по «достоинству» оценена Герценом, назвавшим ее колоссальной «уткой», и Огаревым, указавшим на вред, который она нанесла. «Твое хвастовство об об[ществе] З[емля] и В[оля] не принесло ему пользы,— писал он Бакунину.— Вот почему нам трудно будет ладить. Ты хочешь, чтоб все было сейчас, поскорей и производишь тревогу, а вещи от этого не подвигаются» [48].

Как свидетельствуют факты, авантюристическая позиция Бакунина оказала отрицательное воздействие на русское революционное движение той эпохи. Это проявилось в связи с «Казанским заговором». Своим происхождением этот заговор связан с правым крылом польского национально-освободительного движения, с так называемой партией «белых» (с «Отелем Ламбер»), один из деятелей которой, И. Кеневич, «предложил членам комитета партии «белых» в Вильно план, рассчитанный на то, чтобы идею народной, вооруженной, антиправительственной борьбы на литовско-белорусских землях подменить планом развязывания крестьянских бунтов в Поволжье» [49].

Лидер виленского комитета «белых» Якуб Гейштор рассказывает в своих мемуарах: «8 февраля состоялось заседание комитета, на котором Иероним Кеневич представил свой проект диверсии в России, дабы оказать помощь нашему восстанию. Он хотел поднять массы народа под лозунгом наделения землей. Все попытки поднять в наших провинциях вооруженное движение были решительно отклонены. Кеневич развивал план крестьянского движения на Волге и Каме, в местностях, прославившихся в русской истории массовыми мятежами и хранивших еще традиции Пугачева... Мои товарищи сразу согласились с проектом Кеневича...» [50].

Во исполнение своего замысла И. Кеневич приезжал в начале 1863 г. в Петербург, где вел переговоры с представителем «Земли и воли» П. А. Ровинским, который ему заявил: «Более или менее широко распространенного восстания произвести нельзя; можно поднять какую-нибудь волость, но ведь это значит прямо повести людей на убой» [51]. Центральный комитет «Земли и воли» через Ровинского дал Кеневичу отрицательный ответ [52].

Один из участников «Казанского заговора», Госцевич, будучи арестован, на следствии показал: «Комитет Польский сносился с русским, чтобы сей последний начал действовать, но что в комитете заседают люди нерешительные, что они отказались от действия, говоря, что еще не настало время, что еще умы недостаточно подготовлены. Между тем один из членов Польского комитета был в Швеции и виделся с Бакуниным, который дал ему письмо рекомендательное русскому комитету, что этот член предложил русскому комитету в Петербурге действовать, но когда

---

[46] Н. П. Огарев. Указ. соч. Т. II, стр. 489.
[47] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI, стр. 493.
[48] Н. П. Огарев. Указ. соч. Т. II, стр. 490.
[49] Ю. Ковальский. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше. М. 1953, стр. 249.
[50] См. там же.
[51] Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М. 1958, стр. 324.
[52] Там же, стр. 557—558.

они не согласились, то узнал от них о членах или о члене Комитета в Казани»[53].

И. Кеневич, несмотря на отрицательный ответ ЦК «Земли и воли», опираясь, очевидно, на поддержку некоторых московских землевольцев, направил в Казань в качестве своего доверенного лица поручика М. А. Черняка, поручив ему сообщить казанским революционерам, «что в обществе «Земля и воля» произошел раскол и значительное большинство его во главе с Бакуниным находит удобным начать восстание теперь же, воспользовавшись тем, что благодаря польскому восстанию русские войска отвлечены на запад; далее Черняк должен был объявить, что он является агентом большинства, в удостоверение чего Кеневич дал ему рекомендательное письмо с подписью якобы Бакунина»[54].

План Кеневича состоял в том, чтобы при помощи подложного царского манифеста поднять крестьян на восстание.

Есть все основания утверждать, что слова И. Кеневича о расколе в «Земле и воле» не соответствовали действительности, хотя, возможно, имели некоторые основания, так как в московском отделении общества были налицо разногласия с Центральным комитетом «Земли и воли», о характере которых можно строить лишь предположения[55]. Несомненно также, что отдельные московские землевольцы (в частности, Ю. Берзенгер), находившиеся как будто бы в оппозиции к Центральному комитету «Земли и воли», сочувственно отнеслись к предложению Кеневича и приняли некоторое участие в реализации его замысла.

Казанский комитет «Земли и воли» отрицательно воспринял предложения М. Черняка. Такая позиция комитета не была случайной. Казанская организация «Земли и воли» являлась одной из самых передовых среди провинциальных ее организаций. Основное ядро казанских землевольцев отличалось высоким для того времени уровнем революционной зрелости, глубоким пониманием тактической линии тайного общества и твердой к ней приверженностью.

Г. Н. Вульфсон и Е. Г. Бушканец в своем исследовании «Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859—1861 годах» приводят в этом отношении очень интересные факты, относящиеся к 1861—1862 гг., когда революционная организация в Казани находилась еще в стадии формирования. Один из ее активных участников, студент Иван Пеньковский, с помощью своего брата Ефрема и М. Элпидина написал прокламацию «Бью челом народу православному», составленную на основе прокламации Огарева «Что нужно народу» (из которой были взяты целые абзацы) и других материалов «Колокола». Но при этом Пеньковский обошел одно из важнейших положений в прокламации Огарева, направленное против разрозненных выступлений по местному почину и ратующее за организованное всероссийское восстание. Прокламация И. Пеньковского не была напечатана и не распространялась. Другим чле-

---

[53] Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. III, отд., Следственная комиссия 1862 г., д. 94, 1863, л. 78.

[54] Б. Козьмин. Казанский заговор. М. 1929, стр. 54. Следуя указаниям И. Кеневича, на одном из конспиративных собраний в Казани М. А. Черняк заявил: «Я должен признаться вам, что в комитете нашем образовались теперь, собственно, две партии. Одна думает, что *нужно* год или два *вести пропаганду* и только со одной ограничить свои действия; другая же партия убеждена в необходимости как можно скорее *начать восстание*. Первая партия никак не хочет верить сообщениям агентов, что народ повсеместно недоволен своим положением и что он восстанет тотчас, как только дан будет толчок. Я принадлежу ко второй партии, партии необходимого начатия дела, и нахожу, что всего лучше начать с Казанской губ.» (А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI, стр. 349). В этих словах Черняка бросается в глаза характерная именно для Бакунина тенденция — считать, что народ в любой момент готов к восстанию и достаточно его призвать к действию, чтобы восстание состоялось.

[55] См. «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.». Париж. 1905, стр. 113—114.

ном революционного кружка, Иваном Умновым (учеником Н. Г. Чернышевского по Саратовской гимназии, возможно, встречавшимся с ним и в последующие годы после учения), была подготовлена другая прокламация, известная под названием «Долго давили вас, братцы». В ней нашли свое четкое отражение идеи, сформулированные в прокламации «Что нужно народу?» В частности, там говорилось: «Надейтесь, братцы, на себя самих, да и добывайте себе волю сами. Только помните, братцы, что не следует до поры до времени затевать дело по кучкам,— этак кроме беды ничего не добудете...

Только не торопитесь, братцы, чтобы не испортить дело. Прежде пообдумайте, да соберитесь с силами» [56].

Эти строки содержат не что иное, как другими словами изложенное важнейшее положение «Что нужно народу»: «Шуметь без толку и лезть под пули вразбивку нечего, а надо молча собираться силами, искать людей преданных, которые помогли бы и советом, и руководством, и словом, и делом, и казной, и жизнью, чтобы можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять против царя и вельмож землю мирскую, волю мирскую, да правду человеческую» [57].

В то же время строки казанской прокламации совпадали с соответствующим местом прокламации «Барским крестьянам».

Опираясь на новые архивные материалы, Вульфсон и Бушканец приходят к вполне обоснованному выводу: «Обращает внимание, что прокламации, вышедшие из внутрироссийского и заграничного (лондонского) революционных центров, при отдельных различиях проводили одну тактическую линию, а именно — планомерная и серьезная подготовка восстания, предупреждение опасности разрозненных крестьянских выступлений» [58].

Таким образом, Казанский комитет «Земли и воли» был активным проводником линии Центрального комитета общества, линии Герцена и Огарева и в этом духе направлял деятельность своей организации.

И. Кеневич, М. Черняк и их сообщники не посчитались с мнением Центрального и Казанского комитетов «Земли и воли» и приступили к осуществлению своего замысла. Их действия состояли из цепи мистификаций.

Прибыв в Казань, Черняк рекомендовался агентом русского революционного комитета «Земли и воли» и предъявил клочок почтовой бумаги, на котором было написано: «Предъявителю сего верить. Бакунин» [59] (разрядка моя.— *Я. Л.*). Был отпечатан и распространен подложный царский манифест, а также заготовлено обращение «К гражданам Казани», в котором говорилось, что Всероссийский комитет «Земли и воли» назначил Черняка начальником гражданских властей и представителем высших военных властей в Казанской губернии, поручив ему захват города. Все это было заведомым обманом и злоупотреблением именем общества «Земля и воля».

Трагический финал «Казанского заговора» известен [60].

Когда экземпляр ложного царского манифеста попал в Лондон, Герцен воспроизвел его в 166-м листе «Колокола» (от 20 июня 1863 г.), в статье «Волжский манифест и Россия в осадном положении». В ней давалась развернутая оценка манифеста. Прежде всего указывалось, на-

---

[56] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XV, стр. 547—548.

[57] «Колокол», 1861, лист 102.

[58] Г. Н. Вульфсон, Е. Г. Бушканец. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859—1861 годах. Казань. 1955, стр. 97.

[59] «Записка полковника Слуцкого о происшествиях, бывших в рассмотрении высочайше учрежденной в Казани главной следственной комиссии». «Красный архив». 1923, кн. IV, стр. 280; А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. XVI, стр. 348. Примечания.

[60] См. Б. П. Козьмин. Казанский заговор.

сколько опасен путь, избранный авторами воззвания, так как в результате таких методов «народ перестанет верить печатному слову».

Редакция «Колокола» отмечала: «Мы не сомневаемся, что это воззвание сделано людьми благородными, но не сообразившими, между прочим, и того, что они в нем поддерживают старую несчастную мысль, что царь хочет дать настоящую волю, только ему все кто-то мешает, в то время, когда ясно, что не только другие мешают царю, но он сам себе мешает, потому что он сам настоящей воли дать не хочет».

Редакция «Колокола», не зная в то время истории «Казанского заговора», советовала: если этот манифест издан особым кружком, присоединиться ему и всем другим к «главному обществу и действовать тогда с единством плана». В заключении статьи разоблачалась царская администрация, предпринявшая в паническом страхе после раскрытия «Казанского заговора» чрезвычайные меры.

Хотя «Казанский заговор» был задуман как удар по русскому царизму, он в конечном счете нанес серьезный ущерб русскому революционному движению [61], понесшему ничем не оправданные человеческие жертвы. Он повлек за собой многочисленные провалы среди землевольцев и крайне ухудшил обстановку для проведения революционной работы «Землей и волей» и тем самым в некоторой степени явился одним из обстоятельств, ускорившим распад этой организации.

Приведенные выше материалы дают серьезные основания сделать вывод о причастности М. А. Бакунина к «Казанскому заговору». Нельзя считать случайным то обстоятельство, что И. Кеневич пытался прикрыть свою затею именем М. А. Бакунина как выразителя тактики «восстание во что бы то ни стало».

★

В период деятельности тайного общества «Земля и воля» (1861—1864 гг.) политическая линия А. И. Герцена и Н. П. Огарева и их газеты «Колокол» отличалась наибольшей последовательностью и революционной выдержанностью. Когда же «Земля и воля» сошла со сцены, а в стране во второй половине 60-х годов царило торжество реакции, «Колокол» решительно боролся против нее, но все же на его страницах вновь проявились временные отклонения от демократизма, либерально-реформаторские иллюзии его редакторов (вплоть до письма на имя Александра II). Это вызывало справедливую критику со стороны более последовательных революционеров-демократов — учеников Н. Г. Чернышевского.

После самоликвидации тайного общества «Земля и воля» (март 1864 г.) бывший член его Центрального комитета Н. И. Утин прилагал энергичные усилия к тому, чтобы совместно с Герценом и Огаревым сделать реальной перспективу возобновления в России планомерной революционной деятельности. Между Утиным, жившим в то время в Брюсселе, с одной стороны, и Огаревым и Герценом, находившимися в Лондоне,— с другой, летом и осенью 1864 г. происходила оживленная переписка, целиком посвященная решению этой задачи [62].

На основании переписки Утина с Герценом и Огаревым и возникла идея созыва съезда русской революционной эмиграции в Женеве, обуслов-

[61] Не следует смешивать с «Казанским заговором» ту революционную пропаганду и агитацию идеи вооруженного восстания, которую проводили Казанский комитет «Земли и воли» и примыкавшие к нему лица путем распространения прокламаций и другими методами во исполнение планов общества «Земля и воля». Хотя подобная же, и даже большая по масштабу, революционная агитация и пропаганда осуществлялась организациями «Земли и воли» во многих губерниях, мы же не применяем по отношению к этой деятельности название «Московский заговор», «Нижегородский заговор», «Пермский заговор», и т. д., и т. п. На самом деле у «Земли и воли» был только один «заговор» — замысел всероссийского вооруженного восстания «со всех периферий разом».

[62] См. «Литературное наследство». Т. 62, стр. 650—683.

ленная задачей объединения зарубежных русских революционных сил. На Женевском съезде обсуждались основные вопросы, волновавшие тогда русскую революционную эмиграцию, но главным из них был, конечно, вопрос о революционном органе — «Колоколе». Съезд, пытавшийся объединить русскую революционную общественность за границей, потерпел неудачу, хотя он не прошел бесследно для дальнейшей работы «Колокола» [63].

В последующие годы Герцен, выполняя обещание, данное в Женеве, привлек к сотрудничеству в «Колоколе» ряд представителей революционной эмиграции. В то же время представители «молодой эмиграции», главным образом из числа бывших активных землевольцев, критиковали Герцена и Огарева, когда на страницах «Колокола» появлялись статьи, содержавшие ошибочные положения и выражавшие временное отклонение ее редакторов от демократизма или же отдельные спорные формулировки.

В 229-м листе «Колокола» (от 1 ноября 1866 г.) была опубликована статья Огарева «Продажа имений в Западном крае». В ней шла речь об указе Александра II о принудительной продаже земель польских помещиков, принимавших участие в восстании 1863 г., русским помещикам, чиновникам и купцам. Эта мера, носившая явно репрессивный характер, имевшая целью насильственную русификацию края, была ошибочно истолкована Огаревым как шаг, открывавший возможность для утверждения там крестьянского общинного землевладения. Огарев рекомендовал царскому правительству продавать земли польских помещиков местным крестьянам или же крестьянам — переселенцам из внутренних губерний. Он так же, как и Герцен, считал, что это будет способствовать разрушению шляхетского землевладения и началу осуществления ликвидации сословий.

Руководствуясь своей теорией «общинного социализма», Герцен и Огарев в данной статье игнорировали конкретную политическую обстановку и основную задачу борьбы революционной демократии с царизмом.

Вполне понятно, статья Огарева встретила протест со стороны польской и русской революционной эмиграции. Особенно резко выступил А. Серно-Соловьевич, выпустивший специальную листовку «Польский вопрос. Протест русского против «Колокола», напечатанную на французском языке. Прежде чем ее выпустить, А. Серно-Соловьевич, корректируя названную статью Огарева, попросил его «выбросить из нее все то, что относится до переселения в Польшу русских крестьян, говоря, что это и ложно по мысли и довольно грубо оскорбит тех, которым «Колокол» постоянно говорит: «Наши братья — поляки». Господа редакторы не согласились на эту поправку, защищая свой проект своими социальными теориями» [64]. На основании этого А. Серно-Соловьевич заявлял в своей листовке, что «господа редакторы «Колокола» не хотят, однако, слушать ни совета, ни мольбы людей, п р и н а д л е ж а щ и х к и х п а р т и и» (разрядка моя.— *Я. Л.*) [65].

Следовательно, критикуя Герцена и Огарева, А. Серно-Соловьевич рассматривал себя и их как людей одной партии. Но вместе с тем он утверждал: «Я понимаю способ осуществления социалистических теорий и обновления социальных форм жизни не так, как это понимают господа редакторы «Колокола» [66]. Статью Огарева А. Серно-Соловьевич расценивал как громадную политическую ошибку.

В 1866—1867 гг. Огарев опубликовал в «Колоколе» серию статей

---

[63] См. статью Б. П. Козьмина. Герцен, Огарев и «молодая эмиграция», стр. 15—23.

[64] «Литературное наследство». Т. 61, стр. 567.

[65] «Литературное наследство». Т. 41—42, стр. 113.

[66] Там же, стр. 115.

под общим названием «Частные письма об общем вопросе», посвященных пропаганде западноевропейских социалистических учений и разработке теории русского социализма.

В последней из статей этой серии — «Письма между четвертым и пятым» (237, 239, 240-й листы «Колокола», март — май 1867 г.) — Огарев, отмечая непримиримость крестьян к помещичьей и императорской собственности и власти, пропагандировал (как и в статье «Продажа имений в Западном крае») идею передачи помещичьего и казенного поземельного имущества посредством организации народного кредита в собственность крестьянских общин, ошибочно считая, что такое землевладение явится экономической основой их социалистического развития.

Эти взгляды Огарева были раскритикованы одним из активных представителей революционной эмиграции, Н. И. Жуковским. В письме к Огареву (сентябрь 1867 г.) он, отвергая его предложения как несостоятельные, указывал, что даже если часть земли перейдет к крестьянству, то «воли мужику из этого не выйдет потому, что все-таки правительство не может перестать быть дворянским и братьев своих дворян будет поддерживать во что бы то ни стало... волю народ возьмет только сам и без Пугачева (то есть без крестьянской революции.— *Я. Л.*) дело не обойдется» [67].

В 230—234-м листах «Колокола» (от 1 декабря 1866 — 1 февраля 1867 г.) Герцен опубликовал свою большую статью «Порядок торжествует», в которой, подводя итоги деятельности прошедших лет, характеризовал взаимоотношения внутри революционно-демократического лагеря.

Статья эта вызвала противоречивую оценку в рядах революционной эмиграции. Те ее строки, в которых Герцен писал о влиянии Чернышевского на молодое поколение, вызвали, по утверждению Н. Утина, «горячее сочувствие тех, кто обязан Чернышевскому всем своим воспитанием». С другой стороны, статья (в частности, ее слова «пуритане демагогии», сказанные в адрес тех, кто критиковал Герцена за его либеральные иллюзии) «задела заживо все было[е] разногласие Петербурга и Лондона» [68], послужив поводом к появлению брошюры А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела». В ней, правильно критикуя либеральные ошибки Герцена, его апелляцию к верхам, в пылу полемики Серно-Соловьевич договаривался до таких утверждений, которые, по существу, зачеркивали все огромное значение деятельности Герцена для русского революционного движения.

Несмотря на отдельные перехлестывания и необоснованно резкие выпады, критика «Колокола» со стороны «молодой эмиграции» имела большое значение. Она была направлена на то, чтобы выправить политическую линию редакторов «Колокола», избавить ее от срывов и колебаний и тем усилить роль «Колокола» в русском революционном движении. Это видно и из переписки представителей «молодой эмиграции» с Герценом и Огаревым.

Н. И. Утин в пространном письме Огареву от 14 февраля 1867 г. писал, имея в виду «Колокол»: «Колебания и непоследовательности, конечно, не наставят молодежь на истинную дорогу, а наше дело по-прежнему заключается в этом» [69]. В этой же связи Утин критиковал направление «Колокола» «за довольно долгое последнее время», считая, что современные события и факты в России проходят мимо него и в силу этого он утрачивает характер политического органа. Утин указывал, что в «Колоколе» «тем же самым автором — на весьма небольших промежутках — высказываются различные и даже противоположные отно-

---

[67] «Литературное наследство». Т. 62, стр. 136.
[68] Там же, стр. 680.
[69] Там же, стр. 682.

шения к императорству, к его персонификации (к которому, конечно, всегда должно относиться, как к кульминационному пункту враждебной силы)»[70]. Подверг критике Утин Герцена и за игнорирование «молодой эмиграции». «Вам пора перестать отвергать с пренебрежением юношей...— писал Утин,— наоборот, вы должны бы употребить все силы, чтоб извлечь пользу для вашего органа из каждого из нас...»[71].

Н. Утин и его товарищи настойчиво добивались создания объединенного заграничного русского революционного органа.

В 1867 г. Л. Мечников и Н. Жуковский, а затем и Н. Утин обратились к Герцену и Огареву с предложением об издании общего журнала-обозрения как периодического органа всей русской революционной эмиграции. В письме к Огареву Жуковский изложил свои соображения о направлении и задачах этого журнала (имелось в виду воссоздание «Полярной звезды»). Необходимость этого издания он обусловливал насущными нуждами русского революционного движения. При этом очень большое значение он придавал той роли, которую должна сыграть в журнале разночинная интеллигенция (именовавшаяся им «городским интеллигентным пролетариатом»). Он утверждал, что именно в среде разночинной интеллигенции жив дух революции, дух страстной ненависти к официальной России, дух преданности социалистическим идеям. Однако, по мнению Жуковского, происходит умственное обеднение молодой интеллигенции, потому что «решительно нечего читать, не у кого учиться». И далее он рисовал весьма неутешительную картину поверхностного ознакомления разночинной интеллигенции с социалистическими теориями Запада: «Молодые люди носятся с Фурье, Прудоном, Консидераном, Сен-Симоном и просят переводить их отрывки, Фурье сводится на какие-нибудь фразы о своднях-утешительницах». Исходя из этого, Жуковский намечал программу «Полярной звезды» по трем ее отделам.

«Только ясное изложение исторически всех учений социализма, изложение критическое и основательное, может положить конец этому безобразию потому, что только так (мне кажется) и можно выяснить религию социализма.— Вот, по-моему, задача первого отдела «Полярной звезды». Второй отдел должен представлять картину развития социальной жизни из русской общины, т. е. должен пытаться объяснить, как из земледельческой артели должна тут же в селе выйти община индустрии, община торговли. До сих пор говорилось об этом только вскользь, а теперь надо построить целую систему жизни социальной на русской общине. Такая постройка пойдет рядом ошибок и промахов, но надо когда-нибудь начать их делать, иначе вопрос наш, при всей своей жизненности, начинает словно замирать. Третий отдел. Практические попытки Запада, т. е. ныне действующие в Европе ассоциации. Их устройство, их

[70] Там же, стр. 679.

[71] Там же, стр. 682. Другой представитель молодой революционной демократии, Н. Николадзе, в письмах к Огареву высказал в адрес редактора «Колокола», по существу, те же самые соображения, что и Утин. Николадзе был твердо уверен, что сила Герцена и Огарева, если они ее хотят иметь, «находится в молодом поколении: удовлетворите его, и я ручаюсь вам,— писал он,— своею головою, что вы можете тогда рассчитывать на него, как на каменную гору». Но для удовлетворения запросов молодого поколения, по его мнению, было необходимо изменить характер издательской деятельности Герцена и Огарева. «Ваша издательская деятельность,— отмечал он,— была для них проблесками молнии, озарявшей и освещавшей время от времени мрачный туман, царящий над ними; вместо того, чтобы вдохновить в них постоянную с и л у, вы время от времени подстрекали их дремавшую от многих причин энергию, и только. Для того, чтобы это поколение было вполне удовлетворено вами, необходимо, чтобы все ваши силы, не тратясь в отдельных проблесках без связи и единства, соединились в одно стройное целое и стали постоянным маяком, освещающим дорогу не более или менее блистательным мерцанием, а равномерным светом» («Литературное наследство». Т. 62, стр. 408—409). В этих словах выражены пожелания, чтобы «Колокол» имел четко определенную программу и выдержанный политический курс, без колебаний и отклонений, на чем еще в 1859 г. настаивал Чернышевский при свидании с Герценом и о чем многократно писал редакторам «Колокола» Утин.

успехи, неуспехи». Все это, заключал Жуковский, нужно знать русской разночинной молодежи для того, чтобы стать, как он выражался, «интеллигенцией социализма» и «с успехом послужить крестьянской революции»[72].

Отсюда видно, что «молодая эмиграция» ясно представляла революционную и социалистическую направленность нового периодического органа.

Каково же было в конечном счете отношение А. И. Герцена к предложениям «молодой эмиграции»?

Во всех своих публичных высказываниях Герцен сумел удержаться на почве объективного подхода к оценке молодого революционного поколения, и, несмотря на резкие выпады в его адрес, он никогда не оставлял намерения сработаться даже с самыми непримиримыми из своих оппонентов. Идейные разногласия не зачеркивали тот дух солидарности и единства цели в революционной борьбе, которые в конечном счете определяли взаимоотношения в русском революционном лагере. Это с особой силой проявилось после ареста и во время заключения Н. Г. Чернышевского. Во многих своих статьях на страницах «Колокола» и ряда западноевропейских газет Герцен поднимал голос негодующего протеста против циничной расправы царизма над великим революционным демократом, расценивая это как акт «варварства, несправедливости, жестокости». Разоблачая преступление самодержавия, Герцен гневно восклицал: «Проклятье вам, проклятье и, если возможно, месть!..»[73].

Герцен писал о Чернышевском «как о замечательном писателе и самом талантливом из преемников Белинского»[74]. Когда весною 1864 г. возник план организации побега Чернышевского за границу, Герцен горячо поддержал его и заявил: «Пусть приедет Чернышевский, я с руками передам ему мой станок»[75]. К сожалению, этому не суждено было сбыться, но в конце 60-х годов Герцен стремился передать свой станок ученикам и последователям великого русского революционного демократа.

В мае 1869 г. Герцен предложил группе революционных эмигрантов Швейцарии во главе с Утиным, издававшим журнал «Народное дело», слить их типографию с типографией Чернецкого. В ответном письме по этому поводу на имя Трусова Утин писал о Герцене: «Мы ценим его семнадцатилетний труд, мы ценим ту выдержку, которой хватило у него и которой нехватает у других; мы можем идти теперь более резким путем, он сам сознает это, и он чрезвычайно честно и искренно уступает нам поле действие пропаганды и высказывает сочувствие нашему делу,— такое отношение немногие умели сохранить к делу, и обыкновенно старые деятели относились озлобленно и насмешливо к молодым,— это озлобление мы встретили даже в Бакунине, несмотря на его fausse bonhomie (притворное добродушие)»[76].

Не столько из принципиальных, сколько из-за организационных разногласий соглашение это не состоялось.

По не вызывающему сомнений утверждению В. Ф. Лугинина, «незадолго до смерти Герцен в Женеве при нем вел переговоры с Якоби, Жуковским и Серно-Соловьевичем о совместном возобновлении «Колокола»[77].

В нашей статье мы вышли за рамки собственно эпохи падения кре-

---

[72] Там же, стр. 137.

[73] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений. Т. XVII, стр. 243, 261.

[74] Там же, стр. 241—242.

[75] «Литературное наследство». Т. 63, стр. 332.

[76] Там же, стр. 688.

[77] Об этом В. Ф. Лугинин рассказал М. О. Гершензону. См. М. О. Гершензон. Письма к брату. М. 1927, стр. 150—151. Б. П. Козьмин, впервые обративший внимание на это ценное свидетельство, установил время пребывания В. Ф. Лугинина за границей (конец октября 1868 — июнь 1869 г.) и относил возможность переговоров к этому периоду. См. «Исторический сборник» АН СССР. 1936, стр. 117.

постного права (примерно вторая половина 1850-х и первая половина 1860-х годов). Это вызывалось необходимостью проследить до конца ту линию идейных разногласий, которая определилась во время подготовления и развития тайного общества «Земля и воля».

Что касается последующих идейных разногласий между Герценом и Бакуниным во второй половине 1860-х годов, то этот большой вопрос требует самостоятельного рассмотрения и не мог быть освещен в данной статье.

★

Характерная черта русского освободительного движения в эпоху падения крепостного права — борьба за последовательный революционный демократизм, против либерально-реформаторских иллюзий и анархистского авантюризма. В связи с этим разногласия в рядах революционной демократии затронули широкий круг проблем, имевших большое принципиальное значение для политического освобождения России.

Прежде всего борьба мнений в революционно-демократическом лагере еще до падения крепостного права развернулась вокруг лозунга крестьянской революции и тесно связанных с ним вопросов тактики революционной борьбы. Затем на первый план выступили проблемы теории общинного социализма, строительства революционной партии и тактики проведения вооруженного восстания. По всем этим вопросам происходила борьба мнений между Чернышевским, Добролюбовым и их непосредственными учениками и последователями, с одной стороны, и Герценом, Огаревым, с другой. В ходе ее Герцен и Огарев по некоторым коренным вопросам признали справедливость критики их позиций и полностью солидаризировались с линией «Современника». Так было с лозунгом крестьянской революции и с отношением к обличительной литературе. В понимании теории «общинного социализма» различия не были преодолены.

Несмотря на наличие серьезных разногласий, обе спорящие стороны приняли активное руководящее участие в создании и деятельности русской революционной партии — тайного общества «Земля и воля». После ее самоликвидации Герцен и Огарев подвергались справедливой критике за свои ошибки со стороны более последовательных революционных демократов из числа «молодой эмиграции» (А. Серно-Соловьевич, Н. Утин, Н. Жуковский). Но и в этот период редакторы «Колокола» стремились к объединению революционных сил, к сотрудничеству с «молодыми штурманами будущей бури».

В центре внимания на протяжении всего рассматриваемого периода был «Колокол», проводимая им политическая линия. Временные отклонения от демократизма его редакторов не могут заслонить той великой исторической роли, которую он сыграл в борьбе за политическое освобождение России. С его страниц в течение многих лет раздавалась пламенная агитация против самодержавно-монархического строя и крепостнической эксплуатации. Из года в год «Колокол» разоблачал шатания, измены и предательство российского либерализма.

В итоге своей идейной эволюции Герцен окончательно порвал с анархистом Бакуниным, написав в 1869 г. «Письма к старому товарищу». «Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к Интернационалу, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс...»[78],— писал В. И. Ленин.

Последователи и ученики Н. Г. Чернышевского из числа бывших землевольцев организовали Русскую секцию I Интернационала, впервые попытавшись связать русское революционное движение с рабочим движением в Западной Европе.

[78] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 11.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ВО ФРАНЦИИ*

Роже Гароди,
кандидат в члены Политбюро ЦК Французской коммунистической партии

За последние месяцы политические события во Франции развивались с необыкновенной быстротой. Вначале реакции удалось усилить натиск в направлении фашизации страны, что выразилось в следующих событиях: мятеж против правительства группы высших офицеров французских войск в Алжире 13 мая 1958 г., приход к власти 1 июня генерала де Голля, сентябрьский референдум, утвердивший почти восемьюдесятью процентами голосов избирателей антидемократическую конституцию, и, наконец, ноябрьские выборы в Национальное собрание Франции, закончившиеся победой наиболее реакционных сил.

Результаты муниципальных выборов в марте 1959 г. показали, что в стране под давлением народных масс правые партии вынуждены были отступить. Французская коммунистическая партия добилась крупного успеха; наметилась первая перегруппировка демократических сил.

Каким же образом развернулось во Франции наступление реакции и почему она начала так быстро отступать? Попытаемся в настоящей статье дать ответы на эти вопросы.

★

Генерал де Голль пришел к власти после переворота в Алжире. Наряду с другими причинами это стало возможным потому, что во Франции оказались весьма сильными шовинистические и антипарламентские настроения.

Что является источником шовинизма?

Колониальная империя Франции — по величине вторая в мире. Господствующий класс, проводя империалистическую политику, сумел привить колониалистскую идеологию не только мелкой буржуазии, но даже некоторой части пролетариата. Колониальная политика создавала для этого объективные условия, так как мелкая буржуазия и небольшая часть рабочих получали крохи из колониальной добычи в обмен за поддержку ими крупной буржуазии в ее авантюрах.

С помощью прессы, радио, телевидения, кино на протяжении десятилетий французам со школьной скамьи прививалась мысль, что Франция несет цивилизацию и благоденствие отсталым народам, что ее величие зависит от сохранения колониального господства.

В этих условиях распад колониальной империи не мог не вызвать глубоких переживаний в некоторых слоях французского общества. Уже после освобождения Франции от немецких оккупантов от нее полностью отделились Сирия и Ливан; отпал и Вьетнам в результате долгой разорительной войны, которая на севере окончилась военным поражением Франции, а на юге — заменой французского господства американским; затем сбросили иго колониализма Тунис и Марокко. Пятый год героически борется за свое освобождение народ Алжира.

---

* В основу статьи положен доклад, сделанный Роже Гароди в Институте истории АН СССР 27 марта 1959 г. и предоставленный им по просьбе редакции для опубликования в журнале «Вопросы истории».

Французская буржуазия не сумела изменить свою политику и приспособить ее к духу времени. В «эпоху Бандунга», вместо того чтобы учитывать гигантское историческое движение, которое с непреодолимой силой втягивает угнетенные народы в борьбу за независимость, она упорно стремилась любой ценой сохранить старые, колониальные отношения. Но на этом пути ее ожидало одно поражение за другим.

Нарастало недовольство в армии. Скомплектованные из представителей буржуазии офицерские кадры вследствие своей классовой ограниченности не могли понять подлинных причин поражений в колониальных войнах, которые в действительности кроются в политике французской буржуазии. Эта политика вот уже в течение 12 лет ставит задачи, выполнить которые армия не в состоянии, ибо они идут наперекор историческому развитию: в нынешнюю эпоху невозможно победить народы, объединившиеся в национальной борьбе за независимость. Не понимая того, что поставленная французским империализмом цель неосуществима, кадровые офицеры считали виновником поражений французских войск республиканский режим, который якобы не дает им средств для победы. Это недовольство и породило в армии «дух 13 мая» с его характерным лозунгом: «Мы хотим сильной власти, вождя, который даст нам средства закончить войну в Алжире военной победой».

В то же время росло разочарование в парламентарном режиме и среди демократических сил страны. С 1947 г., с момента, когда американские дельцы для осуществления плана Маршалла и создания Атлантического союза добились удаления коммунистов из правительства, французская политика стала политикой реакции и колониализма. В стране имелся сильный демократический лагерь, но наступление на коммунистов мешало сформированию в палате депутатов левого большинства и образованию соответствующего правительства. Избиратели-демократы потеряли доверие к режиму, который неизменно навязывал им реакционные правительства с их реакционной политикой, в то время как при голосовании большинство получали левые силы.

Особенно большое разочарование наступило после выборов 2 января 1956 года. Несмотря на то, что подавляющее большинство голосов получили партии, выступившие с требованием обеспечения путем переговоров мира в Алжире, Ги Молле проводил колониалистскую и реакционную политику, направляя удары прежде всего против Коммунистической партии. Этот антикоммунизм, не позволявший образовать в парламенте левое большинство, которое соответствовало бы расстановке сил в стране, дискредитировал парламентарный режим.

Тем самым для реакции сложилась благоприятная ситуация для проведения кампании в пользу установления авторитарного режима и прихода де Голля к власти с помощью армии.

Де Голль воспользовался как шовинистическим, так и антипарламентским течениями. Он сумел на протяжении нескольких месяцев поддерживать среди населения немало иллюзий, стараясь убедить французов в том, что в его намерения входит не уничтожение элементов демократии, а обновление ее путем искоренения недостатков парламентарной системы и установления «надпартийной» власти. Он использовал шовинистические настроения, изображал себя поборником единства Франции, способным якобы решить «алжирскую проблему». Надежда на то, что де Голль покончит с войной в Алжире, сыграла свою роль: миллионы французов проголосовали за него.

И в настоящее время эти иллюзии еще полностью не развеяны. Но уже сильно поколеблено доверие к де Голлю и особенно к тем, кто требовал и добивался прихода его к власти.

Чем объяснить эту перемену? Прежде всего тем, что твердая позиция Коммунистической партии помогла французскому народу понять подлин-

ный характер режима и политики де Голля. Гибельные последствия этой политики для трудящихся и общенациональных интересов обнаружились очень быстро.

★

С первых же дней деголлевского движения Коммунистическая партия разоблачила его подлинный классовый характер и повела решительную борьбу с этим движением.

Социальные силы, приведшие де Голля к власти, являются наиболее реакционными в стране. Это крупные колониалисты, стремящиеся с помощью оружия сохранить свои привилегии в Алжире, а также представители монополий и банков, заинтересованные в эксплуатации нефтяных богатств Сахары. Крупный капитал воспользовался сложившейся во Франции обстановкой, чтобы покончить с парламентарным режимом и установить авторитарную власть, а затем прибрать к своим рукам весь государственный аппарат. Армия была орудием выполнения реакционного замысла.

Коммунистическая партия сразу же вскрыла классовую сущность этого плана. Она разъясняла, что де Голль выражает интересы империалистов — тех сил, которые несут ответственность за все несчастья, обрушившиеся на французский народ на протяжении последних 12 лет. Он, следовательно, не в состоянии разрешить ни одной из стоящих перед Францией проблем. Более того, эти проблемы, наоборот, могут лишь осложниться. Коммунистическая партия с самого начала объясняла народу, что приход к власти де Голля будет означать продолжение и усиление войны в Алжире, сохранение зависимости Франции от США, дальнейшее обнищание трудящихся, наступление на свободы и демократические учреждения.

Действительность полностью подтвердила правильность этих выводов. Коммунистическая партия, проанализировав и разъяснив ситуацию и сразу же организовав борьбу против реакционного движения, помогла французскому народу разобраться в создавшемся положении.

Де Голль находится у власти в стране уже более года; практически он располагает абсолютными прерогативами без контроля со стороны парламента. За это время он не решил ни одной проблемы. Напротив, положение еще более ухудшилось во всех областях.

В алжирском вопросе де Голль старался поддержать иллюзию, будто он стремится к заключению мира. Это ему в известной степени удалось, потому что его политика не идентична политике крупных алжирских колонизаторов, которых во Франции называют «ультраколониалистами». Последние хотят сохранить в Алжире традиционные методы колониальной политики, опирающиеся на преимущественное сельскохозяйственное развитие страны и феодальную эксплуатацию.

Де Голль и поддерживающие его крупные банки и монополии видят свою главную цель в использовании нефтяных богатств Сахары. Алжир их интересует главным образом как путь к нефти, а также как непосредственный рынок сбыта ее. Поэтому они готовы принести в жертву некоторые интересы алжирских колонистов ради достижения компромисса с определенными слоями крупной алжирской буржуазии, чтобы закончить войну, сохранив основные позиции колонизаторов.

План, изложенный де Голлем в речи 3 октября 1958 г. в алжирском городе Константине, отражает эту политику: он предусматривает переход от аграрной феодальной колонизации к более современной форме — промышленной и собственно капиталистической колонизации, которая позволила бы, например, осуществлять переработку некоторой части нефти в нефтепродуктов Сахары в самом Алжире, в известной мере индустриализуя его.

Таким образом, между взглядами «ультраколониалистов» и политикой

де Голля имеется некоторое различие, что было широко использовано теми, кто пытается создать ложную иллюзию, будто де Голль является оплотом борьбы против «ультраколониалистов» и стремится достигнуть «либерального» решения алжирского вопроса.

Однако не следует переоценивать это различие. Во-первых, интересы колониалистов, богатых земельных собственников тесно переплетаются с интересами монополий и банков. Некоторые крупные сельскохозяйственные предприятия в Алжире находятся, например, в руках капиталистов, а аграрии, в свою очередь, сильно заинтересованы в алжирских рудниках. Во-вторых, обе формы колонизации предполагают сохранение колониального господства и угнетения в Алжире, нахождение там французских войск и отказ в признании права алжирского народа на независимость.

На этих основах мир невозможен. И война в Алжире продолжается и усиливается. Французская коммунистическая партия неустанно разъясняет французскому народу, что единственный способ положить конец войне заключается в безоговорочном признании права алжирского народа на независимость, что только на основе добровольности и равноправия возможно установление новых, братских отношений между алжирским и французским народами.

Пагубные последствия войны в Алжире для внутренней и внешней политики Франции очевидны. Во внешней политике эта война усиливает зависимость Франции от Соединенных Штатов Америки и Западной Германии прежде всего потому, что она вынуждает де Голля, как и его предшественников, делать займы у США и ФРГ. Кроме того, он был вынужден согласиться на участие монополий Соединенных Штатов, Западной Германии, Англии, Италии и Бельгии в совместной эксплуатации сахарской нефти. Де Голль должен был пойти на дальнейшие уступки американским и германским требованиям. Если в свое время он выступал против «европейского сообщества», то теперь Франция вступила в Общий рынок.

В берлинском вопросе именно де Голль наиболее рьяно служит интересам боннских реваншистов. Без всякого колебания он заявил на пресс-конференции 25 марта, что готов с оружием в руках выступить «за Берлин».

В целом реакционная политика монополий тяжело отражается на условиях жизни трудящихся Франции. Война в Алжире, бремя которой возложено на рядовых французов, обходится Франции ежедневно в 3 миллиарда франков. Военный бюджет, навязанный атлантической коалицией, никогда еще с момента освобождения Франции не достигал таких огромных размеров.

Вступление в Общий рынок усилило безработицу. Зависимость от Соединенных Штатов Америки приводит к тому, что американский кризис дает себя знать и во Франции. Французское правительство в настоящее время признает, что в стране имеется 200 тыс. полностью безработных и 2,5 млн. человек с сокращенным рабочим днем. Стремление сохранить курс валюты на уровне Англии и Западной Германии привело к девальвации французского франка, что еще более уменьшило покупательную способность населения.

Наконец, нынешнее правительство — подлинный административный совет монополий — приняло в январе целый ряд финансовых, экономических и социальных мер, направленных непосредственно против трудящихся. Классовый характер подобной политики очевиден.

Правительство уничтожило такое завоевание рабочего класса, как принцип постоянного соотношения изменения зарплаты и цен, предусматривавший, что при увеличении стоимости жизни предприниматели обязаны соответственно повышать заработную плату; коллективные договоры определяли это соответствие при помощи гарантированного минимума зарплаты. Идя навстречу требованиям предпринимателей, правительство

в постановлении о «заинтересованности» трудящихся в результатах работы предприятия попыталось связать зарплату и судьбу рабочего с положением каждого предприятия в отдельности с тем, чтобы создать иллюзию солидарности интересов рабочего и хозяина, эксплуатируемого и эксплуататора (политическая цель), а также добиться повышения производительности труда (экономическая цель).

Некоторые другие «ордонансы» были направлены на сокращение покупательной способности масс. Наиболее чувствительным образом отразились на французском народе указ, направленный против статута социального страхования, установленного после Освобождения министром-коммунистом Амбруазом Круаза, а также распоряжение о ликвидации пособий бывшим военнослужащим.

Проводя такую политику, правительство попыталось грубо нарушить демократические свободы с тем, чтобы лишить французский народ возможности выражать свое недовольство. Общая тенденция политики де Голля сводится к тому, чтобы заменить повсюду парламентскую форму управления авторитарным управлением при помощи чиновников, назначаемых центральной властью.

В политическом плане эта тенденция наиболее резко проявилась в изменении конституции. В деголлевской конституции парламент лишен большинства своих традиционных прерогатив; он теперь не имеет инициативы в определении государственных расходов и даже в прежних ограниченных рамках не контролирует исполнительную власть. Французский парламент стал своего рода палатой регистрации решений, принятых правительством. Чтобы лишить Национальное собрание возможности дальнейшего государственного контроля, де Голль и его правительство приняли антидемократический избирательный закон. Коммунистическая партия, собрав на ноябрьских выборах по сравнению с другими партиями наибольшее число голосов, получила в результате действия этого закона всего лишь 10 депутатских мандатов. А реакционная, фашистского толка правящая партия ЮНР («Союз в защиту новой республики») имеет 200 мест в парламенте, хотя за нее проголосовало на 200 тыс. человек меньше, чем за ФКП.

★

Таким образом, к началу 1959 г. выявились губительные последствия политики де Голля, политики монополий. Муниципальные выборы, происходившие в марте текущего года, показали глубокие изменения в общественном мнении.

Демократические силы выразили оппозицию режиму де Голля, проголосовав в своей массе за Коммунистическую партию, которая первой и наиболее решительно выступила с разоблачением деголлевской реакционной политики. За коммунистов были отданы новые голоса по всей Франции, не только в крупных рабочих центрах, но также и в деревне, среди крестьян. ФКП по-прежнему впереди других партий Франции по числу полученных голосов. В Париже за нее проголосовало 29,2% избирателей, что является самым высоким результатом голосования в послевоенный период.

Многие реакционные партии вынуждены отступать. ЮНР сохраняет еще прежние позиции, но и она понесла большие потери. В Париже за эту партию проголосовало на 65 тыс. человек меньше, чем в ноябрьские выборы 1958 года. В Лионе глава партии Сустель потерял 12 тыс. голосов. В рабочем городе Сент-Этьене другой руководитель ЮНР, Невирт, один из организаторов заговора в Алжире, потерял две трети голосов.

Крайне правая партия «независимых» (партия Пинэ) вынуждена отступать по всей стране.

Клерикальная партия МРП («Народно-республиканское движение»)

сохраняет некоторые позиции среди избирателей лишь на востоке и западе Франции, однако в остальных районах страны она понесла тяжелый урон.

Расколовшаяся радикальная партия не сыграла существенной роли на выборах в крупных городах и была вынуждена отступить в деревне.

Социалистическая партия теряет свои голоса по всей Франции. В крупных городах, таких, как Марсель или Лилль, где реакция нуждается в поддержке этой партии для борьбы против коммунистов, социалисты получили новые голоса в буржуазных кварталах, потеряв в то же время голоса рабочих. В Париже за социалистов отдано на одну треть голосов меньше по сравнению с ноябрьскими выборами 1958 года.

Но наиболее важным результатом муниципальных выборов явилось то, что они показали наличие кризиса в социалистической партии. Во втором туре голосования, в то время как Ги Молле призывал своих сторонников к объединению с ЮНР и всей реакцией, во многих местах рядовые социалисты отказывались от этого и выступили совместно с коммунистами с общими списками. По статистическим данным министерства внутренних дел, во втором туре голосования в 411 городах с населением свыше 8 тыс. жителей имелось 75 списков типа Народного фронта, в которые входили кандидаты от коммунистов, социалистов и других республиканцев. Это совершенно новое явление в жизни страны, впервые наблюдающееся после окончания второй мировой войны, вселяет большие надежды на будущее. Идея союза с коммунистами все больше завоевывает себе признание.

Списки кандидатов остальных оппозиционных партий, помимо Коммунистической, на выборах не получили значительной поддержки избирателей. «Союз демократических сил», объединяющий радикалов — сторонников Мендес-Франса, автономную социалистическую партию и различные левые группировки, собрал в целом по Франции лишь 180 тыс. голосов, причем половина из них падает на Парижский район.

Резюмируя, можно сказать, что оппозиция народных масс деголлевскому режиму и его реакционной политике проявилась с наибольшей силой в активном голосовании за Коммунистическую партию.

Предприниматели и правительство осознали важность этого оппозиционного движения. Орган монополий газета «Les Echos» писала: «Первый тур выборов был предупреждением для правительства. Не является ли второй — предупреждением для всего режима?»

Успехи ФКП на выборах тем более знаменательны, что они свидетельствуют не просто о временном выражении недовольства правительственной политикой, а о наличии глубокого демократического, республиканского движения в массах.

Коммунистическая партия не ограничивалась тем, что предостерегала французов о губительных для народа последствиях прихода к власти де Голля. Ведя идеологическую борьбу за повышение идейной сознательности французского народа, она в то же время провела огромную работу по мобилизации масс, по организации действенного отпора реакции. Во многих городах происходили манифестации с участием тысяч мужчин и женщин в защиту социального страхования от правительственных атак. Сорок тысяч рабочих района Самбра объявили забастовку против растущей нищеты, безработицы и увольнений, против последствий вступления Франции в Общий рынок. Крупные забастовки произошли в Фив-Лилле и в Дюнене. Шесть тысяч человек демонстрировали в Сент-Этьене. В Париже бастовало 85% работников автобусного транспорта.

Число примеров можно было бы умножить. Основной и наиболее важной чертой этих выступлений является то, что были достигнуты большие успехи в осуществлении единства рабочего класса и совместных действий французских трудящихся. Например, в Парижском районе впервые за многие годы департаментские союзы рабочих профсоюзов ВКТ и

христианских профсоюзов сообща выступили с призывом за «проведение недели борьбы». Газета «Les Echos» по этому поводу писала: «Профсоюзы активизировались. И они действуют совместно. Единство действий вновь становится реальностью...». Затем, подчеркнув широту движения за единство действий, газета заключала: «Муниципальный народный фронт образовался под сенью колоколен. Не восстановится ли социальный Народный фронт под сенью заводских труб?»

Главным препятствием на пути единства пролетариата и объединения демократических сил является политика классового сотрудничества с крупной буржуазией, проводимая правыми социалистическими лидерами, и вытекающий из этой политики лозунг антикоммунизма. Социалистическая партия под руководством Ги Молле показала себя наиболее эффективным орудием крупного капитала по внедрению буржуазной идеологии в рабочий класс и осуществлению раскола в его рядах.

Но в низах социалистической партии уже происходит дифференциация, ярко проявившаяся на муниципальных выборах. Коммунистическая партия, борясь за единство рабочего класса, уделяет основное внимание работе с рядовыми социалистами и достигла на этом пути важных успехов.

Основной задачей ФКП в настоящее время является объединение всех демократических и национальных сил против монополий и их правительства. Коммунистическая партия, которая 25 лет тому назад явилась организатором Народного фронта, проявляет много инициативы в деле изменения курса французской политики.

В идеологическом плане партия ведет борьбу против ложных иллюзий о так называемом «организованном неокапитализме», который якобы способен к структурным изменениям и к преодолению своих противоречий. Эти теории, развиваемые правыми социалистами и ревизионистами, опровергаются очевидными фактами. Во Франции, наоборот, с еще большей силой проявляется действие законов капитализма, капиталистическая концентрация и централизация все более усиливаются.

В промышленности продолжается процесс поглощения мелких и средних предприятий монополиями. Большое число мелких и средних предприятий, номинально самостоятельных, находится в полной зависимости от монополистического капитала. Предприятия, оборот которых превышает миллиард франков, составляют всего 0,15%, однако они реализуют 41% общей суммы оборота. На их долю приходится 49% фонда заработной платы и 25,6% всего чистого дохода.

В новых отраслях промышленности, особенно в области атомной энергии, добычи и переработки сахарской нефти, финансовый капитал создал различные инвестиционные общества, которые вследствие налоговых привилегий привлекают к себе мелкие капиталы. Таким образом, наблюдается растущая взаимозависимость крупных банков и монополий. В торговле развиваются большие магазины с их многочисленными филиалами.

В сельском хозяйстве участки, превышающие 50 га (95 тыс. землевладельцев, составляющих 4,2% общего числа земельных собственников), занимают 25,5% сельскохозяйственной площади, в то время как хозяйства менее 10 га (1 265 тыс. семей, или 55,8% общего числа земельных собственников) занимают 16,4% площади. 43% всего товарного зерна во Франции продают предприниматели, составляющие 5,4% общего числа производителей. 50% общей продукции французского вина приходится на 0,5% виноградарей. Мелкие собственники разоряются.

Капиталовложения направлены не на удовлетворение реальных нужд нации, а на то, чтобы обеспечить в кратчайшие сроки наиболее высокие прибыли монополиям. Капиталисты стремятся к получению дивидендов

путями, противоречащими национальным интересам: они беспрерывно сокращают внутренний рынок, понижая жизненный уровень трудящихся масс; помещают свои капиталы за границей не только в форме старого «ростовщического» капитала, но главным образом в виде инвестиций; экспортируют сырье и полуфабрикаты (например, от 5 до 6 млн. т стали в год) вместо того, чтобы использовать их во Франции на обрабатывающих предприятиях; стремятся направить свои средства — и государство поощряет это — лишь на техническое переоборудование тех отраслей промышленности и торговли, которые работают на экспорт.

Наконец, чтобы избежать риска и обеспечить быстрое получение высоких прибылей от капиталовложений за границей и спекуляции, хозяйничающие в стране монополии добились того, что государственные фонды были предоставлены в распоряжение крупного капитала. Ныне более четверти французских инвестиций осуществлены за счет государственных фондов: национальные интересы приносятся в жертву «отечественному» или иностранному капиталу.

Политика монополий, направленная на получение высоких прибылей не путем расширения внутреннего рынка, а путем усиления эксплуатации трудящихся и повышения цен, получает полную поддержку со стороны государства.

Коммунистическая партия в своей идеологической борьбе особое внимание уделяет раскрытию закона абсолютного и относительного обнищания рабочего класса при капитализме. Последствия этого закона менее заметны в периоды относительного экономического подъема и проявляются с большой силой при первых же признаках наступления экономического кризиса.

Вот уже несколько лет во Франции основная заработная плата рабочих систематически сокращается. Наиболее значительная доля заработка образуется за счет оплаты дополнительных часов работы и премий за повышение производительности труда. Это означает усиление капиталистической эксплуатации, потому что в период относительного экономического подъема дополнительные часы приносят и дополнительную прибыль хозяину, а премии составляют лишь незначительную ее часть. Но при наступлении экономического кризиса, как это происходит сейчас во Франции, рабочий класс сразу же начинает получать лишь основную заработную плату и оказывается в очень тяжелом положении, так как ныне покупательная способность среднечасовой оплаты труда рабочего на одну треть ниже уровня 1938 года.

События подтверждают, таким образом, правильность анализа XIV съезда ФКП и исследований процесса обнищания рабочего класса, которые начиная с 1955 г. были предприняты Центральным Комитетом партии по инициативе Мориса Тореза.

Идеологическая борьба Коммунистической партии в значительной степени облегчена наличием резкого контраста между положением трудящихся в капиталистических государствах и социалистических странах. XXI съезд КПСС, подведенные им итоги и намеченные перспективы дальнейшего развития народного хозяйства СССР еще более усилили этот контраст. Во Франции продолжается относительное и абсолютное обнищание рабочего класса и все более ограничиваются элементарные демократические свободы. Развитие же социалистического общества идет по пути неуклонного повышения уровня жизни широких трудящихся масс и расцвета подлинно народной демократии. Задача ФКП — постоянно разъяснять французскому народу, что только установление социалистического строя может положить конец противоречиям и язвам капитализма, уничтожить кризисы и безработицу, нищету и бесправие масс. Социализм разрешит также специфические проблемы, стоящие перед Францией.

В проекте тезисов к XV съезду ФКП подчеркивается, что в современной Франции первым условием всякого прогресса является ликвидация режима личной власти, установленного монополиями. Поэтому борьба за социализм во Франции тесно связана с борьбой в защиту демократических свобод, за восстановление и обновление парламентарного режима.

В нашей стране, в стране со старыми демократическими традициями, парламент может сыграть большую роль. Нынешняя так называемая Национальная ассамблея не является представительной, и к тому же она лишена всяких реальных прав. Поэтому Коммунистическая партия борется за образование путем выборов, правильно отражающих общественное мнение страны, Учредительного собрания, первейшей задачей которого было бы принятие демократической конституции, основанной на следующих принципах: высшая власть в республиканском государстве принадлежит представителям, избранным народом на основе всеобщих, прямых и пропорциональных выборов и образующим единое Национальное собрание; правительство создается Национальным собранием и ответственно перед ним.

Лозунг «Учредительное собрание» в скором времени станет очень популярным во Франции, ибо он связан со старыми национальными традициями. Во Франции вот уже полтора столетия изменения режима происходили двумя путями: или путем государственных переворотов, что приводило к установлению диктатуры, или же путем избрания Учредительного собрания, что означало восстановление и обновление парламентарного режима. Этот лозунг представляет политическую платформу, на основе которой возможно объединение всех демократических сил для совместной борьбы и достижения общей цели.

Точно так же обстоит дело и в отношении экономических проблем. Проект тезисов к XV съезду ясно ставит вопрос о национализации. Национализация сама по себе не является по своему характеру социалистической. Она не изменяет природы экономики, основанной на капиталистической эксплуатации; она не подрывает буржуазных производственных отношений. Последнее зависит от другого: в чьих руках находится власть.

Чем более монополии прибирают к своим рукам государство, тем более они используют национализацию для увеличения прибылей и усиления своего влияния на государственную власть. Однако национализация может стать национальным требованием для того, например, чтобы не допустить посягательства иностранного капитала на национальные богатства (к примеру, отнять у американских трестов право эксплуатации нефтяных месторождений во Франции) [1]. Национализация может быть демократическим требованием, выдвигаемым в рамках буржуазной законности и облегчающим борьбу рабочего класса против капиталистических эксплуататоров.

Не разделяя реформистских иллюзий о якобы «социалистическом» характере национализации и комитетов на предприятиях, коммунисты участвуют во всех организациях, где имеется возможность защищать интересы рабочего класса.

Французская коммунистическая партия предлагает:

1) национализацию фактических монополий, то есть производства атомной энергии, добычи и переработки нефти, крупных металлургических и химических предприятий, а также деловых банков; 2) демократизацию управления и руководства крупными общественными предприятиями и учреждениями (угольная, электроэнергетическая и газовая промышленность, железные дороги).

---

[1] На юго-западе Франции, в Паранти, богатые месторождения нефти находятся в руках американского общества «Shell», которое перепродает Франции ее же нефть за доллары (!).

Борьба за социализм ведется, таким образом, в рамках борьбы за демократию и неуклонный прогресс, за конкретное решение жизненных проблем, ходом событий поставленных перед Францией. Наша Коммунистическая партия всегда руководствуется положением, выдвинутым В. И. Лениным в его работе «Государство и революция»: «Развитие демократии до конца, изыскание форм такого развития, испытание их практикой и т. д., все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию. Отдельно взятый, никакой демократизм не даст социализма, но в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать ее преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории» [2].

★

На протяжении последних месяцев, несмотря на наступление французских монополий на рабочий класс и другие демократические силы, реакции не удалось изолировать Коммунистическую партию. Реакция нанесла партии удары, но ФКП снова вышла из всех испытаний еще более сильной и глубоко связанной с массами.

Однако относительный провал первых атак реакции не должен создавать иллюзий. Реакция и фашизм еще не разгромлены. Они продолжают держать в своих руках государственный аппарат, в частности армию и полицию, и воспользуются им для того, чтобы нанести новые удары по рабочему классу и его Коммунистической партии.

Это означает, что Коммунистическая партия должна быть готова к преодолению больших трудностей. Тесно связанная с массами, руководствуясь марксистско-ленинским учением, ФКП твердо уверена в том, что независимо от перипетий борьбы у нее есть достаточно сил для разгрома реакции и фашизма.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 425.

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕРВОГО ПЕРИОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ПОЛЬШИ (1918—1923 гг.)

И. А. Хренов

В декабре 1918 г. состоялся Объединительный съезд двух польских рабочих партий — Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и Польской социалистической партии — левицы (ППС-левица). Съезд принял решение об их объединении в единую Коммунистическую рабочую партию Польши (КРПП) [1]. Возникновение КРПП было вызвано исторической необходимостью, всем ходом и жизненными потребностями польского революционного движения. Победа Великой Октябрьской социалистической революции громким эхом отозвалась во всем мире.

Под влиянием идей Октября поднялась мощная волна международного революционного рабочего движения. На гребне этой волны во многих странах возникли коммунистические партии, основным программным требованием которых стало свержение ига капитала и установление диктатуры рабочего класса.

Октябрьская революция открыла новую страницу в истории борьбы польского народа за национальное и социальное освобождение. Подчеркивая значение революции для польских трудящихся, первый секретарь ЦК ПОРП В. Гомулка, выступая в Москве 10 ноября 1958 г. на митинге дружбы, сказал: «История польского народа на протяжении четырех последних десятилетий тесно связана с победой и достижениями Великой Октябрьской социалистической революции в России. Никто не может оспаривать того факта, что обретение независимости польским народом в 1918 году было возможно только в результате свержения царизма и помещичье-капиталистического строя в России» [2]. Вся предшествующая революционно-освободительная борьба польского рабочего класса настоятельно требовала создания единой последовательно марксистской революционной партии, способной возглавить пролетариат и привести его к победе.

Объединение СДКПиЛ и ППС-левицы в единую партию явилось важным шагом на пути ликвидации раскола в польском рабочем классе, обеспечении руководящей роли пролетариата как вождя широких трудящихся масс в борьбе за их социальное и национальное освобождение. Объединением польских рабочих партий закончился процесс преодоления существовавших между ними различий программного и тактического характера.

Коммунистическая партия в течение двадцати лет своей деятельности в условиях буржуазно-помещичьей Польши неустанно руководила борьбой польского рабочего класса и трудового крестьянства против эксплуа-

[1] В 1925 г. КРПП была переименована в Коммунистическую партию Польши (КПП).

[2] «Правда», 11 ноября 1958 года.

тации. Она постоянно пропагандировала в массах великие достижения Страны Советов, подчеркивая, что только дружба и сотрудничество с союзником польского народа — СССР может обеспечить независимость и процветание Польского государства.

Успехи польского коммунистического движения стали возможны благодаря верности рабочего класса Польши марксизму-ленинизму, в результате творческого использования во всей деятельности КПП опыта международного коммунистического движения. Являясь одним из его звеньев, КПП была подлинным вождем польского рабочего класса, боевым руководителем трудящихся масс.

Польская объединенная рабочая партия — руководящая сила польского народа, идущего по пути строительства социализма,— является продолжательницей славных революционных традиций КПП: ее верности идеологии марксизма-ленинизма и принципам пролетарского интернационализма, идеям борьбы за свержение власти капитала и установление диктатуры рабочего класса, борьбы за подлинную независимость страны, демократию и социализм.

В послевоенной советской литературе история деятельности польской Коммунистической партии пока еще освещена недостаточно [3]. Ученые народной Польши успешно работают над этой проблемой. В изданных Отделом истории партии при ЦК ПОРП трех томах важнейших решений и материалов КПП [4], в сборнике документов, посвященном борьбе партии за независимость своей страны [5], содержится ценный для исследователей документальный материал. Институт истории партии при ЦК ПОРП выпустил в свет сборники избранных произведений выдающихся деятелей польского коммунистического движения — А. Варского [6], Ю. Ленского [7] и Е. Рынга [8]. Создан журнал «Z pola walki» (орган Института истории партии), призванный вести научную разработку проблем истории польского рабочего движения [9]. Ряд материалов по истории КПП опубликовала польская печать в связи с 40-й годовщиной со дня образования Коммунистической партии Польши [10]. Важное значение для изучения истории Коммунистической партии имеют тезисы ЦК ПОРП «К 40-летию Коммунистической партии Польши» [11], а также доклад В. Гомулки, сделанный на торжественном собрании 16 декабря 1958 г. по поводу 40-летия КПП [12].

В настоящей статье делается попытка осветить некоторые вопросы возникновения и первоначальной деятельности Коммунистической рабочей партии Польши и по мере возможности заполнить пробел в изучении этой темы, имеющийся в советской историографии.

---

[3] Первые попытки в этом отношении сделаны в 3-м томе «Истории Польши» (М., 1958).

[4] «KPP. Uchwały i rezolucje». Tt. 1—3. Warszawa. 1953—1956.

[5] «Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны». М., 1955.

[6] A. Warski. Wybòr pism i przemówień. Warszawa. 1958.

[7] J. Leński. O front ludowy w Polsce. Warszawa. 1956.

[8] J. Ryng. Wybór pism. Warszawa. 1957.

[9] См., например, J. Kowalski. Z zagadnień strategii i taktyki KPRP i PPS na przełomie lat 1918—1919. «Z pola walki», 1958, № 1; F. Świetlikowa. Z badań nad structurą organizacyjną Komunistycznej Partii Robotniczej Polski w latach 1918—1923. «Z pola walki», 1959, № 1 (5); A. Litwin. O niektòrych problemach 1918 roku w świetle publicystyki KPP. «Z pola walki», 1959, № 1 (5).

[10] «Protokoły 2 Zjazdu Komunistycznej partii robotniczej Polski». «Z pola walki». 1958, №№ 3, 4; 1959, № 1 (5); «Czterdziestolecie Komunistycznej Partii Polski». «Nowe drogi», 1958, № 10; H. Malinowski. Narodziny Komunistycznej Partii Polski. «Nowe drogi», 1958, № 11; T. Daniszewski. Droga życia i walki wybitnego komunisty. «Nowe drogi», 1958, № 11; J. Kowalski. Z zagadnień rozwoju ideologicznego KPRP w latach 1918—1923. «Z pola walki», 1958, № 4; F. Świetlikowa. Powstanie Komunistycznej partii robotniczej Polski. «Z pola walki», 1958, № 4.

[11] Газета «Trybuna Ludu», 11 декабря 1958 года.

[12] «Trybuna Ludu», 17 декабря 1958 года.

★

Революционный авангард польского рабочего класса — СДКПиЛ, созданная выдающимися деятелями польского революционного движения Ф. Дзержинским, Р. Люксембург, Ю. Мархлевским, Б. Веселовским и др., с первых же дней своего существования провозгласила борьбу за освобождение трудящихся Польши от капиталистической эксплуатации и всех видов угнетения. Это была марксистская интернационалистическая партия, призывавшая польских рабочих к совместной с рабочим классом России борьбе против самодержавия и гнета капитала. Характеризуя деятельность СДКПиЛ, В. И. Ленин писал: «Польской социал-демократии принадлежит громадная историческая заслуга впервые создать действительно марксистскую, действительно пролетарскую партию в Польше, насквозь пропитанной националистическими стремлениями и увлечениями» [13].

С момента своего возникновения (1893 г.) СДКПиЛ повела решительную борьбу против соглашательской политики ППС, за внедрение в сознание пролетарских масс идеи о самостоятельной роли рабочего класса в общедемократическом движении. СДКПиЛ выступала против национализма и реформизма ППС, спекулировавшей на популярном в массах лозунге независимости и на словах признававшей социализм, а на деле отвергавшей необходимость революционного союза рабочего класса Польши и России. СДКПиЛ неустанно разоблачала оппортунистическую идеологию ППС, отбросила ее лозунг об «ориентации» на то или иное империалистическое государство и видела своего классового союзника в борьбе за освобождение польского народа от социального и национального гнета прежде всего в русском революционном движении.

Однако польские социал-демократы, не восприняв до конца важнейших ленинских положений по национальному и аграрно-крестьянскому вопросам, не усвоив в полной мере ленинского учения о гегемонии рабочего класса в общедемократической революции, не смогли завоевать на свою сторону широкие народные массы и даже большинство рабочего класса.

Революция 1905—1907 гг. в России оказала огромное влияние на польский пролетариат. Массы рабочих — членов ППС вместе с рабочими социал-демократами проявили горячее стремление к совместной с пролетариатом России революционной борьбе. Под давлением рабочего класса левые элементы ППС, завоевав большинство в партии, в 1906 г. организационно порвали с пилсудчиками и обособились в самостоятельную ППС-левицу. Правая часть ППС во главе с пилсудчиками приняла название ППС-«фракция». ППС-левица, однако, не подвергла принципиальной критике и решительному пересмотру антимарксистские, оппортунистические концепции националистической ППС. В тяжелые годы реакции у отдельных руководителей ППС-левицы проявились ликвидаторские тенденции, порожденные неверием в возможность нелегальной деятельности партии. В то время как в ходе развития революционной борьбы СДКПиЛ вошла в 1906 г. в РСДРП и по важнейшим вопросам шла рука об руку с большевиками, ППС-левица сблизилась с меньшевиками и троцкистами [14]. Объединение социалистических сил в Польше ППС-левица рассматривала в то время как механическое соединение СДКПиЛ, ППС-левицы и Бунда. Польские же социал-демократы справедливо считали, что, прежде чем объединиться, необходимо преодолеть существовавшие между партиями коренные разногласия в позициях по основным тактическим вопросам.

СДКПиЛ боролась за создание идейно единой и организационно

[13] В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 400.

[14] A. Warski. Jak powstala KPRP. «Nowy Przegląd», 1922, №№ 6—7, str. 463

сплоченной партии рабочего класса [15]. Этим и объяснялось, почему она так долго сопротивлялась объединению с ППС-левицей, которая не сразу преодолела груз грубых оппортунистических ошибок старой ППС и допускала колебания меньшевистского характера.

Непоследовательность ППС-левицы встретила резкую критику со стороны В. И. Ленина, большевиков, внимательно следивших за развитием польского рабочего движения. «Ликвидаторы «объединяются» изо всех сил. На-днях они чуть-чуть не «объединились» с пэ-пэ-эсовцами — так называемой «левицей», являющейся одной из фракций польского социал-национализма. Больше 10 лет социал-демократия в Польше ведет борьбу с социал-национализмом ППС. В результате — ряд националистических предрассудков у части ППС («левицы») удалось выбить из головы. Но борьба продолжается» [16].

Благодаря идеологическому воздействию большевиков и критики со стороны СДКПиЛ ППС-левица постепенно освобождалась от ошибок, активно сотрудничая с польскими социал-демократами. Их совместная борьба против общего врага содействовала сплочению сил революционного крыла польского рабочего движения. Обе партии, в частности, принимали участие во всеобщей политической забастовке, вспыхнувшей в ответ на ленские события.

В марте 1914 г. Главное правление СДКПиЛ направило ЦРК ППС-левицы письмо с предложением совместно издавать журнал, на страницах которого обе партии получили бы возможность излагать свои взгляды по важнейшим проблемам рабочего движения. Дискуссия, которая могла бы развернуться в журнале, должна была помочь решению вопроса об объединении обеих партий, предложенном в то время ППС-левицей. Начавшаяся вскоре первая мировая война отсрочила решение этого вопроса.

В ходе первой мировой войны со всей ясностью обнаружилась коренная разница в политических позициях польских партий, противоположность взглядов революционного и соглашательского течений в польском рабочем движении. ППС-«фракция», заняв шовинистическую, антирусскую позицию, выступила в поддержку политики держав германского блока. СДКПиЛ и ППС-левица стали на интернационалистический путь, осудив империалистическую бойню.

Война явилась более действенным испытанием революционной зрелости политических партий, чем любые декларации. 2 августа 1914 г. Главное правление СДКПиЛ, ЦРК ППС-левицы и ЦК Бунда опубликовали совместную прокламацию, призывавшую массы к забастовке и демонстрации против войны. «Долой войну! — говорилось в ней.— Это клич, который вырывается из груди миллионов манифестующих революционных рабочих всех стран и национальностей... Пролетариат объявляет борьбу своим правительствам, своим угнетателям, приближается грозное дыхание рабочей революции... Товарищи рабочие! Станем плечом к плечу. Пусть каждый пролетарий находится в рядах борющихся» [17]. 3 августа упомянутыми партиями вновь была выпущена антивоенная прокламация.

Следуя по пути дальнейшего революционного сотрудничества, СДКПиЛ и ППС-левица с участием Бунда создали 5 августа Межпартийный рабочий совет для координации массовых выступлений польского рабочего класса. 22 августа Совет обратился к рабочим с прокламацией, в которой говорилось: «Неся на себе всю тяжесть борьбы за свободу, пролетариат не раз видел подлость и измену буржуазии, всегда готовой к союзу с царизмом, против рабочего люда. Как и раньше, в настоящий

[15] A. Warski. W sprawach partyjnych. «Nowy Przegląd», 1922, № 5, str. 199.
[16] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 101.
[17] «Socialdemokracia Królestwa polskiego i Litwy (1914—18)». M., 1936, str. 5.

момент рабочий класс, сплоченный вокруг своего революционного знамени, будет идти собственным путем к завоеванию национальной свободы — ...путем революционной борьбы за создание республиканско-народных правительств, полностью гарантирующих и национальные права народам» [18].

Сотрудничество СДКПиЛ и ППС-левицы в Межпартийном рабочем совете, продолжавшееся с августа 1914 по март 1915 г., стало началом организационного сплочения польского социалистического движения. Дальнейшим шагом на этом пути явилась краевая конференция ППС-левицы, состоявшаяся в конце 1915 года. В резолюции, принятой на конференции, говорилось: «...Настоящая война, означая временную победу буржуазных правительств над волей и стремлениями международного пролетариата, является в то же время проявлением острого кризиса капиталистического строя. Этот кризис, заостряя до предела все противоречия и конфликты, характеризующие теперешний капиталистический строй, становится, несмотря на временную депрессию среди рабочих масс, началом периода новых решительных схваток, которые подорвут основу существующих общественно-политических учреждений, в своем развитии поставят на повестку дня вопрос окончательной ликвидации капиталистического строя, еще более приблизят важнейшую для рабочего класса цель — социализм» [19].

Таким образом, революционное сотрудничество польских рабочих партий, выступавших совместно против империалистической войны, явилось важным шагом на пути идеологического и организационного сближения ППС-левицы с СДКПиЛ.

Огромное влияние на последующий ход событий в Польше оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. Ее значение для польских трудящихся состояло прежде всего в том, что, свергнув власть эксплуататоров и установив диктатуру пролетариата, революция провозгласила свободу и равенство всех народов, населявших Россию, создав тем самым реальные предпосылки для восстановления национальной и государственной независимости Польши. Принятая Советским правительством 15 ноября 1917 г. «Декларация прав народов России» провозгласила свободное самоопределение народов и нанесла решительный удар по антипольской политике западноевропейских империалистических держав.

Осуществляя ленинские принципы национальной политики, Советское правительство неоднократно выступало в защиту национальных интересов польского народа. На Брестской мирной конференции советская делегация требовала вывода оккупационных войск с территории Польши и предоставления польскому народу права самостоятельно решать свою судьбу. В августе 1918 г. особым декретом, подписанным В. И. Лениным, Советское правительство еще раз продемонстрировало свое стремление видеть Польшу независимой. Декрет гласил: «Все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империей, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство,— отменяются настоящим бесповоротно» [20].

Официальное провозглашение независимости Польского государства в ноябре 1918 г., после падения немецко-австрийского оккупационного режима, было завершением процесса, начатого Великим Октябрем. История подтвердила главное программное предвидение СДКПиЛ, что га-

[18] Там же, стр. 9.
[19] «Nasza Trybuna», 13 декабря 1918 года.
[20] «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов», 5 сентября 1918 года.

рантией национального освобождения Польши явится победоносная революция в России.

Историческое значение победы Октября для судеб Польши было по достоинству оценено обеими польскими рабочими партиями. Однако ЦИК ППС-левицы, действовавший на территории России, и в этом вопросе проявил колебания. Вначале он поддерживал меньшевиков-интернационалистов и осудил методы борьбы Советской власти против врагов. Непоследовательность позиции ППС-левицы в отношении Октябрьской революции и Советского правительства справедливо отметила Конференция групп СДКПиЛ в России, состоявшаяся в феврале 1918 года [21].

Приветствуя победу русского пролетариата и беднейшего крестьянства, Главное правление СДКПиЛ в опубликованной в ноябре 1917 г. прокламации заявляло: «Неслыханные известия молниеносно доходят до нас из России. В Петербурге победил рабочий класс! Буржуазное правительство сметено, диктатура пролетариата стала фактом!.. Пусть рабочие всех стран поймут свои обязанности пролетарской солидарности! Пусть они стеной встанут против международной буржуазии, в защиту пролетарской России... Мы боремся за свержение капиталистического строя! Мы боремся за социализм, за общественную собственность, за братское сообщество объединенных народов!» [22].

С горячим призывом к польским рабочим выступить в защиту Октябрьской революции обратился и ЦРК ППС-левицы. «Товарищи! Рабочие! — говорилось в его прокламации.— Вся международная реакция объединилась сегодня против русской революции, потому что эта революция разбудила от сна пролетариат всего мира и, как мощный двигатель, разрушает фундамент капиталистического строя... В момент, когда российские товарищи ведут смертельную борьбу против сильного врага, когда по всей Европе назревает революция, польский пролетариат должен выше поднять знамя борьбы... Сегодня, когда российский пролетариат протягивает братскую руку дружбы рабочим всех стран, когда раздается голос пролетарской революции,— становится ясным, что только в беспощадной борьбе с буржуазным правительством и буржуазией пролетариат добьется победы» [23].

Таким образом, в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции осуществилось восстановление национальной и государственной независимости Польши.

Другим важнейшим результатом влияния Великого Октября на Польшу явился мощный подъем революционного движения в стране и создание Коммунистической партии. Развитие рабочего и крестьянского движения было обусловлено прежде всего внутренними причинами. Война и немецко-австрийская оккупация изнурили народ, истощили страну; промышленные предприятия, за исключением шахт Домбровского бассейна, бездействовали, городское население голодало. В начале 1918 г. жители Варшавы получали только по 120 г хлеба в день. Люди падали от истощения на улицах, в городах свирепствовал тиф [24]. Тяжелое положение трудящихся вызвало резкое обострение классовой борьбы. В начале 1918 г. по всей Польше прокатилась волна забастовок и крестьянских волнений. В январе вспыхнули политические стачки в Люблине, Радоме, Кельцах, Петркове, Домброве. Основными лозунгами бастующих были: «Долой Регентский совет!», «Долой реакционное польское прави-

[21] «Materiały archiwalne do historii stosunków polsko-radzieckich» (в дальнейшем: «Materiały archiwalne»). T. I. Warszawa, 1957, str. 553. Рецензию на этот сборник см. «Вопросы истории», 1958, № 5.

[22] Там же, стр. 458.

[23] Там же, стр. 495.

[24] L. Grosfeld. Polskie partie polityczne wobec nowej sytuacji stworzonej przez rewolucję październikową. «Z pola walki», 1958, № 1.

тельство!», «Долой оккупантов!» [25]. 14—15 января в Кракове толпы голодных, не получавших в течение четырех недель хлеба, напали на продовольственные лавки и разгромили их. В марте вспыхнула забастовка в Домбровском бассейне, бастующие выставили требование введения 8-часового рабочего дня. В апреле на борьбу поднялись горняки шахт в австрийской зоне оккупации, в Варшаве выступили рабочие литейных мастерских, печатники, рабочие пивоваренных заводов, учителя средних школ [26].

Обострилось политическое положение в польской деревне. Лозунг раздела помещичьей земли, осуществленный в Советской России в результате ленинского Декрета о земле, становился все более популярным и среди польского крестьянства. Значительную роль в революционизировании польской деревни играли вернувшиеся из Советской России беженцы и солдаты — крестьяне, рабочие, которые стали на родине живыми пропагандистами осуществленных в России лозунгов Октября [27].

На территории Малой Польши, где преобладали мелкие крестьянские хозяйства, испытывавшие земельный голод, возникла так называемая Тарнобжегская республика во главе с известным впоследствии деятелем КПП Томашем Домбалем. Крестьянским движением были охвачены также Кольбушевский, Нижанский и Пилецкий поветы. Большого размаха достигла борьба сельскохозяйственных рабочих и деревенской бедноты в Люблинской губернии.

В условиях острых классовых схваток решался вопрос о политической власти в Польше, о том, какой класс будет управлять страной, по какому пути пойдет ее развитие. Следуя примеру революционной России, рабочие массы под руководством СДКПиЛ и ППС-левицы начали создавать Советы рабочих депутатов, рассматривая их как органы революционной власти. Только на территории бывшего Королевства Польского возникло 80 Советов, а на всей территории восстанавливавшегося Польского государства их было создано свыше ста двадцати.

Активную деятельность развернули Домбровский и Варшавский Советы рабочих депутатов. На первом заседании Варшавского Совета, образованного 11 ноября 1918 г., его председателем был избран выдающийся деятель СДКПиЛ Фр. Гжельщак-Гжегожевский.

Развернувшееся в стране революционное движение настоятельно требовало объединения всех сил пролетариата и создания единой рабочей партии, которая, сплотив ряды рабочего класса и став во главе движения масс, была бы способна довести их борьбу до победного конца.

5 ноября 1918 г. ЦРК ППС-левицы обратился к Главному правлению СДКПиЛ с предложением объединить обе рабочие партии. «Товарищи! — говорилось в письме ЦРК ППС-левицы.— Наступающая во всем мире социальная революция приближает и в Польше момент революционного взрыва. Рабочий класс Польши должен напрячь всю свою энергию и объединить все революционные силы для решительной схватки, для ликвидации преград, стоящих на пути полной победы... Мы считаем, что организационное объединение нашей партии с СДКПиЛ, уже действующих совместно в России в рядах Российской коммунистической партии, является велением теперешнего революционного момента и стоит в порядке дня обеих партий в качестве самой неотложной задачи» [28].

Тесное революционное сотрудничество СДКПиЛ и ППС-левицы в предшествующий период, идеологическое сближение ППС-левицы с СДКПиЛ привели к созданию 10 ноября 1918 г. Межпартийного совета для координации действий обеих партий, а также специальной Комис-

---

[25] «Materiały archiwalne», стр. 189—190.
[26] L. Grosfeld. Указ. соч., стр. 58.
[27] «Materiały archiwalne», стр. 278.
[28] Там же, стр. 658—659.

сии, перед которой была поставлена задача выработать основы политической программы будущей партии и провести подготовку к созыву Объединительного съезда. В состав Комиссии, созданной на паритетных началах, вошли: от СДКПиЛ — А. Варский, Фр. Фидлер, Вл. Ковальский-Гжех; от ППС-левицы — Ю. Цишевский, М. Кошутская-Костшева, Г. Валецкий. В ходе работы Комиссии выяснилось, что различия в политических позициях партий, существовавшие ранее, практически стерлись. В результате все основные положения политической платформы новой партии были приняты Межпартийной комиссией без каких-либо разногласий. В основу платформы был положен проект, выработанный Г. Валецким.

Объединительному съезду предшествовали две конференции (ноябрь и декабрь 1918 г.) СДКПиЛ, а также конференция (октябрь) и XII съезд (декабрь 1918 г.) ППС-левицы.

Состоявшаяся 14—15 ноября 1918 г. конференция СДКПиЛ рассмотрела следующие вопросы: 1) современное политическое положение и ближайшие задачи партии; 2) задачи Советов рабочих депутатов; 3) аграрно-крестьянский вопрос; 4) вопрос об объединении с ППС-левицей [29]. В резолюции по первому вопросу конференция отметила, что развитие событий полностью подтвердило правильность лозунгов СДКПиЛ, под знаменем которых она боролась последние годы. Социалистическая революция и диктатура рабочего класса явились единственным выходом из империалистической войны. Конференция подчеркнула, что главной задачей партии в соответствии с требованиями момента была организация пролетариата в качестве самостоятельной силы, способной взять в свои руки политическую власть в стране. Однако конференция обошла молчанием вопрос о роли пролетариата и его партии в создании независимого Польского государства. При обсуждении второго вопроса была отмечена необходимость энергичных действий по организации Советов как органов революционной власти пролетариата.

Разоблачив контрреволюционный характер лозунгов как открыто реакционных, так и соглашательских партий, конференция призвала польский пролетариат к решительной борьбе против обоих лагерей, пытавшихся затормозить революционное движение. Она подчеркнула необходимость использования в революционных целях повседневных классовых конфликтов, возникавших между рабочими и капиталистами на почве падения заработной платы, безработицы, роста дороговизны и т. д., и направления их в русло борьбы за диктатуру рабочего класса. Наконец, в резолюции выдвигалась задача непосредственного захвата политической власти в стране вооруженным народом с помощью созданной им Красной гвардии. Конференция высказалась за создание из представителей местных Советов рабочих депутатов центрального органа, способного стать носителем власти и установить связь с правительствами Советов соседних стран. Главной идеей резолюции был призыв масс к борьбе за победу социалистической революции в Польше [30].

Говоря об аграрно-крестьянском вопросе, резолюция отмечала, что после победы революции главной задачей партии в разрешении аграрной проблемы является создание наиболее выгодных условий для развития производительных сил в сельском хозяйстве. С этой целью указывалось на необходимость организации крупного централизованного сельскохозяйственного производства, ведущегося на коммунистических началах и сосредоточенного в руках рабоче-крестьянского государства. После установления диктатуры рабочего класса, отмечалось в резолюции, правительство издаст декрет о ликвидации права частной собственности на землю; все владения крупных земельных собственников

[29] «Nasza Trybuna», 29 ноября 1918 года.
[30] «Nasza Trybuna», 6 декабря 1918 года.

с постройками, живым и мертвым инвентарем, а также недра земли, сады, леса, луга, воды — все, что является недвижимостью, станет собственностью социалистического общества. Лишь мелкие крестьянские хозяйства, не применяющие наемного труда, могут быть оставлены в распоряжении своих владельцев с ограничениями, вызванными необходимостью соответствия между мелким сельскохозяйственным производством и общими потребностями страны. В то же время резолюцией предусматривалась возможность передачи земель этих хозяйств в общественную собственность и вступления их владельцев в коммунистические государственные хозяйства. Крупные земельные владения, национализированные согласно декрету о ликвидации права частной собственности, предполагалось передать в общественный земельный фонд, за счет которого должны были создаваться коммунистические хозяйства, использующие новейшую технику. Всю торговлю сельскохозяйственными продуктами, произведенными как в индивидуальных крестьянских, так и в крупных коммунистических хозяйствах, предполагалось монополизировать в руках социалистического общества [31].

Политические решения, принятые ноябрьской конференцией СДКПиЛ, выражали стремление партии к осуществлению социалистической революции, к установлению диктатуры пролетариата в Польше. Исходя из анализа объективных социально-экономических предпосылок, наличия массового революционного движения в стране и благоприятной международной обстановки (победа социалистической революции в России, вспышка революции в Германии, крах Австро-Венгерской монархии), эти решения в стратегическом плане, несомненно, отвечали историческим задачам польского пролетариата. Однако необходимо отметить, что, правильные в своей основе, решения ноябрьской конференции СДКПиЛ не учитывали в полной мере специфику и конкретные задачи, стоявшие в то время перед польской революцией.

«Социалистическая революция в Польше,— как отмечается в тезисах ЦК ПОРП к 40-летию КПП,— могла победить в результате развития классовой борьбы под руководством пролетариата, в результате осуществления основных требований революционно-демократического характера» [32]. Одним из таких требований было полное национальное освобождение страны и восстановление независимости Польского государства с включением в его границы всех исконных польских земель. СДКПиЛ же не выдвинула этого требования, противопоставив ему лозунг борьбы за организацию Советов рабочих депутатов.

Другой важнейшей задачей общедемократического характера в такой крестьянской стране, какой была Польша, где 70% населения составляли крестьяне и сохранялись сильные феодальные пережитки, являлось правильное решение аграрного вопроса, и прежде всего конфискация помещичьей земли и передача ее малоземельным и безземельным крестьянам. Конференция же, касаясь аграрно-крестьянского вопроса, исходила из развития революционного движения исключительно среди сельскохозяйственного пролетариата, оставляя без внимания борьбу против помещиков остальной массы трудового крестьянства.

Известная недооценка со стороны СДКПиЛ национального и аграрного вопросов мешала ей завоевать на свою сторону широкие слои трудящихся, обеспечить пролетариату роль гегемона в революционно-освободительном движении, без чего, как известно, невозможен успех революции.

Касаясь вопроса объединения с ППС-левицей, конференция отметила, что по самым жгучим проблемам современности — отношение к империализму, социалистической революции, диктатуре рабочего

---

[31] Там же.
[32] «Trybuna Ludu», 11 декабря 1958 года.

класса — ЦРК ППС-левицы перешел на позиции СДКПиЛ. Вместе с тем в резолюции указывалось, что свои революционные позиции ППС-левица должна подтвердить на специальном съезде или конференции. Вопрос об объединении подлежал обсуждению во всех низовых партийных организациях, после чего он выносился на общепольскую конференцию СДКПиЛ для окончательного решения.

В заключение ноябрьская конференция приняла к сведению резолюции отдельных местных партийных организаций, требовавших изменения названия партии на новое — «Коммунистическая партия Польши», и постановила включить пункт о названии партии в повестку дня предстоящего Объединительного съезда.

Отношение СДКПиЛ к объединению партий было изложено в передовой статье социал-демократической газеты «Nasza Trybuna» [33]. В статье указывалось, что СДКПиЛ была вынуждена в прошлом отвергать «социалистическое объединение», как вредную фразеологию, способную затемнить различие между революционной тактикой СДКПиЛ и непоследовательностью прежней ППС-левицы. Однако под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции ППС-левица постепенно освобождалась от ошибок, превращаясь в революционную партию. С острой критикой выступила она против русских меньшевиков и немецких «независимцев», к которым в прошлом была близка. Теперь, отмечала газета, объединение двух рабочих партий, придерживающихся в основном одной политической линии и одинаково формулирующих задачи пролетарской революции, становилось реальной возможностью.

СДКПиЛ считала объединение не следствием особенных «требований современного революционного момента», как об этом заявлялось в письме ЦРК ППС-левицы Главному правлению СДКПиЛ, а прежде всего результатом идеологического приближения ППС-левицы к политической платформе социал-демократов. Никакие обстоятельства, подчеркивалось в статье, не могли бы оправдать объединения с партией, стоящей на противоположных политических позициях. СДКПиЛ не шла на безоговорочное объединение с ППС-левицей. Она хотела быть уверенной в том, что занятая ППС-левицей революционная позиция отражала не только настроение ее руководства, но и идейное развитие широких партийных масс. Поэтому СДКПиЛ предлагала ЦРК ППС-левицы созвать съезд, который подтвердил бы политическую линию партии.

«Nasza Trybuna» подвергла принципиальной критике решения октябрьской конференции ППС-левицы, обсуждавшей вопрос об объединении. В резолюции конференции ППС-левицы, касавшейся оценки политического положения, говорилось: «Конференция отмечает, что правильность политики, проводимой ППС-левицей с начала войны, находит все более яркое подтверждение в происходящих событиях» [34]. ППС-левица упрекала СДКПиЛ в раскольнических действиях. Конференция отмечала, что со стороны социал-демократов якобы были «попытки раскола идейно единых рядов пролетариата», и объявляла этим попыткам беспощадную борьбу. В резолюции содержался и ряд других необоснованных обвинений в адрес социал-демократов, которые будто бы завоевывали себе влияние демагогическими заявлениями, используя несознательность масс [35].

Орган СДКПиЛ «Nasza Trybuna» подвергла резкой критике эти несостоятельные нападки. В статье подчеркивалось, что, объединяясь с ППС-левицей, СДКПиЛ не может оставлять лазейку тому или иному оппортунисту, который завтра захочет толкать партию вправо, ссылаясь

---

[33] «Nasza Trybuna», 6 декабря 1918 года.
[34] «Nasza Trybuna», 29 ноября 1918 года.
[35] Там же.

на то, что правильность политики ППС-левицы якобы нашла свое подтверждение «в ходе событий». СДКПиЛ считала необходимым довести до сознания широких масс обеих партий, что объединение стало возможным лишь в результате преодоления ППС-левицей своих прошлых оппортунистических колебаний. СДКПиЛ со всей силой подчеркивала, что объединение партий должно произойти на почве революционной политической платформы, выработанной их представителями.

В связи с предстоявшим Объединительным съездом в газете «Nasza Trybuna» появился ряд дискуссионных материалов. А. Варский в статье под названием «Да здравствует объединение» [36] показал, как в процессе идейной борьбы ППС-левица отказывалась от неправильных концепций; разница позиций двух партий по основным программным и тактическим вопросам стерлась настолько, что стало возможным их объединение. Вместе с тем статья содержала острую критику предшествующей деятельности СДКПиЛ. А. Варский обвинял партию в непонимании тактических задач и в опоздании с решением вопроса об объединении с ППС-левицей. Он критиковал социал-демократов за так называемый «голый пропагандизм», которого якобы они придерживались в годы первой мировой войны.

Статья вызвала бурю протестов в низовых организациях СДКПиЛ. Варшавская межрайонная партийная конференция приняла резолюцию, осуждавшую статью. Острой критике подвергла А. Варского «Nasza Trybuna». В редакционной статье она отмечала, что Варский расходится с мнением партии, утверждая, будто в прошлом между позициями СДКПиЛ и ППС-левицы была лишь незначительная разница. Далее газета указывала, что ППС-левица стала на путь объединения не вследствие убеждения со стороны СДКПиЛ, а в результате уроков войны и развернувшихся затем в Польше революционных событий. Наконец, газета подчеркивала, что СДКПиЛ и ППС-левица в свое время совместно выступали против самодержавия, однако это не снимало различий между ними по другим важным политическим вопросам [37].

В соответствии с решением Межпартийной комиссии 16 декабря в Варшаве одновременно открылись XII съезд ППС-левицы и Общепольская конференция СДКПиЛ.

Съезд обсудил отчет ЦРК, вопрос о политическом положении в стране и задачах пролетариата и об объединении с СДКПиЛ. Он отметил заслуги ЦРК в преодолении огромных трудностей, которые встали перед партией в условиях войны и разгула национализма, и одобрил деятельность Центрального Революционного Комитета. Съезд подчеркнул, что Октябрьская революция и дальнейшие события способствовали распространению в массах революционной идеологии международного пролетариата. Главной задачей рабочего класса в этот исторический период стала борьба за власть, за победу социализма. В резолюции съезда отмечалось, что к лозунгу диктатуры пролетариата уже присоединилась Радомская краевая конференция ППС-левицы, состоявшаяся в декабре 1917 г. и ознаменовавшая дальнейшее приближение позиции партии к политической платформе СДКПиЛ по основным вопросам революционной стратегии и тактики. Конференция решительно высказалась за поддержку Октябрьской революции [38].

В резолюции по вопросу объединения с СДКПиЛ, принятой съездом, говорилось: «XII съезд ППС-левицы, отмечая, что как наша партия, так и СДКПиЛ в основных тактических вопросах заняли целиком совпадающую позицию, высказывается за объединение ППС-левицы с СДКПиЛ и направляет всех делегатов настоящего съезда на Объ-

---

[36] «Nasza Trybuna», 13 декабря 1918 года.
[37] Там же.
[38] «Materiały archivalne», str. 494—495.

единительный съезд с СДКПиЛ и уполномочивает их на создание вместе с СДКПиЛ объединенной Коммунистической рабочей партии Польши» [39].

На обсуждение Общепольской конференции СДКПиЛ были поставлены два вопроса — о задачах польского и международного пролетариата и об объединении с ППС-левицей. Конференция признала политическую платформу объединенной партии, подготовленную Межпартийной комиссией, в основном соответствующей взглядам СДКПиЛ. Конференция отметила, что в целом предшествующая стратегия и тактика СДКПиЛ были правильными, подтверждением чему служило развитие революционных событий в Польше.

Вечером 16 декабря съезд ППС-левицы и конференция СДКПиЛ объединили свои заседания. Их общая резолюция гласила: «Собравшиеся принимают решение образовать Коммунистическую рабочую партию Польши и рассматривают себя в качестве организационного съезда этой партии» [40].

В принятой съездом программе подчеркивалась необходимость призыва рабочих масс к борьбе за свержение капитализма и создание социалистической экономики посредством установления диктатуры пролетариата, воспитания пролетариата в духе сознания классовой солидарности и классового единства. Съездом перед партией ставилась задача вести борьбу против национализма, оппортунизма и соглашательства правой ППС. Особое внимание в программе уделялось роли Советов рабочих депутатов в городе и фольварочных комитетов в деревне. Партия призывалась к активному участию в создании Советов как органов рабочей власти, к сплочению их с целью создания централизованного органа, способного взять в свои руки всю политическую власть в стране.

Однако в содержании программы в известной мере сказался груз старых люксембургианских концепций, провозглашавшихся СДКПиЛ. В ней указывалось, например, что польский пролетариат отвергает такие политические лозунги, как автономия и самоопределение. «Для международного лагеря социалистической революции,— говорилось в программе,— нет проблемы границ» [41]. Этот тезис был принят под влиянием ошибочной концепции СДКПиЛ, разделявшейся и ППС-левицей, об одновременной победе революции в европейском масштабе. Благодаря такой победе, как полагала молодая КРПП, должны были исчезнуть всякие государственные границы и наступить полное национальное освобождение угнетенных народов. КРПП не оценила в должной мере такого важного для народных масс Польши вопроса, как восстановление независимости Польского государства.

В политической программе новой партии отсутствовало также какое-либо упоминание о путях разрешения в стране аграрной проблемы, не выдвигались и другие задачи общедемократического характера, вытекавшие из специфики тогдашнего социально-экономического и политического положения Польши.

Съезд принял манифест, обращенный к польскому пролетариату, и временный устав партии. В манифесте говорилось: «Две партии — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы и Польская социалистическая партия-левица объединились в одну Коммунистическую рабочую партию Польши, которая призывает рабочие массы под свое знамя борьбы за диктатуру пролетариата, за социалистическую революцию... Нас объединяет ясность задач, которые стоят сегодня перед рабочим классом, приближается момент штурма твердыни капита-

[39] «Sprawozdanie ze Zjazdu organizacyjnego Komunistycznej Partii robotniczej Polski». Warszawa. 1919, str. 2.
[40] Там же.
[41] Там же.

лизма... Мы объединились как один из отрядов революционной армии, идущей на последний решительный бой» [42].

Документы, принятые Объединительным съездом, свидетельствовали о том, что КРПП создавалась как революционная, марксистская партия. «Уже в момент своего возникновения,— говорится в Тезисах ЦК ПОРП,— КПП провозгласила программный лозунг борьбы за диктатуру пролетариата, стала на сторону Октябрьской революции, признала историческое значение пути, проложенного пролетариатом России и его ленинской партией для рабочего класса всего мира. КПП считала защиту первого социалистического государства своей интернациональной обязанностью» [43]. КРПП была уверена, что только свержение власти эксплуататорских классов может обеспечить решительное изменение к лучшему экономического и политического положения народных масс и выведет страну из хозяйственной разрухи на путь экономического и культурного расцвета.

В то время как правые вожди ППС призывали трудящихся ждать милости от Законодательного сейма, КРПП все свое внимание сосредоточила вокруг лозунга борьбы за установление диктатуры рабочего класса в форме Советов. В резолюции февральского (1919 г.) Пленума ЦК говорилось: «...КРПП стремится к тому, чтобы в каждой деревне, в каждом городе, в каждом предприятии, каждой гмине, повете были созданы Советы рабочих депутатов, а также фольварочные комитеты, объединенные между собой в одно целое путем созыва съезда Советов; вся власть в стране должна перейти революционным путем к Советам. Они должны быть органами диктатуры пролетариата. Только Советы могут создать действительно народное правительство, которое вправе решать все вопросы управления страной через своих представителей в каждой деревне, повете, во всей стране» [44].

В состав Центрального Комитета КРПП было избрано 12 человек — по 6 от каждой из объединившихся партий. От СДКПиЛ в состав ЦК вошли Фр. Гжельщак, Фр. Фидлер, Вл. Ковальский, Шт. Рыбацкий, А. Пиотровский и Вл. Домбровский. От ППС-левицы — Ю. Цишевский, В. Костшева, Ст. Круликовский, Г. Валецкий, В. Врублевский и Б. Ивиньский. В редакцию центрального органа партии — газеты «Sztandar Socjalizmu» были избраны А. Варский, Фр. Фидлер и др. В августе 1919 г. Пленумом ЦК КРПП в состав ЦК был кооптирован А. Варский.

КРПП возникла в результате объединения двух партий, придерживавшихся в прошлом ошибочных позиций по ряду вопросов революционного движения. При ее образовании эти партии не подвергли пересмотру и принципиальной критике некоторые свои неправильные концепции, что сказалось на идеологическом развитии молодой Коммунистической партии. КРПП не поняла в то время необходимости слияния в один революционный поток патриотических и демократических требований широких масс, с одной стороны, и классовых требований пролетариата — с другой. Вследствие этого ей не удалось завоевать на свою сторону большинство трудящихся масс для реализации принятой съездом программы.

Положение партии осложнялось также наличием раскола в рядах рабочего класса, обусловленного реформистскими, националистическими действиями правой ППС. Только передовая часть рабочего класса и наиболее радикальная часть крестьянства рассматривали КРПП как руководящую политическую силу в стране, последовательно боровшуюся за коренные интересы всего польского народа. В то же время значи-

---

[42] «KPP. Uchwały i rezolucje». T. I. Warszawa. 1953, str. 16.
[43] «Trybuna Ludu», 11 декабря 1958 года.
[44] «KPP. Uchwały i rezolucje». T. I. str. 71.

тельная часть рабочего класса оставалась под влиянием реформистской идеологии ППС, а массы крестьянства — под воздействием соглашательской идеологии правых вождей мелкобуржуазных крестьянских партий. Процесс большевизации КРПП, усвоения ею идей ленинизма по основным вопросам революционной стратегии и тактики был длительным и сложным.

Молодой Коммунистической партии пришлось развертывать свою деятельность в трудных политических условиях. Хотя революционное движение охватило всю страну, выражением чего было создание Советов рабочих депутатов в городах и фольварочных и крестьянских комитетов в деревнях, силы польского пролетариата за время войны оказались значительно ослаблены, а ряды его расколоты. Большинство промышленных предприятий (за исключением Домбровского бассейна) бездействовало. Кадры пролетариата, спасавшегося от голода, были рассеяны по деревням, многие рабочие — беженцы и эвакуированные во время войны — еще не вернулись в страну из России и Германии. Все это влияло на соотношение классовых сил в стране. К тому же польская буржуазия, проводя политику социальной демагогии, прикрывала свое господство деятельностью так называемых «народных правительств», выступавших под покровительством правой ППС и правых вождей мелкобуржуазных крестьянских партий, распространявших легенду об общенародном характере, о надклассовости воссозданного Польского государства.

Первоначальная деятельность молодой Коммунистической партии Польши осложнялась и тем, что она сразу же после возникновения оказалась в полулегальных условиях и не могла в короткий срок широко развернуть работу в массах. Почувствовав за собой силу, буржуазно-помещичье правительство в начале 1919 г. загнало партию в подполье, обрушив на коммунистов всю тяжесть репрессий.

Отмечая идеологическую незрелость КРПП на первом этапе ее деятельности, необходимо одновременно со всей силой подчеркнуть огромное историческое и политическое значение возникновения в ее лице революционного авангарда польского рабочего класса, наследника лучших традиций польского революционно-освободительного движения.

КРПП была в стране единственной партией, которая неустанно призывала массы к борьбе за свержение буржуазно-помещичьего строя и замене его строем социалистическим. Она вела самоотверженную борьбу за удовлетворение повседневных нужд и запросов рабочих масс и трудового крестьянства. Внедряя в сознание рабочего класса идею пролетарского интернационализма, партия подчеркивала значение классовой солидарности рабочих Польши с международным пролетариатом, и в первую очередь с трудящимися Советской России. В огне классовой борьбы, впитывая в себя опыт польского и международного революционного движения, опираясь на советы В. И. Ленина и помощь Коммунистического Интернационала, КРПП постепенно переходила на ленинские позиции, превращалась в партию нового, ленинского типа.

★

Острые классовые бои 1918—1919 гг. в Польше между революционными силами, с одной стороны, и реакцией — с другой, закончились победой буржуазно-помещичьего блока, пользовавшегося поддержкой соглашательских партий — правой ППС и мелкобуржуазных крестьянских партий. Руководители их решительно выступали против революционного свержения власти эксплуататоров и усыпляли бдительность масс ложными иллюзиями. Большую помощь в борьбе за упрочение своего господства эксплуататорские классы получили от западных империали-

стических государств, которые стремились превратить буржуазно-помещичью Польшу в заслон против распространения революционных идей из Советской России в западные страны.

Уроки классовых битв поставили КРПП перед необходимостью проанализировать причины, в силу которых рабочий класс не смог реализовать выдвинутых перед ним Коммунистической партией политических лозунгов. Обогащаясь опытом революционной борьбы, КРПП постепенно начинала убеждаться в значении лозунга борьбы за создание независимого польского национального государства. Первой попыткой партии пересмотреть свои ошибочные концепции по этому вопросу явилось решение Пленума ЦК КРПП (февраль 1919 г.). В проекте политической программы, с которой коммунисты должны были выступить на предполагавшемся Общепольском съезде Советов, говорилось: «Программой борьбы КРПП, касающейся Советов и всей деятельности партии, является: 1) установление революционным путем Польской республики Советов рабочих депутатов в городе и фольварочных комитетов в деревне, 2) заключение после победы революции братского союза с другими социалистическими республиками для отпора врагу, каким является международный империализм, для оказания взаимной помощи в строительстве экономической жизни, для общего планирования, опирающегося на социалистические основы» [45]. Эта формулировка отражала, хотя и в слабой степени, понимание партией реальной действительности.

По мере развития революционного движения в стране партия все более осознавала необходимость преодоления старых ошибочных концепций люксембургианского характера. Огромное влияние в этом отношении на КРПП оказали выработанные под руководством В. И. Ленина решения II конгресса Коминтерна по основным вопросам политики коммунистических партий и прежде всего по аграрно-крестьянскому и национальному. Идейному росту польских коммунистов содействовали многочисленные работы В. И. Ленина, и прежде всего его знаменитый труд «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», в котором указывалось на опасность отрыва коммунистических партий от широких масс в период временного отлива революционной волны.

«Важным этапом в развитии нашей партии,— писал А. Варский,— было участие ее делегации на III конгрессе Коминтерна. Там в первый раз во всем значении была поставлена перед нашими товарищами задача завоевания масс не только во имя конечной цели нашей борьбы, но и ради активного участия их в борьбе за повседневные нужды» [46].

О постепенном переходе партии на последовательные марксистские позиции по важнейшим вопросам революционной стратегии и тактики свидетельствовали принятые на ее пленумах и конференциях решения. За период 1919—1922 гг. состоялись три пленума (февраль и сентябрь 1919, май 1921 г.) и три конференции (апрель 1920, февраль 1921, апрель 1922 г.). Подлинно революционные и интернационалистические требования, лозунг борьбы за национальную независимость, гарантией которой было бы установление власти трудящихся, пронизывали красной нитью решения партии. Разоблачая антинациональную политику правящих кругов и поддерживавших их соглашательских партий, КРПП заявляла: «Независимость, какой хотят буржуазия и ППС,— это господство шайки буржуазных правительств, опирающихся на порабощение трудящихся масс и находящихся в зависимости от буржуазных правительств некоторых великих держав... Мы, коммунисты... призываем рабочий класс положить конец этой страшной игре обанкротившейся буржуазии, мы призываем начать строительство своего собственного государства в брат-

---

[45] Там же.

[46] A. Warski. 5 lat KPRP. Protokoły 2 Zjazdu KPRP (1923). «Z pola walki». 1958, № 4, str. 148.

ском союзе с революционным пролетариатом соседних стран и стран всего мира»[47].

Однако в решениях КРПП этого периода еще содержались некоторые ошибочные положения. Так, I конференция партии приняла неправильный тезис о пилсудчине как выразительнице интересов мелкой буржуазии. Не сумев раскрыть классовой сути пилсудчины, конференция впала и в другую ошибку, указав, что Пилсудский, разрабатывая свои агрессивные планы в отношении Советской России, опирался якобы вопреки мирным стремлениям господствующих классов на мелкобуржуазные элементы.

Крупный шаг в исправлении ошибок партии был сделан III конференцией КРПП (апрель 1922 г.). Она показала перспективы дальнейших путей развития польской революции, определила ее основные резервы — крестьянское движение и борьбу угнетенных национальностей. В поставленных на обсуждение конференции «Аграрных тезисах», подготовленных Комиссией ЦК в составе А. Варского, В. Костшевы и Фр. Фидлера, была предпринята попытка по-новому рассмотреть решение аграрно-крестьянского вопроса в Польше. В них подчеркивался революционный характер борьбы крестьянства за землю, отмечались важная роль и значение союза рабочего класса и крестьянства как решающего условия для свержения господства буржуазии и помещиков и установления власти трудящихся.

Конференция обсудила также работу коммунистов в профсоюзах, среди широких слоев рабочего класса и проблему создания единого рабочего фронта.

Переломным моментом в идеологическом развитии КРПП явился II съезд, состоявшийся в сентябре — октябре 1923 года. Он проходил в обстановке дальнейшего обострения классовой борьбы, кульминационным пунктом которой явилось ноябрьское восстание в Кракове. Рост революционного движения все настойчивее ставил перед КРПП задачу преодоления старых ошибочных концепций, тормозивших процесс превращения партии в подлинного вождя многомиллионных масс. Опыт классовых боев в период 1918—1923 гг. показал, что рабочий класс без широкой поддержки крестьянства не в состоянии добиться социальных преобразований в стране. Это обусловило необходимость выработки КРПП новой стратегии, отвечавшей тогдашним задачам экономического и политического развития Польши. Новая программа по важнейшим политическим вопросам, решения которых настойчиво требовала жизнь,— аграрно-крестьянскому и национальному — была принята II съездом. Он обсудил отчет ЦК и заслушал доклады: о пятилетии Коммунистического Интернационала; пятилетии КРПП; политическом положении в стране и задачах партии; по аграрно-крестьянскому вопросу; национальному вопросу; о работе партии в профсоюзах, среди молодежи и женщин. В отчетном докладе[48] отмечалась необходимость для победы над капитализмом единого рабочего фронта, а также прочного союза рабочего класса с широкими массами крестьянства. За пять лет своей деятельности КРПП сделала реальные шаги по завоеванию на свою сторону широких рабочих масс. Одним из примеров применения партией на практике тактики единого рабочего фронта было проведение совместно с ППС первомайской демонстрации 1922 г. в ряде промышленных центров страны.

Большое место в докладе уделялось аграрно-крестьянскому и национальному вопросам. Выборы в сейм, состоявшиеся осенью 1922 г., со всей остротой поставили перед партией задачу пересмотра отношения к решению этих проблем. В докладе ЦК отмечалось, что КРПП запозда-

[47] «Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны», стр. 13, 16.

[48] «Z pola walki», 1958, № 3, стр. 131—153.

ла с правильной постановкой крестьянского вопроса, не использовала в предшествующий период реальных возможностей для привлечения на свою сторону широких масс крестьянства и создания прочного союза рабочего класса и тружеников деревни.

Уроки выборов в сейм показали огромное значение национального вопроса в революционной борьбе пролетариата. Выросла политическая активность угнетенных в Польше национальностей (в первую очередь населения Западной Украины и Западной Белоруссии). Национальный вопрос в стране обострился в результате начатой реакцией бешеной шовинистической кампании и агитации за предоставление права только полякам решать судьбу государства. В докладе ЦК подчеркивалась необходимость убеждения широких масс в том, что КРПП является единственной польской партией, не имеющей ничего общего ни с шовинизмом, ни с национализмом, что она борется за подлинную свободу и независимость народов, признавая право угнетенных национальностей на самоопределение. Таким образом, II съезд КРПП наметил новую программу, выражавшую коренные интересы рабочего класса, широких масс крестьянства и угнетенных национальностей.

Наступил период, говорилось в докладе ЦК, когда польский рабочий класс должен показать, способен ли он на победоносную борьбу, в состоянии ли он повести за собой крестьянство, стать гегемоном народных масс в революционно-освободительной борьбе.

Новая линия партии по аграрно-крестьянскому и национальному вопросам, изложенная в докладе ЦК, была отражена в резолюциях «По вопросу рабоче-крестьянского союза», «Воззвание о союзе рабочих и крестьян», а также в «Аграрных тезисах». Решения съезда были проникнуты ленинской идеей о том, что победоносная борьба пролетариата за власть, за рабоче-крестьянское правительство невозможна без тесного союза рабочих и крестьян при гегемонии рабочего класса. Стремясь к осуществлению этого союза, партия ставила перед собой задачу освобождения крестьянства из-под влияния буржуазии и соглашательских партий, привлечения крестьянства на сторону рабочего класса. Съезд выдвинул отвечающий чаяниям трудового крестьянства лозунг «Земля крестьянству без выкупа!». Подчеркивая актуальность в условиях польской деревни раздела между крестьянами помещичьей земли, съезд поставил задачу передачи ее после конфискации у помещиков крестьянским земельным комитетам, избираемым всеми крестьянами и сельскохозяйственными рабочими. В отдельных районах, где земельный голод ощущался не так остро (Познаньское и Поморское воеводства), земельные комитеты могли часть конфискованных помещичьих хозяйств превратить в общественные хозяйства. В утвержденных съездом «Аграрных тезисах» указывалось: «Коммунисты должны заявить ясно и недвусмысленно, что считают коллективное ведение сельского хозяйства единственно правильным в будущем разрешением аграрной проблемы; однако в настоящее время они будут стремиться к осуществлению революционного переворота в деревне, который основывался бы на ликвидации помещиков и конфискации всей земли без выкупа, на передаче в руки государства экономически развитых имений, имеющих большое значение для снабжения сельскохозяйственной продукцией городов и крупных промышленных предприятий, на передаче всей остальной помещичьей земли в руки крестьянских масс для раздела либо организации коллективных хозяйств» [49].

В то же время съезд не терял из виду перспективы социалистической переделки деревни. В тезисах говорилось, что эта переделка будет идти не путем принудительной экспроприации широких крестьянских масс и не с помощью политики, ведущей к упадку крестьянского хозяйства, а путем

[49] «KPP. Uchwały i rezolucje». T. I, str. 166.

наглядного примера преимуществ коллективного труда. Широкое применение получаемых от государства сельскохозяйственных машин и искусственных удобрений, практика производственной и потребительской кооперации, электрификация, организация сельскохозяйственных школ, увеличение кадров агрономов, которые научат крестьян пользоваться достижениями науки,— все это выведет крестьянство из состояния обособленности и постепенно подведет его к пониманию коллективного хозяйства [50].

Программа по аграрно-крестьянскому вопросу, выработанная II съездом КРПП, имела огромное значение для идеологического развития партии и ее практической революционной деятельности. «До этого,— говорится в тезисах ЦК ПОРП,— два основных общественных движения в Польше — революционное рабочее движение и крестьянское движение были разобщены. КПП была первой партией, которая перекинула мост между этими движениями, создавая рабоче-крестьянский союз под руководством рабочего класса в борьбе с влиянием буржуазии и правыми аграрными партиями в крестьянском движении» [51].

Съезд пересмотрел отношение партии к национальному вопросу. Имея в виду население Западной Украины и Западной Белоруссии, он провозгласил ленинский лозунг права наций на самоопределение вплоть до отделения. В его резолюции отмечалось, что украинские народные массы, составляющие значительное большинство населения Восточной Галиции, насильно включенные в состав Польского государства, неоднократно выражали желание отделиться от Польши и соединиться с Советской Украиной. Трудящиеся Западной Белоруссии также стремились к объединению с Советской Белоруссией, где им была бы обеспечена возможность полного национального и культурного развития [52].

В резолюции по национальному вопросу говорилось: «Трудящиеся массы Польши должны понять и поддержать стремление украинских и белорусских рабочих и крестьян к освобождению из-под господства буржуазно-помещичьей Польши и вхождение их земель в состав Советской Украины и Советской Белоруссии» [53].

Решения II съезда КРПП имели огромное значение для последующего развития польского рабочего движения. Выдвинутый партией лозунг о рабоче-крестьянском союзе нашел горячий отклик в широких массах трудового крестьянства. В 1924 г. в результате образования в крестьянском движении радикального крыла создалась Независимая крестьянская партия, которая, поддерживая лозунг КРПП, призвала крестьян к борьбе за землю без выкупа.

Укрепились позиции КРПП в профсоюзах, где идея единого рабочего фронта находила все больше сторонников.

Разоблачая демагогические заявления о «независимости» Польши со стороны соглашательских и буржуазных партий, которые на деле сотрудничали с международным империализмом и все более превращали страну в полуколонию иностранного капитала, КРПП ставила задачу борьбы за подлинную свободу страны. Завоевание независимости Польши партия ставила в тесную связь с победой революции и установлением власти польских трудящихся [54].

Решения съезда и последующее воплощение их в жизнь ускорили процесс большевизации КРПП. Б. Берут в докладе на Объединительном съезде польских рабочих партий 15 декабря 1948 г. отмечал: «Несмотря на ряд ошибочных концепций, которые до конца не сумела преодолеть

[50] Там же, стр. 157—158.
[51] «Trybuna Ludu», 11 декабря 1958 года.
[52] «KPP. Uchwały i rezolucje». T. I, str. 227—228.
[53] Там же, стр. 228.
[54] Там же, стр. 226.

КРПП, она становилась, начиная со II съезда, состоявшегося в 1923 г., партией ленинского типа, партией, которая внедрила ленинизм в историю польского рабочего движения. Она была единственной партией в Польше, которая стала на почву марксизма-ленинизма, боролась за власть рабочего класса, за подлинную независимость польского народа»[55].

Исторической заслугой Коммунистической партии Польши является то, что она указала трудящимся массам верный путь к социальному и национальному освобождению. В тяжелейших условиях санационного режима она воспитала тысячи коммунистов, составивших ядро Польской рабочей партии, которая в суровые дни немецко-фашистской оккупации высоко подняла священное знамя борьбы за национальное и социальное освобождение. После победы над фашизмом Польская рабочая, а затем Польская объединенная рабочая партия, впитавшая в себя лучшие революционные традиции КПП, возглавила народные массы в борьбе за восстановление страны, за создание и упрочение народно-демократической Польши, осуществляющей лучшие идеалы Коммунистической партии — строительство социализма.

Характеризуя историческое значение КПП, Первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка в докладе на XII Пленуме ЦК сказал: «...Идея, которая 40 лет тому назад легла в основу деятельности Коммунистической партии Польши, является и сегодня путеводной звездой в работе нашей партии. Это бессмертная идея марксизма-ленинизма, идея борьбы за социализм. И если мы сегодня строим в нашей стране социализм, то в этом есть немалая заслуга нашей предшественницы — Коммунистической партии Польши»[56].

Советские люди высоко ценят революционные заслуги героической Коммунистической партии Польши, вся деятельность которой была проникнута стремлением к освобождению своего народа от социального и национального гнета, к свержению власти капитала и победе социалистического строя. Выступая на митинге дружбы в Москве 10 ноября 1958 г., Н. С. Хрущев сказал: «Наша партия высоко ценит революционные заслуги Коммунистической партии Польши, ее самоотверженную борьбу за победу великих марксистско-ленинских идей в польском рабочем движении»[57].

---

[55] B. Bierut. O partii. Warszawa. 1954, str. 32.
[56] «Trybuna Ludu», 19 октября 1958 года.
[57] «Правда», 11 ноября 1958 года.

ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА В БОРЬБЕ ЗА МИР И ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА

Н. М. Митрофанов

Около десяти лет назад, когда передовые силы германской нации провозгласили создание Германской Демократической Республики, на Западе было немало скептиков, пророчивших короткую жизнь молодому миролюбивому и демократическому государству. В своем неверии в силы рабочего класса и трудового крестьянства Восточной Германии некоторые из этих скептиков доходили даже до того, что существование первого в германской истории государства рабочих и крестьян исчисляли буквально днями.

Но жизнь посмеялась над всеми этими «прорицателями». Некоторые из них, проявляя здравый подход к делу, вынуждены теперь признать, что вопреки их желаниям ГДР не только существует, но и успешно развивается по пути мира и социализма.

В начале нынешнего года корреспондент реакционной французской газеты «Комба», которую никак нельзя заподозрить в каких-либо симпатиях к ГДР, Жан-Пьер Лярош посетил Германскую Демократическую Республику и, убедившись своими глазами в крепости нового социально-экономического и общественного строя, писал: «...необходимо сразу же уточнить, что речь идет не об умирающем обществе, как нам его представляет западногерманская пресса, а о молодом, находящемся в полном развитии обществе» [1]. Характеризуя широкий размах созидательной деятельности ЦК СЕПГ и правительства Германской Демократической Республики во всех областях общественной жизни, Лярош отмечает: «Наряду с ростом производства и разумным размещением производительных сил руководители ГДР не забывают о воспитании и перевоспитании масс. В горах, на морском побережье, на берегах озер появляются новые отели, на окраинах городов сооружаются крупные стадионы, в небольших городах открываются театры, а в селах—дома культуры и кинотеатры» [2].

Французский журналист сказал правду. Успехи Германской Демократической Республики в экономической, политической и культурной областях поистине грандиозны. Эти успехи тем более знаменательны, что они достигнуты в упорной борьбе с серьезными трудностями. Хорошо известно, что на нынешней территории Германской Демократической Республики до войны добыча каменного угля составляла менее 3% от общей его добычи в Германии, производство чугуна — около 2%, стали и проката — 6%. Таким образом, в довоенной Германии ведущие отрасли промышленности были размещены в основном в западных частях страны. Там же были расположены и месторождения важнейших полезных ископаемых [3]. Вследствие раскола страны ГДР оказалась оторванной от исторически сложившихся баз снабжения углем, металлом и другими видами сырья и должна была искать новые источники снабжения. Кроме того, следует иметь в виду, что территория Восточной Германии в

[1] «Combat», 9 февраля 1959 года.
[2] «Combat», 11 февраля 1959 года.
[3] «Германия». Экономическая география. М. 1959, стр. 323—324.

период второй мировой войны была ареной военных действий, в результате чего ее экономике был нанесен неизмеримо больший ущерб, чем экономике Западной Германии. Наконец, и об этом нельзя забывать, против Германской Демократической Республики западные державы и ФРГ систематически проводят диверсионную деятельность, стремясь подорвать народное хозяйство республики. Империалистические разведки засылают на территорию ГДР своих агентов для организации диверсий, поджогов, разрушений государственных предприятий, МТС, народных имений, сельскохозяйственных кооперативов [4].

Но все эти трудности не остановили социалистического развития республики. Трудящиеся ГДР, избавившись от засилья прусских юнкеров и рурских магнатов и взяв под руководством своего испытанного марксистско-ленинского авангарда — Социалистической единой партии Германии бразды правления государством в свои руки, пошли по новому пути. В условиях социалистического строя был создан неограниченный простор для творческой деятельности талантливого и трудолюбивого германского народа. Благодаря высокой классовой сознательности пролетариата, нарастающей активности всех трудящихся, при постоянной и всесторонней помощи СССР и других социалистических стран Германская Демократическая Республика добилась значительных успехов в хозяйственном и культурном строительстве.

Всеми своими успехами республика обязана Социалистической единой партии Германии, которая объединила под марксистско-ленинским знаменем рабочий класс и трудовое крестьянство и возглавила блок антифашистско-демократических партий, принявших активное участие в строительстве новой жизни. Именно СЕПГ вовлекла все слои населения в строительство социализма.

Состоявшийся 10—16 июля 1958 г. V съезд СЕПГ указал, что основы социализма в республике в основном построены. Съезд определил главную экономическую задачу ГДР: в течение немногих лет добиться такого развития народного хозяйства, чтобы было полностью доказано превосходство социалистического общественного строя над капиталистической системой и чтобы в результате уровень потребления на душу трудового населения республики по всем важнейшим видам продовольственных и потребительских товаров достиг и превзошел уровень потребления на душу населения в Западной Германии [5].

Решения V съезда СЕПГ направлены на дальнейшее развитие экономики и культуры ГДР, повышение благосостояния трудящихся с тем, чтобы обеспечить успешное продвижение республики по пути завершения строительства социализма.

Все подлинные друзья Германской Демократической Республики с полным основанием могут гордиться замечательными достижениями в развитии ее экономики, ставшими возможными благодаря социалистической системе хозяйства. Ныне 89,4% промышленной продукции республики производится на социалистических предприятиях [6]. За 10 лет построен целый ряд новых предприятий черной металлургии, в том числе комбинаты «Ост» и «Вест»; расширены действующие заводы. Объем валовой продукции металлургической промышленности увеличился в 3 раза, машиностроительной и металлообрабатывающей — в 2,9 раза, химической — в 2,3 раза, энергетической — в 1,9 раза [7]. По объему промышленной продукции ГДР занимает сейчас пятое место в Европе, уступая лишь Советскому Союзу, Великобритании, ФРГ и Франции. Довоенный уровень промышленного производства превзойден более чем в 2,5 раза. Семилетний план развития народного хозяй-

[4] «Neues Deutschland», 10 января 1959 года.
[5] «Neues Deutschland», 12 июля 1958 года.
[6] «Neues Deutschland», 3 февраля 1959 года.
[7] Там же.

ства ГДР предусматривает рост промышленного производства к 1965 г. на 80%. По темпам роста промышленной продукции ГДР оставила далеко позади ведущие капиталистические страны Европы, включая Западную Германию. Если, например, прирост промышленной продукции в ГДР в 1958 г. составил 10,9%, то в Западной Германии — лишь 3% [8].

Изделия ГДР пользуются большим спросом в разных частях земного шара. Ее промышленность производит теперь машины, станки и другое оборудование, не уступающее или превосходящее передовую технику капиталистического мира. Успехам в области промышленности способствовало повышение производительности труда путем внедрения новой техники и широкого размаха социалистического соревнования на предприятиях. В этой связи заслуживает быть отмеченным развернувшееся в последнее время по инициативе молодых рабочих Биттерфельдского химического комбината массовое движение за получение почетного звания бригады социалистического труда. В целях завершения создания в республике материально-технической базы социализма широко внедряются телемеханика, электроника, кибернетика, обеспечивающие полную автоматизацию производства.

Серьезные достижения имеет ГДР и в области сельского хозяйства. Благоприятные условия для этого были созданы благодаря проведению демократической земельной реформы, лишившей помещиков и юнкеров крупных поместий и обеспечившей безземельных крестьян земельными наделами [9]. Реформа создала необходимые предпосылки для проведения социалистических преобразований в деревне. Теперь в республике насчитывается 9 637 производственных сельскохозяйственных кооперативов, объединяющих 353 тыс. членов. Около 80% всех общин ГДР имеют ныне сельскохозяйственные кооперативы. В стране насчитывается 605 машинно-тракторных станций и 711 народных имений. В результате этого 46,5% полезной сельскохозяйственной площади обрабатывается предприятиями социалистического типа [10].

Укрепление машинно-тракторных станций, народных имений и производственных кооперативов в организационно-хозяйственном отношении, расширение механизации, рациональное внедрение минеральных удобрений привели к резкому повышению урожайности. В 1958 г. с каждого гектара было собрано в среднем 25,2 ц зерновых культур. Это самый высокий средний урожай в республике за годы ее существования. Семилетний план предусматривает увеличение средней урожайности в 1965 г. до 30—32 ц с гектара [11]. Принятые правительством ГДР меры по повышению материальной заинтересованности членов производственных сельскохозяйственных кооперативов и крестьян-единоличников явились новым стимулом для развития животноводства и прежде всего увеличения поголовья крупного рогатого скота.

Успехи в экономическом развитии республики привели к резкому росту национального дохода. За годы существования ГДР он возрос более чем в два раза. Благодаря постоянной заботе Социалистической единой партии Германии и правительства ГДР об удовлетворении культурных и материальных запросов населения заметно улучшились жизненные условия трудящихся. Несколько раз снижались розничные цены на промышленные и продовольственные товары, повышена зарплата низкооплачиваемым рабочим и служащим, увеличены пенсии, предоставлены дотации для питания рабочих в заводских столовых и др. В результате всех этих мероприятий значительно возросла покупательная способность трудящихся. Среднедушевое потребление в ГДР основных продуктов питания: жиров, рыбы, мяса, сахара, карто

[8] Там же.
[9] Вальтер Ульбрихт. К истории новейшего времени. М. 1957, стр. 197—226.
[10] «Neues Deutschland», 3 февраля и 18 апреля 1959 года.
[11] «Neues Deutschland», 22 февраля 1959 года.

феля — оставило далеко позади уровень довоенной Германии и уже превзошло уровень среднедушевого потребления Западной Германии.

В условиях социалистического развития подлинного расцвета достигли в ГДР наука, техника, культура. Республика стала хранителем лучших традиций культурной жизни германской нации, центром немецкой социалистической культуры. Создана новая трудовая, патриотически настроенная интеллигенция, активно строящая социализм вместе с рабочим классом и трудовым крестьянством. Впервые в истории Германии перед детьми рабочих и крестьян широко распахнулись двери средних и высших учебных заведений. Если до войны в гитлеровской Германии лишь 2—3% всех студентов высших учебных заведений были выходцами из рабочих и крестьянских семей, то в вузах Германской Демократической Республики 60% студентов являются детьми рабочих и крестьян [12].

Твердо идя по пути создания новой жизни, Германская Демократическая Республика уверенно завершает строительство социализма, внося неоценимый вклад в дело укрепления великого содружества социалистических государств.

★

ГДР, как и все социалистические страны, находится в первых рядах борцов за упрочение мира и безопасность народов. Неустанная борьба за устранение опасности новой войны, за разрядку международной напряженности, за создание атмосферы доверия и взаимопонимания между государствами привела к значительному росту международного авторитета республики. Заклеймив преступления германских милитаристов в отношении европейских народов и осудив самым решительным образом прошлое милитаристской Германии, ГДР установила с этими народами новые отношения. На смену былой вражде между народами Германии и соседних с нею государств, которая в прошлом разжигалась германскими империалистами, на смену распрям и недоразумениям, конфликтам и военным столкновениям пришли отношения, которые строятся на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, взаимного невмешательства во внутренние дела. Последовательно проводимая Германской Демократической Республикой внешняя политика снискала ей глубокое уважение и искреннее признание со стороны всех миролюбивых сил земного шара. Наличие в центре Европы Германского рабоче-крестьянского государства, которому чужды какие-либо агрессивные намерения, упрочило спокойствие и безопасность в этом районе.

Подлинно дружественные отношения сложились у ГДР с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Для этих отношений характерны прежде всего тесное братское сотрудничество и взаимопомощь в экономической, политической и культурной областях. Германская Демократическая Республика пользуется всесторонней поддержкой и полным доверием всего могучего социалистического лагеря. Все социалистические государства неразрывно связаны тесными узами вечной братской дружбы и беспредельной преданности друг другу. Германская Демократическая Республика и другие страны социализма являются надежными друзьями и верными союзниками.

Существование ГДР как миролюбивого и демократического государства имеет величайшее значение для будущего всей Германии. Германская Демократическая Республика стала несокрушимым оплотом в борьбе германского народа против насильственного раскола страны, за

[12] «DDR. 300 Fragen. 300 Antworten». Berlin. 1958, S. 186.

восстановление ее национального единства. Народная Республика — притягательная сила для всех немецких патриотов, включая и западногерманских, в тяжелых условиях борющихся за мирный путь развития своей страны, против попыток империалистических держав превратить германскую территорию в главный плацдарм новой агрессии.

Каждый немец, которому действительно дороги интересы нации, понимает ныне, что дальнейшее политическое и экономическое укрепление ГДР представляет собой решающий вклад в дело нормализации обстановки в Германии и скорейшего решения национальной задачи — воссоединения страны как единого миролюбивого и демократического государства. Последовательная борьба за мирный путь развития Германии, против возрождения германского милитаризма обеспечила ГДР поддержку передовых сил всей германской нации. Энергичные выступления правительства республики за полную ликвидацию последствий второй мировой войны, за безотлагательное заключение мирного договора с Германией, за установление контактов между ГДР и ФРГ в целях воссоединения страны укрепили уверенность немцев в том, что ГДР является прочным фундаментом, на котором может быть воздвигнуто здание единой, миролюбивой, демократической Германии. Взоры немцев, проживающих в Западной Германии и испытывающих страх перед опустошительной атомной войной, обращены к ГДР, которую они по праву считают надежным оплотом мирного пути развития всей Германии. Германская Демократическая Республика стала для них символом борьбы, труда и счастливого будущего.

Одной из характерных черт в многогранной деятельности ЦК СЕПГ и правительства республики является постоянная забота о судьбе всей германской нации. Каждый шаг в деятельности руководящих органов ГДР проникнут стремлением создать наиболее благоприятные условия для мирной и спокойной жизни германского народа. Проявляя настойчивость и непреклонность в достижении этих целей, ЦК СЕПГ и правительство ГДР проделали большую плодотворную работу. Правительство Германской Демократической Республики явилось инициатором целого ряда конструктивных предложений по вопросу о мирном урегулировании с Германией. Опираясь на широчайшую поддержку всех слоев населения республики, объединенных в патриотическом Национальном фронте Демократической Германии, правительство ГДР неустанно, последовательно и энергично выступает за заключение мирного договора.

4 сентября 1958 г. Совет Министров ГДР вновь решительно высказался за скорейшее мирное урегулирование с Германией и направил правительствам Советского Союза, США, Англии и Франции ноты. В нотах предлагалось немедленно создать комиссию из представителей четырех держав, которая приступила бы к консультациям с целью безотлагательной подготовки мирного договора [13]. В задачу комиссии входило бы также достижение соглашения о том, на какой стадии и в какой форме оба германских государства должны быть привлечены к переговорам в качестве партнеров. Одновременно с этим правительство ГДР обратилось к правительству ФРГ с предложением создать из представителей обоих германских государств комиссию, которая должна заняться обсуждением вопросов, связанных с подготовкой мирного договора с Германией, а также рассмотрением вопросов об установлении контактов между обоими германскими государствами в целях воссоединения страны.

Западные державы отклонили это конструктивное предложение. Но Германская Демократическая Республика не ослабила своих усилий. Она горячо поддержала внесенный Советским Союзом проект мирного договора, считая, что благодаря этому договору будет наконец завершено послевоенное мирное урегулирование в Европе. Мирный договор

[13] «Известия». 7 сентября 1958 года.

дал бы всему германскому народу возможность в полном объеме осуществлять свой государственный суверенитет. Заключение мирного договора предотвратило бы пагубное развитие событий в Западной Германии, где германские милитаристы и реваншисты опять бряцают оружием и угрожают ввергнуть немецкий народ в новую войну, ставя на карту существование германской нации. Преступные действия авантюристов имеют своей целью оснащение западногерманского бундесвера, возглавляемого бывшими гитлеровскими генералами и офицерами, оружием массового уничтожения — ракетно-атомным оружием. Мирный договор освободил бы немецкую землю от иностранных войск, обеспечил бы выход Западной Германии из Североатлантического пакта, а ГДР — из организации Варшавского договора, привел бы к ликвидации всех иностранных военных баз на германской территории. Все это создало бы реальные возможности для демократического и мирного развития всей Германии, упрочило бы мир и безопасность в Европе [14].

Правительство ГДР, все политические партии и общественные организации республики выступают за скорейшее заключение мирного договора также и потому, что этот акт способствовал бы выполнению национальной задачи немецкого народа — восстановлению его государственного единства. Выступая за мирный договор, Германская Демократическая Республика отстаивает дело мира в Германии и во всем мире.

В ноте Советскому правительству от 25 марта 1959 г. правительство ГДР указывало: «Выступая всеми своими силами за заключение мирного договора с Германией, Правительство Германской Демократической Республики убеждено в том, что оно выражает национальные интересы всего немецкого народа и мирные интересы европейских народов. Необходимо устранить существующее 14 лет по окончании военных действий ненормальное положение, которое находит свое выражение в отсутствии мирного договора с Германией и в сохранении оккупационного режима в некоторых частях Германии, и достигнуть мирного урегулирования с Германией. Правительство Германской Демократической Республики руководствуется тем, что заключение мирного договора с Германией, которое в настоящих условиях является возможным, явилось бы решающим вкладом в дело сохранения мира в Германии и Европе» [15].

Много усилий приложило правительство ГДР и для восстановления единого миролюбивого демократического германского государства. Еще в период, когда Западная Германия не вступила на путь форсированной ремилитаризации, правительство ГДР выступило с предложением провести общегерманские выборы, разработав на основе веймарского избирательного закона проект нового избирательного закона [16]. После того как правительство Бонна отвергло это предложение и взяло прямой курс на усиленное вооружение, правительство ГДР и в новых условиях продолжало поиски приемлемых путей для решения общенациональной задачи. Учитывая факт существования на территории Германии двух суверенных государств, развивающихся в различных направлениях, оно добивалось установления деловых контактов с правительством Федеративной Республики Германии, справедливо полагая, что урегулирование общегерманских вопросов невозможно без прямых переговоров между представителями обоих германских государств.

Реально оценивая создавшуюся обстановку, правительство ГДР представило немецкому народу детально разработанную программу воссоединения страны путем образования конфедерации двух германских государств [17]. В качестве высшего органа конфедерации правительство

[14] «Neues Deutschland», 11 января 1959 года.

[15] «Известия», 1 апреля 1959 года.

[16] «Правда о политике западных держав в германском вопросе. (Историческая справка)». М. 1959, стр. 36.

[17] «Dokumente zur Außenpolitik der Regierung der Deutschen Demokratischen Republik». Band V. Berlin. 1958, S. 134.

ГДР предложило создать общегерманский совет по принципу паритетного представительства. Этот принцип исходит из равноправия обоих германских государств и исключает для каждого из них опасность оказаться при голосовании в меньшинстве. В задачу общегерманского комитета входило бы установление и расширение контактов между ФРГ и ГДР в целях их сближения; разработка основных принципов мирного урегулирования с Германией, а также подготовка и проведение мероприятий по воссоединению страны. Принятие правительством ФРГ такого предложения явилось бы важным шагом на пути решения германской проблемы на демократической и миролюбивой основе.

Правительство ГДР выдвинуло также предложение не допускать на германской территории вооружений, которые перекрывали бы потребности страны в национальной обороне, договориться о численности и размещении вооруженных сил обеих сторон и контроле над ними [18]. Выступая с такими предложениями, правительство республики прежде всего руководствовалось интересами всего немецкого народа, жаждущего мира и стремящегося избежать повторения трагических событий прошлого, когда германские империалисты, одурманив немцев, бросали их в разбойничьи походы против соседних народов. Осуществление этих мероприятий разрядило бы обстановку в центре Европы и особенно в самой Германии.

Трудно переоценить и прогрессивное значение миролюбивой политики ГДР в вопросе о Западном Берлине.

Западный Берлин является сейчас, пожалуй, именно тем пунктом, где в случае осложнения обстановки в любой момент может разразиться военное столкновение государств. Сохранение в Западном Берлине оккупационных порядков еще больше усиливает напряженность в Германии, усиливает разлад и отчужденность в отношениях между обоими германскими государствами, представляя, таким образом, серьезное препятствие на пути сближения ГДР и ФРГ в целях воссоединения страны. Наличие в части Берлина оккупационных войск западных держав еще больше обостряет напряженность в отношениях, оскорбляет национальное достоинство немцев, которые спустя более 14 лет после окончания военных действий все еще вынуждены жить под сапогом оккупантов. Территорию Западного Берлина западные державы и боннское правительство используют для систематической шпионско-диверсионной деятельности против ГДР, Советского Союза и других социалистических стран, чем преднамеренно разжигают «холодную войну» в отношениях между государствами Востока и Запада [19]. Когда правительство ГДР решительно требует прекращения этой подрывной деятельности, оно не в меньшей степени заботится и о спокойной жизни западноберлинского населения, вынужденного сейчас пребывать в состоянии постоянной неуверенности.

Самым разумным и справедливым решением берлинского вопроса было бы, естественно, включение Западного Берлина, расположенного на территории Германской Демократической Республики, в ее состав. Однако, учитывая сложившуюся обстановку, стремясь сохранить установившийся уклад жизни западноберлинского населения и не подвергать его болезненной ломке, правительство ГДР, потребовав ликвидации оккупационного режима в Западном Берлине, дало согласие на объявление его вольным и демилитаризованным городом. На столь серьезную уступку государственного значения могло согласиться лишь правительство, до конца преданное делу мира. Более того, правительство ГДР пошло еще дальше. Оно «выразило свою готовность гарантировать беспрепятственную связь между вольным городом Западный Берлин и внешним

[18] Там же, стр. 100.
[19] «Правда», 28 ноября 1958 года.

миром как в восточном, так и в западном направлениях» [20]. Все миролюбивые народы Европы приветствовали этот благородный шаг рабоче-крестьянского государства, направленный, как и вся миролюбивая внешняя политика ГДР, на упрочение мира и безопасности в Европе.

Борьба Германской Демократической Республики за сохранение и укрепление мира, за развитие дружбы между народами противостоит политике, проводимой правящими кругами Западной Германии. Оказав содействие империалистическим державам в расчленении страны, они одновременно взяли курс на ускоренную ремилитаризацию Западной Германии и использование всех ее материальных и людских ресурсов в агрессивных целях Североатлантического блока, на возрождение германского милитаризма. В Западной Германии, как и во времена господства гитлеровских фашистов, милитаристы и реваншисты открыто вынашивают захватнические планы в отношении соседних государств. С молниеносной быстротой растут военные расходы. Правительство ФРГ превращает страну в милитаристское, воинственное государство [21]. Режим полицейского террора установлен в отношении всех демократически и патриотически настроенных немцев. Верные защитники интересов германской нации, коммунисты вновь вынуждены работать в условиях нелегального существования.

Правительство канцлера Аденауэра выступило против мирного урегулирования с Германией, против предложений о ликвидации оккупационного режима в Западном Берлине. Предавая жизненные интересы немецкого народа, оно официально высказалось за сохранение иностранной оккупации германской территории.

Готовясь к атомной войне и договариваясь в этих целях с правительством США об оснащении бундесвера ракетно-атомным оружием, правительство ФРГ проводит тем самым такую политику, которая является главным препятствием для мирного урегулирования германского вопроса, лишает население Западной Германии возможности мирного развития и все более толкает страну на путь милитаризма и реваншизма. Такая политика может привести лишь к обострению напряженности в отношениях ФРГ с ГДР и с другими соседними государствами, к возникновению конфликтов между ними, чреватых роковыми последствиями для человечества. Политический курс боннских правящих кругов не содействует завоеванию Западной Германией доверия народов, пострадавших в прошлых войнах от германской агрессии.

Диаметрально противоположные политические линии обоих германских государств нашли свое отражение и на Женевском совещании министров иностранных дел. Если делегация ГДР отстаивает в Женеве необходимость быстрейшего заключения мирного договора с Германией и ликвидацию оккупационного режима в Западном Берлине, искренне содействуя тем самым успешному ходу совещания, то делегация ФРГ заняла резко непримиримую позицию, поставив перед собой цель помешать четырем великим державам прийти к взаимоприемлемым решениям по наиболее назревшим вопросам современности [22]. Позиции делегаций еще больше укрепляют убеждение широких общественных кругов в том, что правительство Германской Демократической Республики действительно заботится об осуществлении надежд германского народа на ликвидацию последствий второй мировой войны и мирное развитие. Правительство ФРГ, пренебрегая жизненными интересами германской нации, стремится увековечить раскол страны, законсервировать режим оккупации в Западном Берлине, подорвать наметившееся сближение точек зрения великих держав.

[20] «Правда», 12 марта 1959 года.

[21] См. «Нота Советского правительства правительству ФРГ». «Известия», 22 апреля 1959 года.

[22] «Die Zeit», 19 мая 1959 года.

Участие представителей обоих германских государств в Женевском совещании имеет огромное значение для будущего развития Германии, для дела мира в Европе. Этот факт окончательно развеял миф, созданный Аденауэром, о том, будто ФРГ представляет интересы всей Германии, интересы всего германского народа. Даже государственный секретарь Соединенных Штатов Америки Кристиан Гертер, которого Аденауэр считает своим близким другом, и тот счел возможным открыто заявить, что ФРГ не имеет права выступать от имени всей Германии [23].

Принятие решения об участии представителей обоих германских государств в работе Женевского совещания соответствует реально существующей обстановке и исходит из наличия на германской территории двух суверенных государств. Участие Германской Демократической Республики на совещании в Женеве является новым ярким доказательством ее возросшего международного авторитета. Западные державы, в течение многих лет игнорировавшие существование ГДР, вынуждены теперь не только фактически признать это государство, но и прислушиваться к его голосу при решении наиболее важных международных вопросов. Даже буржуазная печать западных стран не в состоянии скрыть того факта, что участие представителей ГДР на Женевском совещании открывает перед республикой широкий простор для активных действий на международной арене.

Западногерманская социал-демократическая газета «Vorwärts» метко заметила, что в Женеве «недвусмысленно победил тезис о наличии двух германских государств и что в результате участия ГДР в совещании, в международной политике теперь будут неубедительными утверждения, будто только ФРГ имеет право говорить от имени Германии» [24]. Американская газета «New York Times» писала: «В течение двух дней, когда министр иностранных дел Советского Союза А. Громыко отражал доводы запада, Восточная Германия была в центре внимания всего мира... Вся мировая печать неожиданно заполнилась сообщениями о Восточной Германии» [25]. Об этом же свидетельствуют и другие признания. Так, еще накануне Женевского совещания, выступая в Саут Хеттоне, бывший министр обороны лейбористского правительства член английского парламента Эмануэл Шинуэлл заявил: «Я имел возможность побывать в Восточной Германии и пришел к выводу, что нравится это Западу или нет, но существование Восточногерманской республики (то есть Германской Демократической Республики.— *Н. М.*) является свершившимся фактом, и чем раньше мы это поймем, тем будет лучше».

Своими искренними выступлениями в защиту мира делегация Германской Демократической Республики в Женеве привлекла к себе всеобщее внимание мировой общественности и убедительно подтвердила, что ГДР является подлинной выразительницей чаяний всего немецкого народа, возлагающего надежду на урегулирование спорных международных вопросов путем переговоров между заинтересованными государствами.

Действия делегации ФРГ, наоборот, встречают всеобщее осуждение, и прежде всего в самой Западной Германии. Да и как может быть иначе! Ведь всем известно, что глава западногерманской делегации министр иностранных дел Брентано, прибыв в Женеву, демонстративно не появлялся ни на одном из заседаний совещания, предпочитая отсиживаться на загородной даче и из-за кулис заговорщически давать советы и указания своим делегатам, как чинить препятствия в работе министров. Ни для кого не является секретом, что представители ФРГ выступили даже против того,

---

[23] «Die Welt», 19 мая 1959 года.
[24] «Vorwärts», 14 мая 1959 года.
[25] «New York Times», 12 мая 1959 года.

чтобы делегации обоих германских государств пользовались равными правами на совещании.

Такое поведение западногерманской делегации объективно способствует разоблачению антинациональных намерений боннских правящих кругов и изобличает их как противников мира и сторонников войны. Мировая печать открыто заявляет, что правительство Бонна не заинтересовано в решении обсуждаемых в Женеве вопросов, относящихся к Германии, хотя и является правительством одного из германских государств. Все усилия кабинета Аденауэра направлены на то, чтобы не допустить мирного урегулирования и ликвидации режима оккупации в Западном Берлине, поскольку это сорвало бы планы боннских реваншистов и милитаристов [26]. Аденауэр стремится к тому, чтобы вся Германия была включена в НАТО и стала агрессивным государством.

С целью срыва совещания правительство ФРГ проводит и мероприятия по форсированию ракетно-атомного вооружения Западной Германии именно во время встречи министров иностранных дел в Женеве. Народы мира по заслугам оценят эти обструкционистские действия боннских правителей.

В то же время нет сомнения в том, что активные выступления делегации ГДР на Женевском совещании с конструктивными предложениями, ее готовность к поискам взаимоприемлемых решений еще больше повысят международный авторитет Германской Демократической Республики и значительно расширят фронт ее друзей.

В настоящее время главное внимание заинтересованных государств сосредоточено на двух проблемах, от решения которых главным образом зависит разрядка международной напряженности. Это — заключение мирного договора с Германией и ликвидация остатков оккупационного режима в Западном Берлине. Вместе с Советским Союзом и другими миролюбивыми государствами ГДР не прекращает усилий в деле быстрейшего принятия положительных решений по этим вопросам.

Правительство ГДР считает, что заключение мирного договора является важнейшей и наиболее неотложной мерой. Оно полностью разделяет мнение Советского правительства о том, что советский проект мирного договора «сочетает обеспечение прав германского народа, его полный суверенитет, все возможности мирного демократического развития с необходимыми мерами сохранения безопасности народов и мира в Европе. Заключение мирного договора с Германией сразу ослабило бы напряженность обстановки в Европе. Оно создало бы прочный правовой порядок, отняло бы почву у реваншистских настроений в Западной Германии, избавило бы германский народ от иностранной оккупации и позволило бы ему решать самому все вопросы внутренней и внешней политики» [27].

Германская Демократическая Республика вместе с Советским Союзом и всеми другими социалистическими странами энергично отстаивает дело мира и безопасности народов. Эта благородная борьба встречает понимание и поддержку со стороны всего прогрессивного человечества.

---

[26] «Der Spigel», 6 мая 1959 года.

[27] Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Доклад на внеочередном XXI съезде КПСС. «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. М. 1959, стр. 75.

ИСТОРИОГРАФИЯ

«БАЛТИЙСКИЙ ВОПРОС» в XVI в. В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Х. Х. Круус,
член-корреспондент АН СССР

Переломный в истории Европы XVI век внес крупные изменения и в жизнь государств, расположенных в бассейне Балтийского моря. Почти все социально-политические, экономические и идеологические сдвиги в Европе того времени в той или иной мере проявились и в балтийских странах, приняв специфические для данного района формы и оказав сильное воздействие на экономическое и политическое развитие этих стран. «Революция цен», рост городов, развитие мануфактурной промышленности, усиление армии и флота в государствах Западной Европы значительно увеличили спрос на продукты русского производства — лен, холст, коноплю, кожи, пушнину,— на польское и литовское зерно, на продукцию датского животноводства и т. п. Повышенный спрос на эти товары способствовал развитию товарно-денежных отношений. Особенно большую роль в торговле между Востоком и Западом играл русский рынок, служивший для западноевропейских купцов источником огромных, нередко баснословных доходов. Борьба за русский рынок все более обострялась, а контроль над ведущими к нему торговыми путями через Балтику стал одной из актуальнейших проблем международных отношений. В этих торговых путях были заинтересованы, во-первых, ганзейские купцы, занимавшие до того монопольное положение в русской внешней торговле, во-вторых, проникшие сюда позднее нидерландские купцы и, наконец, государства Балтийского бассейна, переживавшие в то время период политической и экономической консолидации.

Дании, в которой в первой половине XVI в. успешно протекал процесс ликвидации феодальной раздробленности и усиления королевской власти, удалось укрепить свое положение по отношению к Ганзе и обеспечить себе господствующую роль на Балтийском море, прочно удерживая исключительно важную, ключевую позицию — Эресундский пролив.

Швеция, прежде экономически отсталая страна, начала быстро догонять Данию. Стабилизация шведского государства при Густаве I Ваза создала необходимые предпосылки для осуществления агрессивной «восточной политики» его сыновей, имевшей своей целью добиться контроля Швеции над ведущими в Россию торговыми путями, особенно в Финском заливе.

В Восточной и Центральной Европе одним из могущественнейших государств в начале XVI в. являлась Польша-Литва. Вернув себе привисленские земли, Польша открыла своим западным областям выход к Балтийскому морю. Успешно завершилась и ее борьба против Тевтонского ордена, приведшая к его секуляризации и образованию в 1525 г. прусского герцогства — вассала Польши. У Польши-Литвы сложились напряженные отношения с Русским централизованным государством в результате захвата значительных русских, белорусских и украинских земель. Второй партнер унии — Великое княжество Литовское — также добивался для своих северо-восточных районов выхода к морю по Дау-

гаве. Среднее и нижнее течение этой реки пролегало по территории Ливонского орденского государства, непосредственного соседа России. Все эти обстоятельства заставляли литовских магнатов и польского короля зорко следить за положением в Ливонии.

Перед Россией, в то время уже игравшей важную роль в политической и экономической жизни Восточной Европы, в значительно более острой форме, чем перед прежними боярскими республиками северо-западной Руси — Новгородом и Псковом, встал вопрос о беспрепятственном и широком выходе к Балтийскому морю. На пути к этой цели ей противостояли Швеция, Ливонское орденское государство и Польша-Литва. Благодаря своему географическому положению Ливония занимала в барьере против России наиболее выгодные позиции. К тому же находившиеся на ее территории ганзейские города (Рига, Таллин, Тарту) энергично отстаивали свои прибыльные монопольные посреднические позиции в торговле с Россией. Они проявляли большую активность, стремясь не допускать непосредственных общений русских и западноевропейских купцов. После безуспешных дипломатических переговоров с ливонскими властями Русскому государству во время царствования Ивана IV не оставалось другого пути, как попытаться прорвать этот барьер силой, избрав для этого наиболее уязвимое звено — Ливонию. Так началась Ливонская война, которая должна была разрушить колониальное, паразитическое, разлагавшееся изнутри орденское государство и обеспечить России свободный выход к Балтийскому морю.

С этого времени так называемый «балтийский вопрос» вступил в новую, весьма сложную фазу. Во второй половине XVI в. вокруг Восточной Прибалтики столкнулись интересы всех крупнейших государств, расположенных в бассейне Балтийского моря. Возникший здесь узел противоречий явился позднее в историографии темой обширного и оживленного обсуждения, не потерявшего актуальности и по сей день.

За последние полтора десятка лет ни один вопрос истории средневековой Прибалтики не привлекал к себе такого внимания зарубежной буржуазной историографии, как «балтийский вопрос» во второй половине XVI века. Естественно, советская историческая наука не может пройти мимо зарубежных исследований, не подвергнув их тщательному анализу с позиций марксистско-ленинского понимания истории. Необходимо, с одной стороны, выявить в этих работах все ценное для дальнейшего изучения столь важного вопроса истории Северной и Восточной Европы и, с другой стороны, подвергнуть критическому анализу содержащиеся в этих трудах ложные концепции, а подчас утверждения, умышленно искажающие историю и продиктованные далеко не научными соображениями.

Рассмотрим, в первую очередь, три наиболее крупные зарубежные работы по «балтийскому вопросу» в XVI веке. Две из них принадлежат перу шведских исследователей А. Аттмана и С. Свенссона [1], а третья — американскому историку У. Кирхнеру [2].

★

А. Аттман в своей работе о роли русского рынка в балтийской политике второй половины XVI в. уделяет много внимания изучению экономических предпосылок Ливонской войны. В первой части книги он подробно анализирует, в основном с точки зрения внешней торговли, структуру русского рынка, его производственные и торговые районы, торговые пути

[1] Artur Attman. Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik. 1558—1595. Lund. 1944; Sven Syensson. Den merkantila bakgrunden till Russlands anfall på den livländska ordensstaten 1558. Lund. 1951. Наша рецензия на книгу С. Свенссона опубликована в журнале «Вопросы истории» (1958, № 1, стр. 177—182); исследование А. Аттмана в данной рецензии затрагивалось лишь в самых общих чертах.

[2] Walther Kirchner. The rise of the Baltic question. Newark. Delaware. 1954.

и балансы. Во второй части рассматриваются политические, военные и дипломатические мероприятия России, Ливонского орденского государства, Швеции, Польско-Литовского государства, Дании, Германской империи, ганзейских городов, а также Англии и Нидерландов, которые были втянуты в эту исключительно запутанную, сложную, полную противоречий борьбу за Восточную Прибалтику во второй половине XVI века.

В своей работе А. Аттман использовал обширную историческую литературу и большое количество первоисточников на многих языках, в том числе и на русском. Он поставил ряд важных вопросов экономической и политической истории Северной Европы, связанных с борьбой за торговые пути через Балтику. Автор по-новому трактует некоторые события Ливонской войны второй половины XVI века.

А. Аттману удалось выявить в Государственном, Камеральном и Военном архивах Швеции, в Датском, Любекском и Данцигском государственных архивах, в довоенных архивах Латвии и Эстонии, а также в городских архивах Риги и Таллина новые материалы. Использованные им исторические документы значительно повышают научную ценность исследования.

Стержневыми проблемами труда А. Аттмана являются, с одной стороны, изучение русского рынка, а с другой — стремления западных государств к господству над ведущими к этому рынку торговыми путями через Балтику. Кроме двух указанных центральных вопросов, автора интересует третий, особенно актуальный с точки зрения истории Эстонии и Латвии: какую экономическую и политическую роль играла Восточная Прибалтика в тогдашних международных отношениях как географический район, непосредственно примыкавший к русскому рынку? Вопрос этот не новый в исторической литературе. Им занимались еще современники событий второй половины XVI в., не говоря уже о более поздних временах, когда на протяжении многих десятков лет он широко обсуждался историками многих стран. В процессе его изучения выявлено огромное количество ценных архивных материалов.

Что же нового дал А. Аттман? Какие выдвинутые им положения заслуживают дальнейшего развития? Вопрос этот представляет интерес и для советских историков. Рассмотрим некоторые наиболее существенные результаты рецензируемого исследования.

В первых главах своей работы автор рассматривает районы России и Прибалтики с точки зрения основных статей экспорта: льна, конопли, воска, сала, кож, пушнины,— а также путей сообщения, по которым осуществлялись торговые связи Русского централизованного государства с Западом. На основе довольно ограниченного исторического материала, главным образом заметок иностранных наблюдателей, путешественников и политических агентов — современников событий, а также некоторых западных исследований А. Аттман делает вывод о так называемом «едином» русском рынке. Он считает, что экономические районы не были обособлены друг от друга, а составляли как рынок одно целое. Торговое общение со странами Запада осуществлялось водным путем по Балтийскому морю и Северному Ледовитому океану и по суше (в страны Центральной Европы). Автор сосредоточивает свое внимание на движении товаров через восточные порты Балтийского моря — Таллин, Ригу, Кенигсберг, Данциг, Выборг и Нарву,— которые являлись важнейшими транзитными воротами для русского рынка. Особенно подробно рассматривает он Нарву, имевшую после 1558 г. большое торговое значение. Для сравнения А. Аттман приводит данные о торговле через Архангельск, используя в основном документы первой половины XVII века.

Эти вопросы, бесспорно, имеют важное значение для изучения состояния русского рынка в тот период. Однако А. Аттман делает свои выводы, слабо учитывая русские материалы. Правда, русских источников

по истории внешней торговли не много, но обойти их в данном случае, конечно, нельзя. К тому же автор рассматривает рынок только в аспекте внешней торговли, вне его связи с внутренним рынком страны и с развитием ее экономики в целом. В результате нарисованная А. Аттманом картина оказалась схематичной, поверхностной, лишенной необходимой полноты. Здесь сказывается принципиальная разница между трактовкой проблемы рынка в буржуазной историографии и ее пониманием с позиций исторического материализма. Вопросу возникновения и упрочения единого всероссийского рынка отводится важное место в марксистско-ленинской исторической науке.

Как известно, В. И. Ленин датировал начало складывания единого всероссийского рынка XVII веком. Советские историки показали, что формирование всероссийского рынка было длительным и сложным процессом, что в XVI в. речь может идти только о «предпосылках всероссийского рынка» [3], а не о рынке, как уже сложившемся целостном социально-экономическом явлении. Нельзя при этом забывать, что возникновение рынка тесно связано с общим развитием производительных сил страны — усилением общественного разделения труда, ростом городов, развитием ремесла и торговли, возникновением территориальных производственных районов и т. п. Внешняя торговля составляла в этом процессе всего лишь один из компонентов. Рассматривая же ее как нечто обособленное, изолированное от общего развития производительных сил, А. Аттман оказался не в состоянии дать исчерпывающую картину русского рынка второй половины XVI в., а ведь в этом была задача его исследования.

Половину первой части своей работы, посвященной положению на русском рынке во второй половине XVI — начале XVII в., автор отводит анализу связанных с этим рынком внешнеторговых балансов (стр. 63—117). Полные и достоверные торговые балансы являются, несомненно, наилучшими и наиболее надежными показателями внешней торговли и общего состояния рынка, его развития, структуры. Если бы А. Аттману удалось выяснить сравнительно точно состояние торговых балансов того времени, в наших руках оказался бы ключ не только к изучению всей внешней торговли между Россией и Западом, но и к пониманию причин упорной и ожесточенной борьбы, развернувшейся вокруг русского рынка во второй половине XVI — начале XVII века. Однако крайняя скудость и отрывочность статистических материалов затрудняют работу исследователя в этой области.

А. Аттман выдвинул тезис о том, что экспорт России на Запад намного превышал импорт. Возникавшую при этом разницу Запад покрывал якобы драгоценными металлами и монетами. Для обоснования этого тезиса автор ссылается на исследование датского историка А. Э. Кристенсена, который сделал свои выводы на основе изучения Эресундских (Зундских) таможенных книг (регистров) [4]. По А. Э. Кристенсену, получается, что из общей стоимости товаров, прошедших транзитом через Зунд во второй половине XVI — первой половине XVII в., товары, направлявшиеся из Балтийского моря на Запад, составляли в среднем 70%, в обратном направлении — 30%. Таким образом, по своей стоимости вывоз через порты Балтийского моря более чем в два раза превышал ввоз. Подавляющая часть транзитных товаров была связана с русским рынком. По мнению А. Э. Кристенсена, Зундские транзитные балансы свидетельствуют о том, что во внешней торговле с Западом вывоз из России значительно превышал ввоз. А. Э. Кристенсен указал на ряд причин,

[3] См. С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. I. М. 1952, стр. 25—54.

[4] A. E. Christensen. Sundzollregister und Ostseehandel. «Conventus prius historicorum Balticorum». Rigae, 16—20. VIII. 1937; «Acta et relata». Rigae. 1938, 391—400. Зундские таможенные регистры опубликованы в «Tabeller över Skibsfart Varetransport gennem Öresund 1497—1660». I, II: A. B., utg. av N. E. Bang och Korst. Köbhn. 1906, 1922, 1933.

обусловивших, по его мнению, такое состояние транзитных балансов по официальным таможенным регистрам, однако он не сумел определить удельный вес каждой из этих причин. На основе других источников А. Э. Кристенсен высказал предположение, что разница между стоимостью русского экспорта и импорта покрывалась ввозом с Запада драгоценных металлов и монет, которые в Зундских таможенных регистрах не отражались.

Шведский историк-экономист Э. Ф. Хекшер полагал, что одни Зундские таможенные регистры все же недостаточны для убедительных выводов по этому вопросу. Он считал необходимым глубже изучить проблему, увязав ее с общим, весьма сложным процессом экономического развития, особенно с движением цен в местах товарообмена, то есть в странах и портах Балтийского побережья [5].

А. Аттман идет этим же путем. Он анализирует, насколько это позволяют источники, торговые балансы прибалтийских городов: Выборга, Нарвы, Таллина, Риги, Кенигсберга, Данцига,— а также портов, находившихся в 1640 г. под властью Швеции, и для сравнения использует соответствующие материалы в отношении Архангельска и сухопутных торговых путей из России в Германию. На основе новых источников автор также подтверждает тезис о значительном превышении русского экспорта над импортом и покрытии разницы ввозом золота и серебра из западных стран.

Несмотря на то, что А. Аттман проделал большую работу, вопрос о торговых балансах все же им не решен. Это отмечено шведским историком С. А. Нильсоном [6], по мнению которого данная проблема еще нуждается в дальнейшей разработке. Мы присоединяемся к такому мнению, заметив со своей стороны, что и ее следует изучать на фоне общего положения на русском рынке во второй половине XVI века. При этом, разумеется, совершенно необходимо использовать труды русских и советских историков. Из новейших исследований в данной области отметим работы М. В. Фехнер о торговле Русского государства со странами Востока в XVI в. и А. П. Пронштейна о Новгороде как одном из важнейших в XVI в. районов русского рынка и крупном центре торговли с Западом [7]. В них имеется много указаний на важнейшие источники, которые совершенно не учитывает А. Аттман.

Начало исследования А. Аттмана служит как бы введением, основой для более крупной части, посвященной внешнеполитической борьбе за русский рынок во второй половине XVI века. Кроме России, боровшейся за жизненно важный для нее выход к Балтийскому морю, здесь активно выступали еще Швеция, Польша и Дания; у всех у них были различные, противоречащие друг другу интересы, но одинаковая цель — установление господства над морскими путями из России на Запад.

Вторая часть работы А. Аттмана может вызвать замечания и возражения, в частности относительно некоторых деталей; в целом же постановка проблемы и ее решение представляют интерес. Автор умело увязал борьбу за Прибалтику во второй половине XVI в. (особенно Швеции и Польши) с торгово-политическими притязаниями враждовавших государств.

Исследование А. Аттмана имеет существенное значение и с точки зрения истории Эстонии и Латвии XVI века. При этом возникают, однако, некоторые специальные вопросы.

В качестве показателей, характеризующих внешнюю торговлю Рос-

---

[5] E. F. Heckscher. Öresundtullräkenskaperna och deras behandling. «Historisk tidskrift», 1942, S. 174.

[6] S. A. Nilsson. Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik. «Scandia», Tidskrift för historisk forskning. Bd. XVI, H. 2. 1944, S. 175—190.

[7] М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М. 1952; А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI веке. Очерк социально-экономической и политической истории русского города. Харьков. 1957.

сии, автор приводит торговые балансы ливонских городов. Историка тут интересует, естественно, вопрос, какая доля в этих балансах падала на Прибалтику и какая на русскую транзитную торговлю. К сожалению, работа Аттмана исчерпывающего и четкого ответа на такой вопрос не дает. Причина этого, правда, в значительной степени заключается в недостаточности исторических материалов. Далее, текст книги не всегда согласуется с приводимыми там же сравнительными цифрами [8]. Не совсем точны и карты производственных районов Прибалтики (да и России), что снижает их научную ценность [9].

Существенным недостатком этой части работы является то, что внешняя торговля прибалтийских городов рассматривается отдельно от истории развития местного внутреннего рынка. Автор характеризует южные порты Прибалтики (Ригу, Кенигсберг и Данциг) как транзитные ворота русского экспорта, однако не указывает с достаточной ясностью, что торговым хинтерландом этих городов являлись в первую очередь Польша и Литва, в особенности районы, расположенные вдоль Даугавы, Немана и Вислы.

Исследуя историю борьбы за русский рынок, А. Аттман останавливается преимущественно на шведских и польских притязаниях, оставляя в тени роль Ливонии. Да и борьба России за свободные пути сообщения также рассмотрена лишь вскользь. Вследствие этого общая картина борьбы за русский рынок выглядит в работе односторонне.

А. Аттман уделяет большое внимание торговле через Нарву во второй половине XVI в., привлекая для освещения этого вопроса новые архивные данные. Как известно, с 1558 по 1581 г., когда Нарва находилась под русским владычеством, она служила для России важнейшим «окном» на Запад. Для самой Нарвы это были годы небывалого экономического расцвета. Транзитная торговля через Нарву ущемляла интересы крупных купцов в остальных городах Балтийского побережья, в первую очередь в Таллине и Риге, а также и в более отдаленных западных городах и странах. Вокруг нарвского плавания развернулась ожесточенная борьба, доходившая до военных столкновений, когда каперы, пытаясь силой приостановить торговлю через Нарву, нападали на торговые суда в Балтийском море, особенно в Финском заливе.

Осветить борьбу России за свободный выход к Балтийскому морю попытался и другой шведский историк, С. Свенссон, в работе «Экономические причины нападения России на Ливонское орденское государство в 1558 году» [10].

В книге С. Свенссона не содержится ни нового фактического материала, ни новых архивных данных. Не владея русским языком, автор обошел ряд русских источников и исследований. Он подверг анализу только источники западного, особенно ливонского происхождения и сделал на их основании некоторые выводы. Подобно А. Аттману, считавшему, что борьба Швеции и Польши за Восточную Прибалтику в XVI в. диктовалась в основном их стремлением к господству над западными пу-

---

[8] Так, приводя на стр. 32—33 сравнительные цифры о структуре таллинского экспорта (по 1583, 1587 и 1600 гг.) и четыре таблицы по XVII в. (от 1620 по 1670 г.), автор утверждает, что русские транзитные товары занимали в нем менее важное место, чем товары местного рынка, так как основные предметы экспорта (зерно, масло, смола, часть льна и льняного семени) шли из Эстонии, в частности из Северной Лифляндии. В действительности же удельный вес русских товаров в таллинском экспорте (лен, конопля, сало, воск, дубленые и сырые кожи, пушнина, ворвань) был в эти годы весьма значительным: в 1586 г. он составлял 45% всего экспорта, в 1600 г.—46%, а в 1620—1629 гг.— от 30% до 43%.

[9] Карты производственных районов (приложения 1—5) показывают производство льна, конопли, сала, воска, сырой кожи и пушнины. Они являются ориентировочными, особенно в отношении Прибалтики.

[10] S. Svensson. Указ. соч.; рецензию на указанную работу см. «Вопросы истории». 1958, № 1, стр. 177—182.

тями русской внешней торговли, С. Свенссон показывает, что тяга Русского государства к свободному выходу на Балтику также была вызвана прежде всего экономическими, преимущественно торговыми соображениями. Именно в этом автор видит сущность противоречий между Русским государством, с одной стороны, и его западными соседями, в первую очередь Ливонским орденским государством, Швецией и ганзейскими городами — с другой. Исходя из такой концепции, С. Свенссон подвергает анализу дипломатию этих стран накануне Ливонской войны. Его исследование охватывает лишь начальный период войны, не касаясь дальнейших событий.

В последние годы вопрос о нарвской торговле в период Ливонской войны явился предметом специальных изысканий. Появились две статьи: американского историка У. Кирхнера и британского исследователя Т. С. Уиллана [11].

★

Работа «Восход балтийского вопроса» является докторской диссертацией американского историка Уолтера Кирхнера [12], который раньше выступил с рядом статей, посвященных взаимоотношениям России с западноевропейскими странами в XVI веке.

Причину возникновения так называемого «балтийского вопроса» У. Кирхнер усматривает в особом географическом положении Восточной Прибалтики. Располагаясь клином между двумя крупными и мощными культурными группами: на Востоке — русской, а на Западе — немецкой и скандинавской,— этот район и его население оказались под сильным воздействием иноземных сил и были вовлечены, как выражается автор, «в события, с которыми у них не было ничего общего и которые, к их несчастью, принесли им одно лишь горе и страдания. Внешние силы своей алчностью и злом сыграли главную роль в зарождении того явления, которое получило название «балтийский вопрос» [13].

Такая постановка вопроса страдает явной схематичностью. Нельзя согласиться с огульным, упрощенческим подходом к оценке роли отдельных внешних факторов в возникновении и развитии балтийского вопроса. У. Кирхнер ставит знак равенства между побуждениями и целями различных сил, без учета специфики отдельных фаз развития «балтийского вопроса», а также сущности политики каждой из сторон. Он обходит вопрос о том, способствовала ли эта политика общему и местному прогрессу или же служила тормозом в историческом развитии Восточной Прибалтики.

В предисловии к своей работе У. Кирхнер указывает, что в отличие от остальных исследователей он ставит перед собой цель рассмотреть «балтийский вопрос» в период его «восхода», который, по мнению автора, охватывает 1558—1583 гг. (то есть время Ливонской войны), не с точки зрения одной какой-либо страны, а в «общеевропейском аспекте». У. Кирхнер обещает дать анализ политики стран, участвовавших в развернувшейся вокруг Прибалтики борьбе. Таким образом, автор поставил перед собой весьма обширную и, можно сказать, претенциозную задачу. Как же он справился с ней?

У. Кирхнер характеризует каждую причастную к «балтийскому вопросу» страну обособленно. Отдельные разделы книги посвящены мест-

[11] W. Kirchner. Die Bedeutung Narwas im sechszehnten Jahrhundert. Ein Beitrag zum Studium der Beziehungen zwischen Russland und Europa. «Historische Zeitschrift». München. 1951, Oktober. Bd. 172, H. 2, S. 265—284; T. S. Willan. The Russian Compagny and Narva, 1558—81. «The Slavonic and East European Review». London. 1953, June. Vol. XXXI. № 77, pp. 405—419. См. краткую рецензию С. А. Фейгиной на эти статьи «По страницам зарубежных исследований внешней политики России в XVI—XVIII веках». «Вопросы истории», 1955, № 12, стр. 204—211.

[12] W. Kirchner. The rise of the Baltic question. Newark. Delaware. 1954.

[13] Там же, стр. 2.

ным, коренным народностям Восточной Прибалтики (ливам, латышам, эстонцам). Автор рассматривает противоречия между ними и иноземными захватчиками, говорит о стремлении этих народностей к эмансипации в условиях Ливонского орденского государства. Значительное внимание он уделяет отношениям ганзейского союза к балтийской проблеме в период Ливонской войны. Затем следуют специальные главы, посвященные политике России, Дании, Швеции и Польши-Литвы в отношении Ливонии на протяжении всей войны. В предпоследней главе дается краткая характеристика балтийской политики Франции, Испании, Англии и Нидерландов, главным образом в аспекте торговой политики этих стран. В последней главе — «Балтийский вопрос» — автор делает попытку дать нечто вроде синтеза и краткой (на четырех страницах) оценки проблемы, затрагивая при этом и современное положение Восточной Прибалтики.

Такое построение книги, при котором каждая страна рассматривается сама по себе, изолированно от других, является, по нашему мнению, одной из коренных ошибок У. Кирхнера. Фактически его работа представляет собой ряд очерков, не сведенных в одно целое, в результате чего «балтийский вопрос» во второй половине XVI в. так и остался нераскрытым даже с точки зрения концепции Кирхнера.

Другим существенным недостатком работы Кирхнера является то, что внешняя политика заинтересованных в Восточной Прибалтике государств подчас совершенно не увязана с их внутриполитическим положением. Читателю так и остается неясным, на какие же общественные силы и на какой экономический и военный потенциал опиралась внешняя политика того или иного государства, интересы каких классов определяли поведение правителей этих стран. Доминирующую роль в анализе событий должен, естественно, играть внешнеполитический аспект, но нельзя совершенно игнорировать внутриполитические события, без анализа которых все исследование остается незаконченным, как бы висящим в воздухе. Так случилось и с работой Кирхнера.

Автор дал неполное и недостаточно рельефное в отдельных своих частях изложение причин, обусловивших распад Ливонского орденского государства. Он не показал, интересы каких классов толкнули Россию, Польшу-Литву, Швецию, Данию во второй половине XVI в. на войну за Прибалтику. Работа У. Кирхнера не раскрывает также военного и экономического потенциала этих государств.

Существенный недостаток книги Кирхнера состоит также в том, что он уделил необоснованно мало внимания ряду опубликованных первоисточников и исследований по данному вопросу. Очень поверхностно использованы уже упомянутые нами работы шведских историков А. Аттмана и С. Свенссона. Почти совершенно обойдены У. Кирхнером многие издания на русском и польском языках.

Автор сравнительно широко использовал труды Н. М. Карамзина и Н. И. Костомарова (по их французским переводам), но оставил вне поля зрения некоторые другие работы, несомненно, заслуживающие внимания. Такое важное с точки зрения темы исследование Р. Виппера, как «Иван Грозный», цитируется У. Кирхнером вскользь, да и то в связи со второстепенными вопросами. Он полностью игнорировал капитальный труд по «балтийскому вопросу» русского историка Г. В. Форстена [14]. У. Кирхнер даже не упоминает его в библиографии. Между тем первый том труда Г. В. Форстена посвящен «балтийскому вопросу» именно в тот период, который является темой книги У. Кирхнера, причем Г. В. Форстен посвящает ему почти в три раза больше страниц, чем американский автор (у Форстена — 717, а у Кирхнера — только 257). Г. В. Форстен ввел в научный оборот огромное количество новых ценных исторических

[14] Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях (1544—1648) Тт. I—II. СПБ. 1893—1894.

данных, выявленных им во многих архивах Западной Европы [15]. Однако теперь, по прошествии более чем 60 лет после издания труда Г. В. Форстена, многие его положения явно устарели. Уже давно созрела необходимость проверить научные выводы Г. В. Форстена в свете современного состояния исторической науки.

Кирхнер использовал опубликованные Г. В. Форстеном зарубежные архивные документы [16], но это, конечно, не может компенсировать игнорирования вышеназванного исследования Г. В. Форстена по «балтийскому вопросу». Кирхнер обошел также одно русское издание Ю. Н. Щербачева [17] (из Датского государственного архива) и дипломатические документы о русско-польских и русско-шведских отношениях из архива министерства иностранных дел России [18].

Мало внимания Кирхнер уделил польским исследованиям и документальным публикациям, хотя польская историческая литература довольно обширна. Она насчитывает много работ, имеющих прямое отношение к теме У. Кирхнера [19], но большинство из них автор оставил без внимания. Этим и объясняется, почему в рецензируемой работе роль Польши в «балтийском вопросе» так слабо освещена.

Нельзя также пройти мимо неправильных толкований событий, грубых искажений, а подчас и некритического отношения к источникам, которые встречаются в работе У. Кирхнера при изложении основных фактов и использовании исторической литературы, в том числе и архивных материалов. Приведем лишь несколько примеров.

Говоря о миссии датского посланника И. Ульфельдта в 1578 г. в Москве, автор пишет, что с русской стороны выступал «канцлер Сокалов» (стр. 120 — «Russia's chancellor, Sokalov»). Человеку, мало-мальски знакомому с русской историей, известно, что в этом сообщении, заимствованном У. Кирхнером из одного западного источника того времени, речь идет о руководителе русского посольского приказа думном дьяке Андрее Яковлевиче Щелкалове. Такое важное событие в развитии «балтийского вопроса» второй половины XVI в., как мирные переговоры между Россией и Польшей в Запольском Яме и заключение десятилетнего перемирия, У. Кирхнер совершенно обходит. Больше того, он незнаком даже с фактическим текстом перемирия. Автор принимает за подлинник совершенно другой документ. У. Кирхнер приводит из его преамбулы только одну фразу, которая была предложена участвовавшим в переговорах папским легатом Антонио Поссевино, но в окончательный текст договора не вошла [20].

В конце своей работы У. Кирхнер привел обширный перечень литературы, претендующей, по-видимому, на роль библиографического указа-

---

[15] О Г. В. Форстене как историке см. подробнее В. В. Похлебкин. Г. В. Форстен — один из основоположников изучения истории Скандинавии в России. «Скандинавский сборник». Т. II. Таллин. 1957, стр. 237—252.

[16] Г. В. Форстен. Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI—XVII столетиях. Тт. I—II, СПБ. 1889—1893.

[17] Ю. Н. Щербачев. Датский архив. Материалы по истории древней России. «Чтения в императорском обществе истории древностей». Т. 164. 1893. Остальные опубликованные Ю. Н. Щербачевым документы из Датского государственного архива не нашли у Кирхнера достаточного отражения.

[18] Среди этих изданий особенно важными являются сборники Русского исторического общества (тт. 59, 71 — о русско-польских отношениях в 1533—1570 гг.; т. 129— о русско-шведских отношениях в 1556—1586 годах). У. Кирхнер использовал их крайне поверхностно, а местами даже ошибочно.

[19] См. польскую историческую библиографию: В. Новодворский. Борьба за Ливонию между Москвою и Речь Посполитою. СПБ. 1901; St. Bodnjak. Polska a Baltyk za ostatniego Jagielona — Pamiętnik Biblioteki Kórnickiey, 3 (1946); Casimir Lepszy. Bibliographie polonaise d'Etien Batory. «Etien Batory. Prince de Transilvanie». Gracovie. 1935. Из польских монографий особенно важной для рассматриваемого вопроса является: W. Konopczynski. Kwestia Baltycka do XX w. Gdansk — Bydgoszc — Szczecin. 1947.

[20] Ср. «Книга посольская метрики Великого княжества Литовского». М. 1843, стр. 230—236.

теля по рассматриваемому вопросу, но он имеет серьезные пробелы, особенно, как уже отмечалось, в отношении русской и польской исторической литературы. Автор, как видно, незнаком с библиографическим справочником по истории Прибалтики Э. Блумфельда — Н. Лооне «Bibliotheca Estoniae Historica. 1877—1917» (Тарту. 1933—1939).

Помимо опубликованных источников, У. Кирхнер использовал и некоторые архивные материалы (в основном из фондов Датского государственного архива и архивов Данцига, Кенигсберга, Любека и Риги), причем не в оригинале, а в копиях, имеющихся в коллекции американского профессора В. Вестергора. Последний получил их из архивов Европы перед второй мировой войной.

При современном состоянии исследования «балтийского вопроса» во второй половине XVI в. был бы весьма полезен в книге историографический обзор. До нас дошло много разноречивых мнений и оценок событий, данных их непосредственными свидетелями. Известно, что концепции современников оказались очень устойчивыми. Они на протяжении длительного времени (а частично даже и сейчас) оказывали влияние на трактовку «балтийского вопроса» во второй половине XVI века. Любое его обострение в последующие годы побуждало возвращаться к историографическим концепциям XVI в., которые дополнялись и подправлялись новыми наблюдениями и аргументами. Немалых достижений в изучении «балтийского вопроса» в XVI в. добились советские ученые, расценивающие исторические события и явления того времени с точки зрения их социально-политической значимости, соответствия интересам народных масс.

Для правильного подхода к «балтийскому вопросу» во второй половине XVI в. исследователь должен хорошо ориентироваться в историографии вопроса. Историографические же замечания У. Кирхнера, разбросанные в тексте его работы, весьма поверхностны и далеко не всегда правильны. Вследствие всего сказанного работу Кирхнера по истории «балтийского вопроса» во второй половине XVI в. нельзя признать удовлетворительной.

Освещение «балтийского вопроса» в «общеевропейском аспекте» остается и поныне в повестке дня исторической науки как одна из важных проблем. Правильно ее решить можно только на основе марксистской методологии, при подходе к истории Европы вообще, к истории государств бассейна Балтийского моря в частности с позиций исторического материализма. В изучении на этой методологической основе истории России, прибалтийских стран и Польши данного периода уже имеются значительные научные достижения; история же Швеции и Дании того времени ждет еще своих исследователей.

Наконец, последний по счету, но важнейший по своему значению вопрос, связанный с работой У. Кирхнера, который нельзя обойти, — это политическая подоплека рецензируемого труда.

Главной предпосылкой, определившей историческую судьбу Восточной Прибалтики, У. Кирхнер считает ее географическое положение, вследствие которого этот район то и дело становился объектом ожесточенной борьбы между иностранными политическими силами. При этом У. Кирхнер с одобрением приводит высказывание польского историка Казимира Валишевского, который в своей вышедшей в 1904 г. в английском переводе работе об Иване Грозном писал: «Разрешен ли окончательно в настоящее время вопрос об обладании балтийскими провинциями? Было бы чересчур смело утверждать это» [21]. К. Валишевский считал, что в случае международного конфликта Прибалтика станет объектом еще более ожесточенной борьбы, чем в XVI веке.

[21] K. Waliszewski. Ivan the Terrible, Philadelphia, 1904, p. 187; русский перевод; К. Валишевский. Иван Грозный. М. 1911, стр. 235.

«Балтийский вопрос» оказался окончательно разрешенным в 1940 г. на основании волеизъявления народов Прибалтики, приведшего к восстановлению Советской власти в прибалтийских республиках и к вхождению их в состав Советского Союза. Освобождение Прибалтики Советской Армией от немецко-фашистских оккупантов и победа над фашистской Германией окончательно закрепили это положение.

Но такое решение так называемого «балтийского вопроса» не по душе У. Кирхнеру. В заключении своей книги (стр. 257) он пишет: «Они (то есть прибалтийские страны.— *Х. К.*) все еще продолжают оставаться несчастными жертвами мощных, стоящих во всех отношениях вне их контроля сил». Этим клеветническим утверждением, типичным для лживых пропагандистов американского империализма, У. Кирхнер поставил свою работу на службу реакционеров и реваншистов, которые все еще продолжают твердить о «неразрешенности» якобы «балтийского вопроса». Какого же «решения» ждет У. Кирхнер? Это видно из его отношения к «эмансипационным стремлениям» (по выражению У. Кирхнера) народов Прибалтики, которое у автора выливается в изъявление симпатии к появившимся на короткое время на арене истории буржуазным республикам Эстонии и Латвии.

У. Кирхнер считает прибалтийские народы пассивной «наковальней» (стр. 254). Такая концепция, умаляющая значение освободительной борьбы народов Прибалтики, является в корне неправильной, противоречащей исторической действительности. Несмотря на то, что в решении политических судеб Прибалтики внешние силы действительно играли весьма существенную роль, ее народы, однако, во все времена являлись активными и мужественными борцами за свою свободу и независимость.

Эта борьба была ярчайшим и вместе с тем твердым, активным проявлением отношения эстонского и латышского народов к «балтийскому вопросу».

В середине XVI в. «балтийский вопрос» вступил в новую фазу. Жизненная потребность Русского централизованного государства в выходе к Балтийскому морю вынудила его прорвать силой активный антирусский барьер в лице Ливонского орденского государства. В период Ливонской войны, особенно в начале ее, крестьяне всячески помогали русским войскам, видя в них союзника в своей борьбе против местных немецких феодалов, и таким образом принимали активное участие в разрешении «балтийского вопроса» на его тогдашнем этапе.

Борьба Ивана IV за выход к Балтийскому морю окончилась неудачей. «Балтийский вопрос» продолжал оставаться нерешенным еще на протяжении полутора веков. Половину этого времени Восточная Прибалтика служила непосредственной ареной военных действий или же прифронтовой полосой, ближайшим тылом шведско-русского и шведско-польского фронтов. Это был период тяжелых бедствий для народов Прибалтики, огромных людских и материальных жертв. Изнуренная Прибалтика в качестве колонии Швеции должна была выносить на своих плечах непосильное бремя тягот, возложенных на нее исключительно напряженной, дорогостоящей внешней политикой этой стремившейся «к величию» заморской дворянской державы.

Северная война в начале XVIII в. и присоединение Прибалтики к России ознаменовали новый этап в истории «балтийского вопроса». Его важным результатом явилось то, что народы Прибалтики смогли 200 лет жить в обстановке мира, обеспеченного благодаря их вступлению в состав России. Хотя царизм угнетал народы Прибалтики, подвергавшиеся, как и все остальные народы России, феодальной, а затем и капиталистической эксплуатации, вхождение Восточной Прибалтики в состав Русского государства явилось прогрессивным, положительным фактором в исторических судьбах местных народов. Советские историки убедительно показали это в своих работах.

Затронутые здесь в самых общих чертах обстоятельства остались для Кирхнера совсем чуждыми и непостижимыми. Поэтому не удивительно, что в оценке современного этапа так называемого «балтийского вопроса» американский буржуазный историк стоит на совершенно ошибочных, порочных позициях.

Утверждая, что «балтийский вопрос» не разрешен якобы и в настоящее время, У. Кирхнер игнорирует ту освободительную роль, которую сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция в судьбах прибалтийских народов.

Советская власть с момента своего рождения никогда не применяла в отношении Прибалтики принцип «исторических прав» бывшей царской России, а признавала здесь полноправным, суверенным хозяином своей страны местный трудовой народ, который был волен сам определить свое отношение к Советской республике. Если бы западным империалистическим силам совместно с местной буржуазией не удалось тогда подавить трудовой народ Прибалтики, «балтийский вопрос» был бы уже давно решен в соответствии с жизненными интересами народных масс. Однако последовавшая в 1918 г. немецкая оккупация, затем антисоветская интервенция Антанты и, наконец, родившиеся с их помощью буржуазные государства Прибалтики снова отодвинули решение этого вопроса.

В 1940 г., когда Восточная Прибалтика вступила в семью советских республик, начался бурный период восстановления, углубления и дальнейшего развития политических, экономических и культурных связей между прибалтийскими народами и остальными братскими республиками Советского Союза на основе равноправия и дружбы. Это и означало решение «балтийского вопроса» на самых идеальных началах, на единственно приемлемых для местных народов основах.

Временная оккупация прибалтийских республик в 1941 г. и трехлетнее господство немецко-фашистских захватчиков снова выдвинули на арену истории «балтийский вопрос» как составную часть чудовищного плана гитлеровского фашизма, направленного на уничтожение народов Прибалтики. Но попытка фашизма повернуть колесо истории вспять потерпела крах. Советский народ разгромил гитлеровских захватчиков, и «балтийский вопрос» получил свое полное и окончательное решение. Этого не хотят, однако, понять реакционные силы. На задворках западного империализма все еще имеет хождение клеветническая брехня о «неразрешенном «балтийском вопросе». Это один из приемов антисоветской пропаганды, направленной на разжигание войны против Советского Союза и его составной части — Советской Прибалтики. Как показывает рассмотренная выше работа У. Кирхнера, на службу этой пропаганды становятся в США даже докторские диссертации.

Народы прибалтийских советских социалистических республик давно осознали с полной ясностью и с каждым днем все глубже убеждаются в том, что «балтийский вопрос» вполне и окончательно решен на основе равноправия и дружбы народов Советского Союза в условиях социалистического строя, обеспечившего всем народам нашей страны широчайшие возможности для политического, экономического и культурного строительства. Прибалтийские народы не желают ничего так страстно, как активного участия в строительстве коммунистического общества. Вот почему они решительно отвергают всякий новый «восход «балтийского вопроса».

История СССР

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ В СИБИРИ В 1917—1920 гг.

(ПО МАТЕРИАЛАМ СБОРНИКОВ ДОКУМЕНТОВ, ИЗДАННЫХ В СИБИРИ)

К сорокалетию Великого Октября в Новосибирске, Красноярске, Томске, Барнауле и Иркутске изданы сборники документов и материалов, освещающие героическую борьбу сибирских трудящихся под руководством Коммунистической партии за победу пролетарской революции [1]. Это самая обширная публикация документов по истории борьбы за власть Советов в Сибири. До ее появления исследователи располагали лишь одним — двумя документальными сборниками, посвященными Октябрьской революции в Сибири, и несколькими публикациями документов по истории партизанского движения [2]. Вышедшие сборники содержат много новых документов, позволяющих глубже изучить одну из ярких страниц героической деятельности Коммунистической партии, всесторонне проанализировать самоотверженную борьбу трудящихся Сибири за установление и упрочение Советской власти.

★

Сибирские трудящиеся имеют славные революционные традиции. Еще в период первой русской революции 1905—1907 гг. в Сибири вслед за промышленным центром развернулось широкое движение рабочих и крестьян, возникли одни из первых в стране Советы.

Борьба за победу социалистической революции проходила здесь в своеобразных условиях. Дореволюционная Сибирь была обширным сельскохозяйственным районом с редким населением, с небольшими, разрозненными промышленными очагами. К 1913 г. ее население насчитывало 9 894,5 тыс. человек, из них около 8 млн. русских, украинцев и белорусов [3]. Городское население к 1 января 1914 г. достигало лишь 1 193,6 тыс. человек, что составляло 11,9% всего сибирского населения [4].

Аграрный строй Сибири имел свои особенности. Они выражались прежде всего в отсутствии дворянского землевладения и незначительном удельном весе частного землевладения вообще, а также в наличии большого фонда неосвоенных земель. В целом Сибирь была главным образом краем крестьянского землепользования на государственных землях. В условиях втягивания Сибири в сферу аграрного кризиса, который переживала дореволюционная Россия, в сибирской деревне постепенно начи-

---

[1] «Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию (март 1917 — май 1918 г.)». Сборник документов и материалов. Новосибирск. 1957; «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии (октябрь 1917 — июль 1918 г.)». Сборник документов. Иркутск. 1957; «За власть Советов». Сборник документов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии (март 1917 — июнь 1918 г.). Красноярск. 1957; «Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае (1917—1920 гг.)». Сборник документов. Барнаул. 1957; «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)». Сборник документальных материалов (к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Томск. 1957. (В дальнейшем ссылки на эти издания даются в тексте.)

[2] См., например, «Партизанское движение в Сибири». Т. I. М.-Л. 1925; «Партизанское движение в Западной Сибири». Новосибирск. 1936; «Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.)». Омск. 1952 и др.

[3] А. Г. Рашин. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М. 1956, стр. 68; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II. М. 1956, стр. 517.

[4] А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 102.

ась борьба вокруг вопроса о земле-
ьзовании; стали частыми столкновения
а старопахотных земель, а также зе-
ь, наиболее пригодных к обработке и
одившихся в частном владении. Но,
мотря на это, вплоть до 1917 г. земель-
вопрос в Сибири не достиг такой остро-
какая была характерна для губерний
опейской России.

годы, предшествовавшие Октябрьской
олюции, углубилась классовая дифферен-
ция в сибирской деревне. Наряду с уси-
ем кулацкой прослойки непрерывно
астало число батраков и бедняков, яв-
шихся наиболее революционным элемен-
на селе. Что касается среднего кре-
нства, то оно в массе своей было более
иточным, чем в Центральной России.
ородское население было по своему со-
у преимущественно чиновничьим и
кобуржуазным. В крупнейших сибир-
городах, таких, как Омск (127 тыс.
), Иркутск (126 тыс. чел.), Томск
тыс. чел.), промышленных предприя-
было мало, и, следовательно, количе-
рабочих было весьма незначитель-
[5]. Удельный вес Сибири в промышлен-
производстве дореволюционной России
авлял всего 1,8%, по числу рабочих —
, а по абсолютным размерам промыш-
ого производства Сибирь стояла на
леднем месте среди других районов
ии. Сибирская промышленность была
преимуществу легкой, перерабатываю-
сельскохозяйственное сырье. Тяжелая
ышленность находилась в зачаточном
оянии. К началу первой мировой войны
ибири имелось всего 14 машинострои-
ных предприятий с 766 рабочими [6], в
инноугольной промышленности было за-
6 183 рабочих [7].

реодолевая многие трудности, Коммуни-
ческая партия во главе с В. И. Ленин
сумела поднять рабочих и беднейшее
тьянство Сибири на социалистическую
люцию, добилась в ходе борьбы с ин-
нтами и белогвардейцами поддержки
атуры пролетариата широкими масса-
ибирских трудящихся.

Азиатская Россия». Т. I. СПБ. 1914,
293.
м. Р. С. Лившиц. Размещение про-
ленности в дореволюционной России.
955, стр. 219—223; Я. Г. Фейгин. Раз-
ние производства при капитализме и
лизме. М. 1954, стр. 155—156.
Статистический ежегодник на 1913 год».
1913, стр. 135.

В одной статье невозможно всесторонне охватить и проанализировать борьбу за власть Советов в Сибири в 1917—1920 гг., отображенную в материалах сборников. Не претендуя на исчерпывающую оценку этого сложного и многообразного периода, мы остановимся лишь на некоторых вопросах.

★

Наибольшее количество документов, вошедших в рассматриваемые издания, относится к периоду подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. В сборниках содержатся интересные материалы, характеризующие процесс образования двоевластия в условиях Сибири после победы Февральской буржуазно-демократической революции.

Известия о революционных событиях в Петрограде были встречены трудящимися Сибири с большим энтузиазмом. На многочисленных митингах, собраниях, манифестациях рабочие и солдаты заявляли о своей решимости поддержать революционную борьбу трудящихся центра. Ярким свидетельством революционного подъема масс явилось образование в Сибири, как и во всей стране, Советов.

Советы в Сибири создавались под непосредственным воздействием революционной борьбы в центре страны. Решающую роль в их создании сыграли большевики, вышедшие из подполья. Однако, как и во всей стране, руководство в Советах здесь захватили эсеры и меньшевики. Волна мелкобуржуазной стихии в Сибири, не имевшей значительных кадров промышленных пролетариев, была особенно велика. Тем не менее Советы как органы революционных рабочих, солдат и крестьян имели важнейшее значение для дальнейшего развития революции.

Почти одновременно с Советами в сибирских городах при активном участии меньшевиков и эсеров стали образовываться буржуазные комитеты общественного порядка и безопасности. С помощью этих комитетов буржуазия при содействии соглашателей стремилась остановить развитие революции, использовать ее в своих интересах. Возникновение буржуазных комитетов общественного порядка и создание массами рабочих и солдат Советов явилось местным отражением двоевластия, сложившегося в центре страны.

В обстановке нараставшего революционного подъема контрреволюция стала спеш-

но насаждать в Сибири земства, стремясь противопоставить их Советам. В нашей исторической литературе почти не изучен вопрос об образовании и деятельности земств в Сибири в 1917 году. Между тем он имеет важное значение. Как известно, до Февральской революции земств в Сибири не было. Закон о введении земств в Сибири был принят Временным правительством 17 июня. Но фактически в ряде районов земства стали образовываться раньше. В сборнике «Борьба за власть Советов в Томской губернии» приведено сообщение томского губернского комиссара в Петроград от 2 мая: «В настоящий момент все временные общественные комитеты заменяются губернскими, городскими, уездными, волостными, сельскими народными собраниями и их исполнительными комитетами, выбираемыми на основании общего положения, изданного Томским временным комитетом...» (док. № 44). Таким образом, буржуазные комитеты «общественной безопасности и порядка» заменялись не менее реакционными по своему характеру земскими органами, демагогически названными «народными собраниями». Последние, по замыслу их организаторов из лагеря буржуазии и мелкобуржуазных соглашателей, были призваны сыграть особенно важную роль в деревнях. При их помощи контрреволюции удалось задержать на некоторое время образование сельских и волостных Советов крестьянских депутатов, которые широко стали создаваться в Сибири только к осени 1917 года.

За небольшим исключением, волостные и сельские «народные собрания» образовывались из кулацкой верхушки деревни, отражали ее интересы. Томская газета «Знамя революции» во второй половине июня следующим образом характеризовала положение в деревне: «Сельские, волостные и другие всевозможные комитеты представляют одну декорацию (украшение) и то — наизнанку. В комитеты эти, в большинстве случаев, попали зажиточные крестьяне, часто — прежнее начальство: старшины, старосты, писари, только под новыми названиями. Теперь они называются председателями, секретарями, но от этого толку, конечно, мало» (док. № 60). Как правило, руководящая роль в возникших в Сибири земских органах принадлежала эсерам, с помощью которых буржуазия и кулачество использовали земства в своих классовых целях.

Материалы сборников позволяют проследить, как буржуазия, используя соглашательские партии эсеров и меньшевиков, стремилась противопоставить комитеты общественного порядка, а затем и земства Советам, свести на нет роль последних. Так, Красноярский комитет РСДРП в конце апреля отмечал: «Вся деятельность Комитета общественной безопасности, в силу его буржуазного состава, была направлена на борьбу с Советом солдатских и рабочих депутатов» («За власть Советов», док. № 38).

Ряд Советов Сибири с самого начала занял последовательно революционную позицию. Особый интерес представляют опубликованные в сборниках «За власть Советов» и «Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию» документы Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов, который находился под влиянием большевиков. Уже 22 марта Совет приняя следующее постановление, давшее четкую оценку Временному правительству: «Признать необходимым разъяснение для широких слоев рабочего класса, армии и крестьянства, что Временное правительство по своему составу выражает интересы империалистической буржуазии, а не народа, что оно не способно содействовать доведению происходящей революции до удовлетворения основных требований пролетариата и революционного крестьянства, выражающихся в демократической республике, в 8-часовом рабочем дне и конфискации помещичьих земель» («Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию», док. № 8).

Красноярский Совет одним из первых в Сибири порвал всякие отношения с местным комитетом «общественной безопасности» и отозвал своих представителей из так называемого губернского соединенного бюро. 9 мая Совет осудил вступление представителей эсеров и меньшевиков во Временное правительство и отметил, что «коалиционное министерство есть попытка привлечь на сторону империалистической буржуазии несознательные народные массы путем временных уступок во внутренней политике страны...» («За власть Советов», док. № 45).

На протяжении всего периода подготовки Октябрьской революции Красноярский Совет оказывал сильное революционизирующее воздействие на все Советы Сибири, но особенно значительным его влияние было, конечно, в самой Енисейской губернии. Не случайно, что именно в этой губер-

ы в отличие, например, от Томской ко-теты общественной безопасности и по-ка, а затем и земства не имели серьез-о влияния. Больше того, Канский дный Совет крестьянских депутатов явил 19 апреля, что вся полнота власти уезде переходит в его руки (см. док. 29). Вслед за этим Совет опубликовал бщение, в котором говорилось, что все ли в пределах уезда — казенные, цер-ные и частновладельческие — конфи-ются и передаются во временное распо-жение сельских, волостных и уездных ветов крестьянских депутатов (док. 30).

Для характеристики Советов Енисейской ернии чрезвычайно интересно также ре-ние Совета рабочих и солдатских депу-ов Енисейска, отказавшегося подчинять-чиновникам, назначенным Временным вительством (док. № 35). В. И. Ленин исал в связи с этим статью «К чему ут контрреволюционные шаги Вре-ного правительства». «Поведение Вре-ного правительства,— отмечал он,— до-о далекий сибирский уезд, в лице его народно выбранного руководящего еждения, до того, что по адресу прави-ства раздается прямая угроза в о о р у-н н о г о с о п р о т и в л е н и я»[8].

одобные решения были вынесены и не-рыми другими сибирскими Советами. еятельность сибирских Советов в период ного развития революции не во всех рниках отражена в достаточной мере. борнике «Борьба трудящихся за уста-ение Советской власти на Алтае» по у важному вопросу приведено всего документа. Более полно представлены ветствующие материалы в сборнике ьба за власть Советов в Томской гу-ии». Особенную ценность среди них от документы Совета солдатских депу-в томского гарнизона. Однако по ликованным в сборнике материалам зможно сколько-нибудь серьезно оха-ризовать Томский Совет рабочих де-тов, поскольку его деятельности до вто-половины сентября (когда произошло динение этого Совета с Советом сол-ких депутатов) посвящено только че-документа.

(Апрельская) Всероссийская конфе-ия РСДРП(б), положив в основу сво-шений знаменитые Апрельские тезисы Ленина, поставила перед партией и рабочим классом России задачу борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической. Постановления конференции имели решающее значение для практической деятельности всех местных большевистских организаций, в том числе и сибирских.

Как известно, после выхода из подполья большевики Сибири начали работу в объединенных с меньшевиками организациях. Существование объединенных организаций противоречило линии большевистской партии. Правда, состав и характер этих организаций не везде были одинаковы. Возьмем, например, томскую и красноярскую организации (о них рассказывает наибольшее количество материалов сборников). Томская легальная организация РСДРП, как это видно из документов сборника «Борьба за власть Советов в Томской губернии», образовалась 3 марта (док. № 23). В ее составе была незначительная пролетарская прослойка, и меньшевистское крыло вначале имело определенное влияние. Вместе с тем в Томске работала большевистская группа, в которую входили Н. Н. Яковлев, В. М. Косарев, П. К. Голиков, А. Ф. Иванов и другие. Однако она была малочисленна, и ее деятельность в условиях Томска, являвшегося в тот период, по выражению Н. Н. Яковлева, «глухим мещанским болотом», не могла дать сразу значительного результата. Томским большевикам потребовалось некоторое время, прежде чем их влияние распространилось среди масс трудящихся города и губернии.

Иным было положение в красноярской организации, документы которой приведены в сборнике «За власть Советов». Красноярский легальный комитет РСДРП начал свою деятельность 5 марта (док. № 3)[9]. В состав организации вошли большевики, меньшевики-интернационалисты и, как говорилось в открытом письме членов Сибирского районного бюро ЦК РСДРП(б) 30 мая, «небольшое, правда, крыло революционных оборонцев, социал-патриотов, социал-шовинистов и социал-утопистов...» (док. № 55). Однако организация сразу приобрела большевистскую окраску, что видно из ряда ее решений. Это не случайно. Красноярск имел значительные по сравнению с другими городами Сибири кадры рабочих, закаленные в революцион-

. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 287.

[9] Составители сборника неправильно указывают в заглавии документа, что 5 марта образовался комитет РСДРП(б). На самом деле был создан объединенный комитет.

ных боях 1905 года. Опираясь на эти кадры, группа красноярских большевиков, следуя указаниям ЦК РСДРП(б), первая в Сибири поставила вопрос о необходимости организационно размежеваться с меньшевиками.

Уже в марте здесь образовалась еще небольшая по количеству, но очень энергичная группа (И. И. Белопольский, А. Г. Рогов, Б. З. Шумяцкий и др.), стоявшая «на точке зрения революционного социал-демократического Центрального Комитета партии в лице выразительницы Петербургской «Правды» (док. № 23). Развертывая работу в массах, она начала со 2 апреля 1917 г. издавать газету «Сибирская правда», которая в отличие от органа комитета объединенной организации РСДРП — «Красноярского рабочего» — заняла последовательно большевистскую позицию. Это было отмечено «Правдой», опубликовавшей 20 апреля обзор газеты красноярских большевиков (док. № 31).

9 апреля состоялось общее собрание красноярской организации РСДРП. Большевики-правдисты выступили на нем с критикой примиренцев и отказались войти в комитет объединенной организации (док. № 23). На следующий день в Красноярске открылось совещание правдистов. На нем присутствовали представители от Енисейска, Ачинска, от польской секции социал-демократов, от социал-демократической фракции солдат и др., что свидетельствовало о росте большевистского влияния (док. № 24). В Красноярске было образовано Сибирское районное бюро ЦК РСДРП(б), утвержденное ЦК партии 13 апреля (док. № 25).

Деятельность этого бюро, являвшегося проводником большевистских идей, вышла далеко за пределы Красноярска и Енисейской губернии, оказала громадное воздействие на консолидацию большевистских сил в Сибири. Вместе с тем бюро и группировавшиеся вокруг него большевики-правдисты в результате упорной борьбы добились полного очищения красноярской организации РСДРП от оборонцев и перехода ее на сторону ЦК РСДРП(б).

22 апреля в Красноярске собралась конференция РСДРП[10], на которой были представлены иркутская, томская, новониколаевская, омская, барнаульская, красноярская, канская, знаменская, анжерская и судженская организации. Конференция прошла, как отмечало Сибирское районное бюро ЦК РСДРП(б), под идейным руководством красноярской объединенной организации (см. док. № 55). Это сказалось на ее решениях. Резолюции о войне, о Временном правительстве и взятии всей власти Советами выдержаны в целом в большевистском духе (см. док. №№ 33, 34). Однако конференция не произвела разрыва с меньшевиками[11]. Больше того, она не признала мандат представителя Сибирского районного бюро ЦК РСДРП(б), поэтому большевики-правдисты отказались принять участие в ее работе.

После Апрельской Всероссийской конференции РСДРП(б) красноярские правдисты усилили свою деятельность. Ко второй половине мая их позиции значительно укрепились, вырос авторитет среди революционных рабочих и солдат. 26 мая в Красноярске было проведено совещание правдистов, посвященное, как писала «Сибирская правда», «вопросу об объединении уже существующих на местах (в заводах, мастерских, ротах и т. п.) правдистских групп и об организации новых» (док. № 51). С докладом о необходимости разрыва с мень-

---

[10] Первые попытки созвать конференцию были предприняты еще в марте. 25 марта в Новониколаевске (Новосибирск) собрались представители организаций РСДРП Новониколаевска, Омска, Мариинска, Камня, Барнаула и Томска; однако они были вынуждены ввиду малочисленности делегатов провести не конференцию, а «предварительное совещание» (см. «Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию», док. № 11).

[11] Из материалов, приведенных в сборниках «Борьба за власть Советов» и «Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию», нельзя понять, какое решение было принято конференцией по этому вопросу. Между тем в открытом письме Сибирского районного бюро ЦК РСДРП(б) 30 мая красноярской организации сделан упрек за то, что она «до сих пор не перешла к практическому осуществлению одного постановления конференции. Это постановление касается вопроса о решительном и немедленном разрыве с оппортунистами» (см. «За власть Советов», док. № 55). В. Н. Яковлев на собрании большевиков-правдистов 30 мая говорил: «...Резолюция Зап. Сиб. конференции РСДРП (22 апреля) о разрыве красноярской организацией не исполняется...» (см. «Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию», док. № 42). Следовательно, конференция приняла решение по вопросу о разрыве; однако, каков был характер решения, судить на основании документов, имеющихся в сборниках, трудно. Выяснение этого вопроса имеет важное значение для оценки конференции.

виками выступил В. Н. Яковлев. 27 мая повторил доклад на собранном правдими солдатском митинге-беседе. Проведя подготовительные меры, члены Сибирого районного бюро ЦК РСДРП(б) Г. Рогов, Б. З. Шумяцкий, Е. Ф. Дымов, И. Белопольский, В. Н. Яковлев и К. Врублевский обратились 30 мая с рытым письмом «Ко всем товарищам, нам Российской социал-демократической рочей партии (правдистам) и ко всем ронникам «Правды» города Красноярск», в котором со всей остротой был поставлен вопрос о разрыве с оппортунистами[12]. В тот же день собрание большевиков-правдистов постановило: «...Признать необходимым немедленно выйти из Красноярской организации и образовать Красноярский отдел РСДРП большевиков...» (док. № 57). Так в Красноярске возникла самостоятельная большевистская организация. Три недели спустя, 25 июня, общее собрание Красноярской организации РСДРП подавляющим большинством голосов постановило присоединиться к ЦК РСДРП(б) (док. № 70). Оппортунисты были изгнаны из организации, полностью оставшей на позиции большевизма.

июлю большевистское влияние значительно усилилось и в других районах Сибири. В июне барнаульские большевики вали с меньшевиками, на Алтае начала ствовать самостоятельная большевистская организация[13] («Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае», стр. 465). Значительно расширилась работа томской большевистской группы. 11 июня на собрании Омской организации РСДРП была принята большевистская резолюция о войне, в связи с чем меньшевики-оборонцы вышли из организации («Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию», док. № 46)[14].

Большевистские лозунги все глубже проникали в массы трудящихся, призыв «Вся власть Советам» становился популярным среди сибирских рабочих и солдат. Документы сборников показывают, что в массе своей рабочие и солдаты сибирских гарнизонов с возмущением встретили известия о карательных мерах Временного правительства во время июльских событий в Петрограде. В Красноярске, Томске, Новониколаевске состоялись мирные демонстрации протеста, прошедшие в основном под большевистскими лозунгами. На митингах и собраниях принимались резолюции, требовавшие перехода власти к Советам.

Однако мирный переход власти в руки Советов после июльских событий был уже невозможен. VI съезд РСДРП(б), отметив, что период двоевластия кончился победой контрреволюции, поставил перед партией задачу подготовки масс к вооруженному свержению Временного правительства.

В связи с этим необходимо остановиться на явно ошибочном, на наш взгляд, положении, выдвинутом в предисловии сборника «Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию». Там сказано: «...После июльских событий в Западной Сибири лозунг «Вся власть Советам» не снимался и мобилизация масс по-прежнему проводилась под этим лозунгом» (стр. 7)[15]. Это положение дается без

В опубликованном в сборнике «За сть Советов» тексте письма говорится: нас, в России, досель два учреждения гендовали на руководящую роль в пар- и оспаривали ее у Центрального Коми-. Это Организационный комитет и Меж-ародное бюро (?! — *Авторы*). В настоя- время последнее учреждение признало у тактику правильной и признало ЦК ядь до съезда» (док. № 55). Здесь явно идет не о Международном бюро, а о районном бюро («Межрайонная организация объединенных социал-демократов», ествовавшая в 1913—1917 гг.). Однако авители сборника следующим образом ментируют это: «Имеется в виду Междудное социалистическое бюро — испольный орган II Интернационала...» (см. же, стр. 303). В результате получилось, Международное бюро, скатившееся в —1915 гг. в болото социал-шовинизма, нало большевистскую тактику! Состави не разобрались в существе вопроса ли произвольное толкование документа. орнике «Большевики Западной Сибири рьбе за социалистическую революцию» е опубликован текст письма; в нем бюзвано правильно: не Международным, жрайонным (док. № 41).

[13] В предисловии к сборнику «Борьба за власть Советов в Томской губернии» допущена неточность. На стр. XXII говорится, что после VI съезда РСДРП(б) перед большевиками Барнаула стояла задача разрыва с соглашателями. Однако, как мы видим, барнаульские большевики создали самостоятельную организацию еще до VI съезда, в июне 1917 года.

[14] См. также «Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.)». стр. 221.

[15] Следует сказать, что М. М. Шорников, осуществивший общую редакцию сборника, ранее уже выдвигал такую точку зрения в своей работе «Большевики Западной Сибири в борьбе за Октябрь». Новосибирск, 1947, стр. 29.

каких-либо ссылок на документы; мотивируется же оно тем, что Красноярский и ряд других Советов находились под сильным большевистским влиянием и временное снятие лозунга «Вся власть Советам» для них было нецелесообразно [16]. «Томский Совет рабочих депутатов,— говорится далее в предисловии,— Омский Совет рабочих и солдатских депутатов, Томский и Енисейский губернские Советы крестьянских депутатов и некоторые другие находились под влиянием меньшевиков и эсеров. Большевики считали, что, опираясь на ведущие большевистские Советы и изгнав меньшевиков из рядов социал-демократических организаций, они могут более или менее легко изолировать меньшевиков и эсеров в этих Советах» (там же). Таким образом, автор предисловия полагает, что большевики Западной Сибири в период после июльских событий вели политическую линию, отличную от линии ЦК РСДРП(б) и VI съезда партии.

По нашему мнению, такая постановка вопроса неправильна. VI съезд РСДРП(б) временно снял лозунг «Вся власть Советам», исходя из обстановки в стране в целом, и это решение съезда было обязательно для всех партийных организаций. В условиях, когда временно победила контрреволюция, а эсеро-меньшевистские Советы (в том числе и большинство сибирских Советов) превратились в придаток буржуазно-помещичьего правительства, лозунг «Вся власть Советам» потерял то революционное значение, которое в него вкладывали большевики в период двоевластия. Но автор предисловия, рассматривая положение в Красноярском и некоторых других немногих Советах изолированно от обстановки в стране в целом, не разобрался в этом. «Советы теперь,— писал В. И. Ленин в середине июля,— бессильны и беспомощны перед победившей и побеждающей контрреволюцией. Лозунг передачи власти Советам может быть понят, как «простой» призыв к переходу власти именно к данным Советам, а говорить это, призывать к этому значило бы теперь обманывать народ» [17]. Разве последнее не относится, скажем, к Омскому, Новониколаевскому, Барнаульскому и многим другим сибирским Советам, в которых в то время верховодили меньшевики и эсеры? Красноярский Совет рабочих и солдатских депутатов действительно в этот период уже являлся большевистским, как, впрочем, и некоторые другие Советы в стране. Но это было исключение, и такое исключение, которое в условиях разгула контрреволюции после июльских событий не могло оказать значительного влияния на изменение обстановки в стране в целом.

Утверждение автора предисловия, что в июльские дни массы рабочих и солдат Сибири были «готовы поддержать большевиков в их борьбе с Временным правительством и прислужниками буржуазии — меньшевиками и эсерами», также свидетельствует о том, что он неправильно подходит к оценке июльских событий (см. стр. 8). Все известные документы, в том числе и материалы сборников, говорят, что летом 1917 г. в Сибири еще сохранялось сильное эсеро-меньшевистское влияние. Значительная часть трудящихся уже не верила Временному правительству, но еще доверяла эсеро-меньшевистским соглашателям, сидевшим в Советах. В этом было своеобразие обстановки накануне июльских событий, и именно поэтому большевики считали июльское выступление преждевременным, стремились придать ему характер мирной демонстрации.

Не будем останавливаться на других неточных утверждениях, имеющихся в предисловии, и обратим внимание только еще на один вопрос. Действительно, ряд документов сборников, как уже отмечалось выше, свидетельствует о том, что на демонстрациях и митингах, прошедших в июле в городах Сибири, массы выдвигали лозунги, требовавшие перехода всей власти к Советам. Это был запоздалый сибирский отзвук того мирного давления, которое петроградские рабочие, солдаты и матросы пытались 3—4 июля оказать на эсеро-меньшевистское руководство Советов с тем, чтобы последние взяли власть, давлению, оказавшегося, как известно, безуспешным

[16] При перечислении Советов, находившихся под влиянием большевиков, в предисловии неверно утверждается, что «Томский Совет солдатских депутатов с самого своего возникновения занимал твердую большевистскую линию» («Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию», стр. 7). Достаточно ознакомиться с документами Совета солдатских депутатов томского гарнизона, опубликованными в сборнике «Борьба за власть Советов в Томской губернии», чтобы убедиться, что Совет на протяжении длительного времени занимал непоследовательную позицию по вопросам войны, отношения к Временному правительству и некоторым другим.

[17] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 170.

-за предательства лидеров соглашателей. нечно, в тех конкретных условиях, когда нтрреволюция добилась временной побе-, эти требования сибирских трудящихся могли быть реализованы. Однако они ко свидетельствуют о резком полевении бочих и солдат Сибири в обстановке литического кризиса в стране, вызван-го буржуазно-помещичьей контрреволю-ей.

Среди документов есть и такие, из кото-х видно, что красноярские большевики июле выдвигали лозунг «Вся власть Со-там». В частности, 20 июля районное бю-РСДРП(б) рекомендовало партийным ганизациям разъяснение массам «необхо-мости, как основной посылки, перехода асти в руки Советов рабочих, солдатских крестьянских депутатов» («За власть ветов», док. № 87). Значит ли это, одна-, что бюро вело какую-то особую линию вопросе о лозунге «Вся власть Советам» протяжении всего послеиюльского пе-ода? Известно, что статья В. И. Ленина лозунгам» была написана в Разливе середине июля [18]. Она была издана бро-рой в Кронштадте, и первые ее экземп-ры были вручены делегатам VI съезда июля [19]. Известно также, что делегаты Сибири на съезд приехать не успели. сообщением о деятельности сибирских льшевиков на съезде выступил Б. З. Шу-кий, задержавшийся после съезда Петрограде.

Таким образом, статья В. И. Ленина ешения съезда стали известны сибир-м большевикам не раньше первой поло-ы августа. В этих условиях, занимая целом правильную позицию в оценке ожения, они могли допускать в первое мя после июльских событий отдельные бки, вызванные главным образом тем, связь с центром была затруднена. Но не следует, на наш взгляд, возводить пень «особой тактики». Наконец, нель-забывать, что в июле — августе во мно-городах Сибири большевики еще оста-сь в объединенных организациях РП. Это тормозило развертывание бы, мешало четкому проведению линии партии. Перед сибирскими большевика-стояла задача не выработки какой-то ой линии, а окончательного и полно-го разрыва с меньшевистскими соглашателями.

После VI съезда РСДРП(б) самостоятельные большевистские организации, как это видно из материалов сборников, образовались во всех наиболее крупных центрах Сибири. 7 августа в Красноярске открылась Средне-Сибирская конференция РСДРП(б). Н. Н. Яковлев сообщал о ней в ЦК РСДРП(б): «...У нас происходила конференция с.-д. интернационалистских организаций Средней Сибири (от Новониколаевска до Черемхово — наиболее промышленный район Сибири), которая постановила присоединиться к ЦК» («Борьба за власть Советов в Томской губернии», док. № 108). Районное бюро ЦК РСДРП(б) с целью расширения его влияния в Сибири было преобразовано в Средне-Сибирское областное бюро РСДРП(б) [20].

Месяц спустя 6 сентября на собрании томской организации РСДРП был заслушан доклад большевика В. М. Клипова о Средне-Сибирской конференции РСДРП(б). Подавляющим большинством голосов собрание постановило присоединиться «к решению конференции вступить в состав РСДРП (большевиков)» (док. № 93). Вслед за этим состоялась Томская губернская конференция РСДРП, постановившая «признать партийным центром, директивы которого для всех организаций Томской губернии обязательны, Центральный Комитет РСДРП(большевиков)» (док. № 94—96).

8 октября объявили о своем выходе из объединенной организации иркутские большевики («Борьба за власть Советов в Иркутской губернии», док. № 5). 12 октября большинство омской организации приняло решение о полном согласии с линией ЦК РСДРП(б) («Борьба за власть Советов в Томской губернии», док. № 115) [21].

Таким образом, к осени 1917 г. большевистские силы в Сибири значительно выросли. Об этом ярко свидетельствует, например, созыв Алтайской губернской конференции РСДРП(б). В момент образования самостоятельной организации

См. «Ленин в Петербурге». Л. 1957, 166.

См. И. П. Флеровский. Большекий Кронштадт в 1917 году. Л. 1957, 76.

[20] См. «Переписка ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март — октябрь 1917 г.)». Ч. I. М. 1957, стр. 288. Опубликованное в этом сборнике письмо ошибочно подписано — Я. Пекази; на самом деле, по свидетельству Ф. К. Врублевского, речь идет с Янине Пекаж — активной работнице красноярской организации, погибшей в 1918 г. в белогвардейском застенке.

[21] См. также «Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.)», стр. 222—223.

РСДРП(б), в июне 1917 г., в Барнауле насчитывалось 15 большевиков («Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае», док. № 13)[22]. Четыре месяца спустя большевистские кадры во всей Алтайской губернии настолько выросли, что появилась возможность создания губернской организации РСДРП(б). На губернской конференции большевиков, работавшей 2—3 октября, присутствовали представители Барнаула, Бийска, Славгорода, Камня. Конференция избрала Алтайский губком партии (док. № 22). Примечательно, что влияние меньшевиков к этому времени значительно упало, их конференция, которую они намеревались провести одновременно с большевистской, не состоялась, так как на нее от губернии явился только один делегат.

По документам сборников трудно судить о положении в партиях эсеров и меньшевиков в этот период, но одно несомненно: по мере роста авторитета большевиков влияние соглашателей среди трудящихся Сибири неуклонно падало. Интересные данные по этому вопросу содержатся в материалах уже упоминавшейся выше Томской губернской конференции РСДРП (8—9 сентября 1917 г.), приведенных в сборнике «Борьба за власть Советов в Томской губернии». «Среди железнодорожных рабочих,— сообщал делегат Новониколаевска (Новосибирска),— особенно резко заметна потеря влияния с. р.— и меньшевиков» (док. № 94—96). Делегат Канска (Барабинска) отмечал, что эсеры вначале пользовались успехом, «но теперь, в результате последних событий, замечается полевение и массы начинают прислушиваться к большевикам...» (там же). Делегат Судженки говорил: «...После июльских событий подняли голову с.-р. и повели травлю против большевиков, но в дальнейшем агитация большевиков усилилась, и теперь, несомненно, влияние последних усиливается. Многие из организаций с.-р. прямо переходят в с.-д. организацию. С.-р. влияние, особенно их проповедь доверия Временному правительству, теряет свой кредит» (там же). Приводя эти выступления, газета «Знамя революции» писала: «Рабочие начинают понимать, что серьезно защищать их интересы может только революционная социал-демократия» (там же).

Накануне октябрьских событий большевики Сибири под лозунгом «Вся власть Советам», который ввиду изменившихся условий был вновь выдвинут и стал лозунгом восстания, провели большую массово-политическую кампанию по мобилизации сибирских трудящихся на свержение Временного правительства. Собравшийся в Красноярске 7 сентября 1917 г. I съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Средней Сибири указал: «Вся полнота государственной власти должна теперь же перейти в организации революционной демократии— в Советы рабочих и крестьянских депутатов, как в центре, так и на местах» («За власть Советов», док. № 106). Решение съезда о переходе всей государственной власти в руки Советов, как в фокусе, собрало и отразило многочисленные требования трудящихся Сибири, вместе с тем оно оказало революционизирующее воздействие на массы в канун Октября. Резолюция Средне-Сибирского съезда Советов была подтверждена рядом местных Советов. Так, например, II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Алтайской губернии, проходивший в Барнауле в середине сентября, высказался за передачу власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и принял по текущему моменту резолюцию Средне-Сибирского съезда Советов («Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае», док. № 18). Из документов сборников видно, что в сентябре — октябре значительная часть Советов Сибири, а также многочисленные митинги и собрания трудящихся высказались за поддержку большевистского лозунга «Вся власть Советам».

16—23 октября в Иркутске работал I съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Сибири. Съезд прошел под большевистским влиянием. «Съезд Советов всей Сибири,— говорилось в обращении съезда к трудящимся,— в своем огромном большинстве... принял решение, что не старая власть капиталистов и помещиков, власть врагов народа, может спасти страну. Съезд потребовал перехода власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, так как он знает, что лишь эта власть самих рабочих, солдат и крестьян обеспечит им свободу, приблизит

[22] В предисловии к сборнику сказано (без ссылки на документ), что в июне 1917 г. большевистская организация в Барнауле насчитывала 30 человек (стр. 7). Автор предисловия, очевидно, не заметил, что эта цифра противоречит данным опубликованного в сборнике документа.

редительное собрание и даст народу мир, еб и землю» («Борьба за власть Советов Иркутской губернии», док. № 10). Съезд брал ЦИК Советов Сибири (Центросирь).

За восемь месяцев развития революции льшевики добились в Сибири значительх успехов. К моменту Октябрьского восания в их руках находился ряд крупных стных сибирских Советов рабочих и солтских депутатов, росло большевистское ияние среди рабочих Сибири, а также еди солдат сибирских гарнизонов. Наряду этим имелись и большие трудности, нажившие отпечаток на весь процесс устаовления Советской власти в Сибири. Соавители сборников обошли молчанием нинское высказывание о том, что Сибирь енью 1917 г. была «наименее большевиским» районом [23]. В сборниках почти не иведены документы, характеризующие ложение осенью 1917 г. в сибирской деевне, испытывавшей еще сильное воздейвие эсеров и голосовавшей в массе своей последних на выборах в Учредительное брание.

Процесс формирования, укрепления и разития союза рабочего класса и крестьянст является одной из важнейших проблем истории борьбы за власть Советов в Сири. Отсутствие дворянского землевладея и связанной с ним острой борьбы крея за землю, наличие сильной кулацкой ослойки и зажиточного среднего крестьства, распыленность и слабая организоность батрацко-бедняцких элементов — эти обстоятельства осложняли борьбу летариата и большевистской партии за ссы сибирского трудового крестьянства. даленность Сибири от основных промышных центров страны, малочисленность и пыленность местных рабочих кадров же затрудняли процесс утверждения летарского влияния на сибирскую деню, создания и укрепления союза рабого класса и крестьянства. Отрицательное яние на борьбу за крестьянские резервы вало и то, что сибирские большевики с ьшим запозданием организационно поли с меньшевиками.

днако, несмотря на эти трудности, усилось действие факторов всероссийского штаба, благоприятствовавших нарастаю социалистической революции в сибирской деревне.

Эсеровское влияние по мере углубления революционного кризиса становилось все более неустойчивым. Массы сибирского трудового крестьянства вместе со всем крестьянством России требовали заключения мира и решения аграрного вопроса. Каждый день отсрочки осуществления этих требований все более революционизировал крестьянство. К осени 1917 г. стал значительно расширяться и крепнуть авторитет большевиков среди бедняцких слоев сибирского крестьянства. Об этом свидетельствует, например, создание большевистских ячеек в уездах Енисейской и Томской губерний, возникновение большевистских групп в таких крестьянских районах, как Каменский уезд, Алтайской губернии, и др. «Начинаем серьезную работу среди крестьян»,— сообщал 1 октября 1917 г. Н. Н. Яковлев в ЦК РСДРП(б) («Борьба за власть Советов в Томской губернии», док. № 108). Большевистская агитация, в развертывании которой активную роль играли революционные солдаты, нарастала. В сборнике «Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае» опубликовано донесение заведующего Тополинским лесничеством в Алтайский округ в октябре 1917 г., в котором говорилось: «...По всем селениям, прилегающим к вверенному мне лесничеству, появилось много солдат, как видно, Ленинской партии из Финляндии и Петрограда, командированных со специальной целью пропаганды между населением...» (док. № 25).

В этих условиях в Сибирь пришли известия об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде. Рассматриваемые сборники позволяют проследить, как шел процесс установления Советской власти в различных районах Сибири.

В сборнике «За власть Советов» приведены интересные материалы, рассказывающие о победе пролетарской революции в Енисейской губернии. Уже 29 октября Красноярский революционный комитет сообщал Петроградскому Совету: «В Красноярске власть перешла к губернскому Совету рабочих и солдатских депутатов» (док. № 125). В течение первой половины ноября Советская власть распространилась по всей территории Енисейской губернии. Такая быстрая по сравнению с другими районами Сибири победа Советской власти в Красноярске и Енисейской губернии объясняется тем, что здесь позиции большевизма были наиболее прочными, еще накануне

См. В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 244.

Вопросы истории» № 6.

Октября наиболее важные Советы в губернии, возглавляемые большевиками, фактически уже являлись хозяевами положения.

В других районах Сибири установление Советской власти приняло более затяжной характер. Обширный материал о победе пролетарской революции в Восточной Сибири приводится в сборнике «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии». В Иркутске до ноября Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов действовали раздельно и находились под сильным влиянием меньшевиков и эсеров. В ноябре были произведены перевыборы Советов, после чего они объединились. В результате позиции большевиков значительно укрепились. Опираясь на революционных рабочих и солдат, большевики 19 ноября поставили на заседании Совета вопрос о необходимости немедленного взятия власти. Большинством голосов Совет принял большевистскую резолюцию (док. № 33). В Иркутске начал действовать выделенный Советом Военно-революционный комитет. Во второй половине ноября Советская власть была установлена также в Нижнеудинске, Черемхове, на ст. Зима (док. № 46).

Контрреволюция хорошо понимала значение Иркутска, революционная борьба в котором оказывала немалое воздействие на всю Восточную Сибирь. Она начала активную подготовку антисоветского мятежа, вспыхнувшего 8 декабря. Используя юнкеров и казачество, контрреволюция попыталась свергнуть Советскую власть в Иркутске. Документы сборника рассказывают о боях в городе в течение десяти дней (см. док. №№ 54—56, 58—63). На помощь трудящимся Иркутска прибыли революционные отряды из Красноярска, Канска, Черемхова (док. № 60). Мятежники были разгромлены. 22 декабря Иркутский Совет рабочих и солдатских депутатов постановил: «Вся полнота власти в г. Иркутске, губернии и округе переходит к Иркутскому Совету рабочих и солдатских депутатов и Окружному бюро Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири» (док. № 61).

В декабре Советы взяли власть и в ряде важнейших центров Западной Сибири: в Омске («Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию», док. № 161), Барнауле (док. № 162), Новониколаевске (док. №№ 168 и 243) и Томске («Борьба за власть Советов в Томской губернии», док. № 147).

Однако если в губернских центрах Советская власть была установлена в относительно короткий срок, то распространение ее в значительной части уездов, а также в деревнях проходило более длительное время. Как правило, областные и губернские крестьянские Советы, находившиеся осенью 1917 г. в руках соглашателей, выступили против установления Советской власти. Большевики повели активную работу по разоблачению и изоляции от масс соглашательского большинства этих Советов. При этом серьезное внимание было уделено организации Советской власти в деревнях. Так, 24 декабря по Алтайской губернии был разослан следующий циркуляр: «Барнаульский военно-революционный комитет, представляющий временно высшую власть Рабоче-Крестьянского правительства в Алтайской губернии, предлагает немедленно по получении сего организовать в селе (волости) по прилагаемому проекту Совет крестьянских депутатов, являющийся единственно законной властью на месте.... Организация Советов даст крестьянам землю, солдатам мир, рабочим сносное житье. Всех освободит от рабства капитала» («Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае», док. № 47). В конце декабря 1917 г.— январе—феврале 1918 г. в Сибири почти повсеместно образовывались сельские и волостные Советы. Опираясь на пролетариат, используя поддержку сибирского трудового крестьянства, выступившего «за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире» [24], большевики Сибири сломили сопротивление эсеро-меньшевистской контрреволюции. К февралю—марту 1918 г. Советская власть распространилась почти по всей территории Сибири.

★

В советской исторической литературе недостаточно освещена борьба за упрочение Советской власти в Сибири, развернувшаяся в первые месяцы после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Событиям этого периода посвящены отдельные интересные воспоминания, среди которых особенно выделяется работа В. В. Рябикова о Центросибири [25]. Некоторые вопросы этой проблемы затронуты в вышедших

[24] Там же.

[25] В. В. Рябиков. Центросибирь. Новосибирск. 1949.

авно исторических очерках «Славное
рокалетие» и «Борьба за власть Советов
Алтае»[26]. Однако многообразная дея-
ьность руководимых большевиками Со-
ов в целом по Сибири в первой половине
8 г. исследована далеко не полно.
некоторой степени это объясняется тем,
до последнего времени не было сколь-
нибудь серьезных публикаций докумен-
относящихся к указанному периоду.
сматриваемые сборники в известной ме-
восполняют этот недостаток. Почти
тья часть опубликованных в них доку-
тов освещает борьбу за упрочение Со-
ской власти в Сибири в первые месяцы
8 года.
окументы, характеризующие борьбу за
очение Советской власти, систематизи-
аны в сборниках слабее, чем материалы
иода подготовки и проведения Великой
ябрьской социалистической революции.
в сборнике «Большевики Западной Си-
и в борьбе за социалистическую рево-
ию» все документы первой половины
г. включены в раздел «Большевики
адной Сибири в борьбе за установление
етской власти»[27]. В результате в раз-
механически объединены документы
ря—декабря 1917 г., когда перед боль-
иками Сибири стояли задачи установле-
Советской власти, и материалы совет-
строительства в 1918 году. Так же
упили и составители сборников «За
ть Советов» и «Борьба за власть Со-
в Томской губернии». Процессы уста-
ения и упрочения Советской власти
и имеют глубокую внутреннюю связь,
ге с тем отличаются друг от друга, так
период борьбы за укрепление дикта-
пролетариата перед рабочим классом
партией стоят иные задачи, чем в пе-
взятия власти. Поэтому сведение раз-
ых по тематике документов в один
л, на наш взгляд, не оправдано.
льшое количество документов посвя-
советскому строительству в Сибири,
ащению Советов в органы государст-

Славное сорокалетие». Из истории
ноярской партийной организации
—1957 гг.). Красноярск. 1957; «Борьба
асть Советов на Алтае». Исторический
Барнаул. 1957.
тметим попутно, что этот раздел в
нке неожиданно начинается не с 25 ок-
а с 15 ноября 1917 года. Документы
ктября по 15 ноября почему-то вклю-
раздел, посвященный подготовке Ок-
кой революции.

венной власти. Среди них значительный интерес представляют материалы съездов Советов. В сборнике «Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию» приводятся важные документы III Западно-Сибирского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, проходившего в Омске 2—10 декабря 1917 г. (док. №№ 151—155). Материалы съезда частично уже были опубликованы раньше в сборнике «Омские большевики в борьбе за власть Советов». Сборник «Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию» дополняет эту публикацию. В нем помещены также резолюции III Западно-Сибирского съезда Советов крестьянских депутатов (Омск. 17—24 января 1918 г.). Две из них — о контрреволюционном характере областничества и об организации народного хозяйства (док. №№ 225, 226) — ранее не публиковались.

26—31 января 1918 г. в Иркутске работал III съезд Советов Восточной Сибири, который подвел итоги борьбы за власть Советов в этом районе страны и наметил задачи хозяйственного строительства, исходя из программных установок большевистской партии («Борьба за власть Советов в Иркутской губернии», док. №№ 93—95).

Важную роль в укреплении Советской власти в Сибири сыграл II Общесибирский съезд Советов, проходивший в Иркутске с 16 по 26 февраля 1918 г. в обстановке, когда Советская власть в Сибири уже была в основном установлена. Съезд принял важные решения по укреплению как общесибирского, так и местных, губернских, уездных, волостных и городских органов Советской власти. В сборнике «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии» опубликовано 12 документов, связанных с работой съезда (док. №№ 102—113). Решения съезда по вопросам советского и хозяйственного строительства были выдержаны в духе декретов центральных органов Советской власти, соответствовали установкам Коммунистической партии. Однако в отношении вопроса о мире съезд допустил грубую политическую ошибку. Пойдя на поводу у «левых коммунистов», он высказался против мирного договора с австро-германским блоком, что шло вразрез с линией партии. Составители сборника «Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае» опубликовали обращение съезда в связи с наступлением немецких войск на Советскую Россию без

комментария (док. № 78); им следовало бы указать на то, что в вопросе о мире съезд занял неправильную позицию, противоречившую интересам диктатуры пролетариата.

При всей своей ценности материалы съездов не могут, конечно, дать полную картину становления и укрепления советских государственных органов в Сибири. Без изучения документов ЦИК Советов Сибири, а также Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского комитетов Советов нельзя всесторонне изучить деятельность сибирских советских органов в первые месяцы после победы Октябрьской революции. Известно, что в массе своей эти документы погибли в 1918—1919 годах. Тем более важное значение имеет выявление каждого сохранившегося документа. К сожалению, в рассматриваемых сборниках имеются лишь отдельные материалы Центросибири и областных советских органов, не позволяющие в целом проследить сколько-нибудь подробно их работу.

В сборниках содержатся интересные материалы и по другим Советам, показывающие сложную и многообразную деятельность по укреплению пролетарской власти, приводятся документы, рассказывающие о сломе старой государственной машины, служившей интересам эксплуататоров, о ликвидации земств, буржуазных городских органов самоуправления и т. д. Составители сборника «Борьба за власть Советов в Томской губернии» опубликовали важные документы о борьбе с сибирским областничеством (док. №№ 162, 189—190).

В сборниках приведены материалы о первых мероприятиях диктатуры пролетариата в области экономики: о введении рабочего контроля, о первых актах национализации промышленных предприятий в Сибири, об организации управления народным хозяйством.

Материалы о деятельности Советов наиболее широко и полно представлены в сборнике «Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае». Составители опубликовали материалы 28 протоколов Исполкома Барнаульского Совета (док. №№ 53, 55—63, 66, 68—69, 73—75, 77, 79—81, 84—85, 88—90, 92—93, 95—96) за период со 2 января по 28 марта 1918 г., раскрывающих многообразную, напряженную деятельность Совета. В первые недели после перехода власти к Советам до организации большевистского губисполкома Барнаульский Совет фактически дей[ствовал] как губернский орган. Он принима[л] решения, относившиеся не только к горо[ду], но и ко всей губернии. Интересно поста[новление] Исполкома Совета от 10 января 1918 г. об организации инструкторской колл[егии] при Совете, на которую возлагалась задача «в первую очередь организовать хотя бы часть волостных крестьянских Со[ветов]» (док. № 58). Совет рассматрива[л] много хозяйственных вопросов: о введении рабочего контроля, о создании Совета на[родного] хозяйства, о борьбе со спекуляцией, о ликвидации безработицы и многие дру[гие]. Особенно часто обсуждалось продо[вольственное] положение. Совет принимал меры по оказанию помощи трудящимся других районов Сибири и голодавшим тек[стильщикам] Иваново-Кинешемского района. К сожалению, в сборнике приведена только краткая запись решения Исполкома об от[правке] вне очереди муки на имя Шуйского Совета (док. № 93). Составители могли бы расширить этот материал. 27 января 1918 г. в барнаульской большевистской газете «Го[лос] труда» было опубликовано письмо представителя Шуйского Совета с просьбой к алтайским трудящимся оказать помощь своим голодающим братьям. Одновременно указывалось, что рабочие-текстильщики по[слали] в Алтайскую губернию мануфактуру. Между Советами Шуи и Барнаула, как это видно из газеты «Голос труда», была уста[новлена] связь, продолжавшаяся до начала контрреволюционного мятежа. Публикация таких материалов в сборнике позволила бы лучше осветить продовольственный вопрос.

Рассматриваемые сборники содержат ряд новых материалов и о работе продорганов Сибири. Однако они относятся главным образом к деятельности ряда губпродкомов; на основании их невозможно предста[вить] общую картину заготовки продоволь[ствия] в Сибири в первой половине 1918 года. Отчасти такой подбор материалов объ[ясняется] тем, что составители стремились включить документы по своим районам, и деятельность общесибирских продовольственных органов в Омске не попала в поле их зрения. В результате сборники не дают исчерпывающих данных о продовольственной помощи Сибири промышленным районам страны.

Развернувшаяся весной 1918 г. борьба за хлеб была, по существу, борьбой за утверждение и укрепление Советской власти, борьбой, как подчеркивал В. И. Ленин,

социализм. В Сибири она проходила в езвычайно сложных условиях. Большая асса хлеба из урожаев военных лет и 17 г. скрывалась кулаками, срывавшими ероприятия Советской власти по осуще-влению продовольственной диктатуры. Ку-чество и другие антисоветские силы ис-льзовали продовольственные трудности в ране для того, чтобы разжечь враждеб-е отношение значительной части среднего естьянства к продовольственной политике ветской власти. К сожалению, эти вопро-почти обойдены в сборниках. В них ень мало документов о положении в си-рской деревне весной 1918 года.

★

Сборники «Борьба за власть Советов в мской губернии» и «Борьба трудящихся установление Советской власти на Ал-е» наряду с материалами периода подго-вки и проведения Великой Октябрьской циалистической революции содержат кже документы периода борьбы с иност-нной интервенцией и внутренней контр-волюцией в 1918—1919 годах.

В конце мая 1918 г., в самый разгар боты по укреплению диктатуры пролета-ата в Сибири, когда сельская беднота е не была сорганизована, а среднее кре-ьянство проявляло колебания, вспыхнул тисоветский мятеж корпуса чехословац-х военнопленных, организованный англо-анко-американскими империалистами. теж был активно поддержан внутренней нтрреволюцией.

Положение Советской власти в Сибири в вые же дни мятежа оказалось чрезвы-йно трудным. Уже в начале июня 1918 г. бирь была отрезана от Москвы и цент-льных районов страны. Советское прави-льство во главе с В. И. Лениным пред-инимало все меры для того, чтобы уста-ить связь с сибирскими Советами и ока-ь им помощь. Исключительную ценность дставляет телеграмма Совнаркома (пер-декада июня), опубликованная в сбор-е «Борьба за власть Советов в Томской ернии»: «Кто имеет связь с Ташкентом, сим передать в Ташкент. Правые со-листы-революционеры свергли Советы и гли Советскую власть, благодаря этому графная связь Сибири с Москвой пре-на. Совету Народных Комиссаров необ-имо немедленно увязаться с городами ири. Предлагается принять все меры тановить сообщение обходным путем, пользуясь одновременно телеграфом и радиотелеграфом. Предлагаем Ташкенту войти в сношение с Сибирью по проволочному телеграфу Семипалатинск, Барнаул, Томск. Информация должна немедленно передаваться в Москву. Неисполнение сего распоряжения повлечет за собой самую суровую ответственность. Председатель Совнаркома Ленин. Наркомпочтель Подбельский» (док. № 282).

Трудность борьбы с контрреволюционным мятежом усугублялась тем, что сибирские Советы в результате действий мятежников на сибирской магистрали были не только отрезаны от центра, но и изолированы друг от друга. Несмотря на это, немногочисленные сибирские красногвардейские и красноармейские отряды, руководимые большевиками, оказали упорное сопротивление врагу. В советской исторической литературе пока еще не исследована с достаточной полнотой героическая борьба красных бойцов в Сибири в этот период. Между тем она сыграла значительную роль в отпоре врагу летом 1918 года. Почти три месяца потребовалось хорошо вооруженным и численно превосходившим силам белочехов и внутренней контрреволюции, чтобы сломить вооруженное сопротивление сибирских пролетариев. Героическая борьба красногвардейских и красноармейских отрядов в Сибири летом 1918 г. не прошла даром. Вместе с отрядами, сражавшимися на Дальнем Востоке и на Урале, они оттянули на себя значительные силы врага и оказали тем самым поддержку молодой Красной Армии в наиболее критические дни битвы за Поволжье.

Одним из ярких примеров самоотверженной борьбы сибирских рабочих летом 1918 г. является легендарный поход отряда алтайских красногвардейцев во главе с Петром Суховым. К сожалению, составители сборника «Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае» фактически не осветили эту яркую страницу в борьбе за власть Советов в Сибири. Они ограничились публикацией портрета Петра Сухова, не приведя никаких материалов о его отряде.

С первых же дней установления контрреволюционного режима в Сибири началась упорная борьба рабочих под руководством большевистского подполья против интервентов и белогвардейцев. «Как сообщают газеты,— писала омская «Сибирская речь» 8 сентября 1918 г.,— почти во всех сибир-

ских городах среди рабочих преобладает безусловно большевистское направление. Об этом свидетельствуют многочисленные факты из деятельности профессиональных союзов, резолюции митингов, результаты различных выборов» («Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае», док. № 106). Эту оценку подтверждают и материалы сборника «Борьба за власть Советов в Томской губернии»: прокламации о поддержке пролетариатом газеты «Рабочее знамя» (док. № 284), резолюция II съезда горнорабочих Западной Сибири с призывом к борьбе против контрреволюционного сибирского «правительства» (док. № 287), сведения о забастовке шахтеров Анжерских и Судженских копей в июле 1918 г. (док. №№ 289, 293) и др.

В сборнике опубликованы также материалы, раскрывающие антинародный и антинациональный характер политики сибирского «правительства». В советской исторической литературе дана правильная оценка этого «правительства» как контрреволюционного и белогвардейского. Однако его конкретные мероприятия, направленные на ликвидацию завоеваний революции, восстановление старых, буржуазно-помещичьих порядков, глубоко не изучались. Помещенные в сборнике «Борьба за власть Советов в Томской губернии» отрывок декларации уполномоченных контрреволюционного сибирского правительства об организации власти на территории Западной Сибири (док. № 277), постановления о возвращении капиталистам имущества, национализированного Советской властью (док. № 285), «о недопущении советских организаций» (док. № 288), о ликвидации органов рабочего контроля (док. № 300), а также другие материалы помогают более обстоятельно вскрыть контрреволюционную сущность этого «правительства».

Особый интерес вызывают материалы, характеризующие положение в сибирской деревне в конце лета и осенью 1918 года. Вслед за рабочими сибирские крестьяне вскоре также почувствовали, что означает реставрация старых, буржуазно-помещичьих порядков. Ранней осенью 1918 г. начались первые крестьянские вооруженные восстания против сибирского белогвардейского «правительства» и действовавших за его спиной иностранных интервентов.

Первыми (в начале сентября 1918 г.) восстали крестьяне Славгородского уезда, Алтайской губернии. В сборнике «Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае» приведен только один документ об этом восстании (док. № 108), к тому же публиковавшийся раньше. Это — серьезное упущение. Необходимо отметить, что период с лета 1918 до августа 1919 г. вообще, как это ни странно, фактически выпал из поля зрения составителей сборника. Составители привели лишь отдельные, разрозненные документы.

Ценные материалы о крестьянском движении осенью 1918 г. имеются в сборнике «Борьба за власть Советов в Томской губернии». Крестьянское восстание в Мариинском уезде этой губернии в октябре 1918 г. почти не исследовалось историками. Включенные в сборник документы (док. №№ 320—327) позволяют проследить в основных чертах ход восстания, выявить его антибелогвардейскую направленность. Мариинское восстание наряду с другими крестьянскими восстаниями в Сибири осенью 1918 г. знаменовало начало поворота масс сибирского трудового крестьянства на сторону Советской власти. Окончательный переход трудового крестьянства Сибири на сторону пролетариата произошел в результате практического опыта, полученного крестьянством в ходе гражданской войны, в результате сравнения диктатуры пролетариата и диктатуры буржуазии в период господства колчаковщины.

С конца 1918 г. в Сибири начало развиваться партизанское движение. В сборнике «Борьба за власть Советов в Томской губернии» содержатся материалы, показывающие рост партизанского движения, руководящую роль в нем рабочего класса и большевистской партии. Среди них впервые публикуемый доклад представителя Западно-Сибирского центра подпольной организации РКП(б) Сибирскому бюро ЦК РКП(б) о работе большевиков в период с августа 1918 по ноябрь 1919 г. (док. № 410). Из него видно, что деятельность большевистского подполья развернулась уже с лета 1918 года. В Томске, Новониколаевске, Омске, Красноярске, Барнауле, Иркутске и ряде других городов Сибири нелегальные большевистские организации вели громадную работу в массах. Трижды — в августе и ноябре 1918 г. и в марте 1919 г. — состоялись сибирские подпольные конференции РКП(б), на которых решались вопросы, связанные с организацией борьбы масс против интервенции и контрреволюции. Этот доклад, а также ряд других докумен

в сборника убедительно показывают, что льшевики являлись организаторами и ководителями народного движения, раз-рнувшегося в тылу колчаковцев и интер-нтов.

В сборнике «Борьба трудящихся за уста-вление Советской власти на Алтае» поме-ено около 70 документов о партизанском ижении на Алтае в августе—декабре 19 года. Многие из них ранее были опуб-кованы в сборнике «Партизанское дви-ение в Западной Сибири в 1918—1919 гг.», торый, однако, имел некоторые недостат-. К тому же этот сборник издан более адцати лет назад и ныне стал библио-афической редкостью. Документы, вклю-нные в сборник «Борьба трудящихся за тановление Советской власти на Алтае», ссказывают о массовом восстании алтай-их трудящихся в августе 1919 г., об об-зовании Западно-Сибирской партизанской мии во главе с Е. М. Мамонтовым, о ее евых действиях вплоть до соединения в нце ноября — первой половине декабря 9 г. с частями Красной Армии, освобо-вшей при поддержке партизан Сибирь. орник завершается разделом «Восстанов-ние и дальнейшее упрочение Советской сти на Алтае (декабрь 1919 г.— конец 0 г.)», в котором собраны материалы о тельности партийных и советских орга-в первые месяцы после освобождения тая от белогвардейцев и интервентов. ртизанское движение в Сибири свиде-ьствовало о складывании и укреплении нно-политического союза рабочего клас-с массами сибирского трудового кресть-тва.

★

заключение хочется высказать пожела-чтобы при подготовке новых изданий ументов была усилена работа по выяв-ю материалов, характеризующих дея-ность сибирских большевиков в 1917— годах. Рассматриваемые сборники жили начало этому. Приведенные в них менты имеют большую ценность, одна-ни, как правило, отрывочны и поэтому ают общего представления о положении сех организациях. Прежде всего этот к следует высказать составителям ника «Большевики Западной Сибири в бе за социалистическую революцию». едисловии к нему сказано, что он «ста-перед собой задачу дать товарищам, изучающим историю партии, документы, которые бы правильно освещали борьбу большевистской партии за победу Октябрьской социалистической революции в Западной Сибири» (стр. 3). К сожалению, эта задача выполнена далеко не полностью. Из 288 документов сборника только около 60 непосредственно относятся к деятельности партийных организаций. Разумеется, документы Советов, а также некоторые другие очень важны, но все же с точки зрения основной задачи сборника необходимо было прежде всего дать в достаточном объеме партийные материалы.

Особенно слабо отражены в сборниках состояние и деятельность сибирских большевистских организаций после победы Октябрьской революции. В сборнике «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии» среди 144 документов послеоктябрьского периода, только один — протокол общего собрания членов Иркутской организации РКП(б) (док. № 171) — непосредственно освещает работу партийной организации. Во втором разделе сборника «Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае», охватывающем события с конца 1917 г. до лета 1918 г., из 72 документов — всего лишь один, правда очень ценный, партийный документ (док. № 103). Это резолюция по продовольственному вопросу Западно-Сибирской конференции РКП(б), состоявшейся в Омске в конце мая 1918 года. Работа конференции почти не изучена в исторической литературе, так как материалы ее, очевидно, погибли. Но все же составители имели возможность несколько расширить данные о конференции. В частности, в журнале «Сибирские огни» (1935, № 1) были опубликованы записи из блокнота делегата конференции, видного барнаульского большевика И. В. Присягина, содержащие некоторые сведения о конференции.

Недостаточно полно освещено в сборниках крестьянское движение в Сибири в 1917 г., а также положение в сибирской деревне весной 1918 года. Почти нет материалов об образовании и деятельности в 1917 г. крестьянских Советов; отсутствуют данные о земельных комитетах; скупы и отрывочны сведения о характере экономических и политических требований сибирского крестьянства в период подготовки Октябрьской революции. Так, в сборнике «Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае», отражающем события в районе,

который даже в условиях дореволюционной Сибири являлся одним из наиболее, так сказать, крестьянских, в разделе «Алтай в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март — декабрь 1917 г.)» приведено лишь 7 документов о деревне. Причем 6 из них рассказывают о событиях марта — июня 1917 года. В большей или меньшей степени недостатки подобного рода присущи и другим сборникам.

В сборниках слабо освещен вопрос об экономическом положении Сибири в 1917—1918 годах. Документы по экономике исчисляются в них буквально единицами. Почти нет материалов и о проникновении в Сибирь иностранного капитала, о попытках иностранных империалистов прочно там закрепиться, оторгнуть Сибирь от России. Между тем по этому вопросу можно было использовать интересные и важные документы. Так, в журнале «Народное дело» (Красноярск. 1918, № 4) были опубликованы материалы о переговорах в конце 1917 — начале 1918 г. лидером областников с инженером Стивенсом, действовавшим от имени правительства США. Они условились, что США окажут помощь сибирскому контрреволюционному подполью; за это областники обязались отдать под контроль американцев всю сибирскую железнодорожную магистраль. Публикация подобных материалов помогла бы шире и глубже показать, что Октябрьская революция спасла Сибирь от захвата и разграбления ее иностранными империалистами.

Эти недостатки не умаляют значения рассмотренных публикаций. Составители в целом успешно справились со стоявшими задачами. Подготовленные ими сборники образуют хорошую источниковедческую базу для изучения истории борьбы за власть Советов в Сибири.

М. И. Стишов, Д. К. Шелестов

Всеобщая история

«Всемирная история». Т. III. Под редакцией: Н. А. Сидоровой (ответственный редактор), Н. И. Конрада, И. П. Петрушевского и Л. В. Черепнина. Академия наук СССР. М. Госполитиздат. 1957. 896 стр., 35 карт. Тираж 200 000. Цена 40 руб.

Третий том «Всемирной истории» посвящен III—XV вв.— периоду становления и развития феодальной формации в большинстве стран Азии, Европы и в ряде стран Африки.

Книга открывается «Введением», в котором сформулированы основные проблемы феодализма, рассматриваемые в этом томе. Изложение разделено на пять частей: 1. Развитие феодальных отношений в Китае. Возникновение и развитие феодальных отношений в Тибете, Индо-Китае, Корее, Японии и Индии. 2. Гибель рабовладельческого строя и переход к феодализму в странах Европы, Передней и Средней Азии. Возникновение раннефеодальных государств. 3. Развитое феодальное общество в странах Азии, Европы и Северной Африки. 4. Образование Монгольской державы и борьба народов против ее владычества. Возникновение централизованных феодальных государств в Азии. 5. Дальнейшее развитие феодального общества и образование централизованных феодальных государств в Европе. Феодальное общество в Турции и арабских странах.

В рамках этих частей материал по отдельным странам излагается в пятидесяти главах (в I части — 4 главы, во II — 12, в III — 19, в IV — 4, в V — 11). Том снабжен научным аппаратом и картами.

Коллектив авторов и редакторов отобрал и обобщил огромный фактический материал, охватывающий социально-экономическую жизнь, политическую историю, международные отношения и культуру многих стран. Рассматривая все народы, даже самые малые, как субъекты исторического развития, авторы III тома стремились осветить исторический процесс с учетом того вклада в мировую историю и культуру, который был сделан всеми народами. Положительное значение книги в этом отношении несомненно.

Стоявшие перед научным коллективом трудности были очень велики. Вообще с

ждым новым томом «Всемирной исто-и» все более усложняются задачи ее со-вителей по определению структуры и из-жению материала, поскольку все шире здвигаются географические рамки иссле-вания и усложняется самый ход истори-кого развития. Для III тома имелись е и трудности в построении его отдель-х частей, связанные с неравномерным звитием феодальных отношений в стра-к Азии и Европы. Прежде чем перейти анализу конкретного материала, остано-мся на освещении в книге важнейших облем рассматриваемого периода.

Перечень основных проблем феодализма их краткая характеристика даются во ведении». К числу этих проблем отно-тся: возникновение феодализма, феодаль-я собственность на землю как основа одализма, феодальная рента и формы за-симости крестьян, город и товарное про-водство, классовая борьба в феодальном ществе и ее значение, средневековое го-дарство, формирование народностей, ре-гия и церковь, культура средневекового щества.

Отбор именно этих вопросов в качестве овных при изучении истории феодализ-вполне обоснован. Но все же нельзя не разить сожаления, что авторы «Введе-» не выделили в качестве самостоятель-: такую кардинальную проблему, как витие производительных сил. При изло-нии конкретного материала почти везде водятся данные о тех или иных основ-: орудиях и средствах производства, о витии техники, но эти сведения не ытожены, и общая линия в развитии изводительных сил на протяжении того иного крупного исторического периода достаточно четко раскрыта на фактиче-м материале.

Авторы «Введения» не дали четкого опре-ения периода развитого феодализма, аничившись его характеристикой как ремени «наиболее полного развития фео-ьного общества» (стр. 8). Данное опре-ение является тавтологичным и не от-ает социально-экономической сущности ветствующего периода. Следовало хо-ы кратко остановиться на его основ-чертах.

К недостаткам «Введения» относится не не четкая постановка вопроса о рево-ционном переходе от рабовладельческо-троя к феодализму. Бесспорно положе-о том, что смена первой формации вто-была по своему содержанию социаль-ной революцией (стр. 9). Но следовало бы сильнее подчеркнуть, что конкретные формы данного процесса преимущественно не носили характера единовременного революционного акта. Это был более или менее длительный по времени период, в рамках которого в результате ряда изменений в экономической, политической и культурной областях общественной жизни произошел качественный скачок от старого способа производства к новому.

Говоря о возникновении феодализма, авторы отмечают то своеобразное явление, что переход к этой формации мог осуществляться, минуя рабовладельческую стадию развития, и перечисляют народы, которые пошли по такому пути. Но вряд ли следовало упоминать в этой связи о корейцах; лучше было бы отметить, что в науке пока еще нет единой точки зрения по вопросу, существовал ли в Корее рабовладельческий строй [1].

Следует остановиться еще на одном существенном, на наш взгляд, недочете «Введения». В конце его кратко и лишь очень бегло затрагиваются вопросы фальсификации всемирной истории буржуазными учеными. Между тем было бы очень важно подробнее и обстоятельнее, применительно к тем основным проблемам, которые рассматриваются во «Введении», остановиться на критике буржуазных концепций истории средневековья. Этот же недостаток прослеживается и во всем томе. Авторы и редакторы, ограничившись тем, что сказано во «Введении», не вернулись в отдельных главах к разбору взглядов буржуазных историков на основные процессы средневековья. Упущение это тем более серьезно, что история средних веков, например в Германии, Италии, у славян и других народов, подвергалась грубым искажениям со стороны буржуазных историков, выступивших с целым рядом лженаучных концепций.

Вместе с тем следует всемерно подчеркнуть, что III том, как и другие вышедшие тома «Всемирной истории», наносит сокрушительный удар по многочисленным фальсификациям истории III—XV вв. со стороны буржуазной историографии.

Марксистско-ленинская концепция истории феодального общества, проводимая в III томе, убедительно и всесторонне аргументированная на богатом фактическом ма-

[1] См. М. Н. Пак. Некоторые спорные вопросы истории Кореи. «Вопросы истории», 1957, № 8, стр. 169.

териале, является обоснованным опровержением идеалистических концепций развития феодализма, которые проводятся как в большинстве монографических работ буржуазных историков, так и в обобщающих трудах типа «Кэмбриджской средневековой истории»[2], швейцарской «Historia mundi»[3] и других.

Советская «Всемирная история», и в частности ее III том, решительно опровергает лженаучные европоцентристские теории, нашедшие воплощение как в указанных выше работах буржуазных авторов, так и в некоторых других изданиях[4]. По своей структуре (III том начинается с рассмотрения истории Китая, Тибета, Индо-Китая, Кореи, Японии, Индии) и по тому вниманию, которое уделяется изложению истории народов Азии и Африки наряду с народами Европы, книга представляет собою весьма убедительное доказательство того, что в с е народы земного шара внесли свой вклад в развитие мировой цивилизации.

Важное значение для читателей имеет материал тома, доказывающий, что истории всех народов земного шара присущи основные закономерности развития человеческого общества. Тем самым показывается несостоятельность теорий буржуазных историков и философов об отсутствии закономерностей в истории общества и об исключительности в развитии отдельных народов и стран[5].

★

Остановимся на освещении некоторых основных проблем истории феодализма в отдельных частях III тома.

В первой части (гл. I—IV) рассматривается период раннего феодализма (III—VIII вв.) в Китае, Тибете, Индо-Китае, Корее, Японии и Индии. Составители тома, с полным основанием отказавшись от европоцентристских позиций, начали свое изложение с Китая.

К числу основных спорных проблем относится история генезиса феодализма в странах Востока. Авторы тома датируют возникновение и развитие феодализма на Востоке III—VIII веками. Действительность стран Азии представляет, на наш взгляд, более сложную картину. Редакция тома специально оговаривает, что по вопросу о времени перехода Китая к феодализму существует несколько точек зрения. Так, видные китайские историки (Го Мо-жо, Фань Вэнь-лань, Цзянь Бо-цзань) считают, что уже во времена Ханьской империи (и даже раньше) в Китае окончательно утвердился феодальный способ производства[6]. Такая точка зрения находит широкое признание среди советских востоковедов[7]. Составители III тома относят завершение данного процесса к послеханьскому периоду, что, по нашему мнению, не вполне обосновано. Бесспорно, что эта проблема требует дальнейшего глубокого исследования.

Категоричные суждения высказаны в книге по вопросу о становлении феодализма в Японии. Вряд ли можно согласиться с трактовкой периода III—VIII вв., как времени «возникновения и развития феодализма» в этой стране (стр. 52), или с утверждением, что «формирование раннефеодального государства в Японии следует отнести ко второй половине IV в.» (там же). Среди японоведов существует и другая, на наш взгляд, более верная точка зрения, что период до реформы Тайка (середина VII в.) являлся временем разложения первобытно-общинных отношений, а формирование раннефеодального государства началось лишь с середины VII века[8].

Недостаточно четко сформулирован вопрос о рабстве в Японии (стр. 53, 54). В главе говорится о «рабовладельческих отношениях», «рабовладельческом пути развития», тогда как фактический материал свидетельствует о возникновении в процессе разложения первобытно-общинных отношений рабовладельческого уклада, который, однако, не развился в формацию. Естественно желание читателей глубже уяснить

---

[2] «The Cambridge Medieval History». Vol. 1—8. Cambridge. 1924—1936.

[3] «Historia mundi». Bd. V. Bern. 1956.

[4] «Peuples et civilisations». Historie générale publ. sous la dir. de L. Halphen et Ph. Sagnac. T. V—VII. Paris. 1932—1948.

[5] Подобные лжетеории были наиболее характерны для расистских писаний историков фашистской Германии. В настоящее время их возрождают некоторые западногерманские историки, а также наиболее реакционные представители американской и английской историографии.

[6] Г о Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя. М. 1956. Ф а н ь Вэнь-лань. Древняя история Китая. М. 1958.

[7] См. В. А. Р у б и н. Проблемы рабовладельческой формации в древнем Китае в освещении современных китайских ученых. «Вопросы истории», 1957, № 4.

[8] См. А. М. Г о л д о б и н, Д. И. Г о л ь д б е р г и др. Рецензия на III том «Всемирной истории». «Советское востоковедение», 1958, № 5, стр. 157.

ешние и внутренние причины, вызвавшие ереход Японии к феодализму, минуя ра-овладельческий путь. Несколько забегая еред, отметим, что высказанные в тексте ома соображения не дают основания со-ласиться с утверждением, имеющимся в аве XIX, что период VIII—XII вв. был ременем «развития феодализма в Японии» тр. 302—306). С бо́льшим правом период реформы Тайка 645—646 гг. до образо-ания первого сегуната феодальных домов инамото Ходзё в 1192 г. можно отнести раннему средневековью.

Вторая часть тома (гл. V—XVI) посвя-ена раннему средневековью —IV—XI вв.— странах Европы, Передней и Средней зии. Первые главы рисуют гибель рабо-ладельческих отношений в Средиземно-орском бассейне и падение Западной Рим-ой империи. Расположение материала и ронологические рамки второй части в це-ом не вызывают возражений. Однако лючение сюда главы о Франции и Ита-ии X—XI вв. следовало бы оговорить, по-ольку авторы руководствовались в дан-м случае лишь соображениями хроноло-ического порядка, а не исходили из суще-ва протекавших в этих двух странах со-ально-экономических и политических про-ссов.

В третьей части объединен материал по тории развитого феодального общества во ех странах Азии, Европы и Северной Аф-ки, причем для дальнеазиатских и запад-европейских государств верхней хроноло-ической границей служит конец XIII в., а я Руси и стран Передней и Средней зии — начало этого же столетия. Такая уктура объясняется построением четвер-й части, посвященной образованию Мон-ьской державы и борьбе народов против владычества, а также централизованным одальным государствам Азии в XIII—веках. Пятая часть посвящена истории ции и стран Европы XIV—XV веков.

При освещении важнейших этапов раз-ия феодализма в масштабах всемирной тории в III томе кардинальное значение дается нашествию монголов и образо-нию в XIII в. Монгольской державы. Эти ытия, крайне пагубно отразившиеся на зни народов стран Азии и Руси, задер-вшие их нормальное развитие, образуют его рода исторический рубеж. Борьба одов Восточной Европы с монгольскими оевателями приобрела всемирно-истори-кое значение. Она создала для защи-ных таким образом от монголов наро-дов Западной Европы возможность существования в наиболее благоприятных условиях.

Очень важна сама постановка этой проблемы для периодизации истории эпохи развитого феодализма. В целом предлагаемая составителями III тома концепция заслуживает пристального внимания и дальнейшего исследования. Но необходимо было бы подчеркнуть, что, несмотря на всю отрицательность последствий татаро-монгольского нашествия, оно не играло решающей роли в развитии народов. Это был фактор, тормозивший поступательное движение, но не определявший его направление. При этом следовало бы учесть и другие существенные факторы внутреннего развития отдельных стран, ускорявшие или замедлявшие темпы исторического прогресса,— в первую очередь развитие частной собственности, разложение общины, наличие свободных городов, и т. д., и т. п.

Ценны многократные указания составителей тома на спорность или неразрешенность отдельных проблем, хотя сделано это далеко не повсюду. Популярный характер изложения скрывает от неспециалиста огромную исследовательскую работу, проделанную авторами книги, и все же история предстает в III томе не как «истина в последней инстанции», а как живая, развивающаяся наука с конкретно стоящими перед ней важными задачами, еще ждущими своих исследователей. В этом плане хотелось бы дополнительно указать на некоторые спорные и мало разработанные вопросы.

Поскольку в книге нет общего подытоживающего заключения, а «Введение» строго построено по принципу, позволяющему лишь ввести читателя в круг важнейших проблем, освещенных в томе, в нем нет раздела, рассматривающего вопросы, которые могут встать перед читателем после ознакомления — или в процессе ознакомления — с содержащимся во «Всемирной истории» огромным и очень интересным фактическим материалом. Например, в книге не объяснено, в чем заключается прогрессивность перехода к феодализму непосредственно от первобытнообщинного, а не от рабовладельческого (об этом сказано достаточно и хорошо) строя. Это тем более важно, что во «Введении» (стр. 9) специально подчеркнута необязательность перехода к феодализму через рабовладельческий строй. Проблема становления развитых форм феодальной собственности изложена несколько

схематично. Остаются не вполне ясными причины смены полной частной собственности на землю (крупный аллод знати — вотчина) условным военным держанием (бенефиций — поместье). Недостаточно выявлены разные пути формирования феодальной собственности в странах, где в то время еще сохранялась оставшаяся от рабовладельческого строя развитая частная собственность на землю, и в странах, где ее не было. Все это является следствием недостаточной разработанности данной проблемы в нашей науке.

В тесной связи с указанным недочетом находится вопрос о праве перехода крестьян. Лишь в некоторых главах — большей частью вскользь — отмечается его наличие или отсутствие, причины же такой существенной разницы в положении крестьян не вскрыты. Не всегда проводится точное различие между крепостным и феодально-зависимым крестьянством (см., например, стр. 156, 168, 169, 181, 194), между положением крестьян — потомков посаженных на землю рабов и крестьян — потомков свободных. Вообще после появления рецензируемого тома, может быть, впервые с такой ясностью заметно отсутствие у нас монографий по истории крестьянства в отдельных странах (этот пробел заполнен только для Руси книгой Б. Д. Грекова) и в особенности по сравнительной истории крестьянства феодальной эпохи как для Европы, так и для Азии и других частей света.

Перейдем к рассмотрению конкретной истории отдельных стран.

Разделы, посвященные странам Дальнего Востока, отвечают уровню современной исторической науки. Используя многочисленные данные первоисточников, они обобщают тот большой труд, который внесли советские и зарубежные востоковеды в изучение феодального общества в Азии, и не только с интересом будут прочтены широкими кругами читателей, но окажутся полезными и специалистам. Вместе с тем отдельные параграфы отражают недостатки в наших знаниях по истории некоторых стран (Корея, Индо-Китай), говорят о нерешенности отдельных проблем.

Хорошо показан ряд крупнейших народных движений — этих, как говорит Мао Цзэ-дун, истинных движущих сил исторического развития [9]. Восстание Хуан Чао в Китае, выступления крестьянства и городского населения в Японии, особенно в XV в., борьба народов Азии против монгольских завоевателей, сопротивление народов Индии власти Делийского султаната и многие другие героические страницы в истории народных движений нашли отражение на страницах тома. Однако именно в освещении этой стороны исторического процесса обнаруживаются и существенные недостатки.

Во-первых, является упущением то, что некоторые движения, сыгравшие крупную роль в истории народов Востока, не показаны в соответствующих главах. Особенно это заметно в разделах, посвященных сунскому Китаю. Восстания под руководством Сун Цзяна (1121 г.), Фан Ла (1120 г.), Чжун Сяна и Ян Яо (1130—1135 гг.) и многие другие даже не упомянуты. Да и сама история борьбы китайского народа против захватчиков — чжурчженей должна была бы выглядеть гораздо ярче. Во всяком случае, историю народной борьбы не следовало помещать под названием «Борьба империи против чжурчженей». Такого же рода недостаток есть и в разделе, посвященном народным движениям в Индии, что, однако, может быть объяснено скудостью материалов.

Во-вторых, важное положение о значении крестьянских войн и восстаний как движущей силы истории, особенно хорошо подтверждаемое на примере Китая, также оказалось нераскрытым. Между тем это можно и должно было бы сделать, проанализировав результаты крестьянской войны, приведшей к падению власти монголов в Китае. Однако данный принципиально важный вопрос остался неразработанным. Имеется лишь общий тезис (стр. 533).

Некоторые замечания частного порядка. Вряд ли можно считать достаточно обоснованным утверждение, что источниками развития передовой общественной мысли и литературы в VIII в. было сознание учеными и публицистами их «умственного и морального превосходства над знатью» (стр. 281). Расплывчато охарактеризована сущность взглядов реформатора Ван Ань-ши. Ленинская оценка его деятельности [10] требует пристального внимания к этой важной странице в истории общественной мысли и политической жизни Китая и более глубокого анализа взглядов Ван Ань-ши. Следует отметить, что утверждение о складывании элементов капиталистического производства в XV в. в Китае (стр. 537) спорно, и авто-

[9] Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 3. М. 1953, стр. 141.

[10] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 158.

у, как нам представляется, не удалось одкрепить свой тезис фактическим мате-иалом. К числу досадных недостатков от-осится нарушение хронологической после-овательности в главах о Дальнем Востоке Индии, в частности в главе XX тр. 554—556).

★

Главы, посвященные истории Ирана, редней Азии, Закавказья, арабских стран Османской империи, очень конкретны, ильны фактическим материалом, четко ображают исторический процесс. Тща-льный анализ и обобщения позволили ав-рам правильно раскрыть причины и ха-актер важнейших исторических событий и влений, имевших место в этом районе. Уде-ено должное внимание социально-экономи-скому развитию народов Центральной зии, Закавказья и Ближнего Востока. Осо-нно примечательны в этом отношении зделы об Иране, богатые свежим мате-иалом, характеризующим экономику стра-ы в эпоху средневековья. Освещение эко-мического развития дополняется харак-ристикой классовых отношений.

Не меньшее внимание обращено на клас-вую борьбу, прежде всего народных масс эксплуататорами. Показано положение родных масс (конечно, в тех пределах, сколько это возможно при скудости ис-чников), подробно рассмотрены народно-вободительные движения против феодаль-й эксплуатации и иноземного гнета. Надо азать, что история главных народных ижений, происходивших в Средней Азии, кавказье, Иране, арабских странах и манской империи, нашла свое место в иге; полно раскрыты причины и ход каж-го из движений. В ряде случаев сделаны пытки определить место и значение кон-етных народных движений в общей исто-и страны. К сожалению, в книге не гово-тся о восстаниях египтян в 1302 и 2 гг., из которых особенно важно второе попытка ликвидировать политическую сть мамлюков.

Достаточно полно представлены основ-е факты из политической жизни назван-х стран и их внешних отношений. В част-ти, это следует сказать об экспансии ту-в Европу. Правильно указаны пагуб-е последствия турецкого владычества для оренных народов. Следовало бы, одна-подчеркнуть, что османское завоевание только «замедлило развитие покоренных канских стран» (стр. 740), но и отбро-сило их далеко назад, так как балканские народы находились на значительно более высоком уровне развития, нежели их завоеватели.

Ряд разделов посвящен культуре народов Средней Азии, Закавказья и стран Ближнего Востока. Здесь содержатся не только общие оценки культуры, но и характеристики важнейших памятников духовной и материальной культуры, сведения о выдающихся ее представителях и т. д.

К сожалению, эти главы не лишены недостатков. Вследствие чрезмерно сжатого, подчас даже беглого изложения остались неосвещенными некоторые важнейшие события и явления. Например, в разделе о государстве так называемых «Великих сельджуков» не нашел отражения интереснейший период его истории, связанный с именами Мелик-шаха и Низам ал-Мулка, автора знаменитой книги об управлении государством (стр. 498—499). В разделе о Буидах есть утверждение: «Буиды покровительствовали шиизму» (стр. 497). Никаких объяснений к нему не дано, и читатель вынужден сам догадываться, чем было вызвано такое покровительство и какое значение оно имело в истории Ирана.

Не совсем удачно показано начало образования Османской империи. Судя по изложению, авторы, очевидно, полагали, что маленький Османский эмират оказался в силах в сравнительно короткий срок завоевать Балканский полуостров и создать мощную Османскую империю. В действительности дело обстояло совсем иначе. Верно, что Румский султанат распался на ряд эмиратов (при этом не на десять, как сказано на стр. 733, а на большее число, так как одних только крупных эмиратов было двенадцать). Но при объяснении причин быстрого роста Османской империи важно иметь в виду, что турки Румского султаната, просуществовавшего 230 лет, вместе с ассимилированными ими представителями местных народностей населяли почти всю Малую Азию. Они и послужили тем резервом, откуда черпали силы для своих завоеваний османские эмиры и султаны, государство которых в силу ряда обстоятельств стало центром объединения малоазийских турок.

При освещении причин роста Османской империи слишком подчеркнуты военные преимущества турок-кочевников. Как известно, турецкие победы объяснялись в первую очередь тем, что в Византии и других государствах Юго-Восточной Европы цари-

ли феодальная раздробленность и междоусобицы.

Следовало более четко осветить феодальные отношения в Турции XV—XVI вв. и показать их в сравнении с феодализмом на Западе. Этот вопрос важен для истории не только Османской империи, но и стран, находившихся в течение столетий под ее гнетом. Для уточнения укажем, что зеаметы получили широкое распространение лишь с середины XVI века. Хассами владели не только члены султанской семьи и высокие должностные лица, но и крупные феодалы — управители областей. В XV в. существовали также крепостные деревни, заселенные рабами-издольщиками. Право розыска беглых крестьян было установлено не при Мехмеде II (стр. 736), а при Сулеймане Кануни, иными словами, не в XV, а в XVI в., притом оно предусматривало преимущественно не 10, а 15 и даже 20-летний срок (известен лишь один указ от 1487 г., изданный при Баязиде II, о предоставлении такого права ленникам санджака Худавендигяр, то есть Северо-Западной Анатолии).

Некоторые из рассматриваемых в главах вопросы слабо или вовсе не изучены. Между тем они порой излагаются так, будто давно решены исторической наукой. Например, восстание зинджей в IX в. без всяких оговорок, но и без должного обоснования рассматривается как рубеж, отделявший период раннего феодализма от феодализма развитого (стр. 120). То же можно сказать о характере социальных отношений в Средней Азии V—VII вв., о характере борьбы в городах Ирана в XII — начале XIII в., о времени сложения азербайджанской и узбекской народностей и т. д.

★

В III томе история восточных славян, русского народа и Руси впервые рассматривается как составная и причем существенная часть всемирной истории. Оценивать труд авторов разделов, посвященных русскому народу, следует прежде всего с точки зрения успешного разрешения ими важного и сложного вопроса о месте Руси в мировом историческом процессе. С этой задачей авторы справились, по нашему мнению, успешно.

Четко и ясно, в полном соответствии с имеющимися в нашем распоряжении письменными источниками и памятниками материальной культуры определено место восточных славян в судьбах Европы на двух важных этапах исторического развития, а именно: в VI в., когда о восточных славянах заговорили письменные источники, и в IX столетии, когда уже возникло Древнерусское государство (стр. 241 и сл.).

Касаясь роли славян в судьбах Византийской империи и отмечая их массовое переселение за Дунай — на территорию Балканского полуострова,— автор отмечает, что славянские племена с их первобытно-общинным строем жизни содействовали эволюции социальных отношений в Византии от рабства к феодализму (стр. 244).

В III томе подчеркивается, что «время с VI по IX в.— это еще последняя стадия первобытнообщинного строя, время классообразования и незаметного на первый взгляд, но неуклонного роста предпосылок феодализма» (стр. 242). В главе делается вывод о наличии у восточных славян сдвигов «в социально-экономических отношениях к IX—X вв.» (стр. 246), о формировании в IX—X вв. антагонистических классов феодального общества (стр. 247). Следует признать обоснованным утверждение, что «при всей постепенности и медленности процесса феодализации можно все же указать определенную грань, начиная с которой имеются основания говорить о феодальных отношениях на Руси. Этой гранью является IX столетие» (стр. 248). Напомним, что В. И. Ленин считал необходимым датировать феодализм на Руси IX веком. Так, он писал: «...крепостничество м о ж е т удержать и в е к а м и держит миллионы крестьян в забитости (напр., в России с IX по XIX век...)» [11].

Хронологические вехи крепостнической системы в России, установленные В. И. Лениным, уместно еще раз подчеркнуть, потому что совсем недавно у нас наблюдалось стремление относить начало развития феодальных отношений у восточных славян чуть ли не ко времени, предшествовавшему появлению сведений о них в письменных источниках, причем едва ли не единственным доказательством этой концепции служили памятники так называемой черняховской культуры, приписываемой славянам [12].

[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 348.

[12] На страницах журнала «Советская археология» (1957, № 3) помещена статья М. Ю. Брайчевского, вновь пытающегося отстаивать эту точку зрения. См. М. Ю. Брайчевский. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э.

акая произвольная трактовка проблемы арождения и развития феодальных отношей у восточных славян вызвала серьезные зражения некоторых историков и археогов [13]. Тщательное изучение различных атериалов, имеющихся в распоряжении сследователей, дает основание присоединиться и к другому выводу автора: «Из исочников можно вынести совершенно опреленное впечатление, что в IX в. у восточых славян уже образовалось феодальное сударство» (стр. 248).

Переход Руси непосредственно от первотнообщинного строя к феодализму, миуя рабовладельческую формацию, ставится связь с тем, что рабство изжило себя во семирно-историческом масштабе к тому ремени, когда у восточных славян начался паспад доклассового общества. Это полоение вполне справедливо. Но следовало ы тут же (стр. 247) подчеркнуть специфиеские географические условия, в которых ило и трудилось славянское население осточной Европы [14]. Именно этими факто-ами и определялось то различие между верной и южной областями расселения сточных славян, которое было обусловле главным образом неодинаковым уровнем звития земледелия, что, в свою очередь, звало некоторое отставание севера в эвоции социальных отношений. Надо приать необоснованными имевшие место в тературе [15] попытки игнорировать это вершенно правильное утверждение, еще з подчеркнутое в III томе (стр. 246).

Следует сделать еще одно замечание по воду проблемы утверждения на Руси не бовладельческих, а феодальных отношей. В развитии нашей науки было время, гда постановка вопроса о социальной ироде Киевской Руси являлась понятной, евременной и необходимой. Этой цели и ответствовал доклад «Рабство и феодазм в Киевской Руси», прочитанный Д. Грековым четверть века тому назад и вызвавший оживленную дискуссию [16]. Марксистско-ленинский анализ письменных источников, новых материалов, добытых главным образом кропотливым трудом археологов, дал возможность решить спор в пользу феодальной природы Киевской Руси. И, тем не менее, в самой постановке вопроса — почему Киевская Русь миновала рабовладельческую стадию развития — остается неясность, и авторы работ, посвященных данной теме, ищут ответ в разных явлениях исторического прошлого восточного славянства, считая феодальный путь их общественного развития исключением, которое надо объяснить, тогда как рабство в его античной форме является именно законом общественного развития.

Но ведь античный вариант рабовладельческого общества характерен только для Средиземноморья, и особенно для древней Греции и Рима. Многие народы Европы, как, например, германцы, не знали рабства в его античном виде. Не знали его рабовладельческие и феодальные общества Дальнего Востока. Не знали его и славяне. Ф. Энгельс писал: «Не всякому раб приносит пользу. Чтобы быть в состоянии извлечь из него пользу, нужно располагать вещами двоякого рода: во-первых, орудиями и предметами труда и, во-вторых, средствами для скудного пропитания раба. Следовательно, прежде чем рабство становится возможным, должна быть уже достигнута известная ступень в развитии производства и известная ступень неравенства в распределении. А для того, чтобы рабский труд стал господствующим способом производства во всем обществе, требуется еще гораздо более значительное повышение уровня производства, торговли и накопления богатств» [17].

На Руси в период разложения первобытнообщинных отношений не было таких благоприятных условий для возникновения крупных рабовладельческих хозяйств, какие имелись в Греции и Риме. Древняя Русь была знакома с рабством, но на ее территории оно не носило античного характера, и такого рода ход общественного развития, который имел место у славян, нуждается в объяснениях не в меньшей степени, чем путь социального развития Греции и Рима. Громадную роль в возникно-

---

[13] См. «Обсуждение вопроса о генезисе одализма в России и о возникновении евнерусского государства». «Вопросы ории», 1956, № 3, стр. 202—205.

[14] См. К. Н. Тарновский. Предпоки возникновения феодализма у восточк славян. «Вопросы истории», 1954, № 4; В. Созин. К вопросу о причинах пере-а восточных славян от первобытнообнного строя к феодализму. «Вопросы ории», 1957, № 6.

[15] См. С. А. Тараканова. Длинные и иненные курганы. «Советская археоло», 1954, № 19, стр. 108 и сл.

[16] См. также Б. Д. Греков. Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим? Журнал «Историк-марксист», 1939, № 4, стр. 134—142, 191—194.

[17] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М. 1957, стр. 150.

вении феодальных отношений в условиях распадавшегося, разлагавшегося первобытнообщинного строя сыграла славянская соседская сельская община. У славян патриархальный род успел переродиться в сельскую общину, которая создала условия для появления именно феодальных отношений как в результате закабаления, так и в результате захвата общинных земель, превращения дани в ренту, а свободных общинников — в феодально-зависимый люд. Все это подтверждает на материале Руси известное положение Ф. Энгельса о том, что «в первобытных общинах, с общей собственностью на землю, рабство либо вовсе не существовало, либо играло лишь весьма подчиненную роль» [18].

В книге не отрицается, что варяги «иногда сами становились князьями» (стр. 248), что в Новгороде «захватил власть варяжский конунг Рюрик» (стр. 249), как не отрицается и варяжское происхождение Олега (стр. 250). Но автор справедливо отмечает, что норманны не могли ни содействовать, ни мешать процессу развития феодальных отношений на Руси (стр. 248). В данном разделе, написанном, к сожалению, весьма лаконично, следовало остановиться на так называемой «норманистской теории». Похороненная ходом развития исторической науки, она представляла бы только историографический интерес, если бы не гальванизация ее представителями «неонорманизма». Специфический характер издания, рассчитанный на широкие круги читателей как у нас в стране, так и за рубежом, требовал от авторов «Всемирной истории» последовательного и решительного разоблачения реакционных, тенденциозных, ревизионистских взглядов на исторический процесс, тем более, что активность «исследователей», высказывающих такого рода точки зрения, за последнее время усилилась. Достаточно сказать, что в той или иной степени норманскую концепцию происхождения Древнерусского государства поддерживают авторы почти 150 произведений, опубликованных за последние 15 лет на английском, шведском, датском, французском, немецком и других языках. Пройти мимо этого явления нельзя, и в той или иной форме рецензируемый том должен был отразить состояние исследований по столь важному вопросу, как начало русской государственности. Нескольких же строк на стр. 248 о норманистской теории явно недостаточно.

[18] Там же.

В то же время следует отметить, что в III томе дается правильное изложение основных точек зрения по вопросам генезиса Русского государства.

В III томе категорически и справедливо отрицается норманское происхождение терминов «рос» — «рус». «Русь» не скандинавское слово. Времена викингов его не знают. Термины эти очень древнего происхождения и как топонимические и как этнические. Уже в первые века нашей эры в Восточной Европе обитали аорсы, роксаланы, росомоны, росы. С первой половины IX в. в византийских и других источниках встречаются термины «рос» — «рус», тесно связанные с югом и с южной географической и этнической терминологией. Если вместе с Поднепровьем и Причерноморьем принять во внимание множество местных названий с основой «рус» (на Волыни, в Прикарпатье и Закарпатье), то окажется, что термин «рус» впоследствии становится характерным для всей южной территории восточного славянства. Если первоначально, судя по летописи, договорам русских с греками, свидетельству Константина Багрянородного, «Русь», «Русская земля» — это Киев, Чернигов, Переяславль, земля зарождающегося Древнерусского государства, то с течением времени понятие «Русь» охватывает весь восточнославянский мир и начинает обозначать Древнерусское государство.

Изложенная точка зрения в основном разделяется большинством советских исследователей (см. работы Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, П. Н. Третьякова, А. Н. Насонова, А. И. Козаченко, Л. С. Тивериадского и др.).

Но вряд ли можно вслед за автором данного раздела считать славянским народ «рос» (стр. 244), упоминаемый в сирийских источниках VI в. (Псевдо-Захария). Для этого нет никаких оснований.

Известия о народе «рос», соседнем амазонкам, в которых усматриваются сарматы с их большой ролью женщин в жизни племени, ни в коей мере не могут служить указанием на его славянское происхождение. Нельзя же признать в качестве неопровержимых доводов в пользу таких утверждений то, что у «росов» «огромные члены тела», из-за чего «кони не могут носить их», и что у них («росов») «оружия нет» [19].

[19] А. П. Дьяконов. Известия Псевдо-Захария о древних славянах. «Вестник древней истории», 1939, № 4, стр. 84;

Отсутствуют какие-либо основания говорить и о наличии славянского племени (именно племени!) «русь» (стр. 244—245). Когда поляне стали «русью», они уже не были племенем, а «руцци» Географа Баварского (IX в.) могут обозначать население Среднего Приднепровья уже тех времен, когда оно являлось «Русью», «русами».

Важным является вопрос о зарождении и развитии на Руси феодальной земельной собственности и ее формах. Изучение его, как известно, наталкивается на такую трудность, как чрезвычайная скудость источников о феодальном землевладении.

Нельзя было не уделить внимания столь своеобразным формам господства и подчинения, как «полюдье», такой специфической форме земельного пожалования и феодальной собственности на землю, какую представляют собой «вассалитет без феодалов и феоды, состоящие только из дани»[20]. Достаточно вспомнить известное сочинение Константина Багрянородного «De administrando imperio», рассказ «Повести временных лет» и Новгородской IV летописи о Свенельде, которому Игорь пожаловал дань с земель древлян и уличей[21].

В главе XXXII, посвященной Руси в период феодальной раздробленности, дается интересная трактовка борьбы центробежных и центростремительных сил, правильно подчеркнуто, что русские города, в свое время способствовавшие феодальному раздроблению страны, на новом этапе развития феодального общества обусловили ее объединение (стр. 454—455).

Особенно важной проблемой среди круга затронутых вопросов является объединение русских земель вокруг Москвы и образование централизованного государства. Следует признать правильным, что в главе о Руси XIV—XV вв. образование централизованного государства датируется концом XV в. (стр. 768—769). Верно ставится знак равенства между понятиями «Единое Русское государство» и «Русское централизованное государство».

Во всех главах показано место Руси в политической и культурной жизни Европы, что чрезвычайно важно. Но именно в освещении этих вопросов есть недостатки. Авторы не раскрыли вклада русского народа в культуру народов, говоривших на финно-угорских, балтийских и тюркских языках, живших на территории Восточной Европы и находившихся либо в составе Древнерусского государства, либо под его влиянием. Материала же для освещения этого вопроса больше, чем достаточно. Известно огромное воздействие русской культуры на культуру народов Прибалтики. Если в III томе не удалось показать в должной мере роль Руси в историческом развитии этих народов, то в разделе «Русь и соседние народы» в XII—XIII вв. (стр. 464—466) оказались совсем не связанными с русскими те народы и племена, о которых мы читаем.

В разделах, посвященных феодальной раздробленности на Руси, отсутствует анализ классовой борьбы в отдельных русских землях и княжествах, которая обусловила те или иные специфические формы их политического строя. Имеет место лишь констатация отдельных фактов классовой борьбы, их описание. Но последствия выступлений народных масс остались вне поля зрения автора. Между тем специфика политического строя Галицко-Волынского княжества, Новгорода, Владимиро-Суздальской земли не может быть понята без анализа классовой борьбы и борьбы внутри господствующих группировок (стр. 456—459)[22]. Антагонизм между боярами и князьями не может объяснить все явления политической жизни русских княжеств (стр. 458).

Нельзя считать, что результатом нашествия Батыя и татарского ига была только экономическая отсталость России (стр. 768).

Нуждаются в разъяснениях некоторые вопросы истории крестьянства на Руси. В частности, отсутствуют упоминание о рядовичах, указание на то, что имущество смерда, не имевшего сыновей, идет не господину, а именно князю; не ясно, имели ли право старожильцы уходить в Юрьев день, и др. (стр. 255, 771, 776).

Д. Греков. Киевская Русь. М. 1953, стр. 447.

[20] K. Marx. Secret diplomatic history of the 18-th century. London. 1899, p. 76. В своей статье «К. Маркс и Ф. Энгельс об историческом развитии России» («История СССР», 1958, № 3) Р. П. Конюшая, отмечая специфическую особенность данного произведения К. Маркса, задуманного как памфлет, констатирует, что в нем «историк находит... интересные высказывания Маркса относительно древнего русского государства» (стр. 17).

[21] «Повесть временных лет». Т. I. М.-Л. 1950, стр. 39; «Новгородская IV летопись», стр. 27; «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье». «Известия» ГАИМК. Вып. 91. М.-Л. 1934; стр. 10.

[22] См. М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М. 1955.

★

Освещение истории западных и южных славян дается в ряде глав (V, XIV, XXVIII, XXIX, XLIV). Сообщаются сведения о территории, занятой древними славянами в первые века новой эры, об основных группах, на которые славянство распалось в дальнейшем, об общественном строе у славян в VI веке. Рассматривается возникновение и развитие феодальных отношений в южно- и западнославянских государствах VII—XI веков. Важное место занимает изложение борьбы славянских народов против чужеземных захватчиков.

Вместе с тем необходимо сказать, что не всюду с достаточной полнотой освещены такие важнейшие вопросы истории западных и южных славян, как возникновение феодальных отношений, формирование феодальной собственности на землю, образование государства. Часто авторы, по-видимому, удовлетворялись тем, что данные проблемы освещены уже во всемирно-историческом масштабе во «Введении», и не считали нужным повторять для каждой славянской страны общие места. В особенности этот недостаток касается вопроса о формах феодальной собственности на землю у славян. Во «Введении» описываются аллод, бенефиций, феод. Однако из глав о славянах читатель не узнает, были ли присущи эти формы хозяйству славян. Один раз встречается упоминание об условных феодальных держаниях (см. стр. 238, раздел о Польше X—XI в.) и довольно часто приводится термин «поместье» (см. стр. 428, 434, 695 и др.), употребление которого без соответствующих разъяснений, подобных сделанному во «Введении» для Руси (стр. 11), едва ли можно считать правильным. При этом обращает на себя внимание, что в разделах о западных славянах обстоятельно показано, как происходил процесс становления феодальных отношений у поляков и чехов (см. стр. 233, 236—237). При изложении же истории южных славян вопрос о возникновении феодальных отношений у болгар, сербов, хорватов оказался обойденным. Между тем он имеет особый интерес для изучения именно южных славян, учитывая, что они переселились на Балканский полуостров. Очень важно было показать, какой стадии общественного развития достигли славяне к моменту прихода на Балканы, с какими формами общественной жизни столкнулись здесь и как в этой сложной обстановке возникли у них феодальные отношения, складывалась феодальная собственность на землю. Из текста книги читатель узнает только, что «к началу X в. крупное землевладение получило в Болгарии довольно большое распространение» (стр. 225).

Недостаточно четко и определенно раскрыта проблема образования государства у южных славян. Авторы лишь констатируют самый факт появления первых государственных объединений и описывают их (стр. 224 — для Болгарии, стр. 228 — для Сербии и Хорватии), умалчивая о том, чем было вызвано их образование. Мало внимания уделено вопросу о возникновении и развитии городов как центров ремесла и торговли. О Болгарии сообщается лишь, что «одним из показателей хозяйственного подъема являлось значительное строительство, происходившее тогда во многих болгарских городах... Эти города были уже не только военно-административными центрами, но постепенно становились и средоточием ремесла и торговли» (стр. 225—226). Об остальных южных славянах не говорится и этого. Правда, в книге приводятся сведения о городах Адриатического Поморья, но материалы касаются только их строя (стр. 229) или борьбы с Венецией (стр. 425), но не экономического развития.

Авторы внимательно отобрали и осветили важнейшие факты экономической и политической истории славян, описали положение народных масс. Однако не совсем ясно изложен вопрос о феодальной ренте в южнославянских странах. Как следует из текста, в Болгарии в X в. феодально-зависимые крестьяне несли барщину («властельские работы») в пользу землевладельцев и налоги натурой в пользу государства и церкви (см. стр. 225, 226). Иными словами, натуральная рента еще не была известна. Но на стр. 420 сообщается о платежах и повинностях в пользу государства и феодала, существовавших до завоевания Болгарии Византией, из чего можно заключить, что натуральная рента в X в. уже взималась. Вопрос о формах ренты в Сербии и Хорватии совсем обойден. При изложении истории Польши в главе XLIV (стр. 706—716) авторы ни словом не упомянули о происходившей здесь со второй половины XV в. важнейшей перемене в положении крестьян, состоявшей во введении барщинно-крепостнических отношений. Проблема возникновения и развития барщинно-фольварочной системы в Польше и других странах к востоку от Лабы включена в

состав IV тома «Всемирной истории». Нам, однако, представляется, что применительно к данной стране этот важнейший вопрос следовало затронуть и в III томе.

Имеются некоторые шероховатости в освещении проблемы классовой борьбы у славян. В разделах о болгарах описывается богомильское движение (стр. 226—227), рассказывается о выступлениях народных масс против иноземных и собственных феодалов (стр. 421—423), но обходятся молчанием пассивные формы антифеодальной борьбы, применявшиеся чаще. Вопрос о классовой борьбе у сербов и хорватов совсем не ставится, если не считать упоминания о распространении богомильского движения и в некоторых других, кроме Болгарии, южнославянских странах (см. стр. 227).

В разделах о западных славянах уделено достаточно места классовой борьбе в городах и высшим формам ее в деревне — восстанию 1037—1038 гг. в Польше (стр. 239—240), гуситским войнам в Чехии (стр. 701—706). Но недостаточно раскрываются другие формы сопротивления (бегство крестьян, отказы от выполнения повинностей и др.). Между тем всесторонний показ разнообразных форм классовой борьбы в эпоху феодализма значительно обогатил бы изложение.

Следует отметить, что авторам и редакторам тома не удалось избежать неравномерности в освещении истории отдельных славянских народов, хотя исследовательский материал и имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяли это сделать. Так, освещению истории западных славян (чехов, словаков и поляков) уделено больше внимания, чем истории южных славян. Если в XIV главе это еще незаметно, то в дальнейшем ощущается все сильнее. Истории западных славян отводятся целые главы, в то время как южных славян — лишь части их. При этом не всегда понятно объединение материала, как, например, в XXVIII главе. Составители, очевидно, руководствовались соображением, что в период XI—XII вв. южные славяне находились под византийским игом. Однако это обстоятельство едва ли может служить основанием для объединения их в одну главу с Византией. Важно было бы, наоборот, выделить изложение истории южнославянских государств в отдельную главу. Пусть в ней были бы те же самые шесть страничек, что и прежде, - ее малые размеры не должны служить препятствием для выделения в самостоятельную главу. Встречаются же небольшие по объему главы в томе (например, III — о Японии, составляющая пять с половиною страниц; XIX — о ней же — пять страниц, XXXI — о валашских, молдавских и трансильванских землях в IX—XIII вв. — немногим больше двух страниц).

С объединением истории южных славян с историей Венгрии, Молдавии, Валахии, Трансильвании и Византии в главе XLVIII можно было бы еще согласиться, если бы название главы — «Борьба народов Юго-Восточной Европы против агрессии турецких феодалов» — оправдывалось ее содержанием. Но ближайшее ознакомление с последним показывает, что большую часть раздела, посвященного здесь южным славянам, занимает история болгарского, сербского, хорватского народов в период XIII—XIV вв., то есть с момента освобождения от византийского ига, а героической борьбе их против агрессоров отведен лишь последний параграф в полторы страницы.

Неудачны названия некоторых глав, в частности, XIV — «Возникновение и развитие феодальных отношений в южнославянских и западнославянских государствах». Рабовладельческие славянские государства истории неизвестны, поэтому понимать эти государства можно только как раннефеодальные, что действительно и мыслится авторами. Правильно было бы сказать «в странах». Как уже указывалось, название XLVIII главы не соответствует ее содержанию. Неточно название и второго раздела главы XLIV — «Создание единого Польского государства». Содержание раздела, в котором имеются такие параграфы, как «Рост ремесла и торговли» (в XIV—XV вв.), «Грюнвальдская битва 1410 г. Польша и гуситские войны», «Участие Польши в борьбе с агрессией турецких феодалов» (в XIV—XV вв.) и т. д., далеко выходит за рамки названия.

Сомнительно название второго раздела главы XIV — «Полабские славяне в VI—XI вв.», — поскольку он начинается с совершенно неуместного здесь параграфа «Расселение западнославянских племен», в котором речь идет о расселении не только «полабских», но и ряда западнославянских племен, хотя почему-то польские племена не упоминаются. Ознакомившись с этим параграфом, читатель может прийти к ошибочному выводу, что чехи, моравы и словаки, так же как лютичи и бодричи, при-

надлежали к «полабской» группе западного славянства. Затруднения редакторов при разрешении проблемы построения этой главы понятны, но нельзя сказать, чтобы выход был найден ими удачно.

Несомненным достоинством III тома «Всемирной истории» является наличие специальных параграфов о культуре южных и западных славян. Однако редакторы не продумали размещение материала по главам. В результате соответствующий параграф для Чехии в XIV главе отсутствует. О культуре Чехии в IX—X вв. говорится в главе XXIX, где речь идет об XI—XIII вв. (см. стр. 427—434). Между тем в параграфе о ранней культуре Польши (см. стр. 240) отмечается проникновение в эту страну церковной литературы из Чехии, и читателю, вероятно, удобнее было бы здесь же прочитать о ранней чешской культуре. Авторам в основном удалось осветить культуру как господствующих классов, так и народных масс, но для Польши этот принцип не выдержан. В книге совсем не упоминается, что народные песни и предания были широко распространены и у поляков.

Не совсем четко изложен вопрос о создании славянского алфавита, о Кирилле и Мефодии и славянских азбуках. Из текста книги читатель вправе решить, что «византийские миссионеры и церковные деятели IX в. Константин (Кирилл) и Мефодий», оформившие славянский алфавит для болгар (стр. 230), не имели ничего общего с «проповедниками христианства в Моравии», одному из которых приписывается составление славянской азбуки — кириллицы (см. прим. 1 к стр. 231), и с теми Константином и Мефодием, которые были направлены Византией в Великоморавию (стр. 234). Слишком уж оторваны друг от друга и никак не связаны между собою сведения о деятельности солунских братьев в Болгарии и Великоморавии. При таком изложении материала читатель имеет все основания приписать инициативу в создании письменности на славянском языке болгарам, в то время как она исходила из Моравии.

В разделе польской культуры оказалась забытой первая польская хроника Мартина Галла.

Одним из пробелов тома является недостаточное внимание к истории полабских славян. По существу, ей посвящено всего полстраницы в XIV главе (см. стр. 232). Здесь сообщены кратчайшие сведения о развитии у полабских славян производительных сил в VI—XII вв., политическом строе и даже культуре. В конце параграфа вскользь упомянуто об их борьбе против агрессии немецких феодалов. Но борьбе полабских славян за независимость, хотя она не раз принимала внушительные размеры (вспомним, например, восстание 983 г.), не посвящено специального раздела. О полабских славянах вспоминается, когда говорится о Карле Великом (стр. 151), в разделе «Германия в IX — начале XII в.» (стр. 174), в главе XXV («Германия в XII—XIII вв.», стр. 377—378). Здесь очень кратко рассказывается о походах Карла, а затем германских императоров и феодалов против полабских славян и еще короче о сопротивлении последних. Нам представляется, что борьбе полабских славян за свою независимость следовало бы отвести специальные разделы.

★

История западноевропейского феодализма разработана в науке значительно полнее и подробнее, чем история развития феодализма у народов, населяющих другие части света. По истории западноевропейского феодализма накоплен обширный и разнообразный фактический материал, по многим проблемам выдвинуты научные концепции, неразработанных и спорных вопросов осталось сравнительно меньше, чем, например, по истории феодализма стран Востока. Поэтому для авторов соответствующих глав основные трудности заключались в соблюдении надлежащих пропорций и в тщательном отборе фактов. Можно считать, что эти трудности преодолены. Хотя, как и следовало ожидать, истории стран Западной Европы уделено должное внимание и много места, она справедливо не рассматривается как ведущее начало в мировом историческом процессе, и роль ее не преувеличена.

Важнейшие проблемы западноевропейского феодализма поставлены и разрешены удачно. Исключение составляет вопрос о феодальных народностях, еще слабо изученный в советской историографии.

Один из труднейших вопросов — генезис феодализма — рассмотрен на классическом образце франкского общества VI—IX вв. с большой полнотой и разносторонностью (гл. IX). В следующих главах, освещающих историю Франции, Германии и Италии IX—XI вв., Англии и Скандинавии VII—IX вв., Испании VI—XI вв. и Визан-

тии VII—XI вв. (несовпадение хронологических рамок для истории раннего средневековья в данных странах хорошо показано на фактическом материале), четко охарактеризованы местные особенности процесса феодализации и выявлены главные причины этой специфики.

Период развитого феодализма изложен (в соответствии с общей структурой тома) в двух группах глав (части III и V). Для стран Западной Европы деление на XII—XIII вв. и XIV—XV вв. особенно удачно, поскольку XIV—XV столетия являются в истории этих стран действительно особым периодом, когда появились первые признаки разложения феодального строя. Различные особенности в социально-экономических отношениях, в складывании народностей при феодализме и в политической истории во всех странах описаны кратко, но ясно. Удачно помещение параграфов по истории культуры вслед за общей историей отдельных стран. Тем самым показаны истоки и главные черты формировавшейся национальной культуры в каждой стране. Особенно выпукло сделано это на страницах, посвященных культуре раннего итальянского Возрождения.

В итоге данная в томе общая картина развития феодализма является не только очень конкретной и теоретически осмысленной, но и отчетливо показывает многообразие форм западноевропейского феодализма при наличии единства закономерностей развития в его основных чертах. Применительно к общим задачам, поставленным перед томом в целом, такой четкий итог рассмотрения западноевропейских отличий феодальной формации особенно важен для сравнения их с феодализмом в странах Азии.

Материал для характеристики развития феодализма отобран удачно, и основные явления и факты всех сторон исторического процесса в средние века нашли свое отражение. Много внимания уделено истории классовой борьбы. Учтены результаты новых исследований, проделанных уже немалым отрядом советских медиевистов по истории крестьянства, городов и культуры стран Западной Европы [23]. Основанные на обширном материале, эти исследования дали возможность не только включить в изложение свежие и ценные сведения, но и систематически выдерживать в соответствующих главах правильную пропорцию между параграфами, посвященными социально-экономическим отношениям и политической истории. В итоге последняя занимает должное место и не выдвинута на первый план в ущерб изложению глубинных процессов, определяющих основные пути развития народов.

В известной мере (правда, это можно было бы сделать полнее) в томе отражены итоги новых исследований прогрессивных зарубежных историков.

Кроме указанных в начале рецензии общих замечаний, относящихся также и к отображению истории Западной Европы, можно отметить недочеты лишь частного характера. Отметим некоторую диспропорцию в освещении ряда вопросов. Очень хорошо, с интересными деталями, изложена история культуры Англии англо-саксонского периода. Можно пожалеть лишь, что аналогичных деталей нет в разделах о культуре Галлии, а также Франции, Германии и Италии IX—XI веков. В книге упоминаются труды Беды, но совершенно неоправданно забвение произведений Григория Турского, Павла Дьякона, Исидора Севильского и других. Не освещена и интереснейшая ранняя ирландская культура. Неравномерность освещения отдельных исторических процессов, фактов и памятников можно проиллюстрировать и на других примерах. Так, в книге отмечено формирование территориальных княжеств в Германии (стр. 179), однако применительно к Франции об этом процессе не говорится. Рассказывается о записанных в XIII в. памятниках феодального права в Германии (стр. 384), но умалчивается об аналогичных источниках во Франции, Англии, Испании и т. д.

При описании итальянской испольщины (стр. 608 и 619) авторы не отметили ее прогрессивные (по сравнению с чисто феодальной рентой) черты, которые дали Марксу основание охарактеризовать испольщину как форму, переходную к капиталистической ренте [24]. На стр. 619 процесс феодальной реакции описан так, что создается впечатление, будто консервация испольщины была хуже, чем «простое возвращение к крепостничеству». В итальянской испольщине конца XV в. сохранилось много пережитков феодальной эксплуатации, тем не менее это не значит, что она целиком утратила свою основную характеристику, данную Марксом.

---

[23] См. литературу, указанную в конце тома для отдельных глав.

[24] См. К. Маркс. Капитал. Т. III. М. 1955, стр. 815—816.

Неудачно сказано (стр. 333), что типичный феодальный способ производства нашел свое отражение в «Иерусалимских ассизах», поскольку в этом памятнике совсем нет данных о производственных отношениях; названный памятник касается лишь феодальной иерархии, политических и судебных прав феодалов. Именно это и подразумевал Ф. Энгельс, отмечая, что Иерусалимское королевство «оставило после себя в «Иерусалимских ассизах» наиболее классическое выражение феодального порядка» [25].

Вряд ли для положения французского крестьянства в целом в XIII в. типична картина, рисуемая в отрывке из «Поэмы о версонских вилланах» (стр. 344—345). Преобладающие в ней барщинные повинности и крепостные поборы были для того периода — особенно в Нормандии — скорее исключением, чем правилом, и относятся именно к данному нормандскому монастырю.

В применении к средневековым городам, которые сохранились еще от римских времен, неправильны такие выражения, как «возникли», «появились». На стр. 182 говорится, что в Италии «в IX в. наряду с такими уже существовавшими прежде крупными центрами, как например Венеция, Генуя и Флоренция, возникли новые города в Ломбардии и Тоскане (Павия, Верона, Кремона, Милан, Пиза и Лукка)». Эту фразу нельзя понять иначе, как решив, что все перечисленные в скобках города именно возникли в IX веке! К тому же в тот период Венеция, Генуя и Флоренция еще не были крупными центрами. Нет полной ясности в вопросе о причине замедленного развития феодализма в скандинавских странах (стр. 196). Следовало бы подробнее остановиться при этом на замедленном развитии производительных сил в земледелии, являющемся основной отраслью производства при феодализме.

★

Рецензируемый том снабжен необходимыми картами, хронологической таблицей, рекомендательной библиографией на русском и иностранных языках, именным и географическим указателями. Приводится большое количество иллюстраций, многие из них воспроизведены неплохо, хотя краски почти везде оставляют желать лучшего. Но подбор иллюстраций не всегда удачен. На стр. 386 автор отмечает высокое совершенство статуй Наумбургского и Бамбергского соборов. Почему бы не воспроизвести их? На стр. 675 подробно описана специфика английской готики. Насколько выразительнее было бы это описание, если бы рядом имелась фотография какого-либо из английских соборов XV века! Хотелось бы видеть под некоторыми иллюстрациями более точные подписи. Что значит, например, такое указание на источник, откуда взята иллюстрация: «Из собрания миниатюр VI—XII вв.» (стр. 155)? Из каких именно рукописей почерпнуты многие иллюстрации? Если это почему-либо нельзя было отметить в тексте, то очень удобной формой для помещения точных справок мог бы служить специальный список в конце книги. В томе имеется лишь список цветных иллюстраций, описанных вполне хорошо, и список рисунков, помещенных в начале и в конце глав, но последний сделан в той же лаконичной манере, что и подписи под рисунками в тексте.

В целом III том «Всемирной истории» заслуживает высокой оценки. Этот большой труд нужен как широкому кругу советских читателей и учащейся молодежи, так и историкам.

Несомненно большое международное значение III тома, как и других томов данного издания. Излагаемая в них марксистско-ленинская концепция истории человеческого общества опровергает идеалистические толкования всемирной истории, даваемые в трудах буржуазных авторов. Влияние советской «Всемирной истории» на формирование у прогрессивной части буржуазных ученых правильных представлений об историческом процессе должно быть исключительно велико.

Г. В. Ефимов, А. Д. Люблинская, В. В. Мавродин, Н. Д. Миклуха-Маклай, А. Д. Новичев, Л. В. Разумовская,

[25] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1953, стр. 484.

Andrew ROTHSTEIN. *The Munich Conspiracy*. London. 1958, 320 p.
Э. РОТШТЕЙН. *Мюнхенский сговор*. Лондон. 1958.

Международные отношения кануна второй мировой войны неизменно привлекают внимание исследователей. Важное место среди событий этого периода занимает совещание глав правительств Великобритании, Франции, Германии и Италии 29—30 сентября 1938 г. в Мюнхене, на котором было принято решение о передаче Германии Судетской области и ряда других районов Чехословакии. Политический смысл этого решения был вскрыт уже в отчетном докладе ЦК ВКП(б) на XVIII съезде партии. В докладе указывалось, что районы Чехословакии были отданы Германии в качестве цены «за обязательство начать войну с Советским Союзом». Последовавшие затем события полностью подтвердили правильность оценки, данной съездом. Мюнхенский сговор облегчил агрессорам развязывание второй мировой войны и явился одной из важнейших вех на пути к ней.

Однако почти одновременно с мюнхенским сговором в западных странах начала разрабатываться и распространяться в корне лживая версия о том, что «творцы» Мюнхена якобы искренне стремились к миру, но были коварно «обмануты» Гитлером и т. д. В этой кампании дезинформации, преследующей цель снять ответственность за вторую мировую войну с правящих кругов США, Англии и Франции, принимали и принимают участие не только буржуазные историки, но и государственные ведомства, в частности Государственный департамент США, министерства иностранных дел Англии и Франции, уделившие в своих тенденциозных публикациях большое место Мюнхену.

Проходят годы, но поток «исследований», всячески фальсифицирующих историю мюнхенской политики, не ослабевает. Дело, однако, не только в этом. Теперь даже ответственные политические деятели не могут отрицать, что Мюнхен привел к войне. Выступая по радио 11 сентября 1958 г., Д. Эйзенхауэр, например, говорил: «Разве мы не помним, что слово «Мюнхен» означает напрасную надежду умиротворить диктаторов? ...В Европе умиротворение рассматривали как дорогу к миру. Демократические государства считали, что если они попытаются остановить происходившие события, это будет означать войну. Но именно из-за этих повторных отступлений разразилась война» [1].

Такого рода признания не случайны, и в наши дни они являются не самоцелью, а исходным пунктом для далеко идущих политических выводов. Ссылки на Мюнхен правящие круги США и их союзники используют для «теоретического» обоснования политики с «позиции силы», отказа вести переговоры с СССР. Никто не отрицает, что мюнхенский сговор привел к войне. Но признания этого факта далеко не достаточно для научной оценки Мюнхена; значительно более важно вскрыть классовый характер мюнхенского сговора. Главной причиной, приведшей в Мюнхене к позорному предательству западными державами Чехословакии, было стремление направить германскую агрессию на Восток, подтолкнуть гитлеровцев к нападению на Советский Союз. Правительства США, Великобритании и Франции руководствовались именно этими расчетами, проводя политику сговора с Гитлером.

Восстановление исторической правды о Мюнхене имеет, таким образом, не только научное, но и большое политическое значение. В этом отношении в Советском Союзе сделано немало: в 1948 г. Министерство иностранных дел СССР выпустило два тома «Документов и материалов кануна второй мировой войны», сыгравших важную роль в разоблачении мюнхенской политики западных держав и агрессивных планов германского фашизма. В 1958 г. опубликован советско-чехословацкий сборник «Новые документы из истории Мюнхена». Значение этого сборника трудно переоценить. В нем приводятся новые документы, раскрывающие роль Советского Союза как мужественного и последовательного защитника свободы и независимости Чехословакии. Эти материалы актуальны и в наши дни, когда западногерманские реваншисты открыто выдвигают претензии на некоторые территории в Европе, в том числе на присоединение к Германии бывшей Судетской области. Так, министр транспорта ФРГ Зеебом заявил: «Судетская область принадлежит нам по праву первородства» [2].

[1] «U. S. News and World Report», 19 сентября 1958 г., стр. 108—109.
[2] «Правда», 23 марта 1959 года.

Мюнхенский сговор и международные отношения кануна второй мировой войны являются объектом научно-исследовательской работы большой группы советских историков. Например, вышли в свет монографии, в которых специально разбирается мюнхенская политика западных держав. Этот вопрос исследован и в статьях, опубликованных на страницах советских научных журналов [3]. Мюнхену посвящено и значительное количество неопубликованных диссертаций (А. Попова, Н. Толпыгина, О. Соловьева, В. Полякова и др.). Международные отношения кануна второй мировой войны успешно изучаются и чехословацкими историками [4]. Разоблачению мюнхенской политики посвящена и вышедшая осенью прошлого года в Англии книга Э. Ротштейна «Мюнхенский сговор».

Э. Ротштейн хорошо известен в Англии как прогрессивный публицист и историк [5]. С предысторией Мюнхена автор знаком не только по документам и материалам, но и как очевидец событий. В критические месяцы 1938 г. он находился в Женеве, а в июне того же года посетил Чехословакию, где имел возможность встретиться с некоторыми ее государственными деятелями, в том числе и с Э. Бенешем. Воспоминания современника придают особую ценность его работе, основанной на широком круге источников. Э. Ротштейн использовал советские публикации, находившиеся в его распоряжении к моменту сдачи рукописи в печать в июле 1958 г., прежде всего «Документы и материалы кануна второй мировой войны», а также работы советских и чехословацких историков.

Книга Э. Ротштейна состоит из 14 глав, каждая из которых по существу является обстоятельным очерком разбираемого в ней вопроса. По поводу структуры исследования — хронологической или тематической — можно спорить, но в данном случае в монографии, освещающей предысторию, историю и последствия Мюнхена, автор, безусловно, избрал правильное построение работы. Преимущества расчленения проблемы на отдельные темы очевидны: в конечном итоге события Мюнхена заняли немногие месяцы 1938 г., однако они явились кульминационным пунктом политики «невмешательства» и поощрения агрессора, проводившейся западными державами многие годы. Поэтому для правильного понимания того, что происходило в мае — сентябре 1938 г., необходимо проследить корни антисоветского курса западноевропейских держав и США, восходящего к Версалю, что и делает автор.

Хотя книга озаглавлена «Мюнхенский сговор», по содержанию она далеко выходит за рамки названия. В первых трех главах дается сжатый очерк истории международных отношений с 1918 по 1938 год. Документируя каждое свое положение, автор последовательно разоблачает политику реакционных кругов западных держав в эти годы, направленную на возрождение германского милитаризма и втягивание его в войну против Советского Союза. Автор широко использует работы советских историков [6].

Э. Ротштейн поставил своей главной задачей разоблачение мюнхенской политики правящих кругов Великобритании и в целом успешно выполнил ее. Однако существо предшествовавших второй мировой войне событий раскрывалось бы лучше, если бы был дан более подробный разбор внешнеполитического курса США, обстоятельный анализ роли американских монополий в восстановлении и усилении германского военного потенциала.

Основное место в книге занимают главы, посвященные непосредственно сговору в Мюнхене. Автор изучил как советские и

---

[3] М. Гус. Американские империалисты — вдохновители мюнхенской политики. М. 1951; А. М. Некрич. Политика английского империализма в Европе. М. 1955; В. А. Матвеев. Провал мюнхенской политики (1938—1939). М. 1955; Ю. В. Арутюнян. Роль американской дипломатии в организации мюнхенской конференции 1938 года. «Вопросы истории», 1958, № 2, и др.

[4] R. Beckmann. K diplomatickému pozadi Mnichova. Praha. 1954; В. Краль. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. М. 1955; «O československé zahranični politice 1918—1939». Sbornik stati. Praha. 1956, и др.

[5] Свою первую книгу, «Советская конституция», Э. Ротштейн выпустил в 1923 году. В 1950 г. увидела свет его «История СССР», разошедшаяся в Англии за три недели 50-тысячным тиражом. В 1955 г. Э. Ротштейн написал книгу «Мирное сосуществование», а в 1957 г. ЦК Коммунистической партии Великобритании опубликовал его работу «Советский Союз и социализм», представляющую ответ ревизионистской клевете на СССР.

[6] «История дипломатии». Т. III. М. 1945; Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 годах. М. 1953; Хосе Гарсиа. Интернациональные бригады в Испании (1936—1938 гг.). «Вопросы истории», 1956, № 7.

чешские публикации, так и сборники документов и материалов, имеющие прямое или косвенное отношение к вопросу, выпущенные в США, Англии, Франции, Германии и довоенной Польше. Э. Ротштейн справедливо ставит под сомнение научную ценность различных тенденциозных публикаций внешнеполитических документов и мемуарной литературы, вышедших в буржуазных государствах. Нельзя не согласиться с автором, когда он пишет: «Следует обратить внимание на особую роль «точек» и пропусков, сделанных другими способами в документах, относящихся к тому периоду. Вновь и вновь в мемуарах, дневниках, сборниках дипломатических документов они появляются и исчезают, причем неизменно тогда, когда речь заходит об опасной теме — Советском Союзе. Равным образом внезапно исчезает масса документов и в том случае, когда эти документы могли бы пролить свет на то, что говорили деятели «западной цивилизации» о Советском Союзе» (стр. 261).

Действительно, во французской «желтой» книге, вышедшей в 1939 г., не опубликовано ни одного документа за период времени, начиная с 13 марта до 29 сентября 1938 г.[7], а в двух объемистых томах британской публикации[8] приводится всего 18 телеграмм, которыми обменялись Лондон и английское посольство в Москве с марта по сентябрь 1938 года. Эти телеграммы буквально затерялись более чем в 1 200 других документах! Что касается американской публикации[9], то даже по сравнению с британской и французской она «более, чем другие, «причесана» и изобилует пропусками» (стр. 159). Отсюда понятны трудности, стоявшие перед автором, и то внимание, которое он уделял разбору и критике буржуазной историографии.

Э. Ротштейн рассмотрел основные направления буржуазной историографии по вопросам мюнхенской политики в специальной 12-й главе — «Защита Мюнхена»,—что придало еще большую научную ценность книге и обоснованность аргументации автора. Помимо этого, в ходе изложения Э. Ротштейн неоднократно разоблачает измышления фальсификаторов по конкретным вопросам.

Как показал Э. Ротштейн, усилия мюнхенских «миротворцев» были направлены на то, чтобы предотвратить возникновение войны между капиталистическими державами в интересах организации «крестового похода» против Советского Союза. В Вашингтоне, Лондоне, Париже понимали, что такая война не может не привести к решительному ослаблению капиталистической системы. Э. Ротштейн приводит на стр. 256—258 серию высказываний тогдашних видных буржуазных политических деятелей по этому поводу.

Лучшим опровержением клеветнических измышлений о том, что Советский Союз был якобы «заинтересован» в войне, служит советская внешняя политика рассматриваемого периода. Э. Ротштейн подсчитал, что за шесть месяцев, начиная с 17 марта 1938 г., ответственные советские руководители и дипломатические работники «по крайней мере десять раз публично заявляли, что Советский Союз выполнит свои обязательства в отношении Чехословакии». Кроме этого, такие же заверения были даны дипломатическим путем шесть раз Франции, четыре раза Чехословакии и три раза Великобритании (стр. 189).

Сборник «Новые документы из истории Мюнхена», изданный в СССР уже после выхода в свет книги Э. Ротштейна, еще раз напоминает о мерах Советского правительства, предпринятых для предупреждения фашистской агрессии против Чехословакии. Например, 25 сентября 1938 г. Советское правительство поставило в известность Францию о том, что 30 стрелковых, а также кавалерийские дивизии придвинуты непосредственно к западной границе СССР; авиация и танковые части также находились в полной боевой готовности, чтобы оказать помощь Чехословакии. 29 сентября 1938 г. З. Фирлингер сообщил министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте: «...соответствующие воздушные советские силы готовы в случае необходимости немедленно вылететь в Чехословакию»[10].

Однако чехословацкая буржуазия не приняла помощи Советского Союза, возложив все свои надежды на Англию и Францию. Такая политика привела в конечном счете к национальной катастрофе. Как известно, предлогом для наглого шантажа гитлеровцы

[7] «Le livre jaune français». Documents diplomatiques 1938—1939. Paris. 1939.

[8] «Documents on British Foreign Policy 1919—1939». Third Series. Vol. II—III. London. 1949—1950.

[9] «Foreign Relations of the United States». Diplomatic Papers 1938. Vol. I. Washington, 1955.

[10] «Новые документы из истории Мюнхена». М. 1958, стр. 139—140, 144.

избрали надуманный вопрос о так называемом положении немецкого меньшинства в Чехословакии. Всем тогдашним объективным иностранным наблюдателям было ясно, что Генлейн и кучка фашистов сознательно шли на провокации, чтобы осложнить положение. В июне 1938 г. Э. Ротштейн, находившийся в то время в Праге, встретился с Э. Бенешем и спросил его, почему чешские власти не пресекут разнузданные действия судетских фашистов. Бенеш ответил: «Вы говорите нам то же, что говорят все остальные, и мы это знаем сами: стоит нам арестовать Генлейна и пару десятков его ближайших единомышленников, все движение распадется. Мы понимаем, что партия Генлейна является чуждым аппаратом, созданным иностранцами на средства, полученные из-за рубежа, и не пользуется действительной поддержкой со стороны массы немцев, проживающих в Чехословакии. Однако если мы затронем генлейновцев, английское и французское правительства останутся нами недовольны. Вы должны понять, что мы по возможности не должны ссориться с Англией и Францией. Мы рассчитываем на их помощь в случае, если сложится критическая обстановка» (стр. 146).

Немецкое меньшинство в Судетской области отнюдь не ущемлялось в тогдашней Чехословакии. На выборах 1935 г., например, оно составило 22% всех избирателей, но получило возможность послать 72 депутата в парламент, или 24% от общего числа членов чехословацкого парламента; из 3 200 судей 730 говорили по-немецки и вели на этом языке в случае необходимости судопроизводство, и т. д. Автор указывает, что «в 1938 г. ни одно национальное меньшинство в государствах Центральной или Восточной Европы, исключая СССР, и, конечно, в первую голову сами немцы в Германии не пользовались такими политическими правами, как германские граждане в Чехословакии» (стр. 43). И, тем не менее, англо-французские правящие круги поддержали провокационные утверждения гитлеровцев о «насилиях», якобы чинившихся в Чехословакии в отношении немцев. Английская и французская дипломатия взяла на себя труд «защитить» судетских немцев! И этим занялись люди, которые «никогда не помышляли о предоставлении в то время, скажем, киприотам, или алжирцам, или индусам и египтянам тех прав, которых они требовали для судетских немцев!» — гневно восклицает Э. Ротштейн (стр. 145).

На деле вся шумиха вокруг судьбы немецкого меньшинства в Чехословакии была затеяна с единственной целью: облегчить сговор с Гитлером и предательство в отношении Чехословакии. Изолировав себя от СССР, чехословацкая буржуазия собственными руками подготовила национальную катастрофу. Незадолго до мюнхенских событий, 16 февраля 1938 г., Э. Бенеш заверил германского посланника в Праге Э. Эйзенлора: «Пакт с Россией — реликвия прошлой эпохи, хотя его нельзя просто выбросить в корзину для бумаг. Но он (Бенеш.—*Н. Я.*) не разрешает вести коммунистическую пропаганду в стране и желает установить регулярное сотрудничество между чехословацкой и германской полицией, чтобы выслеживать и подавлять лиц, проводящих такую пропаганду» [11]. В то же время 17 мая 1938 г. Бенеш заявил британскому посланнику Б. Ньютону: «Если Западная Европа станет относиться безучастно к судьбе России, Чехословакия последует ее примеру. Его страна будет всегда связана с Западной, а не с Восточной Европой» [12]. Эти заверения, несомненно, облегчили англо-германский сговор в Мюнхене и объективно были прямым предательством национальных интересов чехословацкого народа.

В настоящее время у историков имеется достаточно материалов, позволяющих документально доказать, что осенью 1938 г. Германия не была готова к войне. Большинство из них должным образом использовано в книге: автор в целом убедительно показывает, что в Вашингтоне, Лондоне и Париже знали об этом. Опасаясь за судьбу гитлеровского режима, политики западных стран стремились покончить дело «миром» в Мюнхене.

Конечно, по вопросу об участии США в мюнхенском сговоре опубликовано мало документов и материалов, но и они далеко не все использованы в книге. Недостаточное внимание автор уделил анализу прессы США и работам американских историков. Между тем даже такие далекие от прогрессивных убеждений буржуазные американские авторы, как Ч. Бирд, Ч. Тензил, Ф. Сэнборн и другие, критикующие внешнюю политику США «справа», подтверждают, что США играли ведущую роль в подготовке мюнхенского сговора. Ф. Сэн-

[11] «Documents on German Foreign Policy 1918—1945». Series D. Vol. II. London. 1950, p. 132.

[12] «Documents on British Foreign Policy 1919—1939». Third Series. Vol. I. London. 1949, p. 314.

борн, например, о предложении Ф. Д. Рузвельта созвать конференцию в Мюнхене заявил следующее: «Вмешательство США по своим последствиям было равносильно умиротворению, и, используя употреблявшуюся тогда фразеологию, они, по существу, сыграли роль главного умиротворителя» [13]. Зная о недостаточной подготовленности Германии к войне, американские мюнхенцы стремились не допустить, чтобы в Европе против Германии выступила мощная военная коалиция.

Разбор этих источников позволил бы Э. Ротштейну более обстоятельно показать заинтересованность американских монополий в длительной войне в Европе. Вывод автора о том, что «представление о пассивной Америке, не игравшей активной роли в политике, приведшей к Мюнхену,— миф» (стр. 164), правилен, но недостаточен, ибо происходившее в Мюнхене непосредственно затрагивало интересы правящих кругов Соединенных Штатов, и они были в первых рядах тех, кто проводил политику сговора с гитлеровской Германией.

Мюнхенская политика была направлена не только против Чехословакии, но и против мира на всем земном шаре. И хотя правители империалистических держав всячески старались скрыть от народных масс цель сговора с Гитлером, тем не менее мюнхенское предательство стало известно народам и вызвало гнев и возмущение мировой общественности. Например, несмотря на запрещение правительством Франции собраний по внешнеполитическим вопросам, 23 сентября 1938 г. 1 250 тыс. рабочих провели митинги на заводских территориях в знак протеста против политики Даладье (стр. 228). В Англии на десятках митингов и демонстраций принимались резолюции протеста против действий правительства Чемберлена (стр. 229). Большую роль в разоблачении мюнхенцев сыграл «Клуб Левой книги». Эта организация распространила до 2 500 тыс. экземпляров листовок с требованием отстранения от власти правительства Чемберлена и организации отпора Гитлеру (стр. 231).

В этих условиях большое значение приобрела позиция лейбористской партии в Англии и Французской социалистической партии. Э. Ротштейн разоблачил действия правого руководства этих партий, полностью поддержавшего политику правительств Чемберлена и Даладье по вопросу о Чехословакии. Как отмечает автор, лидеры лейбористов «не прибегли к единственному оружию, которое могло заставить британское правительство задуматься,— угрозе объединиться с другими политическими группировками, относившимися критически к Чемберлену, в единой национальной кампании с целью отстранить это правительство от власти». Напротив, местные отделения лейбористской партии, выдвинувшие такие предложения, были «резко призваны к порядку» правыми лидерами (стр. 213). Американский посол в Англии Д. Кеннеди с удовлетворением сообщал в эти дни в Вашингтон, что «лейбористы ведут себя очень хорошо» [14].

Во Франции руководство социалистической партии, располагавшей значительным числом мандатов в парламенте, поддержало антинародную политику правительства Даладье. Больше того, на совещании парламентских фракций левых партий 21 сентября 1938 г. лидеры социалистов отвергли предложения коммунистов о посылке делегации в Чехословакию с выражением солидарности и о принятии резолюции в пользу сохранения целостности этой страны.

В первые дни октября английская и французская буржуазная печать на все лады славословила Чемберлена и Даладье как «защитников» мира, лицемерно утверждая, что в Мюнхене было якобы «спасено» человечество. В то время многие простые люди в западных странах были введены в заблуждение этой пропагандой. Открыть им глаза на подлинное значение Мюнхена стремились коммунистические партии. 4 октября 1938 г. депутат-коммунист У. Галлахер заявил в палате общин: «Дело идет не только о предательстве Чехословакии и предательстве мира... Национальное правительство не изолирует Советскую Россию. Оно изолирует Британию» (стр. 234). 5 октября 1938 г. французский коммунист Габриэль Пери страстно говорил в парламенте Франции: «До продиктованного мира в Мюнхене можно было поверить, что чехословацкий барьер, защищающий Балканы, прикроет в случае необходимости грудь Франции. Ныне этот барьер пал. Одновременно вы уничтожили доверие народов к Франции, показав, что опасно быть другом Франции... Вы подписали свое поражение на истерзанном теле свободного народа» (там же). История

[13] «Perpetual War for Perpetual Peace». Ed. by H. Barnes. Caldwell. 1953, p. 201.

[14] «Foreign Relations of the United States». Diplomatic Papers 1938. Vol. I, p. 608.

показала правильность оценки Мюнхена, данной коммунистическими партиями.

Несмотря на отдельные второстепенные недостатки, работа Э. Ротштейна является серьезным вкладом в изучение одного из важнейших событий международных отношений новейшего времени. Основная ценность этого исследования заключается в правильной, марксистской оценке мюнхенской политики. Это подчеркнула в рецензиях на работу Э. Ротштейна коммунистическая печать Англии — «Daily Worker», «Labour Monthly». Но именно данное обстоятельство и вызвало раздраженную реакцию буржуазных историков. Профессор А. Тейлор заявил: «Какой же новый фактический материал можно найти в этой книге, которого нет в работах уважаемых историков, таких, как сэр Льюис Нэмир и г-н Уиллер-Беннет? Ни одного факта. По существу, солидные историки еще более презрительно оценивают английскую и французскую политику. По-иному обстоит дело, когда мы обращаемся к мотивам: где Ротштейн видит заговор, Уиллер-Беннет усматривает страх, а Нэмир подчеркивает глупость; я лично склоняюсь к последнему объяснению» [15]. Прием, к которому прибегает А. Тейлор, не нов; именно таким образом буржуазные историки зачастую фальсифицируют события прошлого: сознательно избегая классовой оценки, они акцентируют внимание на второстепенных субъективных факторах.

То, что реакционная буржуазная историография резко отрицательно оценила книгу Э. Ротштейна, свидетельствует о правильном пути автора. И можно только приветствовать творческие замыслы Э. Ротштейна, который собирается написать монографию о международных отношениях в 1939 г., то есть продолжать исследование, успешно начатое работой «Мюнхенский сговор».

Издательство иностранной литературы в настоящее время подготавливает публикацию работы Э. Ротштейна на русском языке. Появление ее на книжной полке нашего читателя можно только приветствовать.

Н. Н. Яковлев

[15] «New Statesman», 4 октября 1958 г., стр. 457.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

24—25 марта 1959 г. состоялось общее собрание Отделения исторических наук. С докладом «XXI съезд КПСС и задачи Отделения исторических наук АН СССР» выступил академик-секретарь Отделения академик Е. М. Жуков. Он отметил, что в докладе Н. С. Хрущева и других документах XXI съезда КПСС были четко сформулированы задачи идеологической работы и намечены пути дальнейшего развития науки и культуры в нашей стране.

Приближение к жизни, активное включение в строительство коммунизма — главные требования, предъявляемые партией к работникам общественных наук. «Наши экономисты, философы, историки,— говорил Н. С. Хрущев,— призваны глубоко исследовать закономерности перехода от социализма к коммунизму, изучать опыт хозяйственного и культурного строительства, способствовать воспитанию трудящихся в коммунистическом духе».

Большой коллектив научных сотрудников институтов Отделения исторических наук, подчеркнул Е. М. Жуков, должен направить всю свою энергию и творческие возможности на решение проблем, поставленных жизнью и непосредственно связанных с великим процессом развернутого строительства коммунистического общества в нашей стране.

Деятельность историков, работающих в системе Академии наук и за ее пределами, должна определяться важнейшими положениями, выдвинутыми XXI съездом партии. Таких исходных положений, по мнению докладчика, три.

1. Коммунистическое воспитание трудящихся, включающее в себя воспитание советского патриотизма и пролетарского интернационализма, предполагает активное использование данных истории, осмысление исторического опыта человечества в самом широком плане и в особенности раскрытие закономерностей развития общества на конкретном историческом материале, а также выявление бессмертных революционных традиций, играющих выдающуюся роль в жизни народа.

2. Борьба с враждебной идеологией означает разоблачение буржуазной, реформистской и ревизионистской историографии. Советские историки должны давать отпор антимарксистским фальсификаторам истории и распространять подлинно научное, марксистское понимание исторического процесса и тем самым пропагандировать марксизм-ленинизм. Борьба с враждебной идеологией, поставленная XXI съездом партии как одна из центральных задач идеологической работы, должна пронизать всю деятельность учреждений Отделения исторических наук.

3. Историки совместно с экономистами и философами, в тесном сотрудничестве с работниками общественных наук всех специальностей призваны удовлетворять потребности Советского государства и Коммунистической партии в современном научном анализе важнейших процессов, происходящих как в нашей стране и социалистической системе в целом, так и за ее пределами.

Необходимо прежде всего изучать закономерности перехода к коммунизму и строительства социализма в странах народной демократии.

Наряду с этим, говорил докладчик, надо уделять должное внимание анализу современного состояния новых явлений и революционных процессов в капиталистических странах, а также национально-освободительной борьбе в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Е. М. Жуков подчеркнул, что вся работа учреждений Отделения исторических наук должна быть прежде всего подчинена проблематике, служащей делу коммунистического воспитания, идеологической борьбы и изучения современных процессов, происходящих в мире в эпоху перехода от капитализма к коммунизму.

Несмотря на то, что институты Отделения уделяют значительное внимание актуальной тематике и современности, отмечал докладчик, они еще не добились достаточно целеустремленного планирования, обеспечивающего решение главных задач в наиболее сжатые сроки и с необходимой

концентрацией всех творческих сил. В этом вопросе нужен коренной перелом.

Главный недостаток в работе институтов — формальное планирование, что ведет к сохранению индивидуальных тем, либо механически связанных с общими проблемами, либо не имеющих к ним никакого отношения. Увлечение написанием монографий подчас приводит к тому, что за них берутся люди, у которых совсем нет опыта самостоятельного исследования.

Индивидуализм в научной работе историков — угрожающее явление, которое ведет к распылению сил и средств, к затягиванию сроков выполнения заданий, разбуханию штатов и засорению учреждений Академии наук неполноценными в творческом отношении людьми.

Наша обязанность, сказал докладчик, упорядочить планирование, правильно расставить людей в соответствии с их квалификацией и возможностями, шире практиковать создание творческих групп для написания коллективных монографий, умело сочетать монографические исследования с обобщающими трудами, обеспечить в коллективных работах наиболее разумное и целесообразное сочетание опытных историков с талантливой молодежью. Чтобы преодолеть индивидуалистические привычки, приучить людей к мысли о важности и более высокой производительности коллективного труда, необходима еще большая воспитательная работа.

Решающее значение для науки имеет публикация научной продукции. Опубликованные полноценные книги и статьи — мерило активного участия историков в коммунистическом воспитании трудящихся и в борьбе с буржуазной идеологией. Докладчик обратил внимание на то, что следует тщательно подходить к отбору рукописей, предназначенных к изданию, публиковать только самые необходимые для народа, актуальные по тематике книги.

Выполнение институтами Отделения задач, выдвинутых в докладе Н. С. Хрущева и других документах XXI съезда, заставляет нас, указывал Е. М. Жуков, критически подойти и к существующей структуре учреждений Отделения. Вопрос этот непосредственно связан с планированием и расстановкой кадров.

Секторы, являющиеся основной организационной единицей, статичны, зачастую работают независимо от того, чем занят в данный момент институт. В то же время большинство проблем носит межсекторский характер. Возникает вопрос: не следует ли сделать структуру институтов более гибкой, оперативной, объединять сотрудников вокруг определенных конкретных задач на время их разрешения в виде творческих групп по проблемам, экспедициям и т. д.? Это позволит более действенно планировать работу институтов, облегчит ликвидацию многотемности и высвободит внутренние резервы для решения главных задач.

Необходимо пересмотреть и усовершенствовать структуру институтов, привести ее в соответствие с теми задачами, которые стоят перед Отделением.

Докладчик остановился на роли научных советов по проблемам, значение которых особенно возрастает в свете указаний XXI съезда КПСС. Отделение располагает еще сравнительно небольшим опытом в этом отношении. Для успешной и плодотворной деятельности научных советов следует более четко определить их место и взаимоотношения с институтами, очертить круг их полномочий, обеспечить минимальным аппаратом. Перед научными советами должна быть поставлена задача — координировать деятельность институтов и давать им рекомендации по конкретным научным вопросам.

XXI съезд КПСС, указал Е. М. Жуков, одобрил инициативу группы академиков о создании центра науки в Сибири. Однако исторические дисциплины не представлены в Сибирском отделении Академии наук. Необходимо настойчиво добиваться создания научно-исследовательских ячеек по истории, археологии, этнографии в восточных районах страны.

Е. М. Жуков отметил недостаточность контакта Отделения с историческими институтами филиалов АН СССР. Нужно более решительно помогать филиалам в росте квалифицированных кадров, привлекать их к деятельности институтов Отделения. Обмен кадрами с филиалами и АН союзных республик — государственно важное и перспективное дело.

Предполагаемое в текущем году совещание по истории, археологии и этнографии Сибири надо использовать для установления более тесных связей с местными специалистами и совместной выработки с ними предложений о развитии исторической науки в восточных районах нашей страны.

Первоочередным объектом исследований, основной базой для всех теоретических обобщений, несомненно, должна являться современность. Однако, отметил докладчик,

нельзя считать, что нужная стране тематика ограничивается лишь сферой истории советского общества или новейшей историей. Разве не актуально бьющее по расистам и другим идейным противникам раскрытие на археологических данных истории далеких предков современных народов СССР или выявление общих закономерностей развития человеческого общества на материале самых отдаленных эпох? Нельзя допускать, подчеркнул докладчик, чтобы изучение истории отдаленных исторических эпох было дано на откуп воинствующим мракобесам, злейшим врагам передового, материалистического мировоззрения.

В заключение академик Е. М. Жуков сказал: успехи и недостатки нашей исторической науки видны не только у нас, но и за пределами страны, что повышает ответственность работников исторического фронта.

С докладом «Итоги научно-исследовательской работы Отделения исторических наук АН СССР за 1958 г.» выступил заместитель академика-секретаря Отделения член-корреспондент АН СССР А. А. Губер.

Он отметил, что научная деятельность институтов Отделения в течение 1958 г. была направлена на реализацию задач, поставленных перед советской исторической наукой XX съездом нашей партии. Руководствуясь решениями съезда, Отделение исторических наук усилило внимание к вопросам разработки истории советского общества, новой и новейшей истории зарубежных стран, в частности стран Востока, а также к разоблачению буржуазной фальсификации истории, борьбе с ревизионистскими извращениями в области исторической науки. Опубликование тезисов доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС повлекло за собой пересмотр в 1958 г. планов работы институтов в целях расширения тематики, связанной с вопросами постепенного перехода от социализма к коммунизму.

План Отделения в 1958 г. состоял из 32 проблем, содержавших 474 темы, из которых авторская работа завершена по 406 проблемам.

А. А. Губер сказал, что в прошедшем году институты Отделения несколько активизировали свою деятельность по борьбе с буржуазной идеологией и ревизионизмом. Задачи предстоящей в этом направлении работы были намечены на специальной научной сессии, в частности в докладе члена-корреспондента АН СССР Б. Н. Пономарева «Основные вопросы борьбы с ревизионизмом на современном этапе».

В минувшем году Институт истории сдал в печать первый сборник статей «Против буржуазных фальсификаторов истории», сейчас заканчивается работа над вторым сборником. В план Института славяноведения была включена проблематика, связанная с борьбой против ревизионистских течений в области эстетики и литературы. Институт востоковедения опубликовал несколько обзоров и около 50 рецензий, разоблачающих фальсификацию истории стран Востока. В ряде докладов, сделанных на научной сессии Института истории искусств, были раскрыты попытки современного буржуазного искусствоведения фальсифицировать в реакционных целях развитие национальных художественных культур. Критическому анализу современной буржуазной историографии и разоблачению ревизионизма был посвящен ряд статей в периодической печати Отделения и его институтов.

А. А. Губер остановился на деятельности институтов по исследованию важнейших проблем исторической науки. В области истории советского общества институты вели работу над проблемами истории Великой Октябрьской социалистической революции, истории социалистического строительства в нашей стране, истории СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. А. А. Губер отметил работу, проделанную Научным советом по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции».

Значительная работа проделана Институтом истории по публикации документов из истории Великой Октябрьской социалистической революции и советского общества. Материалы Северной этнографической экспедиции, проведенной Институтом этнографии, внесли большой вклад в изучение советского общества. Ученые институтов Отделения активно участвовали в сессии, посвященной теоретическим проблемам строительства коммунизма в СССР (доклад члена-корреспондента АН СССР Б. Г. Гафурова, выступления академика И. И. Минца, члена-корреспондента АН СССР С. П. Толстова, кандидата исторических наук Т. А. Жданко). На заседании Ученого совета Института истории широко обсуждались доклады члена-корреспондента АН СССР Б. Н. Пономарева «Об освещении некоторых вопросов истории советского общества в новой книге «История КПСС» и

академика М. В. Нечкиной «Некоторые вопросы истории советской исторической науки». Академик И. И. Минц и член-корреспондент АН СССР В. М. Хвостов принимали участие в написании книги по истории КПСС. Археографическая комиссия (руководитель — академик М. Н. Тихомиров) провела два заседания, на которых обсуждались вопросы изучения документов по истории советского периода.

Институт этнографии пересмотрел свою тематику, расширил ее исследованиями современного быта рабочих и колхозников. Институт истории искусств сосредоточил свое внимание на рассмотрении опыта советского искусства и разработке проблем марксистско-ленинской эстетики.

Далее докладчик осветил работу институтов в изучении новой и новейшей истории зарубежных стран Европы, Америки и Востока. По важнейшей проблеме в этой области — «Кризис и распад колониальной системы в эпоху империализма» — имеется свой Научный совет, возглавляемый Б. Г. Гафуровым. Совет составил записку, провел совещание востоковедов, обсудившее некоторые актуальные проблемы современного положения в странах Востока. Институт востоковедения выпустил по этой проблеме такие работы, как справочник «Современный Таиланд», сборник статей «Независимая Индия», «Бирманский Союз» и другие.

Ряд оригинальных работ по новой и новейшей истории был завершен в 1958 г. Институтом истории; вышла в свет подготовленная Институтом этнографии книга «Народы Америки» (ч. I).

А. А. Губер отметил значение специальных сессий, посвященных «20-летию мюнхенского соглашения» и «40-летию Ноябрьской революции в Германии», расширенного заседания Ученого совета Института востоковедения по случаю III годовщины Бандунгской конференции стран Азии и Африки и других. Докладчик также обратил внимание на работы академиков В. П. Волгина «Развитие общественной мысли во Франции» и А. М. Деборина «Социальные и политические учения нового времени», вышедшие в 1958 году.

Ввиду того, что до сего времени в советской исторической науке все еще остаются недостаточно разработанными вопросы генезиса и кризиса антагонистических социально-экономических формаций, в отчетном году изучение древней, средневековой и новой истории велось главным образом по таким проблемам, как «История первобытного общества на территории СССР», «Возникновение и развитие рабовладельческих отношений в странах Европы и Востока», «Генезис феодализма», «Генезис капитализма». Значительные результаты в области древней и средневековой истории народов СССР достигнуты Институтом истории материальной культуры и, в частности, его экспедициями.

Центральное место среди вышедших в 1958 г. исследований по проблеме «Генезис капитализма» принадлежит монографии академика Н. М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа Киселева», в которой глубоко проанализированы проблемы конфликта производительных сил и производственных отношений в предреформенной России. В обобщающей форме проблемы феодализма и капитализма получили освещение в 4-м и 5-м томах «Всемирной истории».

Касаясь внедрения в жизнь результатов научных исследований, докладчик подчеркнул, что для этого публикация научных трудов не является единственной формой. Например, материалы экспедиций задолго до их опубликования предоставляются в распоряжение советских и партийных организаций. Необходимо также, чтобы итоги больших сессий и совещаний, имеющих значение в деле коммунистического воспитания трудящихся, становились достоянием масс до выхода в свет сборников или монографий.

А. А. Губер отметил, что институты Отделения в 1958 г. издали 218 книг общим объемом 1 500 печатных листов, что составляет половину готовых к публикации работ. Он также обратил внимание на то, что необходимо тщательно отбирать для печати рукописи, что пока еще далеко не всегда делается.

Говоря о формах руководства научной деятельностью, докладчик сказал, что не все научные советы работали одинаково. Некоторые из них не уделяли достаточного внимания критическому анализу зарубежной литературы по соответствующим проблемам. Возглавляемые ведущими учеными научные советы должны, по мнению А. А. Губера, иметь право активно воздействовать на планирование научной работы институтов.

Существующие ныне исследовательские группы, руководимые ведущими учеными, сыграли большую положительную роль в мобилизации научных сил на изучение важ-

ных проблем истории. Но это еще только начало, в их деятельности требуется многое улучшить. В частности, группы должны мобилизовать коллектив на решение актуальных проблем, определяемых планами и прежде всего семилетним планом.

Остановившись на деятельности филиалов, а также координации работы центральных и периферийных научных учреждений, докладчик отметил, что, несмотря на имеющиеся сдвиги, координация до сих пор носит несколько общий характер. Институты еще не оказывают достаточной повседневной помощи филиалам и академиям наук союзных республик, в частности редко командируют своих ведущих сотрудников на места.

Освещая деятельность членов Отделения, А. А. Губер сказал, что академики и члены-корреспонденты за отчетный период подготовили к печати и опубликовали ряд трудов. Наши ученые проделали также большую работу по руководству деятельностью научных советов и групп, по подготовке научных кадров.

В области установления международных связей и контактов в прошлом году наблюдалось заметное оживление, что нашло отражение в увеличении количества опубликованных за рубежом исследований советских ученых.

В заключение А. А. Губер выразил уверенность, что активное обсуждение докладов на общем собрании поможет осуществлению важнейших задач, поставленных перед советской исторической наукой XXI съездом КПСС.

Академик М. В. Нечкина проинформировала собрание о работе группы по изучению революционной ситуации в России в конце 1850 — начале 1860-х годов. Постоянный актив группы составляют 50—60 историков Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза. Регулярная деятельность группы началась с января 1958 года. С тех пор на ее заседаниях заслушано 19 докладов, посвященных вопросам крестьянского и рабочего движения в годы первой революционной ситуации, революционного движения в армии, идеологической борьбы и революционно-практической деятельности революционеров 60-х годов. В настоящее время группой подготовлен сборник научных статей, охватывающий различные проблемы революционной ситуации в России конца 50 — начала 60-х годов XIX века. Это коллективный труд, в котором представлены историки 11 городов страны.

М. В. Нечкина остановилась также на работе комиссии по истории исторической науки. Эта комиссия только что закончила обсуждение второго тома «Истории исторической науки», в подготовке которого приняли участие представители союзных республик.

Одновременно комиссия возобновила заседания, посвященные тематике истории исторической науки. Центральная проблема комиссии — «В. И. Ленин как основоположник советской исторической науки».

Академик Б. А. Рыбаков в своем выступлении остановился на вопросе об актуальности исторической науки, который, к сожалению, не всегда понимается правильно. Так, Советский райком КПСС Москвы в течение нескольких лет не планирует лекций по истории религии и культуры, считая эту тематику, видимо, не очень нужной. Судя по тому, что в Сибирском отделении АН не представлены гуманитарные науки, создается впечатление, что президиум АН СССР также считает последние малоактуальными.

По мнению Б. А. Рыбакова, до сих пор еще имеют место некоторые проявления «школы» Покровского: разрушаются памятники культуры, кое-где наметилось нигилистическое отношение к истории вообще. Необходимо полностью преодолеть такое отношение к историческим дисциплинам. Работникам исторической науки необходимо прежде всего наладить издание научно-популярных книг, написанных ясным, красочным языком и в то же время выражающих последнее слово науки.

Ведя борьбу с буржуазной идеологией, критикуя буржуазных теоретиков, отметил Б. А. Рыбаков, историки должны — и это самое важное — противопоставить им свои концепции по тем или иным вопросам исторического развития.

Следует активнее использовать возможности публикации в иностранных журналах работ советских историков. Это будет способствовать борьбе с буржуазной идеологией.

Академик Б. А. Рыбаков сказал, что в планировании научной работы еще очень много стихийного: у некоторых научных работников имеет место стремление превратить диссертацию в какую-то научную ренту, стремление к индивидуализму. Такие явления надо преодолеть. Б. А. Рыбаков

предложил организовать творческие отчеты членов Отделения.

Говоря о роли и задачах научных советов по проблемам, Б. А. Рыбаков отметил, что они не должны слишком замыкаться сами в себе. Научные советы обязаны вести организационную работу, готовить доклады, проводить дискуссии.

Академик И. И. Минц остановился на задачах, поставленных перед советской исторической наукой XXI съездом КПСС. Главнейшая из них — поднятие идейно-теоретического уровня научных работ. Для решения этой задачи прежняя форма научной организации устарела; появилась новая форма — научные группы. Это, однако, не означает, что всю систему необходимо немедленно перестроить. Для этого требуется время.

Далее И. И. Минц остановился на вопросах повышения эффективности научной работы. В нашей стране несколько тысяч человек занимаются разработкой вопросов истории советского общества. Этот огромный коллектив историков надо объединить; может быть, подумать о создании нового института либо образовать научные группы по важнейшим проблемам. Первые попытки в этом направлении показали, что с помощью этих групп можно вовлечь в научную деятельность большое число людей, которые пока остаются без должного руководства.

Говоря об огромной важности поставленной XXI съездом КПСС задачи борьбы с буржуазной идеологией, И. И. Минц отметил, что в этом вопросе историки находятся в худших условиях по сравнению с представителями точных и естественных наук. Чтобы представить себе состояние какой-либо исторической проблемы в той или иной стране, историкам приходится тратить огромное количество времени, работники же точных и естественных наук получают необходимый аннотированный материал от Института научной информации.

Член-корреспондент АН СССР С. П. Толстов сказал, что Отделение еще недостаточно планирует основные направления, по которым должна развиваться историческая наука. В первую очередь следует выдвинуть разработку проблемы о закономерностях строительства коммунистического общества в период перехода от первой ко второй его фазе. При исследовании проблем истории советского общества особое внимание должно быть обращено на этап развернутого строительства коммунизма. Целесообразно создать Научный совет по этой проблеме, который объединил бы силы историков, экономистов, философов, юристов.

Далее С. П. Толстов подчеркнул, что в отчете Академии наук совершенно не отражена работа, проделанная Институтом этнографии в 1958 году. Он указал на две большие монографии о киргизском и русском крестьянстве и на другие интересные, заслуживающие внимания исследования, о которых в отчете ничего не сказано.

С. П. Толстов говорил о необходимости поднять популяризаторскую работу на более высокий уровень. Надо добиться того, чтобы пропаганда достижений исторической науки отражала большие проблемы и в то же время была доступна широким кругам читателей.

В заключение С. П. Толстов согласился с мнением академика Е. М. Жукова о своевременности постановки вопроса о пересмотре структуры институтов с учетом их специфики. Вместе с тем он считает нецелесообразным в настоящее время ликвидацию секторов и замену их группами или научными советами по проблемам.

Признавая в качестве первостепенной задачи изучение истории советского общества, академик В. В. Струве полагает, что историки не должны предавать забвению исследование периодов исторического процесса, предшествовавших советскому, ибо без знания их нельзя понять современное общество. Интерес к далекому прошлому наблюдается как у наших друзей, так и у врагов, и если мы не будем заниматься древностью, то не сможем бороться с фальсификаторами истории, с враждебной нам идеологией. Вести такую борьбу удобнее исследовательским группам, занимающимся определенной проблемой, однако заменять ими целиком секторы нерационально. Новую форму организации научной работы, по мнению В. В. Струве, необходимо сочетать с деятельностью секторов.

Академик С. Д. Сказкин говорил о том, что необходимо обратить больше внимания на издание популярной литературы. Историческая наука способствует формированию мировоззрения, научного понятия об обществе. Поэтому перед историками стоит задача научиться писать не только научные, но и популярные книги. Одновременно советским историкам нужно использовать все возможности для передачи своих знаний широким массам.

Академик М. Н. Тихомиров в своем

выступлении остановился на вопросе борьбы с ревизионизмом и враждебной идеологией. Он отметил, что эти вопросы часто понимаются у нас как кампания, тогда как это первоочередная постоянная задача.

Далее М. Н. Тихомиров указал на необходимость использования наших старых кадров, участников и свидетелей больших исторических событий, для написания воспоминаний. Он предложил включить в семилетний план работы по советской палеографии изучение машинописи, штемпелей, водяных знаков и т. д., а также разработку исторической географии советского периода, поручив это дело Археографической комиссии.

Доктор исторических наук Н. А. Сидорова, остановившись на своей научной командировке во Францию, отметила, что там издается огромное количество книг и журналов, которые фальсифицируют различные периоды истории, изо дня в день отравляя сознание трудящихся масс. Десятки журналов находятся в руках католической церкви. Разработкой вопросов античности, истории средних веков и новой истории занимаются католические монахи, стремящиеся заново пересмотреть эти разделы исторической науки.

Большое количество обобщающих трудов и монографий советских историков переводится на иностранные языки. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что эти работы вызывают за рубежом серьезный интерес и, безусловно, оказывают влияние на прогрессивные элементы представителей буржуазной историографии, занимающихся различными разделами исторической науки.

Н. А. Сидорова обратила внимание на то, что необходимо изучать такие исторические дисциплины, как палеография, дипломатика, геральдика, нумизматика.

Заместитель директора Института востоковедения Р. А. Ульяновский сказал, что в последнее время советское востоковедение развивалось в направлении осуществления решений XX съезда Коммунистической партии и указаний ЦК КПСС по улучшению востоковедной работы. За истекшие три года Институт востоковедения перестроил организацию, методы и способы научной деятельности, расширил фронт востоковедных исследований. При этом главное внимание было обращено на повышение научного и идейно-политического качества научных работ. Однако ряд важных проблем востоковедческой науки, таких, как международные отношения на Востоке, проблемы внешней политики, в том числе и внешней политики СССР, и др. все еще не находит у нас достаточного освещения.

Неудовлетворительно обстоит дело и с исследованием положения рабочего класса и проблем рабочего движения в странах Востока, аграрно-крестьянских и национальных вопросов.

Известных успехов советское востоковедение добилось в области изучения истории национально-освободительного движения. Институтом выпущена серия индивидуальных и коллективных монографий, посвященных важнейшим народным движениям в Азии и Африке за последние сто лет.

Значительно расширяются работы по истории, экономике и культуре Африки. Основное внимание африканистов сосредоточено на исследовании современных проблем распада колониальной системы в Африке, образовании там новых независимых государств.

Общее собрание приняло решение, определяющее основные задачи Отделения исторических наук в свете постановлений XXI съезда КПСС.

М. И. Ассатурова

ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В ВОСЬМИЛЕТНЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Решения XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза, Тезисы ЦК КПСС и Совета Министров СССР, Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» определили сущность и основные направления перестройки средней школы, призванной в условиях развернутого строительства коммунизма играть еще более активную роль во всей созидательной деятельности советского народа.

Главной задачей советской средней школы является подготовка учащихся к обще-

ственно полезному труду, дальнейшее повышение уровня общего и политехнического образования, подготовка образованных людей, хорошо знающих основы наук, воспитание молодого поколения в духе идей коммунизма, глубокого уважения к принципам социалистического общества.

В соответствии с этими задачами в средней школе должно быть улучшено преподавание всех предметов, в том числе истории.

Вопрос о содержании и построении школьного курса истории, занимающего большое место в идейном воспитании учащихся и играющего важную роль в осуществлении задач всестороннего развития подрастающего поколения, привлек пристальное внимание широких научно-педагогических кругов. Только за последние месяцы эта проблема обсуждалась на совещаниях учителей Москвы, Ленинграда, Свердловска, Куйбышева, Рязани, Калуги, Горького, в ряде союзных и автономных республик, на ученых советах и кафедрах университетов, педагогических институтов, научно-исследовательских учреждений.

Вопросу структуры и содержания школьного исторического образования было посвящено специальное совещание, созванное Министерством просвещения РСФСР в середине апреля 1959 года. В его работе приняли участие научные сотрудники, профессора и преподаватели высших учебных заведений, учителя средних школ различных областей, краев, автономных республик, городов Российской Федерации. На совещание были приглашены также представители Украинской и Латвийской ССР.

Цели, стоявшие перед совещанием, охарактеризовал во вступительном слове министр просвещения РСФСР Е. И. Афанасенко. Он напомнил о задачах советской средней школы на нынешнем историческом этапе развития нашей страны, рассказал о порядке перевода учащихся на новую систему образования. С 1 сентября 1959 г. обучение в I—V классах всех школ Российской Федерации будет осуществляться на основе вновь разработанных учебных планов и программ. Остальные классы продолжат свою работу по ныне действующим учебным планам и программам. Таким образом, первый выпуск из 8-летних школ состоится весной 1963 года. В этом же году на новые программы будут переведены все школы второго этапа среднего образования.

Далее Е. И. Афанасенко сообщил, что начиная с четвертого по восьмой класс включительно на изучение истории отводится два урока в неделю. Кроме того, в VIII классе один час в неделю выделяется для прохождения курса «Конституция СССР». На втором этапе среднего образования (в средних школах с производственным обучением) на преподавание истории отводится: в IX классе — два часа в неделю, в X — 3 часа, в XI — 4 часа. Кроме того, учебный план предусматривает выделение в XI классе дополнительно двух часов в неделю на отдельный курс, связанный с историческим образованием. Вопрос о характере дополнительного курса пока еще не решен: одна группа товарищей предлагает посвятить это время изучению курса «Основы Советского государства и права», другая считает более целесообразным ввести предмет «Основы коммунизма».

Е. И. Афанасенко указал, что необходимо более глубокое и серьезное изучение в школах курса истории, напомнил об историческом значении принятого 25 лет назад постановления ЦК партии и Совета Народных Комиссаров СССР о преподавании гражданской истории в школе.

Характеризуя задачи исторического образования в школе, министр просвещения РСФСР привел слова из доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС. «Наше молодое поколение,— говорил Н. С. Хрущев,— не прошло той большой школы жизни и борьбы, которая выпала на долю старшего поколения. Молодые люди не знают ужасов и бедствий дореволюционного времени и лишь по книгам могут иметь представление об эксплуатации трудящихся. Весьма важно поэтому, чтобы наше молодое поколение знало историю страны, борьбы трудящихся за свое освобождение, героическую историю Коммунистической партии, воспитывалось на революционных традициях нашей партии, нашего рабочего класса».

Задача совещания, сказал Е. И. Афанасенко, заключается в том, чтобы обсудить основные предложения о структуре и содержании исторического образования в школе, выработать структуру, наиболее правильную с марксистско-ленинской точки зрения, отвечающую духу времени, интересам советской школы и советской науки.

С докладом «О структуре и содержании исторического образования в средней школе» выступил начальник Главного управле-

ния школ Министерства просвещения РСФСР Н. В. Наумов.

В Тезисах Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР о школе, отметил Н. В. Наумов, подчеркнуто, что в результате перестройки школы отнюдь не должно быть сокращено или ослаблено гуманитарное образование, имеющее важное значение для формирования коммунистического мировоззрения. Преподавание истории, сказал докладчик, следует перестроить, поднять на более высокий уровень.

В целях улучшения преподавания истории, установления тесной связи обучения с жизнью и трудом, повышения образовательного и воспитательного значения исторических дисциплин с учетом в то же время разделения процесса среднего образования на два этапа необходимо: четко определить построение курса истории на первом и втором этапах обучения; в кратчайший срок составить новые программы по истории, повысив их идейный уровень и освободив от ненужных, второстепенных деталей; организовать работу по составлению других учебников с привлечением свежих авторских сил; неустанно повышать идейно-теоретический и методический уровень преподавания.

Докладчик сказал, что по проекту нового учебного плана предусматривается выделение на первом и втором этапах обучения необходимого количества часов для изучения курса истории. Историю и Конституцию СССР в 10-летней школе по действующему учебному плану проходят за 697 часов, по проекту нового учебного плана 11-летней школы намечено на эти предметы отвести 728 часов, или на 31 час больше, не считая 70 часов, предназначенных на особый, обобщающий курс в XI классе.

В школах нашей страны сложилась определенная структура исторического образования, которая на протяжении длительного периода в основном оправдала себя и не подвергалась существенным изменениям.

Как известно, в настоящее время в IV классе преподается первоначальный курс истории СССР, который подготавливает учащихся к изучению начиная с V класса систематических курсов истории. В V—VII классах ученики знакомятся с историей древнего мира и средних веков, а в VIII — X классах — с историей СССР с древнейших времен до наших дней, новой и новейшей историей, Конституцией СССР.

Самым существенным недостатком ныне изучаемого в школе курса истории является то, что в V—VII классах учащиеся получают знания лишь по истории древнего мира и средних веков. Значительная же часть молодежи, оканчивавшая только семилетнюю школу и не продолжавшая своего образования, не имела систематических знаний по истории своей страны и хотя бы кратких сведений о величайших событиях новой и новейшей истории.

По намеченным планам перестройки школы на 1959—1965 гг. примерно 50% оканчивающих 8-летнюю школу непосредственно продолжат образование в средних школах с производственным обучением, а другая часть молодежи после получения соответствующей профессиональной подготовки будет поступать на работу и продолжать свое образование после некоторого перерыва [1]. Поэтому мы должны сделать так, чтобы все оканчивающие 8-летнюю школу знали историю своей Родины, наиболее важные факты зарубежной истории, могли разбираться в современной международной обстановке, знали Конституцию Советского государства, свои права и обязанности.

Совершенно очевидно, говорил Н. В. Наумов, что исторические курсы, которые изучались до сих пор в нашей школе, нужно сохранить. Что касается 8-летней школы, то она, видимо, должна давать своим выпускникам первоначальную систему, известную целостность исторических знаний. Законченную же систему знаний по основам исторической науки учащиеся получают только в 11-летней школе.

Далее докладчик отметил, что в последнее время Институт методов обучения Академии педагогических наук, отдельные педагогические институты и институты усовершенствования учителей выдвинули различные предложения о построении школьного курса истории. Эти предложения обсуждались на ряде совещаний в различных городах, и в результате определилось несколько вариантов структуры исторического образования в IV—XI классах.

Существенно отличаясь друг от друга, эти варианты имеют много общего: в них признаны необходимыми курсы рассказов по отечественной истории в IV классе, курс истории СССР в 8-летней школе и ознакомление учащихся с важнейшими фактами исто-

---

[1] Как было разъяснено на совещании заместителем министра просвещения РСФСР М. П. Кашиным, в 1965/66 учебном году девятыми классами всех типов средних школ будет охвачено примерно 80% окончивших 8 классов.

рии зарубежных стран; на втором этапе среднего образования следует уделить особое внимание изучению новой и новейшей истории и углублению знаний по истории СССР.

Имеющиеся варианты построения исторического образования докладчик условно разделил на три группы: проекты линейного, концентрического и линейно-ступенчатого построения курса истории.

Проект линейного построения курса был выдвинут группой учителей Сокольнического района Москвы, предложивших сохранить в основном существующую ныне систему преподавания истории. Они полагают, что курс истории в 8-летней школе будет заканчиваться изучением первого периода новой истории и истории народов СССР до конца XIX века. Неприемлемость подобного предложения очевидна: молодежь после окончания 8-летней школы вступала бы в жизнь без знания важнейшего периода истории своей Родины и без элементарных представлений о всеобщей истории за последние 100 лет.

На совершенно противоположной позиции стоят сторонники последовательного концентризма в школьном историческом образовании. Видимо, говорит Н. В. Наумов, последние предполагают, что 8-летняя школа должна давать законченное среднее образование, в том числе и историческое, что означает знание систематического элементарного курса истории народов СССР и всеобщей истории с древнейших времен до наших дней. В старших классах проекты концентрического построения предлагают повторение всего или почти всего цикла истории, дополняя и углубляя сведения, почерпнутые учащимися в 8-летней школе.

Такое построение курса могло бы обеспечить получение обучающимися в 8-летней школе систематических знаний по истории народов СССР и всеобщей истории. Но сторонники концентрического построения курса истории так же, как и других учебных предметов, не учитывают следующего обстоятельства: при сравнительно небольшом количестве учебного времени, отведенного на историю в 8-летней школе (2 часа в неделю в V—VIII классах), введение здесь двух систематических курсов (истории СССР и всеобщей истории) привело бы к их конспективности, к перегрузке учащихся и крайне поверхностному, формальному усвоению ими исторического материала.

Следовательно, подчеркивает докладчик, можно сделать вывод, что ни линейное, ни концентрическое построение исторического образования не может быть принято.

Линейно-ступенчатые проекты построения курса истории стремятся сочетать положительные стороны линейного и концентрического построения обучения в школе.

Все предложения о линейно-ступенчатом построении курса могут быть сведены к двум вариантам. Согласно первому варианту, в V—VIII классах должен в течение четырех лет изучаться курс истории народов СССР, включающий в том или ином объеме важнейшие сведения из истории зарубежных стран, а в IX—XI классах — полный курс всеобщей истории и истории народов СССР [2]. К этому варианту близок проект, выдвинутый для обсуждения на совещании Ленинградским городским институтом усовершенствования учителей и Государственным педагогическим институтом имени А. И. Герцена.

Как сообщил докладчик, составляя этот проект, его авторы полагали, что такое построение курса даст учащимся V—VIII классов достаточные представления об историческом процессе в целом; благодаря изучению курса истории СССР, который необходимо преподавать в тесной связи с явлениями всеобщей истории, будет раскрыто место и роль нашей страны в мировой истории; школьники 11—13-летнего возраста легче и более прочно усвоят историю своей Родины, чем древнюю и средневековую историю Запада и Востока; компактное прохождение всеобщей истории на второй ступени облегчит наиболее успешное овладение учащимися марксистско-ленинским пониманием истории.

Однако рассматриваемый проект имеет и крупные недостатки: преподавание в 8-летней школе систематического курса истории народов СССР, включение в него важнейших сведений по всеобщей истории и затем изучение на втором этапе обучения всех курсов всеобщей истории наряду с историей СССР создали бы ненужную перегрузку учеников старших классов. В то же время параллельная и в основном синхронная подача курса истории народов СССР и важнейших событий всеобщей истории в 8-летней школе, с частым переходом от истории одних стран к истории других, создала бы большие трудности, особенно для учащихся V—VI классов. Фрагментарные, отрывоч-

[2] По проекту, представленному ленинградскими институтами, изучение истории народов СССР предлагалось начинать с периода капитализма.

ные сведения по истории древнего мира и средних веков, вкрапленные в курс истории народов СССР, не могли бы создать сколько-нибудь отчетливых представлений об этих эпохах мировой истории. Докладчик не согласился с утверждением авторов ленинградского проекта о том, что ученики V—VI классов не могут усвоить курсы древней и средней истории и что поэтому эти курсы надо перенести в IX—XI классы. Опыт лучших школ показывает, что при разнообразии методов преподавания, при достаточно ярком и конкретном изложении материала учащиеся V—VI классов в состоянии усвоить с доступной им глубиной известную систему строго отобранных понятий и выводов по истории древнего мира и средних веков.

Затем докладчик охарактеризовал второй вариант линейно-ступенчатого построения курса, предложенный Институтом методов обучения Академии педагогических наук. Согласно этому проекту, в IV классе предполагается изучать эпизодический курс рассказов из истории СССР, в V — историю древнего мира, в VI — историю средних веков [3], в VII—VIII — элементарный курс истории народов СССР и важнейшие сведения по новой и новейшей истории, что придаст историческим знаниям оканчивающих 8-летнюю школу известную целостность.

Сторонники этого проекта отмечают, что синхронное изучение истории народов СССР и сведений по всеобщей истории не создаст в VII—VIII классах тех трудностей, которые оно вызвало бы в V—VI классах. В IX—XI классах проект предусматривает введение систематических курсов новой и новейшей истории и более углубленное, чем на первом этапе, ознакомление с историей народов Советского Союза. Преподавание в 8-летней школе истории древнего мира и средних веков освобождает от необходимости включения этого материала в курс старших классов и создает условия для более глубокого и серьезного изучения истории народов СССР, новой и новейшей истории на втором этапе обучения.

Рассматриваемый план имеет, по мнению докладчика, не только ряд положительных сторон, но и определенные недостатки. Учащиеся 8-летней школы, несмотря на сокращение в ее программе материала по истории древнего мира и средних веков (примерно на 30% по сравнению с действующей программой), получили бы по этим курсам более полные и систематические сведения, чем по истории нового времени. Курс истории народов СССР предлагается проходить за два года, на что отводится лишь 142 часа, из которых около 40 часов выделяется для изучения важнейших событий новой и новейшей истории зарубежных стран.

Докладчик сообщил, что проект Института методов обучения обсуждался на 35 различных совещаниях учителей и научных работников; на 25 собраниях абсолютное большинство высказалось в пользу этого проекта.

А. Т. Кинкулькин (заведующий сектором методики истории и Конституции СССР Института методов обучения АПН) отметил ряд недостатков в построении и содержании школьного исторического образования и изложил сформулированные институтом некоторые принципы нового построения курса истории в школе, которыми авторы руководствовались при составлении своего проекта. А. Т. Кинкулькин поддержал высказанное в докладе Н. В. Наумова положение о том, что законченную систему знаний по основам исторической науки может дать только полная средняя школа. Но так как не все оканчивающие 8-летнюю школу будут немедленно продолжать свое общее образование, они должны получить первоначальную систему и известную целостность исторических знаний. В 8-летней школе большое место следует уделить изучению элементарного курса отечественной истории, ознакомить учеников с историей зарубежных стран. Этого требуют задачи общего образования, воспитания учащихся в духе пролетарского интернационализма и советского патриотизма.

К тому же надо учитывать, что наиболее целесообразно такое построение курса, при котором изучение древности и средневековья предшествовало бы ознакомлению с историей народов СССР, получение сведений по новой истории сочеталось бы по времени с соответствующими темами по истории народов Советского Союза, а прохождение курса отечественной истории в советский период, как правило, предшествовало бы хронологически изучению событий зарубежной истории.

В старших классах, по мнению работников Института методов обучения, основное внимание должно быть обращено на знакомство со всеобщей историей в новое и но-

[3] Некоторые сторонники этого проекта считают возможным изучать историю древнего мира и средних веков в V и первой половине VI класса, а со второй половины VI класса начинать курс истории СССР.

вейшее время и на углубление знаний по истории СССР.

В школах союзных и автономных республик необходимо предусмотреть специальные часы на изучение истории своего народа, которое следует проводить в тесной связи с историей народов СССР в целом. В преподавании истории следует шире привлекать краеведческий материал.

Одним из основных принципов разработки системы исторического образования является, по мнению сотрудников Института методов обучения, требование соответствия объема материала и глубины его раскрытия познавательным возможностям учащихся различных классов. В силу этого нельзя механически сопоставлять число часов, отводимых на изучение исторического материала в разных классах.

Преподавание истории, отметил А. Т. Кинкулькин, должно вырабатывать у учащихся коммунистические убеждения, учить их сознательно разбираться в сложных явлениях современности. Поэтому учителю необходимо достаточное время, чтобы сообщить доказательные факты, произвести их разбор, обсуждение, убедительно аргументировать свое изложение, обучать школьников делать самостоятельные выводы и обобщения. Необходимо избегать перегрузки учащихся, развивать у них активность, самостоятельность, инициативу.

Следует иметь в виду, что одним из основных путей завершения среднего образования являются также школы рабочей и сельской молодежи. Поэтому при построении курса истории важно учитывать и специфические условия работы в вечерних (сменных) школах, где на изучение учебных предметов предоставляется меньше времени, чем в средних школах с производственным обучением.

Далее А. Т. Кинкулькин рассказал о работе института по созданию проекта построения школьного исторического образования. Он вскрыл недостатки изучения в V—VIII классах единого курса истории народов СССР в сочетании со сведениями по истории зарубежных стран. Институт методов обучения первоначально выдвигал и этот проект, но затем отказался от него. Подробно был охарактеризован предлагаемый институтом проект построения школьного исторического образования (так называемый второй вариант).

Согласно этому проекту (сущность его была рассмотрена выше), история народов СССР изучается ступенчато: сначала в VII—VIII классах, затем в старших классах, а всеобщая история — в основном линейно. Древний мир и средние века будут преподаваться в V—VI классах, а история нового и новейшего времени — в IX—XI классах. В VII—VIII классах учащиеся познакомятся с важнейшими сведениями по истории зарубежных стран в новое и новейшее время. Эти сведения, являясь непосредственным продолжением истории древнего мира и средних веков, дадут первоначальные представления об общем ходе мирового исторического процесса в новое и новейшее время.

К числу таких сведений, преподавание которых рассчитано примерно на 40 часов (из них более половины отводится на новейшую историю), относятся, в частности, следующие: развитие капитализма в Западной Европе и Северной Америке в XVIII — начале XIX в.; подъем рабочего движения в Западной Европе в середине XIX в. и возникновение научного коммунизма; Парижская коммуна; капитализм в конце XIX—начале XX в.; подъем мирового революционного движения в начале XX в.; первая мировая война; подъем революционного движения в капиталистических странах после Октябрьской революции; Коминтерн; мировой экономический кризис 1929—1933 гг.; образование двух очагов войны и постепенное ее развязывание; вторая мировая война; образование и укрепление мировой социалистической системы; усиление национально-освободительной борьбы колониальных и зависимых народов; курс империалистических сил на развязывание новой мировой войны; всемирное движение сторонников мира.

А. Т. Кинкулькин отметил, что выдвигаемый проект позволит, по мнению Института методов обучения, серьезно и глубоко изучить в старших классах историю нового времени и в особенности новейшего времени и историю народов СССР. Проект дает возможность в IX—XI классах в школах с производственным обучением и школах рабочей молодежи не только использовать методы работы, стимулирующие познавательную деятельность учащихся, но и научить их работать над произведениями классиков марксизма-ленинизма, над газетой и другой политической литературой.

Точку зрения дирекции Института истории АН СССР на обсуждаемую проблему изложил директор института член-корреспондент Академии наук СССР В. М. Хвостов. Он сказал, что поскольку 8-летняя

школа является общеобязательной, то она должна дать детям самое главное в области исторического образования. Данная задача чрезвычайно важна, ибо история — это такая дисциплина, которая имеет наибольшее значение для формирования мировоззрения учащихся, для их коммунистического воспитания. Надо из обилия исторического материала выбрать то, что в наибольшей мере отвечает воспитательным целям.

В. М. Хвостов сосредоточил свое внимание на критике проекта Института методов обучения, который, по его мнению, нельзя считать приемлемым. «Мне кажется,— говорил оратор,— что отбор фактов, который там намечен, отбор, вернее сказать, эпох для изучения, а следовательно, и структура преподавания не отвечают задачам школы». Этот проект, планируя изучение в V и VI классах истории древнего мира и средних веков, уделяет в 8-летней школе более половины отведенного на преподавание истории времени на рабовладельческую и феодальную формацию. Для ознакомления учащихся с историей нового и новейшего периодов времени остается лишь 40 часов, причем материал по данным формациям подается лишь в виде сведений, включенных в курс истории народов СССР. В. М. Хвостов подчеркнул, что 8-летняя школа обязана дать детям представление об империализме, познакомить с международным коммунистическим движением, с тем, как живут сейчас трудящиеся в капиталистических государствах, с гигантскими свершениями, которые происходят в странах народной демократии. По мнению В. М. Хвостова, мало времени отводит проект Института методов обучения и рассмотрению в 8-летней школе истории построения социализма в Советском Союзе.

В. М. Хвостов поддержал проект, выдвинутый Московским государственным педагогическим институтом имени В. И. Ленина. Согласно этому проекту (схема которого была роздана участникам совещания), в 8-летней школе предполагается изучать два курса истории: всеобщей и отечественной (сначала древняя, средневековая, новая и новейшая история, а затем история народов СССР), в X—XI классах следует ввести курсы новой и новейшей истории и историю народов СССР. В. М. Хвостов считает возможным вместо систематического курса древней и средневековой истории давать только рассказы по этим разделам и тем самым освободить время для преподавания новой и новейшей истории в 8-летней школе.

Декан исторического факультета Ленинградского института усовершенствования учителей В. А. Орлов познакомил собравшихся с проектом структуры курса истории, разработанным в институте. Он отметил, что учащиеся 8-летней школы должны в первую очередь основательно знать историю своей Родины, которую, по его мнению, надо изучать в течение четырех лет (V—VIII классы).

Дополняя характеристику проекта, данную в докладе Н. В. Наумова, В. А. Орлов сказал, что курсу истории народов СССР в V классе должен предшествовать небольшой (20 уроков) пропедевтический цикл рассказов-картин по истории древнего мира. В. А. Орлов подверг критике проект Института методов обучения, отметив, в частности, что он отводит мало времени изучению истории народов СССР в 8-летней школе и из-за перегруженности затрудняет применение разнообразных методов обучения.

М. И. Беленький (613-я школа Москвы) подчеркнул, что необходим всесторонний учет возрастных возможностей учащихся, особенно учеников 8-летней школы. Он предлагает не включать в курс истории народов СССР VII—VIII классов сведения по новой и новейшей истории, уделить большое внимание изучению истории народов СССР, рассматривать лишь те вопросы всемирной истории, без которых невозможно обойтись. М. И. Беленький считает нужным также выделить 15—20 часов в старших классах для рассмотрения важнейших теоретических вопросов истории древности и средневековья.

От имени группы учителей столицы — участников совещания выступила Н. И. Запорожец (601-я школа), которая поддержала проект Института методов обучения. Она подчеркнула, что необходимо помнить о неразрывности задач образовательных и идейно-политических. Н. И. Запорожец высказалась за преподавание истории древнего мира и средних веков в V—VI классах, считая, что эти курсы заложат у учащихся первоначальные основы понимания исторического процесса, подготовят усвоение ряда разделов истории народов СССР. К тому же нельзя забывать, сказала Н. И. Запорожец, что дети в V—VI классах только приучаются работать с учебником, не умеют составить план, вести записи в тетради. Поэтому в младших классах

следует отвести больше часов на изучение исторического материала.

Академик С. Д. Сказкин заявил, что проект Института методов обучения — единственный, практически наиболее подходящий вариант, хотя он и не является идеальным, отвечающим всем требованиям. История, говорил С. Д. Сказкин, должна изучаться последовательно. Переход от одной общественной формации к другой, более прогрессивной,— процесс закономерный. Без понимания этого история превращается в груду фактов. Изучение древней и средневековой истории надо проводить в 8-летней школе, ибо в старших классах это будет идти в ущерб новой и новейшей истории. Возражая В. М. Хвостову, утверждавшему, что учебное время распределяется неравномерно, С. Д. Сказкин сказал: мы затрачиваем несколько лет на то, чтобы учащиеся усвоили четыре правила арифметики, а бином Ньютона объясняем в несколько уроков. Так и в области истории: когда есть общее представление о рабовладельческой и феодальной формациях, то в старших классах объяснение более серьезного и сложного материала занимает меньше времени.

А. П. Аверьянов (заведующий кабинетом истории Московского городского института усовершенствования учителей) отметил, что в проектах есть много близких друг к другу положений, и предложил проверить в школах различные варианты построения исторического образования.

Методист-консультант Министерства просвещения Украинской ССР П. Л. Уховская рассказала о проведенном в республике широком обсуждении различных вариантов построения исторического образования, в котором приняли участие около 20 тыс. учителей истории, профессора и преподаватели высших учебных заведений. В январе 1959 г. состоялось республиканское совещание, в котором участвовало свыше 800 представителей научно-педагогической мысли. Абсолютное большинство собравшихся поддержало проект, аналогичный выдвинутому Институтом методов обучения, и решительно отвергло предложения о введении в V—VIII классах курса истории народов СССР с элементами всеобщей истории. Из 900 районов Украины только в трех районах был поддержан вариант, сходный с предложенным В. А. Орловым.

П. Л. Уховская подчеркнула, что политическое мировоззрение учащихся наиболее активно формируется в 15—18 лет, то есть у учеников старших классов, именно здесь необходимо изучать новую, новейшую историю и углубленный курс истории народов СССР, а не древнюю и средневековую историю; с ними учащихся надо знакомить в 8-летней школе.

Поддерживая вариант, разработанный Институтом методов обучения, учителя и ученые Украины говорили, что нужно построить курс истории таким образом, чтобы история изучалась так, как она развивалась. П. Л. Уховская сказала, что нельзя рассматривать систему исторического образования на первом этапе обучения в отрыве от второго этапа, и возражала против предложений ввести в 8-летней школе все курсы истории.

Анализируя свой 25-летний опыт преподавания, П. Л. Уховская подчеркнула доступность учащимся V—VI классов знаний по истории древнего мира и средних веков.

Заведующий кафедрой истории народов СССР Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина Н. Д. Кузнецов настаивал на включении в программу 8-летней школы элементарного изучения всех разделов истории: древней, средних веков, новой, новейшей и истории народов СССР.

Л. Н. Боголюбов (школа № 170 Москвы) говорил, что к решению вопроса о структуре школьного исторического образования нужно подходить как с позиций исторической науки, так и с позиций учителя, который должен донести знания до учеников определенного возраста, развития, подготовки и возможностей. При составлении программы мы должны исходить не из того, что нам хотелось бы, а из того, что мы можем получить, имея вполне определенный состав детей, которых мы обучаем. 8-летняя школа — это неполная средняя школа; так ее и надо рассматривать. Вместе с тем нельзя упускать из виду и тот факт, что некоторые после окончания 8-летней школы не будут продолжать образование. Таким образом, раз школа неполная средняя, нечего претендовать на полноту исторического образования, на включение в ее программу всех исторических курсов; с другой стороны, поскольку не все учащиеся будут учиться в IX—XI классах, то надо дать ученикам 8-летней школы то, что необходимо каждому человеку: знание истории народов СССР.

Историю древнего мира и средних веков следует, по мнению Л. Н. Боголюбова, пре-

подавать в V и VI классах. Это даст возможность последовательно изложить ход развития человеческого общества, познакомить школьников с важнейшими понятиями, выделить в старших классах необходимое время на изучение новой и новейшей истории.

Возражая против предложений В. М. Хвостова о построении курса истории, Л. Н. Боголюбов говорил, что эти предложения приведут к гонке в учебном процессе, нанесут на деле ущерб коммунистическому воспитанию учащихся. Л. Н. Боголюбов предложил принять за основу проект Института методов обучения, улучшив его.

Г. М. Рехтер (школа № 216 Ленинграда) поддержала проект ленинградских институтов усовершенствования учителей и Пединститута имени Герцена. Она отметила, что проект Института методов обучения отводит мало времени на изучение истории народов СССР в 8-летней школе; это затруднит изложение истории нашей Родины в яркой, доступной и занимательной форме. Историю древности и средневековья надо, по мнению Г. М. Рехтер, преподавать в старших классах.

И. И. Мерзон (заведующий кафедрой методики истории Московского областного пединститута) указал на ряд недостатков проекта, выдвинутого Московским педагогическим институтом имени В. И. Ленина: он мозаичен, состоит из разнообразных разделов, не учитывает особенностей учащихся. Неудачна предполагаемая последовательность изучения курсов: учащиеся закончат курс новейшей истории, а затем перейдут к древнейшему периоду истории народов СССР. На ознакомление с каждой темой дается малое число часов, и поэтому у учащихся не будет твердых знаний. И. И. Мерзон отметил, что необходим всесторонний учет того большого опыта преподавания истории, который накоплен школой, в частности преподавания древней и средневековой истории в V—VI классах. Оратор поддержал проект Института методов обучения, который может быть положен в основу построения школьного исторического образования.

А. Я. Коковин (Мордовский государственный университет) высказал мысль, что необходимо изучать в 8-летней школе не только историю народов СССР, но и все курсы всеобщей истории. Благодаря систематическому преподаванию всеобщей истории в 8-летней и средней школе история будет изучаться концентрически, что позволит достигнуть у учащихся прочных знаний.

Л. П. Лабунский (преподаватель школы рабочей молодежи Московского метрополитена) рассказал об особенностях работы в вечерних (сменных) школах и возразил против предложений ленинградских институтов о переносе курсов древней и средневековой истории в старшие классы. Л. П. Лабунский подчеркнул, что в школах рабочей и сельской молодежи особенно нужно глубокое изучение истории народов СССР, использование в процессе преподавания материала по истории тех предприятий, рабочие которых учатся в данной школе. Л. П. Лабунский настаивал на выделении достаточного учебного времени для изучения в старших классах полного курса новейшей истории зарубежных стран. При этом надо в яркой и доступной форме раскрыть завоевания мировой социалистической системы, разоблачить враждебную буржуазную идеологию.

А. М. Сахаров (доцент исторического факультета Московского государственного университета) сообщил, что большинство работников факультета одобрило проект Института методов обучения. Все историки, к какой бы специальности они ни принадлежали, должны думать о резком подъеме преподавания истории как школьной дисциплины. Поэтому нельзя согласиться с предложениями реформировать преподавание истории в средней школе за счет сокращения одних разделов истории и увеличения удельного веса других. Нельзя согласиться и с тем, что будто в исторической науке и в школьной программе по истории есть какие-то второстепенные с точки зрения идейного воспитания разделы.

Нашей важной задачей, говорил А. М. Сахаров, является воспитание у учащихся сознания того, что коммунистическое общество есть самое лучшее и самое справедливое общество на земле. Но как можно достигнуть этой задачи, если игнорировать тысячелетнюю историю прошлого, если не рассказать и не показать того, каким долгим и мучительным путем шло человечество к этой великой победе. Надо так спланировать преподавание истории в средней школе, чтобы не уничтожать ценное и положительное, что имеется в современном опыте, и вместе с тем учитывать новые условия. По мнению А. М. Сахарова, возражения против концентризма не имеют достаточных оснований.

Придерживаясь в целом проекта Академии педагогических наук, который предусматривает ознакомление учащихся со всеми разделами исторического процесса, А. М. Сахаров отметил один существенный недостаток этого проекта: программы представляют собой, вольно или невольно, конспект вузовской программы по истории. Этим грехом страдают и многие учебники. Во всей нашей практической разработке вопросов преподавания в средней школе должен быть выдвинут на первый план учет возрастных особенностей учащихся. Нам нужно выработать такой тип школьного курса истории с таким кругом знаний, который соответствовал бы отведенному учебному времени и возрастным особенностям учащихся.

Учитель средней школы № 1 гор. Химки Н. Г. Дайри подверг критике предложения ленинградских институтов. Они ставят, отметил Н. Г. Дайри, в крайне неблагоприятное положение преподавание истории нашей Родины на втором этапе обучения и, по сути дела, ликвидируют систематический курс истории народов СССР. Совершенно определенно, сказал он, что необходим систематический курс истории народов СССР как на первом, так и на втором этапе обучения. По мнению Н. Г. Дайри, в проекте ленинградских институтов отведено недостаточно места изучению новейшей истории и, наоборот, неоправданно велик курс истории средних веков на втором этапе среднего образования.

Коснувшись проекта, представленного Московским государственным педагогическим институтом имени В. И. Ленина, Н. Г. Дайри отметил его отдельные положительные черты, но высказал мысль, что этот проект недостаточно учитывает возрастные особенности учащихся. Так, например, вряд ли целесообразно ознакомление учеников VI—VII классов с такой сложной и труднодоступной для усвоения темой, как Английская буржуазная революция.

Н. Г. Дайри высказал несколько критических замечаний в адрес В. М. Хвостова, указав на недооценку им второго этапа обучения. Вместе с тем он считает совершенно правильной мысль о том, что в курсе истории V—VIII классов надо больше изучать историю народов СССР советского периода и вопросы новейшей истории.

Учительница школы рабочей молодежи № 1 гор. Калинина Е. И. Комянская поддержала проект, представленный Институтом методов обучения. Она высказала ряд соображений о преподавании истории в школах рабочей молодежи. По ее мнению, учащиеся этих школ имеют право на полнокровный курс истории. Совершенно нецелесообразно для них создавать особую программу и особые учебники. Школа рабочей молодежи со временем должна быть поставлена в равные условия с обычной общеобразовательной школой, тем более что с каждым годом она будет все больше и больше давать кадров для высших учебных заведений.

Е. И. Комянская также коснулась качества учебников по истории; она считает, что учебник истории, и особенно истории советского общества, должен излагать материал красочно и увлекательно. Современный учебник, к сожалению, такими достоинствами не обладает.

Решая вопросы о структуре и содержании курса истории на двух этапах школьного обучения, сказал А. А. Вагин (учитель средней школы № 60 Ленинграда), необходимо прежде всего исходить из решений XXI съезда КПСС о перестройке школьного образования, об усилении связи школы с жизнью, с практикой коммунистического строительства. А. А. Вагин разделяет точку зрения В. М. Хвостова об особой важности вопросов современности в курсе истории.

Курс истории призван играть не только общеобразовательную роль, но прежде всего формировать мировоззрение учащихся.

При перестройке преподавания истории необходимо учесть некоторые уроки прошлого. Во-первых, 8-летняя школа должна давать учащимся минимум знаний по истории родной страны; во-вторых, учебный курс не должен быть перегружен сложным историческим материалом и, в-третьих, надо всесторонне учитывать возрастные особенности школьника.

По мнению А. А. Вагина, рассматриваемые курсы истории как раз оставляют желать много лучшего с точки зрения их педагогического обоснования.

На первом этапе обучения (V—VIII классы) задачи ознакомления учащихся с историей необходимо строго конкретизировать, уделив максимальное внимание отбору материала, характеру курса в целом. Для учащихся V классов уяснение закономерностей исторического процесса еще недоступно; для них полезно первое ознакомление с историческим процессом.

К сожалению, отметил А. А. Вагин, и проект Института методов обучения, со многими положениями которого он согласен, страдает именно тем, что не учитывает возрастные особенности учащихся на разных этапах обучения.

А. А. Вагин считает, что курс истории в 8-летней школе не должен ограничиваться только историей народов СССР: совершенно необходим и материал по всеобщей истории. Разумеется, крайне сложно рассмотреть весь исторический процесс в сжатых рамках восьмилетки, тем не менее надо найти наиболее рациональный метод решения этого крайне сложного вопроса.

Было бы целесообразно введение в восьмилетке единого курса истории, стержнем которого явилась бы история народов СССР с упором на главнейшие события современности. Такое построение курса поможет учащимся лучше усваивать материал, приблизит их к пониманию и осмысливанию связи исторических событий с жизнью наших дней.

В. И. Калюжный (учитель средней школы № 17 Свердловска) подверг критике вариант курса, разработанный Институтом методов обучения, основной недостаток которого, по его мнению, заключается в том, что он комкает изучение истории народов СССР. Существенные недостатки содержатся и в варианте Педагогического института имени В. И. Ленина. По мнению Калюжного, уложить в 280 часов всю историю человечества вплоть до наших дней невозможно. При такой постановке вопроса учащиеся не получат знаний ни по истории народов СССР, ни по всеобщей истории.

В. И. Калюжный предложил следующую структуру курса: V—VIII классы — элементарный курс истории народов СССР, с включением в него отдельных тем по древней, средневековой, новой и новейшей истории; IX класс — древняя и средневековая история; X—XI классы — история народов СССР с 1861 г. до наших дней и новая и новейшая история. В XI классе целесообразно введение предмета «Основы коммунизма».

По мнению В. И. Калюжного, было бы неправильным ограничивать историческое образование восьмилеткой. Видимо, целесообразно найти такие пропорции в распределении материала, которые позволили бы учащимся знакомиться с историей на протяжении всех лет обучения как первого, так и второго периодов.

Р. Д. Морская (заведующая кабинетом истории Института усовершенствования учителей Кабардино-Балкарской АССР) обратила внимание конференции на сложность работы учителя в нерусских школах. Необходимо, чтобы программа по истории учитывала в какой-то мере специфические особенности национальных республик. По мнению Р. Д. Морской, курс истории в 8-летней школе должен быть полнокровным, давать учащимся завершенный круг знаний. Вместе с тем из гигантской сокровищницы исторических знаний надо отобрать самое главное, основное, типичное. Р. Д. Морская считает наиболее удачным проект, разработанный Институтом методов обучения. Она отметила также, что учительство крайне нуждается в добротном школьном учебнике по истории.

А. Я. Шевеленко (учитель и методист Советского района Москвы) подверг критике все представленные проекты построения курсов истории, в том числе и вариант Института методов обучения, признанный им наиболее удачным, за их излишнюю перегруженность материалом. Курсы нуждаются в резком сокращении. Учебная программа должна строиться таким образом, чтобы на каждые два урока с изложением нового материала был предусмотрен минимум один урок повторения. Только при этом условии в сознании учащихся будут фиксироваться основные исторические события, подниматься воспитательная роль истории в целом.

И. С. Генкин (учитель истории школы № 53 Тулы) сказал, что при разработке проекта программы истории необходимо исходить из положения о том, что современный уровень исторического образования должен быть поднят на новую ступень. Однако надо исходить из реальных возможностей: не отрываться от действительности, учитывать возрастные особенности учащихся и то время, которое отводится на историю в процессе обучения школьника.

Проект Педагогического института имени В. И. Ленина, по мнению Генкина, должен быть отвергнут вследствие его калейдоскопичности. Надо иметь в виду, что на историю отводится всего только два часа в неделю в каждом классе 8-летней школы. Разумеется, за это время невозможно дать полный курс древней, средневековой, новой и новейшей истории, и прежде всего истории народов СССР.

И. С. Генкин поддержал проект Института методов обучения. Он считает, что

этот проект, хотя и содержит ряд спорных положений, должен быть положен в основу разработки курса. Проект предлагает в VII—VIII классах изучать историю народов СССР, а также давать учащимся основные сведения по новой и новейшей истории зарубежных стран. Но и здесь та же тенденция — втиснуть в курс восьмилетки всю историю. Это вряд ли целесообразно, поскольку комкает курс, учащиеся не получат глубоких и прочных знаний. И. С. Генкин предложил в VII—VIII классах изучать только историю народов СССР с включением в нее некоторых элементов мировой истории.

При разработке курса истории в школе, сказал в своем выступлении И. М. Чепурнов (заведующий кабинетом истории Горьковского института усовершенствования учителей), необходимо прежде всего исходить из требований закона о перестройке системы народного образования, в котором сказано, что 8-летняя школа является неполной средней школой, что она не предусматривает полный курс среднего образования.

По мнению И. М. Чепурнова, те товарищи, которые ратуют за полный курс исторического образования в 8-летней школе по всем разделам истории, с древнейших времен и до наших дней, не совсем ясно представляют себе, как это можно осуществить конкретно на практике и каково познавательное и воспитательное значение такого курса. Они, по-видимому, мало знают действительную жизнь школы, неверно оценивают познавательные способности учащихся различного возраста. И. М. Чепурнов считает, что в 8-летней школе в основу исторического образования должен быть положен наиболее важный, как с точки зрения познавательной, так и воспитательной, курс истории народов СССР. Вместе с тем в V—VI классах восьмилетки необходим курс истории древнего мира и средних веков.

Историческая общественность гор. Горького, от имени которой выступил И. М. Чепурнов, с большим вниманием рассмотрела предложенные варианты курса истории и подвергла их основательной критике: первый вариант — за многотемность, отсутствие конкретности, за перенасыщенность историческим материалом; второй — за излишнюю концентричность. Учителя гор. Горького, сказал далее И. М. Чепурнов, согласны с тем, что в V—VI классах должна изучаться история древнего мира и средних веков. В курс истории народов СССР, который предлагается ввести в VII—VIII классах, нет необходимости вводить элементы по всеобщей истории. По его мнению, курс истории народов СССР должен изучаться самостоятельно с включением некоторых фактов из новой и новейшей истории, которые будут способствовать более полному и глубокому усвоению курса истории народов СССР.

По мнению горьковчан, в курс истории СССР было бы целесообразно также включить Конституцию СССР, а не изучать ее как самостоятельный предмет.

И. М. Чепурнов остановился также на преподавании истории на втором этапе обучения. В IX классе было бы правильным изучать новую историю; в X — историю народов СССР конца XIX — начала XX в., предпослав курсу небольшое введение, в котором дать характеристику развития капитализма в России после падения крепостного права; в XI классе — завершить изучение истории народов СССР, новейшей истории и основ коммунизма. В заключение И. М. Чепурнов коснулся вопроса об учебниках. Он согласен с высказываниями о том, что учебники по истории должны быть яркими, красочными, доступными для усвоения. К написанию учебников необходимо привлечь учителей-практиков, широкие круги исторической общественности.

Проф. В. Г. Трухановский (Институт истории Академии наук СССР) посвятил свое выступление преподаванию новейшей истории. Он сказал, что это один из важнейших вопросов, требующих серьезного внимания при перестройке преподавания истории в средней школе. В. Г. Трухановский считает, что без минимума знаний по новейшей истории будет затруднена задача воспитания учащихся убежденными борцами за дело коммунистического строительства. На конкретных фактах истории необходимо показать, как рушится и гибнет мир капитализма. В. Г. Трухановский предлагает ввести в 8-летней школе курс новой и новейшей истории и сократить часы, отведенные на историю древнего мира и историю средних веков.

Ссылки на трудность усвоения учащимися VII—VIII классов некоторых явлений по новейшей истории, например, таких, как «империализм», не могут быть приняты. Надо отбросить как несостоятельные доводы о том, что новейшая история трудна для понимания школьника. Дело только в том, что методика изложения материала,

педагогическое мастерство учителя пока еще не на должной высоте.

В. Г. Трухановский отметил, что имеющиеся учебники еще далеки от совершенства. Необходимы доходчиво написанные книги, в увлекательной форме и вместе с тем с правильных марксистских методологических позиций излагающие материал.

По мнению В. Г. Трухановского, было бы полезным для учителей создать книгу по новой и новейшей истории, в 2—3 раза большую по объему, чем школьное пособие, насыщенную фактическим материалом.

З. М. Кольцова (учительница школы № 6 Казани) присоединилась к общему мнению выступавших, что ни один из представленных проектов пока нельзя считать удовлетворительным, хотя и можно отдать предпочтение варианту Института методов обучения. Она подвергла критике этот проект за его перегруженность материалом и за отсутствие дифференцированного подхода к возрастным особенностям учащихся. В курсе истории, по мнению З. М. Кольцовой, есть теоретически очень сложные, трудные для усвоения учащихся вопросы. Например, материал о «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса или вопросы империализма, революции 1905—1907 гг., Великой Октябрьской социалистической революции. Все эти сюжеты по новой программе предлагается изучать в VII классе, но они недоступны для учащихся данного возраста. Проекты страдают и еще одним существенным дефектом. Перегруженные материалом, они позволят в лучшем случае познакомить учащегося с некоторыми фактами. Воспитательное же значение истории, которая в первую очередь призвана формировать мировоззрение школьника, не проявится в полной мере.

З. М. Кольцова призвала подойти со всей ответственностью к разработке таких важнейших документов, как программы по истории в школе, документов, которые будут определять направление исторического образования в стране в течение многих лет.

П. Н. Потемкин (учитель средней школы № 8 Красногорска, Московской области) считает, что решение вопроса о выработке новой программы и нового учебного плана по истории нельзя ограничивать рамками 8-летней школы; его надо решать в масштабе полной средней школы. Необходимо видеть перспективу охвата в недалеком будущем средним образованием всей молодежи страны и в соответствии в этим строить преподавание истории в школе. Средняя школа должна быть нацелена на то, чтобы давать учащимся законченные исторические знания и формировать у них марксистско-ленинское мировоззрение, что можно сделать главным образом на втором этапе обучения. В 8-летней школе, по мнению П. Н. Потемкина, возможно лишь заложить основы мировоззрения.

П. Н. Потемкин считает, что в курсе истории на первом этапе обучения в основу должна быть положена история народов СССР. Однако целесообразно, как свидетельствует 25-летний опыт преподавания, в V—VI классах начинать изучать историю древнего мира и историю средних веков. Он не согласен с мнением ряда товарищей, считающих, что 8-летняя средняя школа должна давать почти законченное образование. Было бы немыслимо в рамках восьмилетки освоение всей истории человечества. Учащиеся должны быть вооружены знаниями прежде всего по истории народов СССР и в меньшей степени знаниями по новой и новейшей истории.

Об этом же сказала в своем выступлении Т. С. Шебалина (Ленинградский педагогический институт имени Герцена). Она подчеркнула, что, обсуждая вопрос о перестройке преподавания истории в школе, необходимо исходить прежде всего из наличия двух этапов обучения. Т. С. Шебалина высказалась за концентрическое построение курса. Дело не в том, что такое построение курса является наименьшим злом по сравнению с линейным преподаванием истории, а в том, что ум школьника на различных возрастных ступенях развития по-разному приспособлен к восприятию и изучению исторических фактов.

По мнению Т. С. Шебалиной, на первом этапе исторический материал следует более насыщать фактами. Каков же критерий для отбора фактов? Она считает, что для 8-летней школы стержнем программы должна стать история нашей Родины. Что касается второго концентра, то здесь нужно вернуться к вопросам древней, средневековой и новой истории, сделав крен в сторону более широкого теоретического обобщения материала. Учащимся IX—XI классов необходимо прививать навыки самостоятельного анализа материала, развивать у них способность делать соответствующие выводы и обобщения на основе фактов.

На втором этапе обучения курс истории народов СССР, по мнению Т. С. Шебалиной, уже не может явиться стержнем программы. Он должен даваться в общем курсе

всеобщей истории и раскрывать то великое место, которое занимает Советский Союз во всемирной истории. Учащиеся IX—XI классов вполне способны теоретически осмысливать это положение. Т. С. Шебалина присоединилась к большинству участников конференции, высказавших пожелание о необходимости создания хороших, ярких и доступных учебников по истории.

Д. Д. Тетюхин (Воронежский институт усовершенствования учителей) в своем выступлении высказал несколько соображений о пробелах, имеющихся в системе нашего обучения. Надо признать, сказал он, что программы по истории перегружены. Из массы исторических фактов необходимо отобрать самое главное, самое важное. Нуждается в перестройке и методика преподавания курса, целесообразно предоставить учителю больше самостоятельности в работе.

Д. Д. Тетюхин поделился своими соображениями о представленных проектах. По его мнению, ни один из них неприемлем. Конечно, проекты надо внимательно рассмотреть, взяв из них все полезное. На первом этапе больше внимания следует уделить изучению истории нашей Родины, сохранить предметность, отказавшись от фрагментарности, не способствующей пополнению знаний учащихся.

Было бы правильным, сказал Д. Д. Тетюхин, в V классах ввести преподавание истории древнего мира и средних веков, в VI—VII классах — истории народов СССР с уклоном на историю советского периода и в VIII классах — Конституции СССР. На втором этапе обучения, по мнению выступающего, было правильным ввести курс новой и новейшей истории, обратив особое внимание на историю нашей Родины и прежде всего советского периода. Д. Д. Тетюхин высказал ряд соображений о соединении обучения с производительным трудом. Он считает, в частности, полезным проведение учебных экскурсий.

Л. О. Красс (Калужская область) присоединилась к общей положительной оценке проекта Института методов обучения. Было бы неправильным давать в восьмилетке законченный курс истории. Больше внимания должно быть уделено курсу истории народов СССР. Из всемирной истории надо отобрать самое главное: например, вопрос о Французской буржуазной революции, проблематику новейшей истории и т. д.

Что касается IX—XI классов, то здесь, по мнению Л. О. Красс, нужен полнокровный курс истории народов СССР и прежде всего истории советского периода. Поскольку в этих классах проводится основная работа по формированию мировоззрения учащегося, углубленное прохождение курса истории нашей Родины будет чрезвычайно полезным. Особенно важно изучение истории СССР в IX—XI классах школ рабочей и сельской молодежи. Время, отводимое на историю народов СССР в этих школах, крайне недостаточно. Л. О. Красс присоединилась к мнению о необходимости создания хорошего учебника по истории.

В. Г. Куломзина (учительница истории школы № 4 Рязани) также считает, что в 8-летней школе ознакомление с историей надо начинать с древней истории, затем дать курс истории средних веков и истории СССР с включением в него сведений по новейшей истории.

По мнению В. Г. Куломзиной, было бы целесообразным сокращение количества часов по средневековой истории, поскольку феодальная формация может быть успешно изучена в общем курсе истории народов СССР на примере истории нашей страны. В. Г. Куломзина коснулась вопроса о преподавании истории народов СССР в IV классе начальной школы. Она высказала соображение, что здесь нужен эпизодический курс истории народов СССР. Время на изучение истории в IV классе можно сократить, поскольку курс будет изучаться на более расширенной основе в V—VIII и IX—XI классах.

В. Г. Куломзина высказалась против введения на втором этапе обучения древней и средневековой истории. По ее мнению, в старших классах больше внимания необходимо уделить курсу истории народов СССР, основ коммунизма, более обстоятельному изучению новейшей истории.

А. К. Плауде (Научно-исследовательский институт школ Латвийской ССР) сказала, что из всех представленных вариантов наиболее удачен вариант Института методов обучения. Считая его в основном приемлемым, А. К. Плауде высказала соображение о целесообразности включения в курс истории VII—VIII классов материала по истории национальных республик, что имело бы очень большое воспитательное значение. Преподавание местной истории необходимо и на втором этапе обучения, в IX—XI классах. По мнению Плауде, в этих классах основной крен должен быть сделан в сторону изучения новой и новей-

шей истории зарубежных стран, а также истории советского периода.

Е. А. Костюкевич (Министерство просвещения РСФСР) предложила следующую схему преподавания истории: в IV классе — сведения по истории нашей страны, в V классе — основные разделы древней истории: происхождение религии, подробно о Египте, классах и государстве, восстаниях рабов, культуре Греции и Рима, христианстве, причинах гибели Рима и, наконец, истории Урарту и Скифии. Это обеспечило бы возможность закончить прохождение истории древнего мира на первом этапе обучения и не возвращаться к ней на втором. В первой половине VI класса следует изучать также историю средневековья. При такой схеме можно дать больше времени на усвоение отечественной истории, а также новой и новейшей истории стран Запада.

А. И. Стражев (член-корреспондент Академии педагогических наук, Москва) обратил внимание совещания на исключительную важность рассматриваемых вопросов, поскольку речь идет, по сути дела, о системе исторического образования на весьма длительный период времени.

А. И. Стражев напомнил, что постановление Центрального Комитета партии и Совета Народных Комиссаров (1934 г.) разоблачило школу Покровского и положило начало подлинно историческому школьному образованию.

В постановлении было указано, что средняя школа призвана давать основы исторической науки. Мне представляется, отметил А. И. Стражев, что это положение следует взять за основу и при выработке нашей программы. Программа должна давать знания учащимся в строгой последовательности: от простых общественных явлений идти к усвоению более сложных тем, чтобы одно логически вытекало из другого.

Однако нельзя согласиться с утверждением А. И. Стражева, что наиболее разработанный, а поэтому и более доступный исторический материал дают курсы древней и средневековой истории, что в первую очередь на примере древней и средневековой истории Запада учащийся имеет возможность усвоить основные образы и понятия, с помощью которых он сможет подняться на следующую ступень в познании более сложных явлений современности.

По мнению оратора, справедливо, конечно, и то обстоятельство, что учащиеся должны воспитываться на ярких явлениях современности. Но никогда не закроет одно другое, если ученик научился понимать объективную закономерность исторического процесса, неизбежность перехода к новейшим ступеням.

В этом заключается сущность исторического образования, и попытки некоторых товарищей доказать разумность включения, скажем, в стройный курс истории нашей страны случайных тем по всеобщей истории грешат антиисторизмом.

По мнению А. И. Стражева, восьмилетка должна давать учащимся полный курс истории нашей Родины.

Историю народов СССР нельзя усвоить только на базе предшествующей эпохи, ее обязательно надо изучать наряду с элементарным курсом новой истории, и ни в коем случае не разрывать его на куски. Это наиболее правильный путь подведения учащихся к восприятию действительности.

А. И. Стражев поделился некоторыми соображениями о концентризме в преподавании истории. Линейный курс от V до XI класса неприемлем. Было бы разумно подумать над так называемым концентризмом методическим. Учитель должен исторический материал постоянно увязывать с вопросами современности.

Он считает, что проблема связи с современностью должна решаться таким образом, чтобы к любому историческому материалу подходить с точки зрения партийности, с позиций марксизма-ленинизма. В этом суть подлинной, настоящей связи с современностью.

М. П. Овчинникова (учительница школы № 357 Ленинграда) считает, что наряду с пропедевтическим курсом древней и средневековой истории в V—VI классах было бы целесообразным введение повторного, разумеется, сокращенного курса древней и средневековой истории и в IX классе. Это необходимо сделать, по мнению М. П. Овчинниковой, по той простой причине, что когда во втором концентре учитель формирует у учащихся марксистско-ленинское понимание истории как единого закономерного процесса развития человеческого общества, у них останутся лишь слабые воспоминания о рабовладельческой и феодальной формациях.

Марксистско-ленинского мировоззрения, материалистического понимания истории можно достигнуть только на основе изучения всей истории развития человеческого общества.

М. П. Овчинникова считает, что учащиеся V—VIII классов обязательно должны получить систематические знания по курсу истории СССР. Конечно, изучать историю народов СССР в отрыве от всеобщей истории было бы неправильным, ибо некоторые вопросы из истории нашей страны легче усваиваются в сочетании с материалом всеобщей истории.

М. П. Овчинникова поддержала точку зрения некоторых товарищей, считающих целесообразным ознакомление учащихся 8-летней школы с материалом новейшей истории. По ее мнению, в данном случае весь вопрос упирается в методику. Каждый учитель должен в доступной форме излагать, например, такой сложный вопрос, как империализм и др.

М. П. Овчинникова присоединилась к общему требованию всех учителей о создании хороших учебников по истории, наглядных пособий, интересной исторической литературы. Положительное решение этих вопросов значительно способствовало бы поднятию уровня преподавания истории.

При составлении программ по истории, сказала академик М. В. Нечкина (Институт истории АН СССР), нужно исходить из определенного понимания цельности полного среднего образования на протяжении всей 11-летней школы. Это отправная точка при решении вопроса о построении курса истории.

Надо понять, сказала далее М. В. Нечкина, что решение вопроса о важности полного среднего образования в объеме 11 классов диктуется всей практикой нашей повседневной жизни. Жизнь заставит закончившего 8-летнюю школу молодого человека продолжать образование, чтобы получить минимум тех знаний, которые ему пригодятся в повседневной практике.

М. В. Нечкина критиковала тех товарищей, которые считают, что восьмилетка должна давать учащимся законченное образование. М. В. Нечкина говорит, что нашу новую среднюю школу необходимо понимать, как организационное целое. Отсекать первую ступень обучения от второй неправильно. Исходя из этого, должна строиться и программа по истории.

Вторую половину своего выступления М. В. Нечкина посвятила вопросу о том, в каких пропорциях следует изучать исторический материал в 8-летней школе. Ясно, что без прохождения истории древнего мира и средневековой истории невозможно понимание современной истории. Изучение истории древнего и средневекового мира не самоцель, это элементы мировоззрения и доказательство неизбежности и закономерности развития человечества к коммунизму. Кроме того, изучение рабовладельческой и феодальной формаций необходимо и для того, чтобы понять уровень развития ряда современных народов Азии.

По мнению М. В. Нечкиной, опасения некоторых товарищей, что в сплошной курс истории народов СССР в VII классах будут органически вкраплены сведения по всеобщей истории и что это приведет к затруднению понимания общеисторического процесса, лишены основания. В самом деле, можно ли понять историю первой и тем более второй мировых войн, последствия этих войн без взаимосвязи истории СССР и всеобщей истории?

Другое дело — найти наиболее удачные формы сочетания этого материала; над этим необходимо основательно подумать. М. В. Нечкина выразила надежду, что Институт истории АН СССР выскажется по такой важной проблеме, как перестройка преподавания курса истории в средней школе.

Она коснулась также вопроса о самостоятельном курсе истории в IV классе. Абсолютное большинство участников конференции высказалось за поддержку самостоятельного, хотя и небольшого пропедевтического курса истории нашей Родины в IV классе.

М. В. Нечкина приветствовала желание учителей принять самое активное участие в работе над учебниками истории и самостоятельно и совместно с учеными.

В заключение М. В. Нечкина выразила глубокое удовлетворение результатами работы конференции.

В. М. Хвостов (член-корреспондент АН СССР) подверг критике некоторые положения из выступления М. В. Нечкиной. Он, в частности, высказался за то, чтобы 8-летняя школа вооружала учащихся всем важным и основным, что имеется в арсенале исторической науки, чтобы она давала учащимся не только знания по древней и средневековой истории, но и по современной истории. Утверждение о том, что без изучения феодализма не понять капитализма и империализма, справедливо, но этого еще недостаточно. Явление, ради уяснения которого тратится столько сил и времени, также должно быть изучено. Откладывать изучение явлений новой и новейшей истории на второй этап обучения неразумно и неправильно. Вариант Института методов

обучения, который решает вопрос именно в таком плане, по мнению В. М. Хвостова, должен быть отвергнут. Он высказался за замену ныне действующих учебников новыми. По мнению В. М. Хвостова, при создании авторских коллективов для учебников надо найти правильные формы сотрудничества, взяв курс на сочетание ученых-историков и педагогов-практиков, при этом предпочтение должно быть отдано последним.

Заместитель министра просвещения РСФСР М. П. Кашин отметил исключительную плодотворность совещания, которое поможет Министерству просвещения найти более правильное решение вопроса об историческом образовании в средней школе.

Одним из итогов настоящего совещания, сказал М. П. Кашин, является то, что в ходе живой, творческой работы удалось приблизиться к выработке какого-то единого проекта построения школьного курса истории. Мощный голос нашего учительства в значительной степени способствовал выбору направления, в котором надо идти при разработке программы.

Надо полагать, что созданная при Министерстве просвещения программная комиссия (в которую, в частности, входят М. В. Нечкина, В. М. Хвостов, А. И. Стражев) чутко подойдет к рассмотрению высказанных здесь пожеланий и учтет их по мере возможности при окончательной доработке курса.

М. П. Кашин далее сказал, что Министерство просвещения при разработке программ прежде всего будет исходить из таких исторических документов, как тезисы Центрального Комитета и Совета Министров СССР, утвержденные ноябрьским Пленумом ЦК партии, из решений XXI съезда КПСС, из законов, принятых Верховными Советами СССР и РСФСР, а также из многолетней практики советской средней школы.

В ходе настоящего совещания, заметил М. П. Кашин, по ряду вопросов наметилась определенная точка зрения.

Прежде всего средняя школа должна дать знания основ исторической науки; во-вторых, вопросы истории народов СССР должны изучаться не только в старших классах на втором этапе обучения, как это было до сих пор, но и на первом этапе обучения. Бесспорно также, что в 8-летней школе историческое образование следует завершить прохождением Конституции СССР. На втором этапе обучения необходимо приступить к углубленному изучению новой и новейшей истории зарубежных стран и народов СССР. По мнению М. П. Кашина, программная комиссия должна будет проводить эту линию в своих предложениях для коллегии Министерства. М. П. Кашин поддержал мысль о едином курсе истории для всех союзных республик страны. Он также указал, что ныне существующие учебники необходимо заменить новыми. Остается спорным вопрос о завершенном образовании: что давать и в каком объеме,— эта проблема еще ждет своего разрешения. По мысли М. П. Кашина, идея давать завершенное образование в 8-летней школе неправильна.

В заключение на совещании выступил министр просвещения РСФСР тов. Е. И. Афанасенко.

Он отметил исключительную важность совещания, поскольку оно обсуждало такой большой, ответственный и сложный вопрос, как постановка исторического образования в нашей средней школе.

Е. И. Афанасенко подчеркнул, что при перестройке школьного образования необходимо учесть все лучшее, разумное, полезное, что накопила советская школа. В этой связи и при перестройке курса истории надо проявить максимум осторожности. Необходимо исходить из перспективы обязательного всеобщего 11-летнего образования. Школа должна сформировать у учащихся марксистско-ленинское понимание исторического процесса. Немыслимо изучать все многообразие исторических сведений, накопленных человечеством. Школа должна дать основы исторических знаний и выработать у учащихся на основе их марксистско-ленинское мировоззрение.

Е. И. Афанасенко указал, что необходимо принять решение о новой системе школьного исторического образования.

Ф. А. Гаврилов,
К. А. Тимофеев

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 40-летию КОМИНТЕРНА

В марте 1959 г. в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС состоялась научная сессия, посвященная 40-й годовщине со дня основания международной пролетарской организации — Коммунистического Интернационала. На сессии с докладом «Историческое значение Коммунистического Интернационала» выступила делегатка I конгресса Коминтерна доктор исторических наук С. И. Гопнер.

Основание Коминтерна, говорила докладчица, явилось выдающимся событием в развитии мирового коммунистического движения, ознаменовавшим собой торжество принципов пролетарского интернационализма и победу марксизма-ленинизма над оппортунизмом в международном рабочем движении.

Остановившись на предыстории Коминтерна, С. И. Гопнер показала выдающуюся роль В. И. Ленина в создании международного центра пролетарского движения. Историческая заслуга В. И. Ленина и большевистской партии состояла в том, что уже с момента возникновения первой мировой империалистической войны они провели гигантскую работу по собиранию всех подлинно революционных интернационалистских элементов в рабочем движении и сплотили их в составе «Циммервальдской левой», сыгравшей важную роль в создании Коминтерна.

Коминтерн возник в марте 1919 г., в новую историческую эпоху — эпоху крушения капитализма и победы коммунизма, начало которой положила победоносная Великая Октябрьская социалистическая революция.

С момента своего образования Коминтерн стал мировым центром объединения всех коммунистических групп и организаций, решительно отмежевавшихся от оппортунистического II Интернационала. В непримиримой борьбе против всех оппортунистических, ревизионистских и анархистских извращений Коминтерн отстоял чистоту марксизма-ленинизма и сыграл важнейшую роль в создании подлинно марксистских коммунистических партий во многих странах мира. Если в начальный период существования Коминтерна в мире насчитывалось всего лишь 300—400 тыс. коммунистов, то на VII конгрессе Коминтерна было представлено 76 коммунистических партий, насчитывавших 3 млн. 140 тыс. членов.

Большое место в своем докладе С. И. Гопнер уделила показу выдающейся роли В. И. Ленина в подготовке создания и во всей последующей деятельности Коминтерна.

Докладчица опровергла измышления лидеров современных правых социалистов, пытающихся оклеветать Коминтерн и переложить ответственность за раскол в рабочем движении на коммунистов. На убедительных примерах из истории рабочего движения С. И. Гопнер показала, что действительной причиной раскола в партиях II Интернационала явилась измена делу пролетариата со стороны правых социал-демократических руководителей. Коминтерн же и коммунистические партии доказали всей своей деятельностью, что они всегда стояли за единство действий рабочего класса, о чем, например, ярко свидетельствует упорная и последовательная борьба коммунистов за единый народный фронт в период антифашистской борьбы. Это подтверждает и современная практика коммунистических и рабочих партий, стремящихся укрепить и расширить единый фронт рабочего класса в борьбе за демократию, мир и социализм.

Осветив 25-летний путь Коминтерна, С. И. Гопнер убедительно показала, что это был период непрерывного развития и укрепления коммунистического и рабочего движения. За это время были воспитаны стойкие кадры коммунистов, коммунистические партии обогатились неоценимым опытом борьбы и руководства массами. Благодаря работе, проделанной Коминтерном, была заложена прочная основа последующего развития коммунистического движения. За последнее десятилетие, как отмечалось в докладе, коммунистическое движение выросло в непреоборимую могучую силу. Только за период второй мировой войны ряды коммунистов выросли с 4,2 млн. до 20 млн. человек. О великой жизненности марксистско-ленинского учения, о его возрастающем влиянии на пролетарские массы свидетельствует тот факт, что в настоящее время коммунистические и рабочие партии имеются в 83 странах и насчитывают в своих рядах свыше 33 млн. членов.

С содержательным докладом, посвященным актуальным проблемам современного коммунистического и рабочего движения, выступил на сессии Д. П. Шевлягин.

Докладчик отметил, что за 40 лет, истекших со времени основания III Интернационала, коммунистическое движение по-

лучило широчайшее распространение и превратилось в могучую, сознательную и организованную силу.

Возросли единство и сплоченность, укрепились узы дружбы и солидарности Коммунистической партии Советского Союза со всеми зарубежными коммунистическими и рабочими партиями. Важным этапом в развитии международного коммунистического движения явились московские совещания представителей братских партий в ноябре 1957 года. Д. П. Шевлягин подчеркнул особое значение документов XX и XXI съездов КПСС в развитии братского сотрудничества и взаимопомощи коммунистических и рабочих партий на основе полной самостоятельности каждой из них и принципов пролетарского интернационализма.

Докладчик отметил, что братские партии добились больших успехов в борьбе с ревизионизмом, являющимся в настоящее время главной опасностью в коммунистическом и рабочем движении.

В докладе говорилось об огромных успехах социалистических стран, где под руководством коммунистических и рабочих партий народные массы успешно строят новое общество.

Советский Союз, вступивший в период развернутого строительства коммунизма, в настоящее время располагает могучими производительными силами и занимает первое место в Европе и второе место в мире по объему промышленного производства. Докладчик отметил решающее значение семилетнего плана развития народного хозяйства СССР в мирном соревновании с капиталистической системой.

В докладе на конкретных примерах были показаны огромные успехи Китайской Народной Республики и других стран лагеря социализма в экономическом и культурном строительстве.

Д. П. Шевлягин говорил об успехах в деятельности коммунистических и рабочих партий в капиталистическом мире, об их борьбе за жизненные интересы трудящихся, за мир, демократию и социализм.

В заключение докладчик отметил, что претворение в жизнь советским народом решений XXI съезда КПСС, достижение новых славных побед в социалистическом строительстве в странах народной демократии будут способствовать дальнейшему упрочению мирового коммунистического и рабочего движения.

С. М. Сергеев

КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ В БАКУ

22—24 декабря 1958 г. в Баку состоялась конференция историков Москвы, Баку, Еревана, Тбилиси, Махач-Калы и других городов, посвященная истории социалистической революции в Закавказье. Конференция была организована Научным советом Отделения исторических наук АН СССР по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» совместно с институтами истории академий наук Азербайджанской, Армянской и Грузинской союзных республик. В ее работе участвовало около 200 чел.; было заслушано и обсуждено 9 докладов; в прениях выступило 16 человек.

Несмотря на значительные успехи, достигнутые в изучении истории социалистической революции в Закавказье, у нас до сих пор нет обобщающего научного труда, в котором были бы освещены подготовка и проведение революции во всех закавказских республиках, борьба народных масс Азербайджана, Армении и Грузии за победу Советской власти. Некоторые вопросы истории социалистической революции,— например, деятельность Советов в 1917—1918 гг., роль Кавказской армии и тыловых гарнизонов в революционных событиях и др.— изучены еще слабо. По отдельным проблемам среди историков имеются различные взгляды.

Обращая внимание участников сессии на недостатки в изучении Октябрьской революции на местах, вице-президент Академии наук Азербайджанской ССР А. С. Сумбатзаде в своем вступительном слове призвал улучшить координацию работы ученых Москвы, Ленинграда, Закавказья, Средней Азии в этой области.

В прочитанных на сессии докладах был поставлен ряд важнейших проблем истории социалистической революции в Закавказье.

С докладом на тему «Специфические осо-

бенности борьбы за социалистическую революцию в Азербайджане» выступил директор Института истории Академии наук Азербайджанской ССР академик И. А. Гусейнов. Он отметил, что к 1917 г. в Азербайджане имелись все объективные социально-экономические предпосылки социалистической революции. К этому времени азербайджанский пролетариат прошел под руководством большевистской партии почти 15-летнюю школу революционной борьбы.

Анализируя события, имевшие место в Азербайджане в 1917 г., И. А. Гусейнов утверждал, что здесь «двоевластие, если исключить бакинский промышленный район, фактически сводилось к единовластию буржуазии и помещиков». Эта точка зрения, встретившая поддержку со стороны некоторых участников сессии, была подвергнута обоснованной критике рядом выступавших историков.

В Баку 31 октября 1917 г. была провозглашена Советская власть. Азербайджанская партийная организация развернула огромную работу среди трудящихся, мобилизуя их на решительную борьбу против буржуазно-помещичьей контрреволюции. Докладчик говорил о таких видных партийных деятелях, как Н. Нариманов, С. Шаумян, М. Азизбеков, И. Фиолетов, А. Джапаридзе, А. Микоян и другие.

25 апреля 1918 г. образовался Бакинский Совнарком, немедленно начавший проведение важнейших социалистических преобразований. В течение апреля и мая 1918 г. при помощи бакинского пролетариата была установлена Советская власть почти во всех восточных уездах Азербайджана и в большей части Дагестана. Однако летом того же года Советская власть пала. Основная причина этого, по мнению И. А. Гусейнова, состояла в том, что Баку был быстро окружен германо-турецкими и английскими интервентами, а Бакинский Совет не имел необходимого количества войск, снаряжения и продовольствия для успешной борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией. Другую причину падения Бакинской коммуны И. А. Гусейнов видит в серьезных ошибках азербайджанских большевиков (либеральное отношение к меньшевикам, дашнакам, эсерам, неправильное комплектование армии).

Далее докладчик указал на отсутствие в то время прочного союза между пролетариатом и крестьянством, на неразрешенность национальной проблемы. Ни в Азербайджане, ни во всем Закавказье большевиками — и это также была их ошибка — тогда не выдвигался лозунг автономии. Только весной 1919 г. Н. Нариманов поставил вопрос об образовании Азербайджанской советской республики. Лозунг «Независимый Советский Азербайджан» как очередную задачу Советской власти провозгласила общебакинская партийная конференция, состоявшаяся 2 мая 1919 года. Однако большинство членов Кавказского краевого комитета мешало проведению этого лозунга в жизнь, выступая, по сути дела, против самостоятельности советских республик Закавказья.

19 июля 1919 г. на совместном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) было принято решение о признании в будущем Советского Азербайджана независимой республикой. Советская Россия при активном участии таких деятелей партии, как С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе, М. В. Фрунзе, Е. Д. Стасова, оказала большевикам Азербайджана значительную материальную, политическую и военную помощь; в свою очередь, азербайджанские коммунисты организовали тайную отправку бензина и смазочных масел для Красной Армии. Советская власть в Азербайджане была восстановлена к середине мая 1920 г. в результате вооруженного восстания, руководимого большевиками; большую помощь при этом оказали части Красной Армии.

Доклад на тему «Этапы развития социалистической революции в Закавказье и причины задержки победы Советской власти в Армении» сделал доктор исторических наук А. М. Акопян (зав. сектором Института истории Академии наук Армянской ССР).

Докладчик резко критиковал существовавшее в литературе мнение, согласно которому в конце 1917 г. Советская власть в Закавказье не победила исключительно потому, что Кавказский краевой и Тифлисский комитеты РСДРП(б) допустили ряд ошибок. По мнению А. М. Акопяна, в период с октября 1917 г. по март 1918 г. отсутствовала реальная возможность свержения власти Закавказского комиссариата и соглашательских Советов путем вооруженного восстания. В ряде районов Закавказья в то время еще не было крепких большевистских организаций; компартии Азербайджана, Грузии и Армении были созданы только в 1920 году. Значительная часть трудящихся все еще шла за соглашательскими или буржуазно-националистическими партиями. В руках большевиков не было необходимых вооруженных сил. Борьба за власть в Закавказье в тот период, говорил докладчик, шла путем

упорного последовательного завоевания нашей партией большинства в Советах, путем изменения состава Советов, превращения их в подлинные органы революционной власти. Такая тактика, по мнению А. М. Акопяна, проводилась до Бакинской коммуны. К февралю — марту 1918 г. условия для завоевания власти путем вооруженного восстания уже созрели.

Далее докладчик пытался ответить на вопрос, почему победа Советской власти в 1918 г. в Закавказье оказалась кратковременной, а окончательное ее установление затянулось; почему, в частности, в Армении Советская власть утвердилась лишь в 1920 году. В отличие от И. А. Гусейнова, выдвигавшего на первый план внешние факторы, А. М. Акопян обратил внимание на следующие внутренние социально-политические, национальные, классовые причины: 1) экономическая отсталость Закавказья, малочисленность пролетариата, слабость рабочего движения, недостаточная связь его с выступлениями крестьян; 2) пестрота национального состава населения; 3) наличие буржуазно-националистических, мелкобуржуазных и других контрреволюционных партий и течений.

После победы Октябрьской революции в центре у власти в Закавказье оказались буржуазные националисты — сначала в лице Закавказского комиссариата и сейма, а в Армении затем, с мая 1918 г., в лице так называемого правительства дашнаков. Кроме этих основных особенностей социалистической революции в Закавказье, А. М. Акопян указал и на ряд других факторов, влиявших на развитие революционной борьбы: вмешательство иностранных империалистов во внутренние дела правительства дашнаков, оккупация Армении с начала 1919 г. английскими, американскими и другими империалистами; невозможность для Советской России, которая вела тогда тяжелейшую борьбу против внешних и внутренних врагов, оказать непосредственную военную помощь трудящимся Закавказья. Когда в 1920—1921 гг. в гражданской войне были достигнуты решающие победы, такая помощь со стороны братского русского народа была оказана. Рабочие и крестьяне Закавказья под руководством большевиков установили, а затем и упрочили Советскую власть в Азербайджане, Армении и Грузии.

З докладе «О причинах задержки победы социалистической революции в Грузии» доктор исторических наук А. Н. Сургуладзе (зав. кафедрой Тбилисского государственного университета) отметил, что имеющиеся у нас работы по истории революции в Закавказье посвящены отдельным республикам, хотя Закавказье было единым хозяйственным и политическим целым. В течение ряда лет имели хождение книги, в которых история большевистских организаций в Закавказье и Баку грубо искажалась. Идя на поводу у авторов таких антинаучных работ, некоторые исследователи не всегда учитывали специфику, конкретные особенности революционной борьбы в Закавказье. Докладчик охарактеризовал успехи исторической науки в Грузии за последние годы. Он выразил несогласие с утверждением М. В. Церцвадзе о том, что задержка в победе революции в Грузии произошла главным образом из-за ошибок, допущенных руководителями большевистских организаций, а также с точкой зрения Е. Бурчуладзе, отрицающего наличие в Грузии двоевластия [1].

По мнению А. Н. Сургуладзе, двоевластие в Закавказье существовало. Советы, вопреки соглашательскому большинству, являлись органами новой, революционной власти; в них были большевистские фракции. В силу местных условий и в особенности значительного влияния мелкобуржуазной стихии процесс освобождения масс от соглашательских и буржуазно-националистических иллюзий носил длительный и болезненный характер. Докладчик считает, что в октябре — ноябре 1917 г. в Закавказье, и в частности в Грузии, вооруженное восстание против контрреволюционной власти не было еще подготовлено. В подтверждение этого он ссылается на аналогичную оценку, данную в то время Краевым комитетом большевиков [2]. Свою точку зрения А. Н. Сургуладзе аргументирует также документами из партийного архива Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, в частности открытым письмом Краевого комитета, в котором указывалось, что в конце 1917 — начале 1918 г. комитет не считал возможным вести вооруженную борьбу за Советскую власть. Докладчик процитировал опубликованное в 1958 г. письмо члена комитета Ф. Е. Махарадзе В. И. Ленину, в котором говорилось, что к концу 1917 г. рабочие и крестьяне Грузии еще не были готовы к вооруженному восстанию. По мнению А. Н. Сургуладзе, затяжку победы револю-

[1] См. журнал «История СССР», 1958, № 1; журнал «Мнатоби», 1958, № 7.

[2] См. Ф. Махарадзе. Советы и борьба за Советскую власть в Грузии. Тбилиси, 1957, стр. 95 (на грузинском языке).

ции в Грузии нельзя объяснять «оппортунистическими настроениями» части Кавказского краевого комитета. В то же время некоторые большевистские деятели неправильно полагали, что можно было заставить антисоветскую коалицию мирным путем признать власть Совета Народных Комиссаров РСФСР, и совершили ошибку, согласившись распустить делегатское собрание частей гарнизона, действовавших под руководством большевиков.

К февралю — марту 1918 г., говорил докладчик, обстановка резко изменилась. Этому содействовали такие причины: 1) Закавказский комиссариат, а равно и сейм ничего не сделали для удовлетворения нужд трудящихся; 2) обострились экономические трудности в этом районе; 3) Закавказье стало ареной национальных распрей и даже братоубийственных столкновений, разжигавшихся буржуазными националистами; 4) турецкая оккупационная армия, а вслед за нею и германские войска начали вторжение в Закавказье, причем полки сейма терпели поражения; 5) вернувшиеся в Закавказье с фронта солдаты широко разъясняли народным массам исторические декреты Советской власти; 6) с февраля — марта 1918 г. по всему Закавказью началась крестьянская война против помещиков и буржуазии, проходившая под лозунгом установления Советской власти; 7) контрреволюция потерпела поражение в попытках захвата власти в Баку.

Историю борьбы за победу Советской власти в Закавказье А. Н. Сургуладзе предложил разделить на два тактических этапа: борьба за победу Советской власти мирным путем (октябрь 1917 — апрель 1918 г.) и вооруженная борьба за Советскую власть (апрель 1918—1921 гг.).

Три доклада на сессии были посвящены проблеме Советов: «Советы в Азербайджане в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции» (доктор исторических наук З. И. Ибрагимов), «Советы в Грузии в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции» (доктор исторических наук Е. Е. Бурчуладзе) и «Советы в Армении в 1917 г.» (кандидат исторических наук А. М Эльчибекян).

З. И. Ибрагимов указал на слабую изученность деятельности местных Советов Азербайджана. Исключение составляет лишь Бакинский Совет. Мало исследованы социальный и партийный состав Советов, ход политической борьбы внутри них и т. д. В течение марта — апреля 1917 г., вслед за Баку, Советы были созданы во всех уездных центрах Азербайджана: Гяндже, Шемахе, Нахичевани, Ленкорани и других. Советы возникли также на узловых железнодорожных станциях, в крупных населенных пунктах, а в Южном Азербайджане — и в воинских частях. Во всех Советах первоначально преобладали эсеры, меньшевики, было значительным влияние и буржуазно-националистических партий. Исключение составлял Совет солдатских депутатов в районе Шарифхана, с самого начала находившийся в руках большевиков; председателем этого Совета был М. С. Кедров.

Докладчик подчеркнул, что партийный состав Советов в Азербайджане в тот период не меняет оценки их как органов революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. И в Баку и в ряде уездов существовало двоевластие. К лету 1917 г. в Азербайджане было около 40 Советов. Очень активно работал Бакинский Совет, в котором имелась сильная большевистская фракция. Этот вывод З. И. Ибрагимов обосновал многими убедительными фактами. В состав этого Совета входили 2 представителя Советов крестьянских депутатов и крестьянских комитетов, созданных в 30 селениях Бакинского уезда. Борьба за большевизацию Советов в Азербайджане, в силу сложности социальных и национальных взаимоотношений, встречала большие трудности. Большевики Баку, а также районов Шахтахты, Шарифхана, Маку были тесно связаны с Центральным Комитетом большевистской партии, получали от него руководящие указания. Осуществляя решения VI съезда партии и съезда большевистских организаций Кавказа, большевики Азербайджана стремились добиться перевыборов Советов. С 13 октября 1917 г. исполком Бакинского Совета рабочих и военных депутатов фактически работал под руководством большевиков во главе с С. Шаумяном.

Под влиянием победы Октябрьской революции в центре, установления Советской власти в Баку некоторые Советы в уездах Азербайджана заявили о поддержке Совета Народных Комиссаров. Однако эти Советы оказались слишком слабыми, они не смогли выдержать натиска контрреволюционных сил, захвативших к январю 1918 г. власть в свои руки. Только Бакинский Совет, особенно после разгрома муссаватистского мятежа в марте 1918 г., был полновластным хозяином города. С помощью отрядов бакинских советских войск и при активном участии

местного трудящегося населения в течение апреля — июня 1918 г. была установлена Советская власть в ряде уездов Азербайджана. Эти успехи оказались в тогдашней обстановке кратковременными. Одну из главных причин падения Советской власти в Азербайджане в 1918 г. докладчик видит в политике Бакинского Совета, эсеро-меньшевистско-дашнакский блок которого, несмотря на упорное сопротивление большевиков, 25 июня 1918 г. навязал предательскую резолюцию о приглашении английских империалистов.

Несмотря на падение Советской власти под натиском интервентов и внутренней контрреволюции, сказал в заключение З. И. Ибрагимов, деятельность Советов в 1917—1918 гг. явилась важным этапом в развитии социалистической революции не только в Азербайджане, но и во всем Закавказье. Докладчик предложил провести в Закавказье специальную научную сессию, посвященную истории Советов.

Е. Е. Бурчуладзе говорил о необходимости глубокого анализа всей совокупности конкретных фактов из истории революции в Закавказье. Он отметил, что еще нередки случаи, когда в работах выводы делаются без достаточного фактического обоснования или сводятся к повторению стереотипных формулировок. Он выступил против отождествления Советов Р и СД, возникших после Февральской революции в Петрограде и других городах Центральной России, с Советами, созданными в Грузии. Приводя некоторые конкретные данные об образовании Советов, Е. Е. Бурчуладзе высказал ошибочную, как нам кажется, мысль о том, что в Грузии Советы создавались не по почину народных масс снизу, а «по прямой инициативе руководящих политических работников сверху». Ошибочным является и утверждение докладчика о том, что якобы Советы в Грузии «чем дальше, тем больше утрачивали свою народную, революционную сущность и обуржуазивались. Они благодаря предательству меньшевиков и эсеров не только не содействовали дальнейшему развитию и углублению народного движения, а становились его помехой». По мнению Е. Е. Бурчуладзе, советские органы в Грузии в 1917 г. никакой власти не имели. Нельзя не отметить, что приведенный в докладе фактический материал, подобранный несколько односторонне, не дает оснований для таких выводов. С мнением Е. Е. Бурчуладзе не согласился ряд участников сессии, выступавших в прениях.

А. М. Эльчибекян рассмотрел деятельность Эриванского Совета рабочих депутатов и Александропольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в 1917 году. Он отметил, что имеющиеся данные о деятельности других Советов в Армении крайне скудны.

Большевистская фракция в Эриванском Совете была слабой, состояла всего из двух депутатов. Соглашательское большинство Совета выступило против Октябрьской революции. В начале 1918 г. Эриванский Совет прекратил свою деятельность.

Тактику Краевого большевистского комитета, считавшего необходимым в тот период мирно завоевывать Советы, А. М. Эльчибекян охарактеризовал как правильную. Он сказал также, что, по его мнению, оценки, содержавшиеся в докладах А. М. Акопяна и А. Н. Сургуладзе, являются обоснованными.

Три доклада на сессии были посвящены борьбе народов Закавказья против иностранной интервенции: «Борьба трудящихся Армении за свое национальное освобождение, против иностранных интервентов (1918—1920 гг.)» (кандидат исторических наук Г. А. Галоян); «Борьба трудящихся Грузии за свое национальное освобождение, против иностранных интервентов (1918—1921 гг.)» (кандидат исторических наук И. И. Мирцхулава) и «Борьба азербайджанского народа за свое национальное освобождение, против иностранных интервентов (1918—1920 гг.)» (доктор исторических наук Е. А. Токаржевский).

В американской и английской буржуазной историографии, а также в «сочинениях» находящихся в эмиграции дашнаков, грузинских меньшевиков, мусаватистов, отметил в своем докладе Г. А. Галоян, грубо фальсифицируется борьба народов Закавказья за Советскую власть. Буржуазные реакционеры утверждают, будто здесь не было внутренних условий для социалистической революции и последняя победила насильственно, только с помощью центра. В американских и английских публикациях внешнеполитических документов намеренно опущена значительная часть материалов, показывающих контрреволюционную сущность интервенции США и Англии в Закавказье [3].

[3] См., например, «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States»; «Paris Peace Conference». Vol. I—XI. Washington. 1942—1947; «1918. Russia». Vol. I—III, Washington. 1931—1932; «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939» и др.

Между тем факты, как уже известные, так и новые (из архивных документов Закавказского комиссариата), неопровержимо свидетельствуют о руководящей роли американских и английских империалистов в развязывании гражданской войны в Закавказье, об их активной поддержке местных контрреволюционеров. В содержательном докладе Г. А. Галояна эти положения были убедительно обоснованы обширной, частично не опубликованной документацией.

США и Англия стремились отделить Закавказье от Советской России, превратить его в свою колонию, в антисоветский военный плацдарм. Поэтому они щедро снабжали закавказскую контрреволюцию деньгами, оружием, оказывали ей материально-техническую помощь. Лансинг поручил американским агентам поощрять любое движение против большевиков, «даже если успех его сомнителен»[4]. Контрреволюционным бандам оказали большую финансовую поддержку и французские империалисты. Турция тоже использовалась империалистами в их подрывных действиях в Армении, Азербайджане, Грузии. Г. А. Галоян изложил историю получения американским правительством мандата на Армению и рассказал о деятельности «Американского комитета независимости Армении», непосредственно подчиненного президенту Вильсону и являвшегося штабом по подготовке вооруженной интервенции в Армению. Численность войск, необходимых для этой интервенции, должна была составить 200 тыс. чел. (в том числе 59 тыс. в 1919 г.), а расходы только за один первый год — 275 млн. долларов. В начале 1920 г. США предоставили дашнакам новый заем в 5 млн. долл., отправили в Армению значительное количество различного оружия, превратили армянскую территорию в убежище для остатков разгромленных белогвардейских войск.

В заключение Г. А. Галоян показал, как трудящиеся Закавказья при помощи братского русского народа и других народов России самоотверженно боролись против иностранных интервентов и их местной контрреволюционной агентуры.

И. И. Мирцхулава привел многочисленные факты народных выступлений против германских, а потом и английских оккупантов в Грузии. Он охарактеризовал также действия интервентов в Закавказье, сообщил, в частности, что США, получив «мандат» на управление Арменией, пытались подчинить себе таким же путем Грузию и Азербайджан. С этой целью работала в Закавказье специальная миссия во главе с полковником В. Н. Гескелем; вместе с английскими и французскими военными кораблями к берегам Грузии были направлены американские военные суда. Недостатком этого доклада является слабое использование автором советских и иностранных документальных материалов.

Вооруженная интервенция англо-американского империализма и германо-турецкого блока в Закавказье, говорил Е. А. Токаржевский, явилась главной причиной временного падения Советской власти в Баку, а также одним из основных факторов, отсрочивших победу социалистической революции в Азербайджане.

С лета 1918 г. до весны 1920 г. интервенты хищнически хозяйничали в Азербайджане. Шесть месяцев в ряде районов, а некоторое время на всей территории республики господствовали турецкие оккупанты. Докладчик рассказал о тех преступлениях, которые совершили империалисты в Закавказье, о массовых убийствах и зверствах. Е. А. Токаржевский привел также убедительные факты, разоблачающие политику экономического закабаления Азербайджана, осуществлявшуюся английскими интервентами. Они вывезли из Азербайджана более 30 млн. пудов нефтепродуктов. К нефтяным источникам пытались подобраться и представители американской «Стандард ойл». США собирались учредить в Нахичеванском крае американское генерал-губернаторство. Хозяйничанье оккупантов привело к значительному разрушению местных производительных сил, что в дальнейшем затруднило восстановление народного хозяйства Азербайджана. Докладчик рассказал об освободительной борьбе азербайджанского народа против интервентов, которая правильно рассматривается им как составная часть общей борьбы народов нашей страны против международного империализма и внутренней контрреволюции.

Доклады вызвали оживленные прения. Выступавшие касались главным образом следующих вопросов: объективные предпосылки социалистической революции в Закавказье; расстановка классовых и политических сил; двоевластие; связь событий в Грузии, Армении, и Азербайджане с борьбой в центральных районах страны.

Кандидат исторических наук М. А. Исмаилов (зам. директора Института исто-

[4] Цит. по W. Williams. American — Russian Relations. 1781—1947. New York. 1952, p. 105.

рии АН Азербайджанской ССР) показал в своем выступлении, что в азербайджанской деревне накануне Октябрьской революции широко применялся наемный труд, особенно в шелководстве, хлопководстве, лесоводстве, виноградарстве. Из 38 тыс. десятин пахотной земли 4 тыс. находились в пользовании крестьян, а 34 тыс.— в руках беков, которые значительную часть своих земельных угодий обрабатывали при помощи наемной рабочей силы. Следовательно, подчеркивал М. А. Исмаилов, в деревне имелось многочисленное батрачество — союзник промышленного пролетариата в борьбе за социалистическую революцию.

Вопросам социально-экономического положения Закавказья накануне революции посвятил свое выступление академик А. С. Сумбат-заде. Долгое время, сказал он, имела распространение формула И. В. Сталина о том, что Азербайджан был самой отсталой патриархально-феодальной страной. Эта формула, превращенная в догму, мешала глубокому изучению социально-экономического развития Азербайджана, способствовала появлению ошибочных точек зрения в исторической литературе. А. С. Сумбат-заде предостерег в то же время против появившейся в последние годы другой крайности — преувеличения степени развития капиталистических отношений в азербайджанской деревне. В этой связи он полемизировал с оценкой роли наемного труда, данной М. А. Исмаиловым. Шелководство и хлопководство, по мнению Сумбат-заде, держались в значительной степени на труде мелкого крестьянина. Правильно говорить о росте наемного труда в XX в., но не следует считать его преобладавшим и тем более господствовавшим.

Кандидат исторических наук И. В. Стригунов (Институт истории АН Азербайджанской ССР) указал на то, что у нас еще плохо изучена история рабочего класса Закавказья, его численность, размещение по отраслям промышленности, степень концентрации, национальный состав и т. д.

Еще не дан, например, анализ статистических материалов о количестве и размещении рабочих в Азербайджане в годы первой мировой войны. Нередко историки некритически использовали сведения фабричной инспекции. По данным последней, в Бакинском промышленном районе накануне войны было примерно 47 тыс., а по переписи 1913 г.— 109 тыс. рабочих. И. В. Стригунов считает, что общая численность пролетариата Азербайджана накануне социалистической революции превышала 120—130 тыс. чел. (37,2% — азербайджанцы, 26,7% — армяне, 24,7% — русские, 9,1% — лезгины, 2,3% приходилось на другие национальности).

Свыше 60% бакинских рабочих имели связи с деревней. Значительной была концентрация рабочего класса: на предприятия с количеством рабочих свыше 100 (таких было 22,4% от всего числа) в целом приходился 71% всех рабочих. Выступление И. В. Стригунова показало, насколько важно глубокое изучение социально-экономической обстановки в Закавказье для правильного понимания событий революции.

На вопросах взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством Закавказья остановился кандидат исторических наук Г. М. Даллакян (Институт истории АН Армянской ССР). Он сказал, что крестьянского резерва, подготовленного к революции, в 1917 г. в Закавказье еще не было. Связь рабочего класса с крестьянством была недостаточной, и часть крестьянских восстаний проходила без большевистского руководства. В дальнейшем партийные организации сумели укрепить связь города и деревни; в работе, проводимой среди крестьянства, участвовали С. Шаумян, М. Азизбеков, Н. Нариманов, А. Микоян и другие деятели партии. Выражая свое мнение относительно двоевластия в Закавказье, Г. М. Даллакян заявил, что такое двоевластие, какое имело место в Петрограде, существовало якобы «только в Азербайджане, в его столице Баку, а в Грузии и Армении двоевластия не было». Однако веских аргументов в пользу этого мнения он не привел.

М. С. Искендеров (директор Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС) также указывал на недостаточную работу большевиков среди крестьянства, что послужило одной из внутренних причин падения Советской власти в Баку в 1918 году. Из приведенных М. С. Искендеровым материалов явствует, что сами бакинские большевики признавали эту свою ошибку. Выступавший критиковал Е. Е. Бурчуладзе за его неправильное мнение, согласно которому Советы в Грузии и Армении якобы не являлись результатом революционного творчества масс. М. С. Искендеров привел убедительные доводы, показывающие ошибочность точки зрения А. Н. Сургуладзе о том, что национальная пестрота населения была одной из

основных причин длительного характера борьбы за победу социалистической революции в Закавказье.

Несогласие с А. Н. Сургуладзе по этому вопросу выразил и кандидат исторических наук А. Османин (Азербайджанский государственный университет).

Характеристику сил контрреволюции дал в своем выступлении кандидат исторических наук О. С. Карапетян (Институт истории АН Армянской ССР). Он показал, что правительства дашнаков и мусаватистов тесно сотрудничали с «добровольческой армией юга России». Представители Деникина в Армении и Грузии вербовали офицеров, активно участвовали в терроре против трудящихся. Из Карса деникинцам отправлялись орудия, снаряды, а взамен Деникин снабжал дашнакские армии патронами. О. С. Карапетян привел факты, показывающие, как контрреволюционные правительства Грузии, Армении и Азербайджана помогали американским и английским империалистам осуществлять их колонизаторские, экспансионистские планы в Закавказье.

Ряд участников прений коснулся вопроса о революционной ситуации в Закавказье в 1917 году. Так, кандидат исторических наук Л. А. Хуршудян (Институт истории АН Армянской ССР) справедливо указал на то, что отрицание революционной ситуации в Закавказье находится в противоречии с оценками В. И. Ленина. Революционное движение в крае, несмотря на ряд своеобразных черт, в основном развивалось по единому, общему для всей России пути. Выступавший напомнил, что VI съезд партии, приняв курс на вооруженное восстание, признал подготовку его общей задачей всех большевистских организаций страны. II Всероссийский съезд Советов провозгласил Советскую власть во всей России. Те участники сессии, говорил Л. А. Хуршудян, которые отрицают наличие революционной ситуации в Закавказье, переоценивают специфику края. Еще хуже, когда некоторые историки рассматривают этот вопрос отдельно для Грузии, Армении, Азербайджана, считая, что в Баку революционная ситуация существовала, а в Армении и Грузии ее не было. Закавказье представляло собой единый экономический и политический организм.

Что касается внутренних причин затяжного характера борьбы за победу социалистической революции в этом районе, то выступавший считает, что решающую роль сыграли не особенности края, а ошибки, допущенные руководством Краевого комитета большевиков, упустившим благоприятные условия для взятия власти.

Д. А. Чугаев (зав. сектором Института истории АН СССР) поддержал мнение Л. А. Хуршудяна о недопустимости такого подхода к изучению местных особенностей, когда упускаются из виду основные общие закономерности Октябрьской революции. К анализу местных особенностей следует подходить, исходя из общего хода революции в стране. 1917 год был годом революционной ситуации во всей России, в том числе и в Закавказье, но здесь имелась определенная специфика в расстановке классовых сил: сравнительно сильная национальная буржуазия, располагавшая хорошо оснащенными армиями, недостаточное вооружение и организованность сил революции и т. д. Д. А. Чугаев выразил несогласие с мнением Е. Е. Бурчуладзе о том, что Советы в Закавказье якобы были созданы «сверху, а не снизу», а также с точкой зрения Г. М. Даллакяна и некоторых других об отсутствии двоевластия в Грузии и Армении.

Дальнейшее глубокое изучение проблемы требует расширения источниковедческой базы, вовлечения в научный оборот новых документов, как опубликованных, так и архивных. Эту мысль Д. А. Чугаева развил в своем выступлении А. Ф. Бутенко (начальник ЦГАОР и СС). В Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства хранится 6 млн. дел по истории советского общества и Советского государства. Здесь имеются интересные документы о гражданской войне в Закавказье, о деятельности турецких и английских интервентов. Среди них — переписка представителя Деникина в Грузии с командованием британских оккупационных войск, материалы об отношениях между белогвардейскими отрядами Закаспийской области и Закавказья, обширные воспоминания председателя Батумского русского национального Совета Маслова (с приложением некоторых подлинных документов), освещающие революционные события в Батуми. Ряд материалов по истории иностранной интервенции в Закавказье имеется также в Центральном государственном архиве Красной Армии. А. Ф. Бутенко внес предложение: совместными усилиями московских и закавказских ученых и архивистов издать сборник документов по истории разгрома иностранных

интервентов и местной контрреволюции в Закавказье.

Кандидат исторических наук М. В. Церцвадзе (Тбилисский институт инженеров транспорта) в своем выступлении сформулировал уже ранее высказанную им точку зрения (см. журнал «История СССР», 1958, № 1), согласно которой объективные условия для победы Советской власти в Закавказье в 1917 г. имелись, однако большевики не использозали всех возможностей, действовали недостаточно решительно.

Кандидат исторических наук Н. И. Стуруа (Институт истории АН Грузинской ССР) присоединился к тем участникам сессии, которые признают наличие революционной ситуации в Закавказье в 1917—1918 годах. Большевики имели преобладающее влияние в воинских гарнизонах Тифлиса, Кутаиса, Батума. Партию поддерживало большинство частей революционной кавказской армии. Большевики преобладали в Советах солдатских депутатов этой армии, в их руках находился в 1917 г. тифлисский арсенал. В Баку и на Северном Кавказе в конце 1917 — начале 1918 г. существовала Советская власть; к февралю 1918 г. в Грузии уже были вооруженные крестьянские отряды. В Тифлисе большевики, сказал Н. И. Стуруа, могли взять власть.

Выступавший упрекнул историков в том, что они далеко не в полной мере показывают роль Советской России в победе пролетарской революции в Закавказье. Мы недостаточно, подчеркивал он, говорим о той помощи, которую оказала РСФСР, ее вооруженные силы Закавказью в установлении Советской власти.

На примере Советов, созданных на территории Нахичеванской автономной Советской республики, кандидат исторических наук Г. А. Мадатов (Институт истории АН Азербайджанской ССР) также отметил ошибочность мнения об отсутствии двоевластия в Закавказье. Г. А. Мадатов обратил внимание сессии на слабое освещение в литературе дружбы народов Закавказья с братским русским народом, их совместной борьбы против интервенции.

Соглашаясь с мнением Д. А. Чугаева и других выступавших о необходимости правильно сочетать общие закономерности и конкретные местные особенности, профессор П. Б. Мосесов (Азербайджанский государственный университет) предложил свою периодизацию подготовки и проведения социалистической революции в Закавказье. 1) Март — ноябрь 1917 года. По всему краю так же, как и по всей стране, создаются Советы. 2) Ноябрь 1917 — июль 1918 года. Деятельность Бакинского Совнаркома, исторический рубеж для всего Закавказья. 3) Август 1918 — август 1919 года. Временное торжество контрреволюции в Грузии, Армении и Азербайджане. 4) Сентябрь 1919 — май 1920 года. Период разгрома Деникина, установления Советской власти на Северном Кавказе, создания Азербайджанской Советской Республики. 5) Май — ноябрь 1920 года. Период победы Советской власти в Армении, провозглашения Армянской Советской Республики. 6) Ноябрь 1920 — февраль 1921 года. Победа Советской власти в Грузии, провозглашение Грузинской Советской Республики.

В конце своего выступления П. Б. Мосесов остановился на вопросах национальной политики большевиков в Закавказье.

С заключительным словом на сессии выступил председатель Научного совета академик И. И. Минц. Он напомнил о серьезных задачах, поставленных перед советскими историками Коммунистической партией, об оценке роли Великой Октябрьской социалистической революции в мировой истории в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, принятой в ноябре 1957 г. в Москве.

И. И. Минц остановился на отдельных проблемах, дискутировавшихся на сессии. Он считает, что без тщательного изучения образования и деятельности местных Советов трудно понять особенности борьбы за Советскую власть в Закавказье. В. И. Ленин не раз говорил, что Октябрьскую революцию от всех других отличало наличие Советов, готовых форм власти рабочих. Следовательно, необходимо было прежде всего всесторонне изучить деятельность Советов. Вопросам социально-экономической обстановки в Закавказье накануне и в период социалистической революции, образованию и деятельности Советов в литературе уделено недостаточное внимание. Глубокое изучение истории Советов поможет понять и особенности социалистической революции в Закавказье.

И. И. Минц возразил тем историкам, которые отрицали существование двоевластия в Грузии и Армении, напомнив, что только большевики призывали к созданию Советов и созданы они были, по существу, массами как органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Оратор предостерегал против смешения таких вопросов, как отношение к Советам — новой форме государственной власти — и их партийный состав в определенный период.

Трудности проведения революции и преодоления сопротивления контрреволюции можно лучше понять, если внимательно и подробно изучить деятельность большевистских организаций Закавказья. Об этом на сессии говорилось немало, однако специального доклада на столь важную тему не было.

Одну из важнейших причин трудностей в проведении революции в Закавказье следует искать в помощи контрреволюции со стороны международного империализма. И. И. Минц говорил о том, что в исследовании борьбы народов Закавказья против интервенции имеются положительные результаты. Но настало время, когда уже недостаточно лишь выявлять новые факты об интервентах, нужно дать общую картину, подготовить обобщающий труд о захватнической политике империалистических держав в Закавказье.

Среди проблем истории социалистической революции в Закавказье, которые требуют серьезной научной разработки, И. И. Минц назвал также проблему завоевания армии на сторону большевистской партии и Советской власти. У нас все еще мало исследований о Кавказском фронте: совсем плохо обстоит дело с изучением гарнизонов, хотя они были в значительной мере большевизированы до 1917 г.; слабо исследована деятельность закавказских профсоюзов, за исключением бакинских; нет книг об истории молодежных организаций, о работе партии среди женщин.

И. И. Минц отметил, что дискуссия на сессии была полезной и плодотворной. Доклады и прения свидетельствуют о большой работе ученых Грузии, Армении, Азербайджана над проблемами истории социалистической революции в Закавказье. В конце своего выступления он поставил вопрос о необходимости начать подготовку большой обобщающей монографии «Октябрьская революция в Закавказье».

Этот вопрос обсуждался на заседании Научного совета после окончания сессии. Было решено в 1959 г. приступить к созданию такого труда. На заседании был обсужден также план работы Научного совета по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» на 1959 год.

А. Е. Иоффе

РАБОТА ИСТОРИКОВ, АРХЕОЛОГОВ и ЭТНОГРАФОВ В ФИЛИАЛАХ АКАДЕМИИ НАУК СССР в 1958 году

Бюро Отделения исторических наук АН СССР обсудило отчеты о научно-исследовательской деятельности отделов и секторов истории, археологии и этнографии институтов истории, языка и литературы Дагестанского, Башкирского, Молдавского, Карельского, Казанского и Коми филиалов АН СССР.

О работе историков Коми филиала рассказал зав. отделом истории В. Н. Давыдов. С января 1958 г. в этом филиале был создан самостоятельный отдел истории, этнографии и археологии, который занимался темами: «Очерки по истории Коми АССР» (советский период), «Этнография народа коми», «Эпоха камня и раннего металла бассейна р. Вычегды». По первой теме в минувшем году написаны главы: «Коми АССР в начале постепенного перехода от социализма к коммунизму», «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Коми крае», «Коми автономная область в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)» и некоторые разделы других глав. Этнографы собирали материалы по теме «Этнография сысольских коми». Младшим научным сотрудником Г. М. Буровым подготовлен отчет о результатах двухлетней экспедиции в бассейне реки Вычегды. Археологи обнаружили здесь две неизвестные ранее стоянки неолита и раннего металла. Сотрудники отдела опубликовали в 1958 г. ряд работ, наиболее значительной из которых является монография И. П. Лашука «Очерки по истории Печорского края».

Г. С. Койстинен сообщила о деятельности историков, археологов и этнографов Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

В минувшем году здесь велась работа над монографиями: «Переход от системы ревкомов к Советам» (Г. А. Аликберов), «Разрешение аграрного вопроса в первые годы Советской власти в Дагестане» (В. Г. Гаджиев), «Создание и развитие советского государственного аппарата в Дагестане (1927—1937 гг.)» (М. А. Казанбиев), а также над сборниками статей: «Дагестан в период Великой Отечественной войны Советского Союза» и «Воспоминания дагестанцев — активных участников Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.». В прошлом году продолжалась подготовка коллективного труда «Борьба Коммунистической партии за раскрепощение женщины в Дагестане».

Сектором археологии и этнографии закончены исследования: «Ругуджинские стоянки каменного века» (В. Г. Котович), «Памятники раннего железа близ селения Аркас» (М. И. Пикуль), «Средневековые памятники Центральной Аварии» (Д. М. Атаев), «Верхнечирюртовский могильник» (Н. Д. Путинцева), «Петрографика Аварии» (П. М. Дибиров), «Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы» (В. М. Котович). Сотрудникам сектора удалось разрешить ряд важных проблем древней истории Дагестана, в том числе по-новому решить вопрос о времени возникновения земледелия в горном Дагестане. Судя по последним археологическим данным Ругуджинских стоянок, возникновение земледелия в этом районе относится к неолитической эпохе.

До недавнего времени существовала точка зрения о позднем наступлении в Дагестане эпохи железа и отсутствии местной железной металлургии. Материалы Аркасских поселений позволяют сделать вывод, что жители горного Дагестана добывали железную руду и освоили плавку железа в VIII в. до нашей эры.

В области средневековой истории проведена большая работа по периодизации и установлению хронологии памятников горного Дагестана. Этнографы Дагестана в 1958 г. разрабатывали следующие темы: «Культура и просвещение кумыков в XIX—XX вв.» (С. Ш. Гаджиева), «Агулы» (М. М. Ихилов), «Поселения лезгин и лаков в XIX — начале XX в.» (С. С. Агашинова). На основании большого архивного, литературного и археологического материала подготовлено исследование по культуре и просвещению кумыков; оно представляет большой интерес (особенно раздел, характеризующий устное поэтическое творчество этого народа).

Недостатки в деятельности института, по мнению Г. С. Койстинен, заключаются прежде всего в том, что обсуждение научных работ, выполненных сотрудниками секторов, проводится, как правило, в конце года, в течение одного месяца, иногда наспех, без достаточной предварительной подготовки, без всесторонней критической оценки.

Г. С. Койстинен критиковала Бюро Отделения и институты за то, что они слабо привлекают сотрудников филиалов к участию в конференциях, совещаниях и других мероприятиях, проводимых в центре и на местах. Редакции исторических журналов публикуют мало работ научных сотрудников с мест. Так, по ее словам, за пять лет историки Дагестана смогли опубликовать только одну статью в журнале «Вопросы истории». Местные историки, как правило, не знакомы с тематическими планами журналов и лишены возможности активно участвовать в реализации этих планов.

О научной деятельности историков Башкирского филиала АН СССР рассказал Б. Х. Юлдашбаев. В 1958 г. ими разрабатывались следующие темы: «Очерки по истории Башкирской АССР» (два тома), «Октябрьская революция и образование Башкирской АССР», «Древняя история Башкирии», «Башкирское народное изобразительное искусство». В настоящее время подготовлены к печати вторая часть первого тома систематического курса по истории Башкирии, сборник документов и материалов по истории образования Башкирской АССР и сборник статей «Октябрьская социалистическая революция и рождение Советской Башкирии». При подготовке трудов к печати они коллективно обсуждаются. Так, обсуждались вопросы о национальной принадлежности западных башкир и о движении джадидов. Творческий обмен мнениями принес башкирским историкам несомненную пользу.

Археологи трудятся над темой по древней истории Башкирии. В частности, они изучают городище, расположенное по среднему течению реки Белой. М. Х. Садыков пишет исследование «Сарматские памятники Башкирии IV века». Этнографами в 1958 г. была проведена экспедиция по теме «Башкирское народное изобразительное искусство».

Б. Х. Юлдашбаев выразил пожелание, чтобы в центральных исторических жур-

налах больше публиковалось статей местных историков.

Н. А. Мохов охарактеризовал научную продукцию Института истории Молдавского филиала АН СССР. В 1958 г. его сотрудники работали над восемью монографиями, посвященными вопросам коллективизации сельского хозяйства в республике, истории развития рабочего класса в годы Советской власти, истории борьбы трудящихся Бессарабии за воссоединение с советской Родиной и т. д. С. Я. Афтенюк, С. Э. Левит и Д. Д. Елин написали монографию «Молдавская ССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)». Н. А. Мохов заканчивает книгу «Зарождение и развитие молдавско-русско-украинских связей в XV—XVII вв».

Совместно с Центральным государственным архивом Молдавской ССР Институт приступил к изданию документов под общим названием «История Молдавии. Документы и материалы». К 600-летию со дня образования Молдавского государства группа сотрудников института готовит к публикации на русском и молдавском языках древние славяно-молдавские грамоты, обнаруженные в советских архивах. Совместно с архивом и Институтом истории партии при ЦК КП Молдавии начата работа по составлению сборников документов по истории Молдавии послеоктябрьского периода.

В 1958 г. местным археологам удалось найти новые материалы, позволяющие уточнить периодизацию истории неолита в Молдавии, выявить на ее территории ряд памятников эпохи бронзы, обогатить наши знания о жилищах, сельскохозяйственных орудиях II—IV вв. нашей эры.

В 1958 г. было проведено несколько научных сессий и заседаний, в том числе советско-румынский семинар по вопросам первобытной археологии Молдавии, Румынии и Украины, в котором приняли участие археологи Бухареста, Ясс, Москвы, Ленинграда, Киева, Львова и Кишинева. Совместно с ЦК ЛКСМ Молдавии была организована первая научная конференция молодых молдавских ученых. В работе сессии, посвященной истории молдавско-русско-украинских связей, участвовали ученые Москвы, Киева, Одессы и Румынской Народной Республики.

Н. А. Мохов высказал пожелание, чтобы Бюро Отделения помогло молдавским историкам укрепить научные связи с центральными институтами, с историками Румынской Народной Республики.

М. Н. Власова рассказала о деятельности сектора истории Института истории, языка и литературы Карельского филиала АН СССР.

В 1958 г. основное внимание сотрудников сектора было сосредоточено на подготовке к печати 2-го тома истории Карелии, охватывающего послеоктябрьский период. Продолжалась также разработка темы «Карелия в период гражданской войны и интервенции». Научные сотрудники готовят сборник документов на эту тему и сборник воспоминаний участников гражданской войны в Карелии. Вышла в свет книга Я. А. Балагурова «Борьба за Советы в Карельском Поморье».

В 1958 г. разрабатывалась тема «Формирование рабочего класса и рабочее движение в Карелии конца XIX и начала XX в.». И. И. Сюкияйнен написал монографию «Революционные события в Финляндии в 1917—1918 гг.», М. Н. Власова — очерк «Пролетариат Финляндии в годы первой русской революции 1905—1907 гг.».

Археологи и этнографы занимались исследованием таких проблем, как «Археологические памятники Карелии периода неолита и раннего металла» и «Материальная культура карел и Карельской АССР в дореволюционное время». С этой целью в семи районах республики работали экспедиции.

По отчетам институтов и секторов истории филиалов АН СССР развернулись прения.

А. Я. Брюсов (ИИМК) заявил, что печатные труды филиалов Академии наук, а зачастую и академий союзных республик не доходят до ученых Москвы. Академкниге следует принять меры к тому, чтобы историки центральных научных учреждений имели возможность знакомиться с продукцией, выходящей на местах. А. Я. Брюсов высказался за то, чтобы продолжить в Карельском филиале работу по истории Финляндии.

С. Н. Иконников (Институт истории) говорил о сессии молодых ученых, проведенной Молдавским филиалом АН СССР. По его мнению, это очень хорошее и полезное начинание, опыт которого следует распространить. Он поддержал также предложение докладчиков о том, чтобы исторические журналы чаще помещали статьи местных научных сотрудников, а также рецензии на их работы. С. Н. Иконников критиковал историков Карельского филиала за

задержку в подготовке к печати 2-го тома «Очерков по истории Карелии».

Е. И. Крупнов (ИИМК) отметил, что местные археологи и этнографы ведут большую работу и она будет тем плодотворнее, чем теснее филиалы будут связаны с центральными институтами. По его мнению, заметно продвинулись вперед археологические и этнографические исследования, проводимые Дагестанским филиалом АН СССР. Материалы ряда археологических экспедиций позволили сделать важные открытия в области древнейшей истории не только Дагестана, но и всего Кавказа. Однако собранные этими экспедициями данные не обработаны и не введены в научный оборот.

Д. В. Однобишин (Институт истории) подчеркнул актуальность тематики по истории советского периода, разрабатываемой дагестанскими учеными. Однако ее, по мнению Д. В. Однобишина, следовало бы дополнить, в частности, такой темой, как «Создание и укрепление союза рабочего класса и крестьянства». Для Дагестана, как и для других автономных республик, особенно важно показать не только историю рабочего класса и крестьянства в отдельности, но и укрепление союза рабочего класса с крестьянством, что позволило бы глубже осветить историю индустриализации и коллективизации в национальных районах.

А. В. Збруева (ИИМК) считает, что в докладе Б. Х. Юлдашбаева мало сказано о научной деятельности археологов и этнографов Башкирского филиала. Между тем археологические исследования там поставлены, по ее мнению, хорошо; успешно работает постоянная башкирская экспедиция из нескольких отрядов.

Н. В. Устюгов (Институт истории) отметил в своем выступлении, что в Коми филиале историков очень немного, но они делают большое и важное дело, успешно выполняют задачи, которые перед ними ставятся. Н. В. Устюгов внес предложение расширить тематику исследований. Сейчас отдел истории занимается только подготовкой 2-го тома «Очерков по истории Коми АССР». Однако этого недостаточно. Оценив деятельность историков Башкирского филиала в целом положительно, Н. В. Устюгов отметил в то же время ряд недостатков. Так, серьезные замечания были сделаны историкам Башкирии при обсуждении в Институте истории АН СССР 8-й главы «Очерков истории Башкирской АССР». По ряду тем наблюдается задержка в выполнении плана.

Академик М. Н. Тихомиров отметил, что советские историки мало занимаются историей Молдавии. Гораздо больше внимания этому уделяют румынские ученые. Ими, например, выпущено несколько томов документов по истории Румынии и Молдавии. Документы эти написаны по-славянски или по-латински, а изданы в переводе на румынский язык. В РНР издаются весьма ценные валашские грамоты. Представленный Н. А. Моховым доклад создает впечатление известной оторванности молдавских историков от наших центральных институтов и их слабой связи с историками Москвы и Ленинграда. М. Н. Тихомиров высказался за продолжение историками Карельского филиала исследований в области истории Финляндии.

Т. С. Пассек (ИИМК) положительно отозвалась о работе археологов и этнографов Молдавии. Материалы, собранные ими, вызывают большой интерес не только у историков Советского Союза, но и за рубежом. При Молдавском филиале создан археологический музей. Это большое достижение, но, к сожалению, фонд археологических материалов, накопленных в результате раскопок, используется плохо.

И. Г. Дыков (Институт истории) отметил, что не все работы историков Молдавии, посвященные советскому периоду, написаны на достаточно высоком научном уровне. В частности, вопрос о Кишиневском Совете рабочих депутатов трактуется молдавскими историками по-разному: одни считают его контрреволюционным, соглашательским, другие — революционным.

Академик В. В. Струве рекомендовал шире привлекать квалифицированные кадры ученых к работе Карельского и Дагестанского филиалов.

Итоги обсуждения подвел академик Е. М. Жуков. Он обратил внимание на необходимость участия всех филиалов в разработке семилетнего плана научно-исследовательской работы, который должен быть составлен на основе решений XXI съезда КПСС. Решающее место в семилетнем плане должны занимать ведущие проблемы исторической науки. Вместе с тем в планах филиалов следует уделять внимание вопросам национального государственного строительства в автономных республиках и областях, а также вопросам атеизма и истории религии, борьбе с реакционными пережитками в области идеологии и быта. Е. М. Жу-

ков отметил, что центральные журналы слабо организуют работу на местах. Он рекомендовал журналам Отделения исторических наук шире освещать на своих страницах научную деятельность историков, археологов и этнографов, публиковать результаты их исследований, знакомить их со своими перспективными планами.

Отчет Х. Г. Гимади о работе сектора истории Казанского филиала был заслушан в Казани. В 1958 г. основное внимание сотрудников сектора было сосредоточено на изучении узловых проблем советского периода истории Татарской АССР. В печать была сдана «История Татарской АССР» (1-й том на татарском языке), был завершен 2-й том «Истории Татарской АССР» на русском языке. Вышла в свет монография М. К. Мухарямова «Октябрьская революция и разрешение национального вопроса в Татарии». В 1958 г. изучались такие проблемы, как «Татария в период первой русской революции» (Х. Х. Хасанов) и «Возникновение капитализма в Волжско-Камском крае» (Е. И. Чернышев).

Археологи филиала трудились над «Археологической картой Татарской АССР и Марийской АССР». В 1958 г. закончила свою работу Марийская археологическая экспедиция, организованная сектором совместно с Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории, Краеведческим музеем МАССР и Горьковским государственным университетом. За три года выявлено свыше 300 археологических памятников и собран большой материал, позволяющий охарактеризовать некоторые узловые вопросы эпохи неолита, бронзы, а также более позднего периода. Этнографы продолжали разрабатывать тему «Татары Поволжья и Приуралья». Опубликована книга Н. И. Воробьева «Народное изобразительное искусство у казанских татар».

В прениях по докладу Х. Г. Гимади выступили И. М. Ионенко, М. К. Мухарямов, Ш. Ф. Мухамедьяров, Х. Х. Хасанов, Н. И. Воробьев и другие.

И. М. Ионенко (партшкола Татарского обкома КПСС) считает, что сектор плохо связан с историками Поволжья и Приуралья; слабо изучается история татар за пределами Татарской республики. М. К. Мухарямов (Казанский филиал) сказал, что сотрудники филиала почти не имеют возможности выезжать в творческие командировки за пределы республики для работы в архивах. Он критиковал центральные журналы за то, что они мало публикуют статей научных сотрудников автономных республик, не проводят читательских конференций в крупных научных центрах Поволжья. Х. Х. Хасанов (Казанский филиал) приветствовал инициативу Отделения, организовавшего выезд своих сотрудников для заслушания отчета сектора на месте. Он считает, что центральные институты Академии наук должны больше помогать филиалу. Н. И. Воробьев (Казанский филиал) поставил вопрос об укреплении кадров филиала.

Обсуждение отчетов филиалов АН СССР на Бюро Отделения исторических наук позволило глубже проанализировать итоги работы, проделанной историками, археологами и этнографами на местах. К сожалению, в ходе обсуждения не обращалось достаточного внимания на недостатки. А их немало. Сотрудники филиалов задерживают написание обобщающих трудов по истории своих автономных республик; все еще мало исследований по советскому периоду; не уделяется должного внимания борьбе против ревизионизма и буржуазной идеологии. Общим недостатком в работе археологов в филиалах является слабое обобщение материалов, полученных в результате раскопок. Этнографы мало занимаются изучением социалистического быта рабочих и колхозников, проблемами, связанными с переходом от социализма к коммунизму.

Исторические учреждения филиалов АН СССР должны направить все свои усилия на выполнение решений XXI съезда КПСС.

Ю. О. Бем

О СОСТОЯНИИ И ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ

Советская историческая библиография так же, как и историческая наука в целом, занимает передовые позиции на идеологическом фронте, которому Коммунистическая партия уделяет большое внимание. Она учитывает историческую литературу, критически ее оценивает, пропагандирует лучшие ее образцы, помогает исследователю следить за ходом научной мысли в СССР и за рубежом и поэтому играет важную роль в развитии науки, в разоблачении ревизионизма и буржуазной фальсификации истории.

За последние годы в нашей стране была проделана большая работа в области исторической библиографии. Немалый вклад внесли при этом исторические журналы. В связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции они подытожили достижения советской исторической науки в различных ее областях. Историографические статьи специалистов содержат обширный библиографический материал: в них дан обзор источников и исследований, опубликованных в СССР в 1917—1957 годах [1].

В течение двух последних лет в журналах рассматривалась литература, посвященная Октябрьской революции (историографические статьи, библиографические обзоры и указатели) [2].

Рассмотрим вопрос об информационной библиографии, которая имеет большое значение для исследователя. В настоящее время новую историческую литературу (книги и журнальные статьи) регистрирует Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук СССР в бюллетене «Новая литература по истории, археологии и этнографии» и в ряде отраслевых и страноведческих бюллетеней («Новая советская и иностранная литература по зарубежному Востоку», «Новая советская и иностранная литература по республикам советского Востока», «Новая литература по европейским странам народной демократии и славяноведению» и др.). Не давая детального анализа бюллетеней ФБОН, отметим, что они недостаточно раскрывают содержание и характер литературы; круг работ, включаемых в основные выпуски исторической литературы, узок, их тираж крайне ограничен, в результате чего бюллетени не доходят до широкого круга историков.

В последние годы Историческая библиотека осуществляет библиографическую информацию посредством ротапринтированных списков, рассылаемых ученым, научным учреждениям, учебным заведениям и библиотекам. Эти списки дают сведения об отечественной литературе по истории, поступившей в библиотеку за неделю. Списки по-

---

[1] См. А. А. Новосельский и В. А. Кондратьев. О публикации исторических источников в СССР за 40 лет. «История СССР», 1958, № 3; А. А. Зимин и А. А. Преображенский. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX века). «Вопросы истории», 1957, № 12; Г. Г. Дилигенский и С. Л. Утченко. Советская историография античности за 40 лет. «Вопросы истории», 1958, № 1; Е. А. Косминский, Е. В. Гутнова и Н. А. Сидорова. Сорок лет советской медиевистики. «Вопросы истории», 1957, № 11; А. В. Ефимов. Изучение в СССР новой истории за сорок лет (1917—1957). «Вопросы истории», 1957, № 10. Литература последних лет по новой и новейшей истории отражена также в библиографических списках, учитывающих отдельно книги и статьи из различных периодических изданий. См. «Вопросы истории», 1957, № 7; «Новая и новейшая история», 1958, №№ 3, 5; журнал «Вопросы истории КПСС» начиная с № 3 за 1958 г. помещает списки документов и статей по истории КПСС, опубликованных в периодических изданиях в 1956—1957 годах.

[2] М. Е. Найденов. Великая Октябрьская социалистическая революция в советской историографии. «Вопросы истории», 1957, № 10; Г. А. Арутюнов и др. Документы по истории Октябрьской революции в национальных районах. «Вопросы истории», 1958, № 7; «В. И. Ленин в 1917 году. Воспоминания». «История СССР», 1957, № 1; «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и утверждение диктатуры пролетариата в СССР». «История СССР», 1957, № 5; см. также список сборников и обзоров документов по истории Октября, изданных в 1957—1958 гг., в журнале «История СССР», 1958, № 5; М. В. Гребенников и др. Сборники документов и материалов об Октябрьской революции. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4. Международное значение социалистической революции 1917 г. отражено в обзорах литературы и библиографических списках в журналах «Вопросы истории» (1957, № 10), «Новая и новейшая история» (1957, № 5, 1958, №№ 1, 3); «История СССР» (1958, №№ 2, 4, 5).

строены по выборочному принципу, не аннотированы и печатаются к тому же, как и бюллетени ФБОН, небольшим тиражом. Информация о текущей зарубежной литературе осуществляется также библиотеками имени В. И. Ленина, имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и издательством «Иностранная литература».

Однако вследствие неполноты информационных изданий и их малотиражности они не обеспечивают в должной мере потребностей исторической науки. Между тем в других отраслях знаний (технические и сельскохозяйственные науки, педагогика, право, география) есть библиографические информационные издания, которые либо выходят отдельно, либо публикуются в отраслевых журналах.

Информация о новой исторической литературе дается на страницах исторических журналов, однако занимает там недостаточное место. Журнал «Вопросы истории» помещает выборочный неаннотированный список книг на языках русском и других народов СССР, на иностранных языках.

В журнале «Вопросы истории КПСС» наряду с информацией о книгах на обложке печатаются списки статей, опубликованных в советских периодических изданиях. Журналы «История СССР», «Новая и новейшая история», «Вестник древней истории» предоставляют незначительную часть своего листажа библиографической информации. Плохо поставлена библиография по истории средних веков, так как сборник «Средние века» почти не уделяет места информации о литературе. В журнале «Преподавание истории в школе» наряду с обзорами исторической литературы имеется раздел «Книжная полка», который обеспечивает учителя текущей информацией главным образом о научно-популярных книгах по истории и марксистско-ленинской теории, выходящих в центральных издательствах на русском языке. Большое место в разделе занимают методические издания и историческая беллетристика.

Большое значение имеет информационная библиография в журналах. В этой области главное — регулярность, своевременность и полнота информации. Желательно располагать литературу в информационных списках в систематическом порядке, сочетая книги и статьи и привлекая иностранную литературу. В ряде случаев указания на издания (в особенности зарубежные) можно сопровождать краткими аннотациями.

Перед историческими журналами стоят задачи расширения круга вопросов, освещаемых в тематической библиографии, разработки библиографии литературы, посвященной не только юбилейным датам, но и другим важным проблемам, над которыми работают в настоящее время советские и зарубежные историки. Эти цели могут быть достигнуты путем установления более тесной связи с научными учреждениями и библиотеками.

Тем, которые было бы желательно отразить в библиографических разделах журналов, немало. Например, журнал «Новая и новейшая история» мог бы предоставить на своих страницах место библиографии истории международных отношений, международного коммунистического и рабочего движения, революционной борьбы в отдельных странах и т. п. Здесь уместно напомнить об опыте журнала «Историк-марксист», который напечатал в 30-х годах ряд указателей по истории международных отношений 1918—1939 гг., по истории Японии, Китая и т. п.

В указателях широкого охвата, издаваемых публичными библиотеками, нет возможности исчерпать в полном объеме публицистику и мемуарную литературу. Можно было бы только приветствовать обзоры или даже списки таких материалов в журнале «История СССР», например, на тему «Революционное движение в пореформенной России» и т. д.

Советские историки и библиографы уделяли большое внимание составлению библиографии по истории рабочего класса и крестьянства, по истории революционного движения в России. Значительный вклад в историко-революционную библиографию внесли Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Коммунистическая академия, Всесоюзное общество политкаторжан, Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.

В 30-х годах библиографическая комиссия Института истории подготовила указатель литературы по истории пролетариата [3]. Этот указатель, рассчитанный на 6 выпусков, остался незавершенным. Составленная Е. Мороховцом [4] библиография по истории

[3] «Библиография по истории пролетариата в эпоху царизма. Феодально-крепостной период». Вып. 1. Книжная литература. Вып. 2. Журнальная литература. М. 1935.

[4] Е. Мороховец. Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России. «Вестник Социалистической академии», 1923, №№ 3, 4, 5, 6; 1924, № 7; 1925, № 12; 1927, № 20.

крестьянского движения до настоящего времени не утратила своего значения как справочное издание.

Заслуженной известностью пользуется труд Н. М. Ченцова «Восстание декабристов. Библиография», изданный в 1929 г. Центрархивом. В этом указателе с большой полнотой отображена дореволюционная, советская, а также иностранная литература о декабристах. Ныне Историческая библиотека продолжила под руководством академика М. В. Нечкиной данную библиографию: учтена литература, вышедшая в 1928—1958 гг., восполнены замеченные в трудах Ченцова пропуски.

По истории последующих этапов русского революционного движения были также изданы библиографии. За период 20—30-х годов вышел ряд указателей литературы по истории революционного движения в России, в отдельных ее районах — в Одессе, Сталинграде, Саратове, в Средней Азии, на Дальнем Востоке и др. Подробный перечень этих указателей можно найти в статье М. И. Ахуна [5]. В качестве приложений к журналу «Каторга и ссылка» за 1929 г. (ранее в «Вестнике Социалистической академии», 1923, № 5) напечатан составленный М. Дреем «Опыт указателя литературы по истории партии «Народной воли». Эти указатели не были продолжены и в значительной мере устарели.

Особое внимание всегда уделялось у нас учету революционной социал-демократической литературы как источника при изучении истории русского революционного движения. В 1924 г. была издана библиография первомайских прокламаций [6]. В 1931—1934 гг. Институт Маркса — Энгельса — Ленина подготовил два тома библиографии революционных социал-демократических листовок [7]. Первый том охватывает листовки центральных учреждений и заграничных организаций, первая часть второго тома — листовки Петербургской большевистской организации РСДРП.

Немало было сделано советскими библиографами для характеристики вольной русской печати и русских подпольных зарубежных изданий [8]. В 1957 г. Историческая библиотека составила указатель к «Колоколу» [9], положительно оцененный научной общественностью.

Революции 1905—1907 гг. посвящена большая библиография. Первый указатель, учитывавший только книги на эту тему, вышел в 1930 году. ГПИБ выпустила в 1941 г. краткий указатель изданий по революции 1905—1907 гг., а в 1957 г. на ротапринте — указатель юбилейной литературы [10]. Наряду с книжной и журнальной продукцией в последний указатель включены наиболее значительные газетные статьи. Однако полной библиографии по данной теме до сих пор нет. Отсутствует указатель статей, опубликованных до 1954 г., не учтены книги, вышедшие из печати в 1931—1953 годах.

Библиография по истории Великой Октябрьской социалистической революции, а также гражданской войны в СССР представлена несколькими устаревшими и неполными указателями [11], документальные публикации отражены в них крайне скупо.

В 1957 г. ГПИБ издала библиографию документов Октября [12]. Она включает

---

[5] М. И. Ахун. Обзор русской исторической библиографии. В кн. «Вспомогательные исторические дисциплины». М.-Л. 1937.

[6] «Первомайские прокламации. Библиографическое описание». Л. 1924.

[7] «Социал-демократические листовки 1894—1917 гг.». Библиографический указатель. Тт. 1—2, М.-Л. 1931—1934.

[8] «Вольная русская печать в Российской публичной библиотеке». Л. 1920; М. М. Клевенский и др. Русская подпольная зарубежная печать. Библиографический указатель. Донародовольческий период 1831—1879. Вып. 1. Книги, брошюры, листовки. М. 1935.

[9] «Колокол». Издание А. И. Герцена и Н. П. Огарева. 1857—1867. «Систематизированная роспись статей и заметок». М. 1957.

[10] «Первая русская революция. Указатель литературы». М. 1930; Б. В. Златоустовский. Первая русская революция (1905—1907 гг.). Краткий указатель литературы. М. 1941; К. И. Голиков. Первая русская революция 1905—1907 гг. Указатель литературы, вышедшей в 1954—1957 гг. в связи с 50-летием революции. М. 1957.

[11] С. Л. Данишевский. Опыт библиографии Октябрьской революции. М. 1926; М. Добраницкий. Систематический указатель литературы по истории русской революции 1917—1922 гг. М.-Л. 1926; «Указатель по гражданской войне», изданный Военно-политической академией имени Толмачева. М. 1928 (напечатан на машинке); А. Н. Турунов и В. Д. Вегман. Революция и гражданская война в Сибири. Указатель книг и журнальных статей. Новосибирск. 1928; Н. Я. Виткинд. Материалы к библиографии истории гражданской войны на советском Востоке. М. 1934.

[12] «Великая Октябрьская социалистическая революция. Библиографический указатель документальных публикаций». М. 1957 (ротапринт).

книжные и журнальные публикации документов, вышедшие за 40 лет (март 1917 — апрель 1957 гг.). Завершается подготовка указателя документов по периоду гражданской войны. В плане работ ГПИБ предусматривается учет документальных публикаций по последующим периодам истории советского общества.

В настоящее время ФБОН и ГПИБ подготовили указатель литературы об Октябрьской социалистической революции, вышедшей в СССР в 1957—1958 годах.

В послевоенные годы двумя библиотеками — ФБОН и ГПИБ — ведется интенсивная подготовка общих библиографий по истории СССР, учитывающих советскую историческую литературу и историческую литературу, изданную в 1877—1917 гг. (продолжение библиографии В. И. Межова)[13]. Вопросами библиографии послереволюционной литературы занимается ФБОН, дореволюционной — ГПИБ. В 1956—1958 гг. ФБОН издала два выпуска капитальной библиографии[14] — результат многолетнего труда. Подготовлен третий выпуск, в котором указана литература по истории нашей страны в период социализма.

В 1957 г. издана составленная ГПИБ библиография «История СССР. Указатель книг и статей, вышедших в 1877—1917 годах. Выпуск 1. Историография СССР (Общие работы. Литература об историках)»[15]. Это — полезное пособие, заполняющее ощутимый пробел в исторической библиографии. В недалеком будущем историки смогут ознакомиться со вторым выпуском, содержащим перечень литературы об исторических обществах и учреждениях. Затем библиотека приступит к изданию последующих выпусков, посвященных истории СССР с древнейших времен до 1917 года.

Следует упомянуть о попытке создать общую библиографию по истории СССР, предпринятой Историко-архивным институтом Академии наук в начале 30-х годов. Работа, однако, осталась незавершенной; вышла только вторая часть, составленная С. В. Вознесенским[16].

В настоящее время ФБОН готовит библиографии: «Источники библиографического словаря советских историков», «Библиография библиографии историков (отечественных и зарубежных)» и библиографии трудов отдельных историков.

Из изданных фундаментальных библиографий следует назвать также опубликованную в 1957 г. «Библиографию русской библиографии по истории СССР. Аннотированный перечень библиографических указателей, изданных до 1917 года»,[17] — первую часть серии, которую с 1939 г. начали готовить Историческая библиотека и Библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Значительный интерес представляет библиография советской периодической печати, издаваемая Книжной палатой. Историческая периодика учтена в выпусках «Периодическая печать СССР 1917—1949. Библиографический указатель. Журналы, труды и бюллетени по общественно-политическим и социально-экономическим вопросам» (вып. 1—2. 1958).

У нас имеются библиографии по истории народов СССР, опубликованные как отдельно[18], так и в приложениях к тем или иным работам[19]. Однако и в этой области нет еще достаточно полного учета литературы. Не изданы библиографии по истории ряда республик. Подготовка таких работ предусмотрена в планах Исторической библиоте-

---

[13] В. И. Межов. Русская историческая библиография. Указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам за 1800—1854 включительно. Тт. 1—3. СПБ. 1892—1893; его же. Русская историческая библиография за 1865—1876 включительно. Тт. 1—8. СПБ. 1882—1890; П. П. и Б. П. Ламбины. Русская историческая библиография (1855—1864). Тт. 1—10. СПБ. 1861—1884.

[14] «История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. История СССР с древнейших времен до вступления России в период капитализма». М. 1956; см. рецензию Н. В. Устюгова («Вопросы истории», 1958, № 4, стр. 170—175); «История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. История СССР в период капитализма». М. 1958.

[15] Напечатано на ротапринте.

[16] С. В. Вознесенский. Материалы для библиографии по истории народов СССР. XVI—XVII вв. Л. 1933.

[17] См. рецензии Н. М. Черемисина («История СССР», 1958, № 4); Е. А. Мильштейн и Г. П. Почепко («Советская библиография», 1958, № 51).

[18] Л. В. Черепнин. Материалы для библиографии по истории мордовского народа. Саранск. 1941; З. Л. Амитин-Шапиро. Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии (1750—1917). Фрунзе. 1958. См. рецензию Х. М. Мусина и др. в журнале «История СССР», 1958, № 5.

[19] «История Узбекской ССР». Т. 1. Ташкент. 1955—1956; «Очерки по истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.». Ашхабад. 1954; «Очерки истории Мордовской АССР». Т. 1. Саранск. 1955; «Библиография Якутской АССР (1931—1955)». Т. 1. М. 1958.

ки УССР [20] и Тбилисской Центральной научно-исторической библиотеки, государственных библиотек Казахской, Таджикской ССР.

Важнейшей задачей является развитие краеведческой библиографии, особенно библиографии Сибири, Дальнего Востока и других бурно развивающихся районов РСФСР. Вопрос об этом уже поднят на страницах печати [21].

Обстоятельные библиографии в таких многотомных изданиях, как «История Москвы» [22], в сборниках документов [23] и в отдельных исследованиях [24], дополняют указанные нами библиографические пособия.

Этот краткий анализ показывает, что по многим важнейшим темам нет библиографий и составление их не планируется библиотеками и исследовательскими учреждениями (например, по истории народного хозяйства, истории фабрик и заводов, истории Великой Отечественной войны и др.). Многие указанные выше библиографии устарели и не продолжены (по истории пролетариата и крестьянства, истории революционного движения в России в XVII—XIX вв. и др.).

Долгое время у нас почти не учитывалась зарубежная литература по истории СССР («Россика» и «Советика»), хотя за рубежом выходит значительное количество книг и библиографических изданий, посвященных истории нашей страны [25]. Только с 1954 г. в ФБОН организована картотека «Россики» [26]. Не упорядочено и комплектование советских библиотек зарубежной научной продукцией [27]. Между тем ознакомление с иностранной литературой крайне важно для наших исследователей как в целях разоблачения реакционных буржуазных концепций, так и для ознакомления с достижениями прогрессивных зарубежных историков.

Советским исследователям в области всемирной истории приходится преодолевать большие трудности при выявлении соответствующей отечественной и зарубежной литературы. Еще не созданы общие библиографии отечественных изданий по всемирной истории и указатели по ее узловым темам. Слабо библиографируется зарубежная литература. Трудности работы в области всеобщей истории усугубляются отсутствием библиографии русской и зарубежной библиографии всеобщей истории.

Ценным вкладом в отечественную историческую науку являются библиографии по всеобщей истории в таких изданиях, как «Всемирная история», «История дипломатии» и др.[28]. Они облегчают ознакомление с важнейшей литературой по некоторым вопросам, но не отменяют необходимости составления фундаментальных библиографических изданий по всеобщей истории в целом и по таким ведущим темам, как история революционного и рабочего движения, история международных отношений и др.

В настоящее время библиотеки приступили к подготовке библиографии по всемирной истории: ФБОН совместно с библиотекой МГУ учитывает советскую литературу, ГПИБ — русскую дореволюционную литературу, изданную после 1897 года.

Рассмотрим состояние библиографии по отдельным периодам всемирной истории.

Историографические работы В. П. Бузескула, Б. А. Тураева [29], представляющие большую ценность для науки, знакомят с

---

[20] Р. С. Кац и Н. М. Шелихова. Про стан історичної бібліографії на Україні. «Український історичний журнал», 1958, № 5, стр. 159—166.

[21] «О состоянии, задачах библиографии Сибири». «Сибирские огни», 1958, № 6; «Библиография Западной Сибири». Газета «Литература и жизнь», 16 июля 1958 года; Я. Ханинсон. Для настоящего и будущего Сибири. «Литература и жизнь», 31 октября 1958 года.

[22] «История Москвы». Тт. 1—6. М. 1952—1957.

[23] А. В. Суворов. Документы. Т. 4. 1799—1800. М. 1953.

[24] П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России. М. 1954; его же. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М. 1958; П. И. Лященко. История народного хозяйства. Тт. 1—3. М. 1956 и др.

[25] А. Н. Веревкина. Библиографические указатели зарубежной исторической литературы о Советском Союзе. «История СССР», 1958, № 1.

[26] О. А. Барыкина. Работа Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР с зарубежной литературой по истории СССР. «История СССР», 1958, № 1.

[27] П. Х. Кананов. К вопросу о комплектовании советских библиотек «Россикой». «История СССР», 1958, № 1.

[28] «Всемирная история». Тт. 1—5. М. 1955—1958; «История дипломатии». Тт. 1—3. М.-Л. 1941—1945. «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)». 2-е изд. М. 1956, и др.

[29] В. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Чч. 1—2. Л. 1929—1931; Б. А. Тураев. Русская наука о древнем Востоке до 1917 г. Л. 1927; его же. История древнего Востока. Тт. 1—2. Л. 1935.

самыми значительными трудами по древней истории, но не дают полного перечня литературы. Не восполняют этот пробел и библиографии к учебным пособиям [30].

В историографических обзорах М. А. Коростовцева, Б. Л. Богаевского, Н. И. Новосадского и других [31], в работах, опубликованных в связи с сорокалетием Октябрьской революции, подведены итоги исследования истории древнего мира советскими учеными [32].

А. В. Воронковым составлена, но, к сожалению, пока не издана библиография русской литературы и переводов, относящихся к истории и филологии древней Греции и древнего Рима. Она продолжает труды П. И. Прозорова, А. И. Малеина, Д. И. Нагуевского [33].

В передовой статье сборника «Средние века» «Сорок лет советской медиевистики и ее очередные задачи» (1957, т. 10) отмечаются «крупные недочеты в постановке библиографически-справочного дела» (стр. 24). Действительно, кроме ряда библиографий в книгах и обзоров, публиковавшихся в журналах, нет библиографии, в которой были бы собраны труды русских дореволюционных и советских исследователей в области истории средних веков.

Значительная историографическая работа, проведенная советскими историками, отражена в ряде трудов. Например, большую ценность представляет исследование А. Д. Люблинской «Источниковедение истории средних веков» (Л. 1955). Вместе с тем отсутствие полноценного курса историографии средних веков, специальной библиографии и регулярной информации о новых советских и зарубежных трудах в области медиевистики создает для наших историков большие трудности. Достижения советских византологов, особенно в изучении социально-экономической истории Византии и истории народных восстаний, обеспечили советской науке всеобщее признание. Однако указателя русских дореволюционных и советских исследований по византиноведению также нет. Многочисленные обзоры в исторической периодике и сборниках могут оказать значительную помощь исследователям, но они распылены в разнообразных изданиях, зачастую ставших библиографической редкостью [34].

По истории нового и новейшего времени также нет библиографического указателя

---

[30] В. И. Авдиев. История древнего Востока. 2-е изд. М. 1953; С. И. Ковалев. История Рима. Л. 1948; Н. А. Машкин. История древнего Рима. М. 1956; В. С. Сергеев. История древней Греции. 2-е изд. М. 1948.

[31] М. А. Коростовцев. Изучение истории древнего мира. Сб. «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». М.-Л. 1942; «Новая литература по истории Греции и Рима. Систематический указатель книг и статей на русском и иностранных языках за 1919—1934 гг.». «Историк-марксист», 1935, № 4; Б. Л. Богаевский. Из библиографии по эгейской культуре за 1914—1933 гг. «Известия Государственной академии истории материальной культуры», 1934, № 101; Н. Новосадский. Античная эпиграфика в СССР за 20 лет (1917—1937). «Вестник древней истории» («ВДИ»), 1938, № 4.

[32] В. И. Авдиев. Советская наука о древнем Востоке за 40 лет. М. 1958; его же. Изучение истории древнего Востока в Советском Союзе (1917—1957 гг.). «ВДИ», 1957, № 3, А. И. Тюменев. Изучение истории древней Греции в СССР за сорок лет (1917—1957). «ВДИ», 1957, № 3; С. И. Ковалев. Сорок лет советской историографии по древнему Риму. «ВДИ», 1957, № 3; Г. А. Меликишвили. Древняя история Закавказья в советской исторической науке. «ВДИ», 1957, № 3.

[33] П. Прозоров. Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с 17-го столетия по 1892 г. на русском и иностранных языках. С приложением за 1893, 1894 и 1895 гг. СПБ. 1898; А. Малеин. Библиографический указатель книг и статей по римской истории на русском языке. Приложение к книге Б. Низе «Очерк римской истории и источниковедения». СПБ. 1899; Д. И. Нагуевский. Основы библиографии по истории римской литературы. Казань. 1889.

[34] «Византийский временник», 1891—1928. В тт. 1—12, в 4 выпусках каждого тома; т. 13, вып. 3—4; т. 14, вып. 4; т. 15, вып. 4; т. 18, вып. 1—4; т. 20, вып. 4; т. 21, вып. 3—4; т. 22, вып. 1—2; Ф. И. Успенский. Из истории византиноведения в России. «Анналы», 1922, № 1; «Обзор византинологической литературы за 1917—1927 гг.». «Историк-марксист», 1928, № 7; С. А. Жебелев. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке. «ВДИ», 1938, № 4(5); Е. Н. Елеонская и С. Н. Каптерев. Обзор советской литературы по византиноведению за 1945—1954. «Византийский временник», т. 9, 1956; Н. С. Лебедев. Византиноведение в СССР за 25 лет. В кн. «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». М.-Л. 1942; М. В. Левченко. Византиноведение в СССР. «Ученые записки ЛГУ». Серия исторических наук, вып. 14, 1949; З. В. Удальцова. Основные проблемы византиноведения в советской исторической науке. М. 1955, «Библиография по социально-экономической истории Византии». В кн. «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М. 1951.

отечественной литературы. Приложенный к «Истории XIX в.» под редакцией Лависса и Рамбо (1939) указатель, составленный Библиотекой имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, до сих пор не утратил своего значения. Но за истекшее время издано много литературы, и поэтому особенно необходима библиография по истории нового времени. Ценные библиографии в книгах по истории английской буржуазной революции XVII в., французской буржуазной революции 1789—1794 гг. и других, а также упомянутый выше историографический обзор А. В. Ефимова [35] не могут заменить указателя советской литературы по истории нового и новейшего времени.

Славяноведению принадлежит важное место среди других отраслей исторических наук. Фундаментальная библиография трудов советских и дореволюционных славистов необходима для исследователей всемирной истории и истории СССР, для филологов, литературоведов и др. Обзор важнейших трудов, изданных за 25 лет после Октябрьской революции, дали В. И. Пичета и У. А. Шустер в сборнике «25 лет исторической науки в СССР» (М.-Л. 1942). Проблемы библиографии славяноведения поставил П. Н. Берков в сообщении на IV Международном съезде славистов [36]. ФБОН готовит указатель «Русская литература о зарубежных славянах». В ГПИБ имеются рукописи библиографии работ по славяноведению, вышедших в СССР на русском языке в 1917—1941 гг., а также указателя литературы за 1941—1947 годы. Эти материалы могли бы лечь в основу большой сводной библиографии по отечественному славяноведению.

Совместно с Болгарским библиографическим институтом ФБОН готовит библиографию литературы по истории Болгарии, изданную после 1943 года. Уже вышли два тома [37]. ГПИБ составляет библиографию работ о польском восстании 1863 года.

Следует сказать, что в изданиях Института славяноведения («Ученые записки» и «Краткие сообщения») не уделяется внимания текущей и тематической библиографии.

Нельзя признать правильным, что в СССР—центре научных исследований истории славянских стран — нет хорошо поставленной информации в этой области.

В Советском Союзе созданы ценные библиографии по истории отдельных стран зарубежного Востока: библиография литературы о Китае, МНР и др. [38]. Институт востоковедения Академии наук СССР издал в 1928 г. первый том «Библиографии Востока», где отражена литература за 1917—1925 гг., а затем, в 1932—1937 гг.,— сборники «Библиография Востока» (вып. 1—10), в которых публиковались списки новой литературы и ряд тематических библиографий. В настоящее время институт приступил к составлению полной библиографии советского востоковедения за 40 лет, а секторы его готовят библиографию по истории отдельных стран Востока. Сданы в печать «Русская библиография по Индии» и «Русская библиография по Турции»; составляется указатель русской литературы по странам Юго-Восточной Азии.

Институт китаеведения готовит к печати дополненное издание «Библиографии Китая» М. Е. Скачкова и продолжение труда Кордье «Bibliotheca Sinica» [39].

Наряду с научной библиографией в области истории в нашей стране создан ряд рекомендательных указателей исторической литературы. Большая часть этих изданий подготовлена Библиотекой имени В. И. Ленина и Исторической библиотекой. В первую очередь надо назвать указатели для учителей средней школы: «История СССР» (три издания), «Всеобщая история» и указатель художественной литературы по всеобщей истории. Заслуживают внимания библиографические пособия, вышедшие в связи с юбилеями Великой Октябрьской социали-

[35] «Английская буржуазная революция XVII века». Т. 2. М. 1954; «Французская буржуазная революция 1789—1794». М.-Л. 1941; «Революции 1848—1849». М. 1952.

[36] П. Н. Берков. Международное содружество славистов и вопросы организации славяноведческой библиографии. М. 1958.

[37] Д. Д. Иванов. Народная Республика Болгария. Историческая библиография в томах. Тт. 1—2. М. 1954—1958.

[38] М. Е. Скачков. Библиография Китая. М.-Л. 1930; Е. Н. Яковлева. Библиография Монгольской Народной Республики. Систематический указатель книг и журнальных статей на русском языке. М. 1935. В. П. Тюляев. Монгольская Народная Республика. Библиография книжной и журнальной литературы на русском языке. 1935—1950. М. 1953; З. Н. Матвеев и А. Д. Попов. Библиография Японии. Владивосток. 1923; «Библиографический указатель по Персии». М. 1928; М. П. Петров. Библиография по географии Ирана. Указатель литературы на русском языке. (1720—1914). Ашхабад. 1955.

[39] H. Cordier. «Bibliotheca Sinica». Vol. 1—5. Paris. 1904—1924.

стической революции, первой русской революции, основания Москвы, восстания декабристов, Парижской коммуны, французской буржуазной революции XVIII века. В 1954 и 1956 гг. Историческая библиотека издала указатели литературы о роли народных масс как творца истории.

Библиотекой имени В. И. Ленина, Исторической библиотекой, Библиотекой имени М. Е. Салтыкова-Щедрина составлены многочисленные указатели общественно-политической литературы для массового читателя. В настоящее время Историческая библиотека приступила к изданию серии рекомендательных библиографических пособий по истории в помощь массовым библиотекам. Первая часть серии будет посвящена истории советского общества, вторая — дореволюционному периоду начиная с древнейших времен.

В последние годы активизировалось участие советских ученых в ряде международных библиографических изданий. В первую очередь назовем «International Bibliography of Historical Sciences» (издается ныне Юнеско). Вышло 22 тома; в первом учтена литература за 1926 г., в последнем — за 1953 год. Данные об исторической литературе, вышедшей в СССР, сообщает ФБОН. Эта же библиотека готовит библиографию русских источников для нового, расширенного и дополненного издания труда Поттхаста [40], предпринятого в настоящее время Римским институтом по изучению истории средних веков. Однако в международных исторических библиографиях, субсидируемых Юнеско, неполно отражается наша отечественная литература. Так, например, в библиографии «Десять лет византинологии. Международная библиография 1939—1948» [41] не указан ряд работ Н. В. Пигулевской, Б. Т. Горянова, Е. Э. Липшиц и др.

Библиография является острым оружием классовой борьбы. Она используется империалистическими кругами против нашей страны в клеветнических целях. Примером такой антинаучной, крайне враждебной СССР библиографии является указатель литературы по истории Советской Украины, составленный изменником родины Ю. Лавриненко (Нью-Йорк. 1953). Все содержание указателя, его схема, вводная статья и аннотации пронизаны идеями буржуазного национализма, злобной клеветой на Советский Союз и на дружбу народов нашей страны. В указателе преобладают реакционные писания националистов-белоэмигрантов и работы буржуазных фальсификаторов истории, изданные в США и других странах после 1917 года.

В крупнейших общих исторических библиографиях, изданных в капиталистических странах («Указатель исторической литературы» и «Библиография по всемирной истории» [42]), почти отсутствуют труды русских историков. В этих указателях не представлена литература о роли народных масс в истории, об истории революционного и рабочего движения, о борьбе против колониализма.

В разделе «История СССР» библиографии Г. Франца, составленном проф. фон Раухом, грубо искажаются достижения советской исторической науки. Так, подавляющее большинство работ по истории советского общества, приведенных в указателе, являются грязными пасквилями белоэмигрантов типа Бердяева, Прокоповича, Сахарова, а также таких реакционных авторов, как Артур Розенберг, В. Мейснер и др. Раух игнорировал советские документальные публикации, зато он постарался привести английские и западногерманские издания, искажающие историю внешней политики Советского Союза. Ненаучна и периодизация истории СССР, применяемая составителем.

Освещая историю других стран, составители не привели ценных трудов прогрессивных зарубежных историков. Например, в главе по истории Америки отсутствуют книги У. Фостера «Очерк политической истории Америки», Ф. С. Фонера «История рабочего движения в США от колониальных времен до 80-х годов XIX в.», А. Рочестр «Американский капитализм. 1607—1805» и др.

Цель буржуазной библиографии состоит в том, чтобы создать у зарубежных историков неправильное представление о развитии в СССР и в государствах народной демократии исторической науки, замолчать труды прогрессивных ученых других стран. Неправомерно мало уделяется внимания в ней литературе по социально-экономической истории.

---

[40] A. Potthast. Bibliotheca historica Medii Aevi. Wegweiser durch die Geschichtswerke des europäischen Mittelalters bis 1500. 2. Aufl. Bd. 1—2. Berlin. 1896.

[41] «Dix années d'étude byzantines». Bibliographie internationale. 1939—1948. Paris. 1949.

[42] «Guide to Historical Literature». New York. 1930; G. Franz. Bücherkunde zur Weltgeschichte. München. 1956.

Буржуазная историческая библиография носит, таким образом, ярко выраженный тенденциозный характер. Она методологически порочна.

★

Краткий обзор состояния исторической библиографии и планов ее развития на ближайшие годы показывает большой размах работ и имеющиеся в то же время в этой области существенные недостатки. Среди них следует указать в первую очередь на отсутствие координации в деятельности библиотек (в особенности различных ведомств), на трудности, возникающие при публикации библиографических указателей.

Необходим единый сводный перспективный план деятельности библиотек и научных учреждений в области библиографии, который предусмотрел бы составление наиболее актуальных библиографий, сроки их подготовки и издательскую базу.

По нашему мнению, следует создать координирующий центр научной исторической библиографии при ФБОН или при ГПИБ. В него должны войти представители Отделения исторических наук Академии наук СССР, исторических журналов, университетов и научных библиотек. Этот центр смог бы подготовить сводный план развития библиографии в стране и осуществлять контроль за его выполнением.

М. Л. Иткин, Э. А. Вайсборд, Р. М. Инглези, А. А. Соленникова

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

В декабре 1958 г. состоялось общее собрание Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР, посвященное вопросам советской археографии. В нем приняли участие работники архивов, сотрудники научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений столицы.

Открыл собрание председатель комиссии академик М. Н. Тихомиров, который отметил, что в нашей стране в последние годы наблюдается активизация публикаторской деятельности. М. Н. Тихомиров поставил вопрос о необходимости дальнейшего развития советской археографии.

На собрании был заслушан доклад И. А. Булыгина и Г. Е. Рейхберга (Ин-т истории) о публикации источников по истории советского общества. В докладе говорилось, что действующие в настоящее время «Правила издания исторических документов» (1955 г.) страдают рядом недостатков. И. А. Булыгин и Г. Е. Рейхберг высказали пожелание об уточнении и изменении этих «Правил», предложили различать типы изданий по их целевому назначению (для научных работников, агитаторов и пропагандистов, преподавателей и студентов и т. д.), в отдельных случаях публиковать документы по частям фондов, а иногда печатать весь фонд целиком. И. А. Булыгин и Г. Е. Рейхберг говорили о том, что в «Правилах» следует также точно определить порядок употребления отточий (авторских и введенных археографом), прописных букв, написания принятых сокращений, передачи подписей, штампов и делопроизводственных помет. Докладчики находят неверной существующую практику сокращения заголовков, превышающих публикуемый документ, и предложили сокращать лишь такие широко известные слова, как профсоюз, Совнарком и т. п. Когда же в документе приводится название фабрик и заводов, то И. А. Булыгин и Г. Е. Рейхберг считают нужным указывать в скобках их местоположение, а при названии сел и деревень — названия уездов, губерний и пр. Сообщения, взятые из газет, они предлагают располагать по датам газет, а если эта дата расходится с датой события, то принимать за основу последнюю. Докладчики полагают, что вставлять в текст телеграмм какие-либо союзы нет необходимости, но в случае неясных или спорных мест составители должны дать пояснения.

По их мнению, в легенде следует указывать на разновидность документа (черновик, подлинник, копия), способ, каким он воспроизведен, а также давать ссылку на все предшествующие издания.

Сообщение об особенностях изданий исторических источников по истории рабочего класса СССР (1918—1920 гг.) сделала

Т. В. Ивницкая (Историко-архивный ин-т). Она отметила, что для первых лет Советской власти характерны публикации документов об участии рабочего класса в создании Красной Армии. В предвоенные и особенно в послевоенные годы возросло число публикаций документов, повествующих об участии рабочих в социалистическом строительстве. С годами менялась не только тематика, но и виды и формы публикаций по этой теме: от журнальных статей до специальных сборников. Сейчас, по мнению Т. В. Ивницкой, следует поставить вопрос о серийном издании документов общесоюзного характера. По своему составу большинство документальных изданий является сборниками различных видов источников на определенную тему. Однако до сих пор вне поля зрения публикаторов остаются такие важные материалы, как протоколы Советов рабочих и солдатских депутатов.

Публикации по истории рабочего класса в период Октябрьской революции и гражданской войны, по мнению Т. В. Ивницкой, имеют ряд недочетов: в них недостаточно использованы документы, показывающие конкретную деятельность рабочих. В некоторых изданиях привлечены в качестве основных источников материалы, исходящие из вражеского лагеря; порой данные периодической печати оттесняют на второй план архивные документы; слабо представлен изобразительный материал (плакаты, фотографии и др.). Т. В. Ивницкая затронула также вопросы археографической обработки документов по советскому периоду. В частности, она отметила, что иногда неправильно выбираются тексты документов, предназначенных для публикации, например, берутся незаверенные копии, в то время как в других архивах имеются подлинники этих документов, перепечатываются материалы из ранее изданных сборников без сверки с архивными источниками, что влечет за собой повторение ошибок, допущенных в прежних изданиях. При публикации материалов периодической печати Т. В. Ивницкая предлагает пользоваться только первопечатным текстом, различая при этом собственно газетный материал (корреспонденции, заметки, письма, отчеты) и документы, впервые опубликованные на страницах газет и журналов.

По докладу И. А. Булыгина и Г. Е. Рейхберга и сообщению Т. В. Ивницкой развернулись оживленные прения, в ходе которых было поднято много важных вопросов советской археографии.

Н. В. Михайлова (ГАУ) рассказала о подготовке сотрудниками Центрального государственного архива Октябрьской революции и Главного архивного управления новых «Правил публикации источников», в которых найдут отражение многие пожелания, высказанные И. А. Булыгиным и Г. Е. Рейхбергом.

И. И. Корнева (Историко-архивный ин-т) обратила внимание на вопросы, возникающие при выявлении документов и их отборе для публикации. По ее мнению, следует ставить в известность читателя (в предисловии или в примечаниях к сборнику) о документах по данной теме, не включенных в публикацию. Она предложила ввести в «Правилах» специальный раздел о том, как составлять предисловия к документальным изданиям. И. И. Корнева считает, что авторские отточия, неразборчивые подписи или отсутствие их надо оговаривать в предисловии, не загромождая этим текст документов; в основе расположения документов должна лежать дата их написания.

Ю. С. Токарев (Ин-т истории) подчеркнул, что пофондовый принцип изданий для документов по истории XIX—XX вв. невозможен из-за большого количества архивных источников. Поэтому он предложил выпускать тематические сборники неопубликованных материалов.

Э. Б. Генкина (Ин-т истории) отметила, что до сих пор в публикации источников существует большой разнобой, правила издания документов меняются, различные издательства выпускают в свет документы по-разному. Тот факт, что подготовленные сотрудниками ЦГАОР и ГАУ новые «Правила» неизвестны исследователям, свидетельствует, по ее мнению, об отсутствии нужной координации в работе научных учреждений. Э. Б. Генкина поставила вопрос о необходимости издания таких документов, как протоколы Президиума ВЦСПС, Госплана, ВСНХ и переиздания резолюций съездов Советов РСФСР, которые в настоящее время представляют библиографическую редкость. Она предложила опубликовать к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина сборник приветствий трудящихся вождю партии и Советского государства. Э. Б. Генкина говорила и о составлении перспективного тематического плана публикации источников.

В. А. Кондратьев (ГАУ) сделал сообщение «О научно-справочном аппарате к публикациям». По его мнению, большое

значение имеют перечни выявленных, но не вошедших в публикации документов, которые следует давать в виде приложений к сборникам. Когда же объем сборника ограничен, надо отдать предпочтение такому перечню, опуская указатель публикуемых документов. В. А. Кондратьев поставил на обсуждение предложение публиковать перечни в сочетании с регестами, выпуская их в виде самостоятельного научно-справочного издания.

В сообщении «О методологии советской археографии» М. С. Селезнев (Историко-архивный ин-т) остановился на сущности методологических положений археографии применительно к выявлению и отбору документов для печати. Главным здесь должно быть всестороннее и полное выявление документов по теме, глубокий, тщательный анализ обнаруженных материалов, критический и объективный отбор их для печати. Особенно внимательного изучения, подчеркнул М. С. Селезнев, требуют документы, исходящие из вражеского лагеря. При отборе материалов следует отдавать предпочтение документам, исходящим от трудящихся или организаций, выражающих их интересы.

Необходима тщательная проверка фактических данных, которые встречаются в документах, предназначаемых к изданию. С этой целью М. С. Селезнев рекомендовал широко применять метод взаимного сопоставления и сравнительного анализа показаний различных источников по исследуемому вопросу.

М. Н. Черноморский (Историко-архивный ин-т) посвятил свое выступление одному из видов источников по истории советского периода — мемуарам. Он отметил, что у нас мало печатают мемуаров, а без них затруднена исследовательская работа по такой, например, проблеме, как «История Октябрьской социалистической революции». Среди опубликованных воспоминаний многие в научном отношении слабы. Учитывая положительный опыт таких изданий, как воспоминания декабристов, М. Н. Черноморский предложил разработать единые правила публикации воспоминаний по истории советского периода и создать центр, который руководил бы подготовкой мемуаров к печати. Он также высказал пожелание о созыве специального совещания Археографической комиссии совместно с Союзом советских писателей и издательствами по вопросам издания воспоминаний, в частности, о серийном выпуске мемуаров руководителей и активных участников Октябрьской революции.

М. Н. Тихомиров поддержал предложение М. Н. Черноморского, но вместе с тем отметил, что в компетенцию Археографической комиссии не входит руководство работой по изданию воспоминаний. Возможно, что теперь настал момент вновь поднять перед Президиумом АН СССР вопрос о создании специальной мемуарной комиссии, который в свое время ставил академик И. М. Майский.

Выступивший с сообщением о местных изданиях архивных документов Б. И. Мусатов (АУ РСФСР) отметил большой рост в СССР публикаторской деятельности. Только архивами РСФСР за последние три года изданы 98 документальных сборников общим тиражом 400 тыс. экземпляров. Это результат глубоких сдвигов в архивном деле и в исторической науке, наступивших после XX съезда КПСС. В 1959 г. по РСФСР намечено подготовить 70 и выпустить в свет около 20 сборников документов. Большая доля этих изданий готовится местными архивами. По семилетнему плану местные архивы должны издать 240, центральные — 80 сборников. Б. И. Мусатов отметил, что, несмотря на отдельные недостатки, в целом местные издания расширяют источниковедческую базу. Однако материалы по таким важным темам, как история Октябрьской революции и гражданской войны, восстановление народного хозяйства, коллективизация сельского хозяйства, Великая Отечественная война, история рабочего класса, и другим находятся в многочисленных местных архивах и ждут публикации. В связи с этим необходимо координировать работу архивных учреждений как в центре, так и на местах при подготовке публикаций и составлении планов изданий. Б. И. Мусатов обратил внимание также на слабость научно-справочного аппарата некоторых местных изданий, отсутствие в них хроники событий и предисловий, недостаточно высокое качество комментариев и др. Дефектом многих публикаций является то, что в них нет документов из ведомственных архивов. Мало также представлены в сборниках материалы из рукописных собраний библиотек и музеев. Б. И. Мусатов не согласился с предложением В. А. Кондратьева о выпуске перечней неопубликованных документов отдельными изданиями, считая это излишним при существующей практике составления обзоров, хранящихся в архивах материалов. По

его мнению, неопубликованные документы следует использовать для составления комментариев.

С сообщением о значении археографии в преподавании истории СССР в высших учебных заведениях выступил В. В. Кузин (МГУ). Отметив успехи археографической деятельности в СССР, он остановился на анализе практического использования опубликованных источников в преподавательской работе. Оратор внес ряд предложений по дальнейшему расширению публикации источников. По его мнению, в связи с тем, что большинство документальных изданий отражает в значительной мере директивную сторону деятельности Коммунистической партии и Советского государства, следует увеличить публикацию материалов отчетного характера, свидетельствующих о практическом осуществлении принятых решений. В частности, он предложил переиздать ведомственные отчеты органов государственного управления за 1918—1935 гг., некоторые материалы ЦСУ и др. В. В. Кузин рекомендовал приступить к выпуску серии документов по истории массовых организаций трудящихся, увеличить издание произведений видных деятелей Коммунистической партии и Советского правительства, переиздать работы Н. В. Крыленко, Д. И. Курского, С. П. Середы, А. Д. Цюрупы, Г. В. Чичерина, В. Н. Мещерякова, М. М. Литвинова, М. Ф. Владимирского и др., а также ряд статистических сборников, в частности трудов ЦСУ, подготовленных по указанию В. И. Ленина.

В. В. Максаков (Историко-архивный ин-т) в своем выступлении коснулся ряда задач, стоящих перед археографами. По его мнению, прежде всего надо дать исследователям документы различных организаций трудящихся — партийных, профсоюзных, советских, для чего следует разработать перспективный план публикаций на 6—7 лет. В. В. Максаков считает необходимым сократить выпуск многотомных изданий и не предпринимать пофондовых публикаций. Он предложил подготовить серию документальных сборников для широкого круга читателей, издание которых должны взять на себя Главное архивное управление и Институт истории. При составлении сборников надо обращать внимание не только на качество предисловий, но прежде всего на подбор самих документов. В. В. Максаков выдвинул предложение об организации специальной комиссии по сбору мемуаров и подготовке их к изданию, высказался против неправильного отношения к такого рода литературе как к якобы сомнительному источнику.

Закрывая собрание, М. Н. Тихомиров сказал, что в докладах и выступлениях были подняты важные вопросы археографической практики, однако упущено одно серьезное обстоятельство: необходимо бережно относиться к фонетике и орфографии документов периода Октябрьской революции и гражданской войны, которые отличаются от современной. Особо подчеркнул он значение качества подготовки предисловий к документальным сборникам. Предисловия, безусловно, нужны, но не следует требовать освещения в них всех вопросов. Спор о видах публикаций М. Н. Тихомиров считает беспредметным, так как впервые издаваемые документы должны передаваться археографически точно, независимо от целевого назначения издания. Нужен перспективный план публикаций, составление которого является задачей ряда учреждений. Подводя итоги собрания, М. Н. Тихомиров отметил, что опыт состоявшегося собрания говорит о целесообразности ежегодных специальных совещаний по вопросам советской археографии.

Н. А. Долдобанова

Хроникальные заметки

Институт истории Академии наук СССР (Москва, Волхонка, 14) объявляет прием в аспирантуру по специальностям:

1) История СССР советского периода.

2) Новейшая история стран Западной Европы.

3) Новейшая история США и стран Латинской Америки.

4) История Византии.

5) История религии и атеизма.

По Ленинградскому отделению Института (Ленинград, Биржевая линия, 1):

1) История СССР советского периода.

2) Новая история стран Западной Европы.

Заявления и документы принимаются до 1 сентября 1959 года. Вступительные экзамены в сентябре.

Справки по телефону Б 8-81-42.

◆ В Государственном историческом архиве Ленинградской области обнаружен неизвестный ранее документ о В. В. Стасове: его прошение от 1 декабря 1857 г. на имя ректора Петербургского университета о разрешении читать бесплатно курс лекций по истории искусств. В прошении В. В. Стасов излагает свои соображения по поводу введения в университете этого курса. «Я всегда горячо желал, — пишет он, — найти возможность читать для нашего воспитывающегося юношества курс истории искусств. При этом меня всего более занимала мысль о необходимости распространения вкуса к изучению этого предмета и о возможности послужить поводом и побуждением (посредством простых по изложению, но богатых по содержанию лекций) к тому, чтобы и в нашем отечестве эта отрасль знания, до сих пор оставленная в тени, начала разрабатываться молодыми и свежими деятелями». Предложение В. В. Стасова было отвергнуто сторонниками консервативной эстетики. Не допущенный реакционным университетским начальством к преподавательской деятельности, В. В. Стасов пропагандировал передовые взгляды на искусство в своей публицистике. Свои яркие и богатые по содержанию статьи он не случайно называл «университетскими лекциями».

◆ Профессор Узбекского государственного университета И. Умняков завершил перевод на русский язык мемуаров о Тимуре, написанных современником Тимура, постоянным представителем Ватикана на Среднем Востоке архиепископом Иоанном. До сих пор эти мемуары издавались лишь один раз — в 1894 г. в Париже. Никто из биографов Тимура ими не пользовался. Профессору Умнякову удалось установить, что воспоминания архиепископа Иоанна отличаются достоверностью и объективностью. Новыми историческими изысканиями доказано, что католический прелат пользовался доверием Тимура, неоднократно выступал посредником между ним и правителями Англии, Франции и Византии.

◆ Б. П. Полевой (Ленинград) в архивах страны выявил ряд неизвестных документов о первых плаваниях русских по Тихому океану под руководством казака Ивана Москвитина в 1639—1641 годах. Особый интерес представляют челобитные участников первого похода, материалы о возвращении И. Москвитина в Якутск. Новые архивные материалы позволили установить, что первый выход в Тихий океан состоялся 1 октября 1639 года. Эта дата может считаться началом русского мореходства на Тихом океане. Тогда русские вышли из района реки Ульи и дошли до реки Охоты. Второй поход начался в апреле 1640 г.; во время этого похода были открыты Шантарские острова.

◆ В дни празднования 1100-летнего юбилея родоначальника таджикской литературы Абу Абдулло Рудаки в городе Пенджикенте (Таджикская ССР) открыт новый республиканский историко-краеведческий музей, которому присвоено имя великого таджикского поэта.

◆ На историческом факультете Ленинградского университета состоялась научная сессия, посвященная генезису капитализма в России. Участники сессии заслушали доклады: профессора Б. Б. Кафенгауза (Институт истории Академии наук СССР) «Некоторые вопросы генезиса капитализма в России»; профессора Ленинградского университета В. В. Мавродина «Некоторые вопросы эволюции русского самодержавия в XVII—XVIII веках»; доцента И. Г. Шульги (Ужгородский университет) «Развитие торговли на Украине в XVIII в.»; профессора В. Н. Бернадского (Ленинградский педагогический институт имени Герцена) «Капиталистическое и крепостническое предпринимательство в России в третьей четверти XVIII века». Всего на сессии было прочитано около 20 докладов.

◆ В Истре, на территории Ново-Иерусалимского монастыря — знаменитого памятника русского зодчества XVII в., — открылся областной краеведческий музей. Здесь имеется ряд экспозиций по истории Московского края XVII—XVIII веков. В музее есть также отделы: «Октябрьская революция в Московской губернии», «Подмосковье в годы Великой Отечественной войны» и другие. Ведется подготовка к открытию нового отдела «Литературное Подмосковье».

◆ Недалеко от Красноярска обнаружен клад старинных металлических предметов, относящихся к Тагарской эпохе (VII—I век до нашей эры). Среди них «комплект» орудий труда того периода: семь ножей разной формы, служивших для обработки и разделки шкур, десять плотницких инструментов, четыре кельта, два игольника, а также шаркунцы (колокольчики для скота), украшения, бронзовое зеркало. Все предметы сделаны из бронзы, содержащей большое количество серебра. В числе вещей есть предметы, не встречавшиеся до сих пор при раскопках в Красноярском крае: необычные по форме игольники, напоминающие колос, и набор украшений для сбруи. Коллекция, переданная в Красноярский краевой музей, представляет большую научную ценность.

ПРАЗДНОВАНИЕ 100-летия РУМЫНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

В конце января 1959 г. румынский народ торжественно отметил столетие со дня основания своего национального государства. Этому великому событию в жизни румынского народа была посвящена юбилейная сессия Великого Национального собрания Румынской Народной Республики, состоявшаяся 24 января 1959 года. С докладом об историческом значении объединения Валахии и Молдавии в единое национальное государство выступил Председатель Совета Министров РНР Киву Стойка[1].

В героической истории румынского народа, подчеркнул Киву Стойка, борьба за объединение румынских княжеств занимает почетное место. Сегодня, когда трудящиеся РНР успешно строят новую жизнь, славные традиции борьбы за свободу вдохновляют их на большие дела, укрепляют уверенность в полном торжестве социализма в родной стране.

Киву Стойка подробно осветил события, приведшие сто лет назад к образованию Румынского государства. Объединение Валахии и Молдавии явилось естественным результатом всей предшествующей истории румынского народа, его экономического, политического и культурного развития, результатом роста его национального самосознания.

Идея национального единства быстро проникла в массы. Их стремление к объединению тесно переплеталось с борьбой за уничтожение двойного гнета — иностранных поработителей и румынских бояр. С завоеванием независимости родины крестьянство связывало надежды на освобождение от вековой эксплуатации и угнетения.

Большое внимание в докладе Киву Стойка было уделено анализу движущих сил борьбы за объединение. Великим творцом объединения румынских княжеств, подчеркнул докладчик, был трудовой народ, крестьянские и городские массы. Идеологи буржуазии всячески замалчивали решающую роль народных масс Румынии в борьбе за национальное единство.

За объединение Валахии и Молдавии выступала и буржуазия, которая считала, что объединение будет служить ее интересам, способствовать росту промышленности и торговли, расширению внутреннего рынка. Наиболее передовые элементы буржуазии тесно связывали объединение с проведением некоторых буржуазно-демократических реформ, в частности аграрной.

В первых рядах борцов за объединение страны выступали наиболее просвещенные люди того времени — политические деятели, литераторы и публицисты: М. Когэлничану, В. Александри, К. Негри, А. И. Куза, В. Мэлинеску, К. А. Росетти, Д. Болинтиняну, Ч. Болиак и другие.

Иную позицию занимало боярство. Заинтересованное в сохранении феодальных отношений, своего господствующего положения в обособленных княжествах, оно всячески тормозило консолидацию общественных сил, боровшихся за национальное единство. Однако под давлением развернувшегося объединительного движения часть бояр вынуждена была присоединиться к идее объединения. Большинство бояр, опасавшихся потерять классовые привилегии, продолжало выступать против объединения.

Касаясь внешнеполитических условий образования Румынского государства, Киву Стойка указал, что из числа европейских держав только Россия и Франция поддержали стремление румынского народа к национальному единству. Турция, Англия и Австрия сопротивлялись делу объединения княжеств.

На стороне румынского народа, боровшегося за объединение своей страны, были глубокие симпатии и солидарность русских прогрессивных сил во главе с Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым, демократов Франции и других стран Европы.

Докладчик отметил, что объединение, открыв новый этап в историческом развитии румынского народа, имело глубокие

[1] См. газету «Scînteia», 25 января 1959 года.

экономические, политические и социальные последствия: оно «заложило фундамент единого национального Румынского государства», создало предпосылки для свержения с помощью России оттоманского ига в 1877 г. и завоевания румынским народом независимости.

Значительную часть своего выступления Киву Стойка посвятил разоблачению реакционной внутренней и внешней политики правящих кругов буржуазной Румынии в предвоенные годы и в годы второй мировой войны. Румынская буржуазия и помещики, отметил докладчик, все больше скатывались на путь предательства национальных интересов страны. Господство буржуазно-помещичьей коалиции привело Румынию к потере независимости. Иностранные империалисты, опираясь на эксплуататорские классы Румынии, варварски грабили страну, румынских трудящихся.

Священное знамя борьбы за освобождение от социального и национального рабства поднял пролетариат, единственный последовательно революционный класс, выражающий интересы всего народа. С братской помощью Советского Союза румынский народ под руководством марксистско-ленинской партии впервые в своей истории добился действительной независимости и национального суверенитета, установил народно-демократический строй и ныне успешно идет по пути строительства социализма.

С интересными речами на сессии выступили депутаты Великого Национального собрания РНР П. Константинеску-Яшь, А. Оцетя, Ф. Дэнэлаке, К. Нистор, В. Талпэлариу, К. Джорджи и другие [2].

Разоблачая утверждения реакционной буржуазной историографии, будто рождение Румынии было делом только внешних сил, академик А. Оцетя дал глубокий анализ позиции Турции, Англии и Австрии — противников объединения румынских княжеств в единое национальное государство. Он отметил, что идея объединения Валахии и Молдавии поддерживалась прежде всего народными массами страны, а из иностранных держав — только Россией и Францией. Акт 24 января 1859 г. явился в первую очередь результатом внутреннего развития княжеств, достигших высокой степени экономической и политической зрелости, что и сделало объединение исторической необходимостью.

Разоблачая предательскую роль румынской буржуазии, А. Оцетя указал, что ее большая часть защищала как буржуазную, так и феодальную собственность. Помещикам было гарантировано сохранение феодальных прав; путь к аграрной реформе, которую с нетерпением ожидало крестьянство, оказался закрытым. Следовательно, уже в первый период борьбы за объединение возникла «чудовищная коалиция» буржуазии с помещиками, которая должна была править Румынией.

Юбилейная сессия Великого Национального собрания, прошедшая в обстановке всенародного торжества, показала нерушимое единство румынского народа, Румынской рабочей партии и правительства.

Торжественные объединенные сессии областных и городских народных Советов состоялись в Яссах, Клуже, Галаце, Тимишоаре, Крайове и в других крупнейших центрах страны.

Массовые митинги по случаю столетия Румынского национального государства прошли на городских площадях, отдельных предприятиях, в коллективных хозяйствах [3]. Выступавшие говорили об историческом значении объединения Валахии и Молдавии, о борьбе румынского народа за свободу и национальную независимость, об успехах Румынской Народной Республики в деле построения социализма.

По желанию трудящихся в честь столетия объединения «Площадь 28 марта» в Бухаресте была переименована в «Площадь объединения», восстановлен «Музей истории города Бухареста», в Яссах открылся новый «Музей объединения», работа по созданию которого началась еще в 1954 году [4].

22 января состоялась научная сессия Академии Румынской Народной Республики [5], привлекшая большое внимание научной общественности. На ней был заслушан доклад академика А. Оцетя «Историческое значение объединения румынских княжеств». Докладчик раскрыл историческое, политическое и экономическое значение объединения в последующем развитии Румынии.

С докладом «Экономические предпосылки объединения» выступил академик В. Малинский [6]. Он проанализировал

[2] Там же

[3] «România liberá», 24 и 25 января 1959 года.

[4] Там же.

[5] «România liberá», 23 января 1959 года.

[6] Там же.

экономическое положение Валахии и Молдавии в середине прошлого столетия, которое характеризовалось в первую очередь упадком феодального сельскохозяйственного производства. Нищета и бесправие толкали крестьян к выступлениям против властей, против угнетателей.

В. Малинский говорил о промышленном развитии княжеств, положении рабочего класса, эволюции внешней торговли, тяжелом состоянии финансов в румынских княжествах в канун их объединения. Бедственное положение Валахии и Молдавии усугубилось экономическим кризисом, продолжавшимся почти четыре года (1857—1860 гг.). Только объединение и проведение социальных реформ, отметил докладчик, могли способствовать росту производства, развитию экономики княжеств, расширению и унификации их внутреннего рынка.

В. Мачиу в своем выступлении «Народное движение за объединение в Молдове и Валахии в 1855—1859 гг.» рассмотрел факты, которые способствовали пробуждению национального самосознания, подготовке широких масс к борьбе за национальное единство, за ликвидацию боярского господства. Докладчик подчеркнул роль организованных народных масс — крестьян, горожан и ремесленников — в создании единого национального государства.

В докладе «Социально-культурные аспекты объединения» академик М. Раля рассказал об экономических и культурных связях, которые существовали между румынами с древнейших времен и которые явились важным фактором, стимулировавшим объединение.

Большой интерес вызвали выступления В. Поповича («Обсуждение социальных проблем в Диване ad hoc Молдовы»), Ш. Паску («Эхо объединения в Трансильвании»), академика Т. Виану («Литература объединения») [7].

Научные сессии и конференции, посвященные столетию румынского национального государства, были организованы Институтом истории Академии РНР, ее Клужским и Ясским филиалами совместно с Ясским университетом [8].

На сессии в Институте истории Академии РНР с научными докладами и сообщениями выступили Н. Адынилоае («Роль народных масс в осуществлении объединения румынских княжеств»), К. Бодя («Борьба революционеров в изгнании за объединение»), С. Виану («Позиция великих держав в вопросе об объединении румынских княжеств»), Г. Георгеску-Бузэу («Внутренние экономические и социальные условия, определившие объединение румынских княжеств») и другие.

На научной сессии в Яссах интересные доклады сделали В. Попович («Объединение и его историческое значение»), Ж. Бендидер («Вклад А. Д. Ксенопола в изучение проблем объединения»), Г. Платон («Крестьянские восстания в Молдове накануне объединения»), К. Чиопрага («Отражение Объединения в литературе») и другие.

Вместе с румынской общественностью столетие создания единого Румынского государства отметил советский народ. В честь знаменательной даты Общество советско-румынской дружбы и Институт истории АН СССР в Москве организовали вечер [9], на котором были заслушаны доклады Я. С. Гросула «Роль России в ослаблении турецкого господства в Дунайских княжествах и в подготовке условий для создания единого Румынского государства», В. Н. Виноградова «Русская дипломатия и вопрос об объединении румынских княжеств», Н. И. Казакова «Русско-румынские отношения в первой половине XIX века».

В заключение на вечере выступил тепло встреченный собравшимися временный поверенный в делах Румынской Народной Республики в СССР Т. Петреску.

Важному событию в жизни румынского народа посвящен целый ряд статей в румынской и советской прессе.

А. А. Шевяков

[7] Там же.

[8] «România liberă», 24 января 1959 года.

[9] «Правда», 25 января 1959 года.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ПОЛЬШЕ

Победа народно-демократического строя в Польше открыла перед польской исторической наукой невиданные ранее горизонты и возможности. Благодаря повседневной заботе Польской объединенной рабочей партии и правительства Польской Народной Республики были созданы необходимые условия для развертывания научных исследований во всех областях исторической науки. Большое внимание в стране уделяется подготовке новых кадров историков, воспитанию их в духе марксизма-ленинизма. Серьезное значение придается также изучению учеными старшего поколения марксистско-ленинской теории.

Данная статья преследует цель кратко информировать советских читателей об основных исторических учреждениях и периодических изданиях по истории в Польше.

Основным научно-исследовательским учреждением в области истории является созданный в 1953 г. Институт истории Польской Академии наук (ПАН). В институте занято 140 сотрудников, не считая работающих по договорам. Имеются отделы: история Польши до 1764 г., история Польши 1764—1864 гг., история Польши 1864—1918 гг., история Польши 1918—1939 гг. и отдел всеобщей истории. Кроме того, 7 секторов изучают специальные проблемы. Это секторы истории Польши периода второй мировой войны, истории историографии, истории Поморья, истории Силезии, археографии, документации, исторического атласа.

В середине 1956 г. сектор публикации источников был преобразован в комиссию по публикации источников. При институте имеются также комиссии: по истории рабочего класса и рабочего движения, по изданию произведений Лелевеля и посвященных ему исследований, по истории Возрождения и Реформации. В последнее время вследствие оживления работ по новейшей истории при институте образована комиссия по координации исследовательской работы по истории польского народа в период второй мировой войны. В нее вошли представители всех научных учреждений, заинтересованных в изучении этого вопроса. Кроме того, в 1956 г. в ведение Института истории перешли два коллектива, действующие уже несколько лет. В их числе группа по изданию средневековых источников, связанная до того с Институтом истории материальной культуры, и группа, готовящая издание источников по истории четырехлетнего сейма; ранее эта группа была в ведении Польского исторического общества.

К числу главных задач Института истории Польской Академии наук наряду с координацией, планированием и определением основных направлений исследований относится и организация перспективных работ, требующих мобилизации значительных людских и финансовых резервов. В первую очередь здесь следует упомянуть о подготовке многотомного обобщающего труда — учебника «История Польши». Первый том, охватывающий период с древнейших времен до 1764 г., уже вышел в свет. Второй том (1764—1864 гг.) также опубликован.

Подготовка третьего тома (1864—1918 гг.) близка к завершению. Одновременно проводится работа над четвертым томом (1918—1939 гг.), макет которого будет сдан в печать зимой 1959/60 года.

Наряду с учебником «История Польши» институт работает над обобщающими трудами по истории Поморья и Силезии. Первый том «Истории Силезии», охватывающий период до середины XVIII в., уже подготовлен к изданию. Планируется публикация трехтомных коллективных «Очерков по истории Поморья». Предусматривается также издание многотомной полной истории Поморья.

Кроме того, в институте готовятся многочисленные более или менее крупные издания (монографии и публикации источников), относящиеся к различным эпохам и касающиеся разных проблем. План Института истории на 1958 г. включал 190 названий, из них 29 посвящены раннему средневековью, 28 — истории XV—XVIII вв., 37 — периоду 1764—1864 гг., 26 — 1864—1918 гг., 19 освещают период между двумя мировыми войнами, 9 приходятся на время после 1939 г., 13 относятся к различным периодам. Всеобщая история представлена 26 темами.

По истории деревни периода XV—XIX вв. публикуются материалы ревизий, жалоб, инвентарей и т. п. Начало было положено изданием «Жалоб крестьян XVIII в.» [1], «Инвентарей шляхетских поместий Калишско-

[1] «Supliki chłopskie XVIII wieku z archiwum Prymasa Michała Poniatowskiego». Wydali Janina Leskiewiczowa i Jerzy Michalski. Wstępem opatrzył St. Arnold. Warszawa. 1954.

го повета»[2] и трех томов «Материалов по истории великопольского крестьянина во второй половине XVII в.»[3]. В 1958 г. были изданы документы по ревизиям: 1554 г.— Краковского, Люблинского, Сандомирского и Равского воеводств, 1570 г.— Равского воеводства, 1798 г.— Сандомирского и Краковского воеводств, жалобы крестьян из Равских поместий за 1846—1864 гг. и несколько исследований по истории деревни.

Городская проблематика представлена более скромно. В 1958 г. было завершено несколько трудов о польских городах в период феодализма, в том числе монографическая разработка истории Гданьска и Щецина. Широко представлены вопросы национально-освободительных войн с конца XVIII века. Из публикаций источников по этой теме в 1958 г. были подготовлены «Материалы по истории четырехлетнего сейма», том третий[4] (второй том находится в печати); будет продолжен выпуск серии «Документы восстания Костюшко»[5]. Начата также работа по изданию «Материалов по истории Январского восстания» (при участии Института славяноведения АН СССР). По этому периоду готовится ряд монографий.

Большое значение в Польской Народной Республике придается исследованию истории промышленности и рабочего класса (см., например, работы В. Кули «Очерки о мануфактурах в Польше XVIII в.» и Т. Лэпковского «Возникновение рабочего класса Варшавы»[6]). В 1958 г. завершено печатание коллективного труда — второго тома серии «Материалы по истории городов, промышленности и рабочего класса Лодзинского округа» (первый том вышел в свет в 1957 году[7]).

В институте уделяется большое внимание также отдельным вопросам новейшей истории. Готовится издание источников и монографий о политических партиях в межвоенный период, по истории Силезии и Поморья в это время и др. В 1958 г. закончена работа над серией справочных изданий по истории гитлеровской оккупации и движения Сопротивления.

В области всеобщей истории ведутся исследования по истории Римского государства в конце республики и в начале империи, по истории Балтики в XV—XVIII вв.; готовится несколько публикаций по международным отношениям в XX веке.

В секторе истории историографии запланирован ряд специальных трудов. В секторе археографии готовится несколько работ в области источниковедения, в частности «Энциклопедия источниковедения». Сектор атласа разрабатывает польский исторический атлас (обзоры XIII, XIV и XVIII вв.) и карты по истории Польши, Силезии и Поморья.

Несколько более подробно следует остановиться на деятельности сектора документации Института истории. Его целью является прежде всего обслуживание научной работы, ведущейся отделами и секторами института. Сектор собирает документальные материалы и частично их публикует, а также составляет информации, проводит исследования, особенно библиографий и биографий. Важнейшей задачей сектора является работа над библиографией польской истории. Она ведется в четырех группах: текущей библиографии истории Польши, библиографии отдельных разделов истории, библиографии истории Польши XIX в., полной библиографии истории Польши.

Текущая «Библиография истории Польши»[8] после перерыва, вызванного войной, выходит с 1952 г. (издано пять томов за 1948—1954 гг.) и вскоре будет появляться систематически. В течение двух ближайших

---

[2] «Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu kaliskiego». T. I. Od XVI do połowy XVII w. Wydał Wł. Rusiński. Warszawa. 1955.

[3] «Materiały do dziejów chłopa wielkopolskiego w drugiej połowie XVII wieku». Z ksiąg grodzkich wyboru dokonał i wydał Janusz Deresiewicz. T. I. Województwo Poznańskie. Wrocław. 1956; t. II. Województwo Gnieznieńskie. Wrocław. 1956; t. III. Województwo Kaliskie. Wrocław. 1957.

[4] «Materiały do dziejów sejmu czteroletniego». T. I. Opracowali J. Woliński, J. Michalski, E. Rostworowski. Warszawa. 1955.

[5] «Akty powstania Kościuszki». T. III. Korespondencja Najwyższego Naczelnika. Protokoły patentów. Akces do Powstania Narodowego. Wyd. W. Dzwonkowski, E. Kipa, R. Morcine. Warszawa. 1955.

[6] W. Kula. Z dziejów manufaktury w XVII wieku. Warszawa. 1956; T. Łepkowski. Początki klasy robotniczej Warszawy. Warszawa. 1956

[7] «Materiały o historii miast, prezemysłu i klasy robotniczej w okręgu łodzkim». Pod. red. N. Gąsiorowskiej. T. I. Zródła do historii klasy robotniczej okręgu łódzkiego. Oprac. G. Missalowa. Warszawa. 1957.

[8] «Bibliografia historii polskiej za rok 1948». Opracował J. Baumgart. Kraków. 1952; «Bibliografia historii polskiej za rok 1949». Opracował J. Baumgart. Wrocław-Kraków. 1954; «Bibliografia historii polskiej za lata 1950—1951». Opracował J. Baumgart. Wrocław-Kraków. 1957; «Bibliografia historii polskiej za rok 1954». Opracował J. Baumgart. Wrocław-Kraków. 1957.

лет предполагается опубликовать тома, восполняющие имеющийся до сих пор пробел по 1935—1939 и 1944—1947 годам.

«Библиография по отдельным вопросам истории Польши» («Bibliografia Selekcyjna Historii Polski») представляет собой труд, включающий около 25 тыс. названий наиболее актуальных и важных работ по узловым проблемам польской истории, вышедших в стране и за рубежом. Подготовка этого издания серьезно продвинулась вперед, и выход его в свет предполагается осуществить в 1959 году. В секторе документации подготовлена «Библиография истории Польши XIX в.». К настоящему времени опубликован вступительный том, охватывающий период 1815—1914 гг., первый том (1815—1831 гг.) находится в печати. В последующие тома войдут материалы, относящиеся к 1832—1849 гг. (том второй), 1849—1864 гг. (том третий), 1864—1914 гг. (тома четвертый и пятый).

Наряду с упомянутыми двумя большими библиографиями сотрудники сектора подготовили две специальные меньшего объема. В связи с научной сессией в Гданьске, организованной в 1954 г. Институтом истории по случаю пятисотлетия объединения Поморья с остальными польскими землями, была подготовлена в виде стеклографированного издания библиография польских работ, посвященных истории Поморья и опубликованных в 1944—1954 годах. Специальная библиография разработана к трехсотлетней годовщине отпора шведской агрессии.

Большое значение имеет возобновление издания «Биографического словаря» (до войны вышло семь томов). Его основой послужит материал, собранный в секторе документации.

Институт истории Польской Академии наук продолжает выпускать журнал «Kwartalnik Historyczny» — ведущий орган польских историков (с 1955 г. выходит шесть раз в год). Сборник «Odrodzenie i Reformacja» («Возрождение и Реформация») посвящен проблемам Ренессанса и религиозно-социальных войн XV—XVII вв. (опубликованы два тома, третий том в печати). Вышел первый том сборника «Studia Zródłoznawcze» («Источниковедческие исследования»). Он посвящен издательской и источниковедческой проблематике в Польше и за рубежом. Подготовляется первый номер журнала «Acta Poloniae Historica», который будет выходить четыре раза в год на иностранных языках. Задачей журнала является регулярное ознакомление зарубежных исследователей с работами и проблемами, занимающими польских историков.

В Польской Академии наук существует самостоятельный Институт истории материальной культуры. Он имеет 4 отдела: польской археологии, археологии Средиземноморья, истории материальной культуры и этнографии. Кроме того, в институте работают секторы, специализирующиеся по отдельным проблемам: истории ремесла и мануфактурного производства, истории крестьянства, колонизации, иконографии.

В институте проводятся исследования по истории начального периода Польского государства (подготовка к юбилею тысячелетия, приходящегося на 1960—1966 гг.), по истории польской деревни (в 1957 г. вышел в свет первый том «Исследований по истории сельского хозяйства» [9]) и по истории горной и металлургической промышленности (в 1957 г. появился первый том «Исследований по истории горной и металлургической промышленности» [10]).

К числу журналов, издаваемых Институтом истории материальной культуры, относится «Kwartalnik Historii Kultury Materialnej».

В ПАН имеется Комитет юридических наук, который проводит исследования и в области истории. Комитет выпускает журналы «Państwo i Prawo» и «Czasopismo Prawno-Historyczne», в которых печатаются статьи по истории права и государственного строя. Кроме этого, Комитет юридических наук ПАН издает различные исторические публикации, в частности серию работ под общим названием «Исследования по истории государства и права» (вышло шесть томов [11]). В 1957 г. появился двухтомный

---

[9] «Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego». Red. J. Leskiewiczowa. T. I. Wrocław. 1957.

[10] «Studia z dziejów górnictwa i hutnictwa». Pod redakcją Jana Pazdura. T. I. Wrocław. 1957.

[11] «Studia nad historią państwa i prawa». T. I. J. Baszkiewicz. Powstanie zjednoczonego państwa polskiego (naprzełomie XIII i XIV w.). Warszawa. 1954; t. II. W. Kostús. Władztwo Polski nad Lęborkiem i Bytowem. Wrocław. 1954; t. III. W. Voisè. Frycza Modrzewskiego nauka o państwie i prawie. Wrocław. 1956; t. IV. B. Lesiński. Stanowisko kobiety w polskim prawie ziemskim do połowy XV w. Wrocław. 1956; t. V. Mazurkiewicz. Jurydyki lubelskie. Wrocław. 1956; t. VI. J. Wąsicki. Ziemie Polskie pod zaborem pruskim (Prusy Południowe 1793—1806). Wrocław. 1957.

обобщающий труд «История государства и права Польши до 1795 г.» [12].

Историческими проблемами занимается также входящий в состав 1-го отделения [13] ПАН сектор истории просвещения. Одним из печатных органов Польской Академии наук является журнал «Nauka Polska», посвященный проблемам развития науки в Польше в прошлом и в настоящее время.

Кроме Польской Академии наук, имеется еще целый ряд научно-исследовательских учреждений, занимающихся историческими проблемами. В первую очередь здесь следует упомянуть Институт истории партии при ЦК Польской объединенной рабочей партии. Институт создан в 1957 г. в результате реорганизации отдела истории партии ЦК ПОРП. Свою деятельность институт ведет в двух основных направлениях: архив института, являющийся одновременно Центральным партийным архивом, собирает и хранит источники по истории польского рабочего движения и Польской объединенной рабочей партии, а научные коллективы проводят исследования. В архиве института хранятся непрерывно пополняемые коллекции рукописных документов и редких печатных изданий. Существенным пополнением архива явились новые материалы, переданные правительством СССР (документы Польской социалистической партии, относящиеся к периоду до 1920 г., а также материалы по истории Коммунистической партии Польши).

В архиве имеется библиотека, располагающая самой богатой в стране коллекцией изданий ПОРП и рабочих организаций. При архиве существует ряд вспомогательных секций, одна из них занимается сбором воспоминаний.

Научно-исследовательская работа ведется в коллективах, занимающихся определенными темами: историей ППС-левицы, Советов рабочих депутатов в 1918—1919 гг., Польской рабочей партии в период оккупации. В настоящий момент готовится многотомное издание материалов и документов по истории Социал-демократии королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) (первая часть первого тома уже вышла из печати), трехтомник материалов ППС-левицы, материалы и документы по истории Польской рабочей партии, избранные сочинения руководителей рабочего движения. Вышел в свет том, посвященный деятелю КПП Ежи Рынгу. Издан в двух томах сборник, посвященный Адольфу Варскому. Готовится сборник избранных сочинений Розы Люксембург. Работники института пишут монографии по отдельным темам истории рабочего движения.

Следует отметить тесное сотрудничество работников Института истории партии с историками других научных учреждений. В состав Научного совета института входит значительное число ученых, занимающихся вопросами рабочего движения, и других специалистов.

Органом Института истории партии при ЦК ПОРП является издаваемый с 1958 г. журнал «Z pola walki».

Научные изыскания в области новейшей истории и рабочего движения ведутся также на кафедрах истории Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП, а также в Военно-политической академии Войска Польского.

Важными центрами научной жизни в Польше являются университеты, имеющие исторические и историко-юридические факультеты. На историческом факультете Варшавского университета есть Исторический институт, объединяющий кафедры истории Польши до XVIII в. и вспомогательных исторических наук, истории Польши XIX и XX вв., истории древнего мира, истории средних веков, новой истории и истории народов СССР.

На историческом факультете имеется также Институт истории искусств. Он объединяет кафедры истории средневекового искусства, истории искусства в новое время, истории современного искусства и критики в области искусства, истории художественной культуры.

Кроме этого, при историческом факультете Варшавского университета имеются следующие кафедры: археологии Польши, славянской археологии, этнографии, античного права, папирологии, музыковедения с сектором истории польской музыки. При факультете педагогики есть кафедра истории школьного дела и просвещения в XX веке.

При юридическом факультете Варшавского университета также имеются исторические кафедры, в частности кафедра истории государства и права. На факультете журналистики работает кафедра истории прессы с сектором истории польской и совет-

[12] «Historia państwa i prawa Polski do r. 1795». Pod red. J. Bardacha. Część. I. Do połowy XV wieku. Warszawa. 1957. Część. II. Od połowy XV wieku do r. 1795. Z. Kaczmarczyk, B. Leśnodorski. Warszawa. 1957.

[13] Отделение гуманитарных наук.

ской печати, а также кафедра истории дипломатии и вопросов международной политики. На экономическом факультете Варшавского университета есть кафедры истории экономической мысли и истории народного хозяйства Польши.

На филологическом факультете Варшавского университета действует ряд кафедр, например синологии, тюркологии, древнего Востока, истории польской литературы, истории русской литературы и др., в работе которых большое место занимает историческая проблематика.

На философском факультете Варшавского университета работают кафедры истории общественной мысли, истории античной и средневековой философий и истории философии нового времени.

В целом историческими проблемами в Варшавском университете занимаются полностью или частично свыше 30 кафедр. Наряду с педагогической деятельностью они проводят активную научно-исследовательскую работу, результатом которой являются многочисленные публикации. С 1956 г. Варшавский университет издает «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Warszawskiego», посвященные, однако, до сих пор исключительно библиографической проблематике.

Многочисленные учреждения по истории сосредоточены в Ягеллонском университете в Кракове. В Институте истории историко-филологического факультета Ягеллонского университета имеется 8 кафедр: истории древнего мира, истории средних веков, истории нового и новейшего времени, истории Польши до XV в., истории Польши XV—XVIII вв., истории Польши XVIII—XIX вв., истории СССР, архивного дела и вспомогательных исторических наук.

Кроме этого, при Ягеллонском университете имеются 3 кафедры истории искусства (в средние века, новое и новейшее время), истории музыки, археологии Польши, археологии Средиземноморья, восточной филологии, истории науки и просвещения, истории философии, истории государства и права за рубежом, истории государства и права Польши. Исторические проблемы входят также в сферу деятельности кафедры государственного права и кафедры теории государства и права.

Таким образом, Ягеллонский университет, как и Варшавский, является центром, где изучаются различные проблемы истории Польши и всеобщей истории. Особое внимание здесь уделяется вопросам начального периода Польского государства, Возрождения и Реформации, истории деревни и другим. В области всеобщей истории проводятся исследования отношений Польши с Венгрией, Чехией, Турцией, Францией, Бранденбургом и другими странами, изучаются проблемы Балкан в XIX и XX вв. и другие. Ягеллонский университет с 1955 г. публикует специальные «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego», в которых исторические темы занимают большое место.

В университете имени Адама Мицкевича в Познани также имеется несколько исторических и историко-юридических кафедр. На историко-философском факультете существует Исторический институт. В него входят кафедры истории древнего мира и средних веков, новой и новейшей истории, истории Польши до XVIII в. (в составе кафедры имеется сектор истории Польши в средние века и западных славян), истории Польши XIX и XX вв., экономической истории (с секторами всеобщей истории экономики и экономической истории Польши) и кафедра истории СССР.

При историко-философском факультете, а также на юридическом и филологическом факультетах есть несколько кафедр, весьма тесно связанных с исторической проблематикой. К их числу относятся кафедры археологии Польши, истории искусства, археологии Средиземноморья, истории философии, истории общественной мысли и, наконец, несколько кафедр истории литературы и историко-юридических. Представленная ими проблематика охватывает историю древнего мира, исследования начального периода Польского государства и различных вопросов истории средних веков (например, вопросы польско-русских, польско-немецких отношений и т. п.), новой и новейшей истории. Местные историки объединяются вокруг издаваемого Отделением истории и общественных наук Познаньского общества друзей науки сборника «Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych». С 1956 г. университет издает специальные «Zeszyty Uniwersytetu im. A. Mickiewicza», в которых много внимания уделяется историческим проблемам.

Другим важным центром изучения Поморья наряду с Познаньским университетом является созданный в 1945 г. университет имени Николая Коперника в Торуни. В нем хорошо организован гуманитарный факультет с Историческим институтом, в состав которого входят 9 кафедр: истории древнего мира и средних веков, истории Польши до XV в., кафедры истории Польши и всеоб-

щей истории XVI—XVIII и XIX—XX вв., истории СССР, архивного дела и вспомогательных наук, истории Польского государства и права, археологии Польши и этнографии. Кроме этого, при гуманитарном факультете вне рамок института функционируют кафедры археологии Средиземноморья, истории философии и общественной мысли, польской литературы. В Торуньском университете особенно интенсивно проводятся исследования по истории Поморья и Великой Польши. Большое внимание уделяется также вопросам рабочего движения в 1870—1918 годах. С 1957 г. университет издает «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. Mikołaja Kopernika» [14],в которых довольно много места занимает гуманитарная проблематика, в том числе и историческая.

Важным центром исторических исследований является университет имени Б. Берута во Вроцлаве. В составе философско-исторического факультета имеются кафедры истории древнего мира, истории Польши и всеобщей истории до XV в. (со специальным сектором истории Силезии и западных славян), истории Польши и всеобщей истории XVI—XVIII вв., истории Польши и всеобщей истории XIX и XX вв., экономической и социальной истории, истории СССР, истории средневекового искусства и истории искусства нового времени, этнографии, археологии Польши и археологии Средиземноморья. Во Вроцлавском университете научные изыскания ведутся главным образом в направлении анализа социально-экономической и политической истории Силезии, а также контактов Польши с Чехией и Германией. В связи с этим здесь относительно широко представлена всеобщая история. С 1957 г. университет выпускает «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. B. Bieruta» со специальной исторической серией.

В 1952 г. создан гуманитарный факультет в университете имени Марии Кюри-Склодовской в Люблине. В настоящее время здесь действует несколько исторических кафедр: истории древнего мира и средних веков, истории нового времени, истории Польши до XVIII в., истории СССР, истории польской литературы, истории просвещения и воспитания, археологии Польши, этнографии. С ними тесно сотрудничают кафедры истории государства и права при юридическом факультете. Тематика проводимых работ весьма разнообразна. Однако в основном это проблемы истории средних веков, в особенности социально-экономической истории Люблинского района. Университет издает журнал «Annales UMCS», в котором с 1956 г. печатаются научные работы историков.

Необходимо также упомянуть об основанном в 1945 г. Лодзинском университете, где имеется историко-философский факультет. В состав действующего в нем Исторического института входят 7 кафедр: истории древнего мира и средних веков, новой и новейшей истории, истории средних веков в Восточной Европе, истории Польши до XV в. и вспомогательных наук, истории Польши XV—XVIII вв., истории Польши XIX—XX вв. и истории СССР. При историко-философском факультете есть кафедры: этнографии, археологии Польши, археологии Средиземноморья, истории искусства и истории воспитания и просвещения. Имеется также сектор истории философии.

Проводимые в этом университете исследования касаются главным образом истории Лодзи и Лодзинского воеводства. В частности, изучается колонизация Лодзинского округа и материальная культура этого района в XVII и XVIII вв., история промышленности и рабочего класса в XIX веке. Здесь находится также центр исследований по польской историографии XIX и XX веков. Лодзинский университет издает с 1955 г. «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łodzkiego».

Западный институт в Познани ставит своей целью проведение научных исследований и подготовку популярных работ по истории Западных земель и польско-немецких отношений. В трудах института история занимает главное место. Деятельность института с 1956 г. заметно оживилась. В основном она направлена на изучение вопросов, близко связанных с современностью. Об этом свидетельствуют статьи, печатаемые в органе института — журнале «Przegląd Zachodni», и отдельные монографические издания, посвященные периоду гитлеровской оккупации, международной политике Германии, истории отдельных районов Западных земель. Планируется многотомное издание по проблеме миграции населения Западных земель. Институт издал также том, посвященный восстановлению возвращенных (Западных) земель. Западный институт сотрудничает с местными институтами, занимающимися подобной проблематикой.

[14] «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. Mikołaja Kopernika w Toruniu. Nauki humanistyczno-społeczne». Zeszyt pierwszy. Toruń. 1957.

Изучение проблем второй мировой войны ведется в нескольких научных организациях: в Институте истории ПАН, в Институте истории партии при ЦК ПОРП, в Западном институте, в Военно-историческом бюро, в Главной комиссии по исследованию гитлеровских преступлений и других. Последнее учреждение издает свой «Бюллетень». В 1956 г. по инициативе Института истории ПАН была создана Координационная комиссия, наблюдающая за развитием исследований по истории Польши в период второй мировой войны. В состав этой комиссии вошли представители ряда организаций. Результатом трудов комиссии является непериодическое издание «Najnowzse dzieje Polski. Materiały i studia z okresu II wojny światowej», первый том которого уже вышел в свет. К нему приложены «Материалы для библиографии гитлеровской оккупации в Польше. 1939—1945 гг.».

Военно-историческое бюро было образовано из прежнего Военно-исторического управления Генерального штаба Войска Польского. В настоящее время в его составе действуют коллективы, занимающиеся историей войн до 1864 г., первой мировой войны и периодом 1918—1939 гг., польско-немецкой войной 1939 г., борьбой партизан во время гитлеровской оккупации, историей Войска Польского. Органом военных историков является журнал «Wojskowy Przegląd Historyczny».

Следует также упомянуть о находящемся в Варшаве Еврейском историческом институте, в котором разрабатываются вопросы истории евреев в Польше с древнейших времен до 1945 года. Издается «Бюллетень» Еврейского исторического института.

В значительной мере являются научными учреждениями также архивы, в особенности богатые документами воеводские и городские хранилища Кракова, Люблина, Вроцлава, Познани, Быдгощи, Торуня, Гданьска и Щецина, а также находящиеся в Варшаве Главный архив древних актов и Главный архив актов нового времени. В этих учреждениях проводятся различные исследования (например, по крестьянскому вопросу, о шведской агрессии и т. п.), облегчающие ученым сбор материалов и решение определенных вопросов. Здесь подготовляются также некоторые публикации источников. Главная дирекция государственных архивов издает посвященный вопросам польского архивного дела журнал «Archeion», выходящий два раза в год, и с 1955 г. «Teki Archiwalne» («Архивные записки»; до сих пор вышли в свет четыре тома). С 1953 г. выпускается на стеклографе журнал «Archiwalny Biuletyn Informacyjny», в котором дается обзор имеющихся в отдельных архивах материалов.

В заключение необходимо упомянуть о таких учреждениях, как Национальная библиотека в Варшаве, Ягеллонская в Кракове, «Оссолинеум» во Вроцлаве, библиотеки Польской Академии наук в Гданьске и другие, также являющиеся центрами исторической мысли. Подобную же роль наряду с задачами популяризации и учебными целями выполняют наиболее крупные музеи, например, Национальный музей в Варшаве, исторические музеи Варшавы и Кракова, археологические музеи Лодзи, Кракова и другие. На конференции представителей исторических музеев, состоявшейся в конце 1956 г. в Варшаве, был разработан проект создания в Варшаве Центрального исторического музея, задачей которого должно быть наглядное отображение истории польского народа.

Некоторые музеи осуществляют довольно оживленную издательскую деятельность. Государственный археологический музей в Варшаве выпускает журнал «Wiadomości Archeologiczne». Органом Центрального управления музеев является журнал «Biuletyn Konserwatorski», выходящий четыре раза в год. Свои издания имеют также некоторые библиотеки. Так, после войны возобновлен выпуск сборника «Rocznik Zakładu Narodowego im. Ossolińskich» («Ежегодник Национального института имени Оссолиньских»; в 1957 г. вышел пятый том).

Кроме упомянутых учреждений, в Польше имеется ряд научных обществ, занимающихся разнообразной деятельностью. Среди них ведущим является Польское историческое общество, существующее с 1886 года. Оно насчитывает свыше 2 тыс. членов и имеет отделения во всех крупных городах. Польское историческое общество осуществляет научно-исследовательскую деятельность, организует на местах коллективы ученых, проводит научные съезды и заседания, наконец, издает различные публикации и журналы. Например, Познаньское отделение Польского исторического общества выпускает сборник «Studia i Materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza». Вторая часть третьего тома этого издания целиком посвящена революции 1905—1907 годов.

Краковская секция Польского исторического общества предприняла недавно изда-

ние местного исторического обозрения под названием «Małopolskie studia historyczne». Совместно с министерством высшей школы эта секция издает журнал «Wiadomości Historyczne», предназначенный для учителей средней школы. Польское историческое общество популяризирует историческую науку также посредством широкой лекционной пропаганды на территории всей страны. Общество приступило к изданию ежемесячного научно-популярного журнала «Mówią Wieki», первый номер которого вышел в январе 1958 года.

Наряду с Польским историческим обществом имеются местные научные общества. Так, в Варшаве уже свыше 50 лет функционирует Общество любителей истории, с 1956 г. входящее в состав Польского исторического общества. Общество любителей истории организует научно-исследовательскую работу, занимается популяризаторской и издательской деятельностью. Орган Общества любителей истории «Przegląd Historyczny» является одним из ведущих в стране исторических журналов. Общество любителей истории имеется и во Вроцлаве. С 1956 г. оно также входит в состав Польского исторического общества. Органом Вроцлавского общества является журнал «Sobótka», выходящий четыре раза в год и посвященный истории Силезии. Большую работу проводит Общество любителей истории и памятников древности в Кракове, которое выпускает журнал «Rocznik Krakowski» и другие научные и популярные издания.

Наряду со специальными историческими обществами в отдельных центрах (Познань, Гданьск, Торунь, Вроцлав, Лодзь) имеются также научные общества, в которых есть историко-философские секции. Они занимаются исследовательской, популяризаторской и издательской деятельностью. Так, Познаньское общество друзей науки (отметившее в 1956 г. столетие своего существования, издает «Roczniki Historyczne» и упомянутые выше «Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych». Общество друзей науки и искусства, с 1956 г. преобразованное в Гданьское научное общество, издает «Rocznik Gdański» (в 1954 г. вышел тринадцатый том, в 1958 — четырнадцатый том, подготовляются два следующих тома) и различные работы по истории Поморья, в частности, продолжает публикацию важных источников по истории Балтики в XV—XVIII вв. под названием «Acta Poloniae Marritima». Научное общество в Торуни издает две серии: «Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu», включающие различные монографические разработки по истории Поморья (до сих пор вышло шестьдесят томов), и так называемые «Fontes» («Источники») по отдельным вопросам истории Поморья (появилось сорок три тома).

В Польше имеются также общества: археологическое, нумизматическое, этнографическое, историков искусства и другие. Многочисленные журналы и публикации, издаваемые этими обществами, способствуют развитию польской исторической науки.

М. Богуцкая, Я. Жерновский

НАВСТРЕЧУ XII МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СИНОЛОГОВ В КЕМБРИДЖЕ

В сентябре сего года в Кембридже (Англия) состоится XII Международная конференция синологов. Такие конференции начиная с 1948 г. созываются ежегодно и являются традиционными. В их работе принимают участие китаеведы различных стран.

Для XII конференции в отличие от предыдущих не было заранее установлено центральной темы, которая формально объединяла бы доклады всех ее участников. Однако тот факт, что она будет проходить накануне знаменательной даты — 10-летия Китайской Народной Республики,— не может не наложить отпечатка на ее работу.

При подготовке советских ученых к XII конференции следует учесть опыт прошлых лет. В этой связи небезынтересно кратко осветить итоги XI конференции, которая состоялась в августе 1958 г. в старинном университетском городе Падуе.

В ней приняли участие свыше 100 ученых от 15 стран, в том числе такие видные китаеведы, как В. Саймон, П. ван дер Лун, М. Леви (Англия), А. Хулсвэ, Э. Цюрхер (Голландия), О. Ван дер Шпренкель (Ав-

стралия), О. Латтимор, Д. Бодде (США), Г. Франке, В. Франке, О. Штанге (ФРГ), Жан Жу Сом (Индонезия), Л. Ланчиотти, П. Коррадини (Италия), Ж. Шено, Р. Юсэнэ (Франция) и другие. Синологов социалистических стран представляли Я. Хмелевский (Польша), Б. Кребцова и О. Краль (Чехословакия), М. Пясек (ГДР). Р. В. Вяткин и С. Л. Тихвинский (СССР) [1]. Доклады и сообщения, прочитанные на конференции, формально объединялись темой «Метод критического подхода к источникам». Ученые различных стран заранее прислали 29 докладов, в том числе 3 доклада — советские синологи. На конференции был обсужден 21 доклад, из них 12 посвящались вопросам древней, средневековой, новой и новейшей истории Китая, остальные касались проблем археологии, литературы, языка и искусства Китая [2].

К сожалению, слишком перегруженная повестка дня конференции и строгий регламент ее работы (для каждого доклада, ответов на вопросы, прений и заключительного слова предоставлялось всего от 45 минут до 1 часа) не способствовали развертыванию глубоких дискуссий. Все доклады делались на пленарном заседании; каких-либо секций или групп создано не было.

Наибольший интерес вызвал доклад на тему «Условия и пределы исторической объективности», прочитанный прогрессивным французским историком Жаном Шено, известным советским читателям по «Очеркам истории вьетнамского народа» [3]. На конкретных примерах из новой и новейшей истории Китая Шено обосновал тезис о необходимости объективного освещения исторических событий и процессов китайской истории последних ста лет. Докладчик перечислил многочисленные препятствия, стоящие на этом пути. Он указал, в частности, на то, что историкам недоступны материалы и документы из архивов таких крупных иностранных монополистических компаний, много лет хозяйничавших в Китае, как «Юньаньская ж. д.», «Англо-американская табачная компания», «Найгай вата кайся» и другие. Шено убедительно показал, как ряд буржуазных ученых предвзято освещает историю страны и пытается оправдать деятельность китайской феодально-помещичьей реакции и иностранного империализма в Китае.

Докладчик призвал собравшихся делать свои исследования актуальными, помогающими правильно понимать те огромной важности исторические процессы, которые происходят в современном Китае. Для этого, по мнению Шено, необходимо изучать события и факты в динамике, в неразрывной связи с другими историческими явлениями, уметь правильно определять основ-

---

[1] Нельзя обойти молчанием тот факт, что министерство иностранных дел Италии дало указание о выдаче виз участникам конференции — ученым социалистических стран — с большим опозданием, в результате они смогли прибыть в Падую лишь на третий, четвертый и даже на шестой день работы конференции.

[2] Ниже приводим список докладов, зачитанных на конференции в порядке, в каком они были изложены в программе конференции: Эрих Цюрхер (Лейден). «Реликвии Ашоки» в раннем китайском буддизме; Ли Му-шай (Гёттинген). Некоторые исследования двух текстов Таншу; М. Дэваль (Гамбург). Военная колесница в древнем Китае в свете археологических находок; Е. Дитрих (Кельн). Отношения между Пазириком (Алтай) и Китаем; Р. Юсэнэ (Париж). Баланс латинизации китайского языка; С. Л. Тихвинский (Москва). О критическом подходе Кан Ю-вэя к классическим конфуцианским канонам; Ван Шайлер Камман (Филадельфия). Ключи к идентификации, определению подлинности и датировке предметов древнего китайского искусства по деталям костюма и знакам отличия; Джэймс Лю (Гонконг). Применение современного критического анализа к изучению китайской поэзии; А. Грэхэм (Лондон). Вопросы, вызванные изучением «Лецзы»; Ж. Шено (Париж). Условия и пределы исторической объективности; Жао Цзун-и (Гонконг). Принципы литературного критицизма династий Вэй и Цзинь и их отношение к музыке; Дж. Юнг (Вашингтон). Критическая оценка обследований глубинных районов Северного Китая, проведенных ЮМЖД; Дерк Бодде (Филадельфия). О проблемах оценки ханьских текстов; Мартин Пясек (Лейпциг). О значении палеографии при интерпретации китайских текстов (доклад покойного профессора Е. Эркеса); М. Леви (Лондон). Две параллельных главы — «Шицзи» и «Цянь хань шу»; Эльза Глан (Копенгаген). Стилистика прозы Су Дун-по; О. Ван дер Шпренкель (Канберра). О провинциальной гражданской администрации при Минской династии; П. Ван дер Лун (Кембридж). О задачах и методах синологии; Чжао Го-цзюнь (Кембридж, Массачусетс, США). Критика и самокритика как орудие общественно-психологического воздействия в Китае; Ж. Раль (Гамбург). Персидские термины в китайском медицинском тексте; Ж. Фонтэйн (Амстердам). Текстуальный критицизм подписей на китайских картинах.

[3] Ж. Шено. Очерки истории вьетнамского народа. М. 1957.

ное направление развития тех или иных процессов.

Часть выступавших по докладу Шено (Энрика Пишель, Ван дер Шпренкель) согласилась с рядом основных положений докладчика; другие возражали ему, однако не опровергли ни одного из приведенных им многочисленных конкретных фактов и примеров. Герберт Франке резко выступил против основной идеи доклада, отстаивая характерные для буржуазного историка субъективно-идеалистические взгляды. Возможность объективного исследования исторических явлений отрицал также и Р. Юсэнэ. Несколько участников обсуждения доклада пытались примирить эти различные точки зрения, но фактически защищали идеалистическое понимание истории, признавая возможность объективного исследования лишь древней и средневековой истории Китая и отрицая необходимость правильной, подлинно объективной оценки событий нового и новейшего времени.

В своем заключительном слове Шено убедительно показал, что объективное исследование возможно не только в области точных наук, но и в истории.

Серьезные возражения участников конференции вызвал доклад французского филолога Р. Юсэнэ «Баланс латинизации китайского языка», в котором, по существу, отрицалась возможность введения фонетического алфавита китайского языка. Видный английский языковед проф. В. Саймон в своем выступлении по этому докладу дал решительную отповедь Юсэнэ, указав, что транскрипционный алфавит ханьского языка, утвержденный Всекитайским собранием народных представителей в феврале 1958 г., явился результатом многолетнего труда большого коллектива китайских ученых, обобщившего и критически использовавшего также и опыт иностранных синологов. «Вопрос о применении латинского алфавита для транскрипции китайского языка был разрешен в Китае самым эффективным образом, и я нахожусь под большим впечатлением от этой китайской системы»,— заявил он. Участники дискуссии единодушно высказали пожелание относительно быстрейшего издания иероглифически-фонетического словаря китайского языка, инструкции по применению фонетического алфавита и ряда хрестоматий с параллельными текстами: иероглифическим и транскрибированным китайским алфавитом. Особую ценность, подчеркивалось на конференции, фонетический алфавит имеет для библиографов.

В докладе Дж. Юнга «Критическая оценка обследований глубинных районов Северного Китая, проведенных ЮМЖД» говорилось о методах, которыми пользовались японские оккупационные власти при проведении статистических обследований глубинных сельскохозяйственных районов Северного Китая в период японо-китайской войны 1937—1945 годов. Докладчик рассказал о насилии, терроре и вмешательстве феодально-помещичьих элементов деревни и местных марионеточных властей в ход обследования. Выступавшие отмечали, что японские материалы носят тенденциозный характер, но при соблюдении должного критического подхода они могут представлять известный интерес.

Автор настоящих заметок сделал на конференции доклад «О критическом подходе Кан Ю-вэя к классическим конфуцианским канонам»; в прениях по докладу выступили четыре участника конференции, которые согласились с узловым положением докладчика о том, что при изучении конкретных примеров текстуального критицизма в феодальном Китае необходимо учитывать следующее обстоятельство: во многих случаях основной целью авторов такого рода критических произведений было не восстановление аутентичного текста древних книг, а использование благоприятного предлога для выступления на злободневную политическую тему современности.

Доклады советских литературоведов Л. З. Эйдлина «Критическое исследование Тао Юань-мина» и В. Ф. Сорокина «Сборник Лу Синя «Нахань» и его место в китайской литературе» были лишь распространены среди участников конференции. Их авторы, к сожалению, не смогли прибыть в Падую.

Многие докладчики строили свои выступления на данных книг и материалов, опубликованных за последние годы в КНР. Это, конечно, положительно сказалось на представленных конференции докладах. Вместе с тем отсутствие китайских ученых на конференции снизило ее научную ценность. Ученые КНР принимали активное участие в работах VIII и IX конференций, однако организаторы последующих симпозиумов, уступив нажиму со стороны реакционных сил, на X и XI конференциях пригласили только авантюристов с Тайваня.

XI конференция синологов единодушно приняла решение, в котором подчеркивала

«большое значение тесных и сердечных академических и научных связей с Китайской академией наук в Пекине» и вменила в обязанность Организационному комитету по созыву XII конференции предпринять все необходимые шаги к тому, чтобы обеспечить присутствие на конференции ученых Китайской Народной Республики. Как указывали многие делегаты на совещании Совета старейшин XI конференции (7 августа 1958 г.), практически для выполнения этого наказа Оргкомитету нужно будет принять решительные меры к тому, чтобы не допустить на конференцию представителей гоминьдановской клики. Но Оргкомитет по созыву XI конференции не выполнил этой задачи, хотя и вынужден был считаться с мнением участников конференции: гоминьдановец не получил возможности выступить с докладом.

Присутствие ученых КНР совершенно необходимо для плодотворной деятельности конференций синологов. Это тем более важно, что за последние годы китайская наука движется вперед гигантскими шагами, что она вносит огромный вклад в изучение истории своей страны. Все это говорит о том, что участие китайских ученых на предстоящей конференции придаст ей особый интерес и ценность.

Хотелось бы высказать некоторые пожелания в связи с предстоящей конференцией в Кембридже. В ходе конференции в Падуе ее участники внесли ряд практических предложений, направленных не только на повышение научного уровня будущих конференций, но и синологических исследований в целом. Как отмечали В. Саймон, А. Хулсвэ и другие ученые, общим недостатком, свойственным синологии различных западных стран, является малое количество опубликованных монографических работ, посвященных конкретным вопросам истории, языка, литературы и экономики Китая. По ряду отраслей синологии — драматургии, исследованию древних надписей на костях — «цзя гу вэнь», диалектологии, библиографии, исторической географии, истории эпохи Чжоу — за последние годы не появилось серьезных работ буржуазных синологов. Немецкие и английские синологи, связанные с преподавательской работой, указывали, что в университетах Западной Европы ввиду перегрузки студентов, специализирующихся по истории Китая, общими дисциплинами (всеобщая история, языкознание, экономика, право и т. д.) их подготовка по избранной дисциплине недостаточно высока.

Некоторые ученые на конференции в Падуе предлагали изменить официальное наименование конференции — «Конференция молодых синологов», — поскольку возрастной состав и научная квалификация делегатов, как правило, не соответствуют этому наименованию. Соглашаясь по существу с этим предложением, западногерманские синологи, связанные с преподавательской работой в университетах, возражали против изменения названия, поскольку их делегаты получают от своих университетов средства для участия в конференции, которая рассматривается как своеобразный семинар по повышению квалификации. Было решено сохранить старое наименование конференции, но добавить слова: «конференция по проблемам китаеведения». Среди других пожеланий заслуживает внимания и поддержки предложение о расширении ее состава путем приглашения на последующие конференции синологов из Японии, Индии и МНР.

Нам представляется также целесообразным улучшить организационную подготовку синологических конференций. Было бы весьма важно заранее, минимум за 2—3 недели до открытия очередной конференции, рассылать ее участникам повестку конференции и тезисы докладов, создавать на конференции секции и группы для детального и всестороннего разбора актуальных вопросов китайской истории, филологии, археологии, экономики, философии и т. д., предоставлять больше времени для развертывания научных дискуссий по основным докладам, своевременно составлять списки участников конференции и т. д. Желательно также, по нашему мнению, организовать на конференциях бюро переводов. Доклады и выступления, как правило, делаются на английском, французском, немецком и китайском языках без какого-либо одновременного или последовательного перевода. Это усложняет работу конференции.

Предстоящая XII конференция синологов, к которой деятельно готовятся советские китаеведы, позволит им развить международные научные связи с зарубежными учеными.

С. Л. Тихвинский

Хроникальные заметки

◆ 27—28 апреля 1959 г. в Варшаве состоялась научная сессия, посвященная истории отношений между Польшей и Германией в 1933—1939 годах. С докладом о проблемах польско-германских отношений в период между двумя мировыми войнами выступил Ю. Виневич. К. Пиварский охарактеризовал «Состояние исследований в области польско-германских отношений в 1933—1939 гг.». С докладом на сессии выступили также Я. Юркевич («Польша и проекты Восточного пакта в 1933—1935 гг.»), Б. Ратыньская («Польское общественное мнение и Мюнхен») и др. В сессии приняли участие историки Чехословакии.

◆ Вышел в свет первый выпуск (№№ 1—2) нового венгерского исторического журнала «Történelmi Szemle» («Историческое обозрение») — орган Института истории Венгерской АН. Журнал создан на базе «Известий» института и будет публиковать научные исследования его сотрудников, материалы дискуссий, критические заметки, уделяя особое внимание вопросам новой и новейшей истории. В помощь преподавателям истории университетов и средних школ журнал будет помещать методические статьи и публиковать источники. Журнал также ставит своей целью знакомить читателя с достижениями исторической науки за рубежом.

В первом выпуске помещено 14 статей и сообщений. Среди них сообщение Л. Жигмонда об истории вступления Венгрии во вторую мировую войну и об оккупации Венгрии гитлеровскими войсками. В разделе «За рубежом» сообщается о дискуссии на страницах журнала «Вопросы истории» по вопросу о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии.

◆ В ГДР начал выходить новый журнал, посвященный проблемам истории германского рабочего движения,— «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Журнал является органом Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ.

◆ В Праге, в Карловом университете, состоялась научная конференция «О значении Кутногорского декрета» (изданного под воздействием борьбы Яна Гуса и его сторонников в 1409 г. и ликвидировавшего привилегии профессоров и студентов чешской национальности в Пражском университете). Здесь же была открыта выставка архивных документов, хранящихся в Карловом университете, посвященная 550-летию Кутногорского декрета.

◆ Историческая комиссия Французской коммунистической партии подготовила к публикации ряд документов, освещающих деятельность ФКП в период немецкой оккупации 1940—1944 годов. Эти документы, переданные комиссии Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ, представляют собой донесения гитлеровской полиции о движении Сопротивления во Франции и являются неоценимым источником для изучения истории ФКП в период второй мировой войны. Часть этих материалов — о политике и деятельности ФКП в 1940—1941 гг.— опубликована в вышедшем во Франции сборнике «II мировая война», в серии «Международные исследования в свете марксизма» (№№ 9—10, 1958).

◆ Для предупреждения захвата гитлеровцами ценных памятников польской истории в сентябре 1939 г. они были вывезены из Польши за границу и с 1940 г. находились на хранении в Канаде. В течение 14 лет правительство Польской Народной Республики вело переговоры о возвращении этих реликвий польскому народу. После длительных проволочек со стороны канадских властей в декабре 1958 г. была достигнута договоренность о возвращении Польской Народной Республике предметов, которые с марта 1945 г. хранились в оттавском филиале «Montreal of Bank». Среди них памятники польской письменности «Свентокшижские проповеди» и «Флорианский псалтырь», древнейшие польские хроники (Анонима Галла и Винценты Кадлубка), средневековые иллюстрированные рукописи, единственный в стране экземпляр первопечатной библии Гутенберга (XV в.), а также 20 подлинников фортепианных произведений Фредерика Шопена.

Основная часть польских исторических реликвий до сих пор продолжает оставаться в провинциальном музее Квебека, так как возвращению их противятся канадские власти.

◆ Началась реставрация Великой Китайской стены, простирающейся на 4 тыс. километров. По высоте она равна 6—10 метрам и немногим меньше по ширине. Строительство этого величайшего сооружения древности было начато в IV—III вв. до нашей эры. Впоследствии стена неоднократно достраивалась и ремонтировалась, но местами на протяжении многих километров она разрушилась. Сейчас стена будет восстановлена в первоначальном виде.

◆ С 22 по 25 июня 1959 г. в Гейдельберге будет проходить VIII международная встреча ассириологов, посвященная теме «Ближний Восток и Египет в древности».

◆ В Индии создается ряд музеев, посвященных жизни и творчеству М. Ганди. В ближайшее время открываются музеи Ганди в Мадураи, Дели, Сабармати, Бомбее и Вардхе. Каждый из музеев будет располагать библиотекой в 10 тыс. томов. Здесь будут собраны в основном произведения Ганди, исследования о его жизни и творчестве. В музеях будут выставлены картины, фотографии, репродукции, посвященные Ганди, а также его личные вещи.

◆ Недавно в Афганистане обнаружена на скале надпись, представляющая собой эдикт правителя Индии Ашоки (273—232 гг. до н. э.). До сих пор было известно 33 высеченных на колоннах и скалах указа Ашоки, являющихся важным историческим памятником.

論　文

烏克兰集体农民在伟大卫国战爭时 期的劳动功績……M.З.达尼留克（基輔）
紡織工人在1921—1925年爭取提高劳动生产率的斗爭……H.B.波里亚科娃
研究資本主义起源的任务……C.Д.斯卡茲金院士，A.H.齐斯托茲沃諾夫
革命民主队伍在农奴制度崩潰时期思想上和策略上的分岐……P.И.林科夫
論法国政治形势……法国共产党中央政治局后补委員罗日·加罗吉
摘自波兰共产主义工人党成立和初期活动史……И.A.赫列諾夫
德意志民主共和国爭取和平和建設社会主义的斗爭……И.M.米特罗法諾夫

历史編纂学

外国历史書籍中十六世紀的"波罗的海問題"……苏联科学院通訊院士X.X.克卢烏斯（塔林）

書　評

历史科学在苏联

历史科学部全体大会……M.И.阿薩都罗娃
討論八年級和中学历史教程問題的全俄会議……Ф.A.加弗里洛夫，K.A.齐莫菲耶夫
紀念共产国际四十周年的科学会議……C.M.謝尔盖耶夫
在巴庫举行的历史学家会議……A.E.約菲
1958年苏联科学院分院的历 史学家、攷古学家和人种志学家的工作……Ю.O.别姆
談苏联历史書志学的情况和任务…M.Л.伊特金，Э.A.魏斯布罗特，P.M.英格列吉，A.A.索列尼科娃
攷古学委員会全体大会……H.A.多尔多巴諾娃

历史科学在国外

罗馬尼亚民族国家一百周年紀念节……A.A.什維亚科夫
波兰历史科学机关……M.波古次卡雅（波兰），R.日尔諾夫斯基（波兰）
迎接剑桥大学第十二次国际汉学家会議……C.Л.齐赫文斯基

CONTENTS

Articles: **M. S. Danilyuk** (Kiev). Ukrainian Collective Farmers' Labour Heroism During the Great Patriotic War; **N. V. Poliakova.** Textile Workers' Struggle for Higher Productivity in 1921-23; **Academician S. D. Skazkin** and **A. N. Chistozvonov.** The Study of the Problems of Capitalism's Genesis; **Y. I. Linkov.** Ideological and Tactical Differences Within Revolutionary Democracy at the Downfall of Serfdom; **Roger Garaudy, Alternate Member, French Communist Party's Central Committee Political Bureau.** The Political Situation in France; **I. A. Khrenov.** The Establishment and Early Activity of the Polish Communist Workers' Party (1918-23). **N. M. Mitrofanov.** German Democratic Republic in Struggle for Peace and Socialism. Historiography: **H. H. Kruus.** (Tallinn), **Corresponding Member, U.S.S.R. Academy of Sciences.** The "Baltic Question" in the 16th Century in Foreign Historical Literature; Historical Science in the U.S.S.R.: **M. I. Assaturova.** General Meeting of the Historical Science Department; **F. A. Gavrilov** and **K. A. Timofeyev.** All-Russian Conference on the Question of Historical Studies in Eight-Form and Secondary Schools; **S. M. Sergeyev.** Scientific Session Devoted to Fortieth Anniversary of Comintern; **A. E. Ioffe.** Historians' Conference in Baku; **Y. O. Bem.** The Work Done in 1958 by Historians, Archaeologists and Ethnographers in the Branches of the U.S.S.R. Academy of Sciences; **M. L. Itkin, E. A. Vaisbord, R. M. Inglezi** and **A. A. Solennikova.** The State and Tasks of Soviet Historical Bibliography; **N. A. Doldobanova.** General Meeting of the Archeographical Committee; Historical Science Abroad: **A. A. Shevyakov.** Centenary of the Rumanian National State; **M. Bogucka** and **J. Zernowski** (Poland). Historical Scientific Institutions in Poland; **S. L. Tikhvinsky.** On the Eve of the Twelfth International Conference of Sinologists at Cambridge.

SOMMAIRE

Articles: M. Z. Daniluk (Kiev). L'héroïsme de travail des kolkhoziens de l'Ukraine dans les années de la Grande Guerre Nationale; **N. V. Poljakova.** La lutte des ouvriers du textile pour l'augmentation du rendement du travail en 1921 — 1925; **S. D. Skazkin de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S., A. N. Chistozvonov.** Les tâches de l'étude du problème de la genèse du capitalisme; **J. I. Linkov.** Les différends idéologiques et tactiques au sein de la démocratie révolutionnaire dans l'époque du renversement du servage; **Roger Garaudy, candidat au Bureau Politique de CC du Parti Communiste Français.** Sur la situation politique en France; **I. A. Khrenov.** De l'histoire de la création et de la première période de l'activité du Parti Communiste de la Pologne (1918—1923). **N. M. Mitrophanov:** La République démocratique allemande est en lutte pour la paix et pour l'édification du socialisme. Historiographie: **H. H. Kruus** (Tallinn), **membre-correspondant de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** «Question baltique» du XVI siècle dans la littérature historique étrangère; Critic et bibliographie, Science historique en U.R.S.S.: **M. I. Assatourova.** La réunion commune de la Section des Sciences historiques; **F. A. Gavrilov, K. A. Timoféev.** La délibération de Russie des questions de l'enseignement de l'histoire à l'école de huit ans et secondaire; **S. M. Serguéev.** Session scientifique, consacrée au 40 anniversaire de l'Internationale Communiste; **A. E. Joffe.** La conférence des historiens à Bakou; **J. O. Bem.** Travail des historiens, des archéologues et des éthnographes dans le filiale de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. en 1958; **M. L. Itkin, E. A. Vajsbord, R. M. Inglésy, A. A. Solennikova.** Sur l'état et les tâches de la bibliographie historique soviétique; **N. A. Doldobanova.** La réunion commune de la commission archéographique; Science historique à l'étranger: **A. A. Schévjakov.** La célébration du centenaire de l'Etat national roumain; **M. Bogucka** (Pologne), **J. Zernowski** (Pologne). Institutions scientifiques historiques en Pologne; **S. L. Tichvinsky.** Au-devant de la XII Conférence internationale des sinologues au Cambridge.

INHALT

Beiträge: **M. S. Daniljuk.** (Kiew). Die Arbeitsgroßtat der ukrainischen Kolchosbauern während des Großen Vaterländischen Krieges; **N. W. Poljakowa.** Der Kampf der Textilarbeiter für die Steigerung der Arbeitsproduktivität 1921—1925; **Mitglied der Akademie S. D. Skaskin, A. N. Tschistoswonow.** Die Aufgaben beim Studium der Genesis des Kapitalismus; **J. I. Linkow.** Die ideologischen und taktischen Meinungsverschiedenheiten unter den revolutionären Demokraten in der Epoche des Sturzes des Leibeigentums; **Roger Garaudy, Kandidat des Politbüros des ZK der Französischen Kommunistischen Partei.** Über die politische Lage in Frankreich; **I. A. Chrenow.** Einiges über die Bildung und die erste Tätigkeitsperiode der Kommunistischen Arbeiterpartei Polens (1918—1923). **N. M. Mitrofanow.** Die Deutsche Demokratische Republik im Kampf für Frieden und Aufbau des Sozialismus. Historiographie: **Korrespondierendes Mitglied der Akademie der Wissenschaften der UdSSR H. H. Kruus** (Tallinn). Die „Baltische Frage" im 16. Jahrhundert im Lichte der ausländischen Geschichtsliteratur; Kritik und Bibliographie. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR: **M. I. Assaturowa.** Vollversammlung der Abteilung Geschichtswissenschaften; **F. A. Gawrilow, K. A. Timofejew.** Die Allrussische Beratung über den Geschichtsunterricht in der Achtklassen- und Mittelschule; **S. M. Sergejew.** Eine wissenschaftliche Tagung zum 40. Jahrestag der Kommunistischen Internationale; **A. E. Ioffe.** Die Historikerkonferenz in Baku; **J. O. Bem.** Die Tätigkeit der Historiker, Archäologen und Ethnographen in den Filialen der Akademie der Wissenschaften der UdSSR im Jahre 1958; **M. L. Itkin, E. A. Weißbord, R. M. Inglesi, A. A. Solennikowa.** Über den Stand und die Aufgaben der sowjetischen historischen Bibliographie; **N. A. Doldobanowa.** Vollversammlung der Archäographischen Kommission. Die Geschichtswissenschaft im Auslande: **A. A. Schewjakow.** Die Feierlichkeiten zum 100. Jahrestag des Rumänischen Nationalstaates; **M. Bogucka** (Polen), **J. Zernowski** (Polen). Die wissenschaftlichen Institutionen für Geschichte in Polen; **S. L. Tichwinski.** Vor der 12. Internationalen Konferenz der Sinologen in Cambridge.

Редакционная коллегия:

С. Ф. НАЙДА (главный редактор), Ю. В. БОРИСОВ (заместитель главного редактора), Р. П. ДАДЫКИН, Л. М. ИВАНОВ, Н. И. МАТЮШКИН (первый заместитель главного редактора), А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, П. Н. СОБОЛЕВ, П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, П. И. ФЕДОТОВ, И. А. ХРЕНОВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 18-б, комн. 29, тел. Д 3-55-08.

А 04056. Подписано к печати 4/VI 1959 г. Тираж 29 700 экз.

Изд. № 886. Заказ № 1222. Формат бум. 70×108¹/₁₆ 7 бум. л.—19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

НОВЫЕ КНИГИ

Шанхай сяодаохой цин шиляо хойбянь (Сборник материалов по истории восстания «общества малых мечей» в Шанхае). Шанхай. Жэньминь чубаньшэ. 1958. 1032 стр.

Чжэнцюе чули жэньминь нэбу маодунь (Правильно разрешать противоречия внутри народа. Сб. статей). Пекин Чжунго чжоунянь луньвэньцзи. 1958. 288 стр.

Цзяньшэ тэхойчжун синьжаньцюй (Строительство социализма в новых горных районах. Сб. статей). Пекин. Жэньминь чубаньшэ. 1958. 79 стр.

Уринараэсоы сахвечуы кёнчже (Социалистическая экономика в КНДР). Пхеньян. Квахаквон. 1958. 352 стр.

ХОН ЧИН ГЮ. **Хён кедан Чосон хёкмёны сонгёкква имму** (Характер и задачи корейской революции на современном этапе). Пхеньян. Чосон нодонтан чхульпханса. 1958. 50 стр.

Ури нараы инмин кёнчже пальчжон 1948—1958. (Развитие народного хозяйства в КНДР). Пхеньян. Куннин чхульпханса. 1958. 386 стр.

Инмин чонквоны сурипкква кыиконгохварыль вихан Чосон нодонтаны тхучжен. (Борьба Трудовой партии Кореи за установление и упрочение народной власти. Сб. статей). Пхеньян. Чосон нодонтан чхульпханса. 1958. 117 стр.

Tâi liêu tham Khao lich su kháng chiên. Nam bô va' nam phan trung bô trong hai man dâu khang chiên. (1945—1946). Nguyên Viet bies soan. (Материалы по истории войны Сопротивления. Южный Вьетнам и южная часть Центрального Вьетнама за два года. 1945—1946. Состав. Нгуен Вьет). Ha-nôi. Van Su Dia. 1958. 164 стр. с карт.

АНГЕЛОВ Д. **Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през XIV век.** София. БАН. 258 стр.

ПАНАЙОТОВ Ф. **Участие на младежта в Септемврийското въстание 1923.** София. «Нар. младеж». 1958. 204 стр.

СТАНОЕВ А. **Средоречни партизани.** Спомени. София. Държ. воен. изд. 1958. 256 стр.

РИЗОВ К. **Антифашист.** Записки за въоръжената борба в Кюстендилския край. София. Държ. воен. изд. 1958. 300 стр.

Celostátná výstava archivních dokumentů. Praha-Hrad. Květen-srpen 1958. Katalog. Red. Zd. Šamberger, V. Pletka, I. Holl, J. Lameš Předmluva Zd. Nejedlý. Praha. Archivní sprava min. vnitra. 1958. 203 str.

POLIŠENSKY J. **Nizozemská politika a Bílá Hora, Praha, NČSAV.** 1958. 353 str.

Duchem i mečem. Čtení o slávě, velikosti a utrpení našcho lidu. Výbor sest., z lat. přel. a spojovacími texty, pozn. a vysvetl opatřil F. Heřmanský. Praha. NV. 1958. 782 str.

Velká říjnová socialistická revoluce v dějinách a kultuře Československa. Sborník praci k 40. výročí Velké říjnové socialistické revoluce. Praha. NČSAV. 1958. 323 str.

HOLUBY J. L. **Národopisné práce.** Zost. a úvod. nap. J. Mjart'an. Bratislava. NSAV. 1958. 543 str.

DAXNER S M. **V službách národa.** Výber zost., stúdiu nap., pozn. a vysvetl. vyprac. F. Bokeš. Bratislava. SVKL. 1958. 533 str.

50 let dělnického tisku Gottwaldovského Kraje. Výbor článků dělnických časopisů a novin. Zprac. A. Géba. J. Hošek. Gottwldow. 1957. 202 str.

Wizyta przyjaźni w ZSRR. Warszawa. 1958. KiW. 319 str.

Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1924—1945. Zbiór materiałów i dokumentów. Warszawa. 1958. KiW. 590 str.

DUNANT C. et POUILLOUX J. **Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos.** II: De 196 avant J.-C. jusqu'à la fin de l'antiquité. Paris. De Boccard. 1958. 368 p.

CRAMER et DUFOUR A. **Seigneurie de Genève et Maison de Savoie.** T. IV: La Guerre de 1589. Paris A. et J. Picard. 1958.IX, 264 p.

DEPREZ E., GLENNISSON J. et MOLLAT G. **Clément VI. Lettres se rapportant à la France.** Paris. De Boccard. 1958. 196 p.

VIVENT J. **Charles X, dernier roi de France et de Navarre.** Paris. Le Livre contemporain. 1958.

LIGOU D. **Montauban à la fin de l'Ancien Régime et aux débuts de la Révolution, 1787—1794.** Paris. Marcel Revière. 1958. 720 p.

JULES GUESDE. **Textes choisis (1867—1882).** Préface et commentaires de Claude Willard. Paris. Edit. sociales. 1959. 158 p.

MEEUS A. **Histoire de Belges.** Paris. Favard. 1958. 469 p.

RUDÉ G. **The Crowd in the French Revolution.** Oxford. At the Clarendon Press. 1959. 267 p.

SEN S. P. **The French in India. 1763—1816.** Calcutta, Muhopadhyay. 1958. XVII, 621 p. с карт.

KETELBEY C. D M. **A History of Modern Times from 1789.** London. Harrap. 1958. 699 p.

Studi gramsciani. Roma. Editori Riuniti. 1959. 592 p.

Цена 7 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(СОЦЭКГИЗ)

в первом полугодии 1959 года выпускает следующие

КНИГИ:

Литература по всеобщей истории

БОЯРСКАЯ З. С. **Клара Цеткин.** 5 л. Цена 1 р. 40 к.

ДРАБКИН Я. С., канд. истор. наук. **Революция 1918—1919 гг. в Германии.** 25 л. Цена 11 руб.

КЕРЖЕНЦЕВ П. М. **Парижская коммуна.** 34 л. Цена 14 р. 60 к.

КОЖЕВНИКОВА Л. П., канд. истор. наук. **Рабочее и социалистическое движение во Франции в 1917—1920 гг.** 10 л. Цена 4 р. 50 к.

ЛЕБОВ К. Ф., канд. истор. наук. **Венгерская Советская Республика.** 15 л. Цена 6 р. 60 к.

ПОЛТАВСКИЙ М. А., канд. истор. наук. **Баварская Советская Республика.** 6 л. Цена 1 р. 75 к.

Литература по истории СССР

АНТОНОВ В. С. **Ипполит Мышкин.** 3 л. Цена 1 р. 20 к

Горький и создание «Истории фабрик и заводов» (сборник документов). Сост Зак Л. М., канд. истор. наук, Зимина С С. канд. филолог. наук. 15 л. Цена 5 р. 50 к.

ГРАБОВЕЦКИЙ В. В., канд. истор. наук. **Олекса Довбуш — легендарный герой украинского народа.** 3 л. Цена 90 коп.

ГРИГОРЯН З. Т., д-р истор. наук. **Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века.** 10 л. Цена 2 р. 95 к.

ГУСЯТНИКОВ П. С., канд. истор. наук. **Революционный кризис в России в начале XX века.** 9 л. Цена 3 р. 60 к.

ДЬЯКОВ В. А., канд. истор. наук. **Сигизмунд Сераковский.** 3 л. Цена 90 коп.

ЕЛЮТИН В. П. **Высшая школа страны социализма.** 4 л. Цена 1 р. 5 к.

КАФТАНОВ С. В., проф. **Советская культура и построение коммунизма в СССР.** 5 л. Цена 1 р. 50 к.

Крестьянская война под руководством И. Болотникова. Сборник документов под редакцией д-ра истор. наук Смирнова И. И. 25 л. Цена 10 р. 50 к.

Крестьянское движение в России в в 1890—1900 гг. Сборник документов под редакцией д-ра истор. наук Шапкарина А. В. 50 л. Цена 16 руб.

ЛАРЬКИНА Е. И., канд. истор. наук. **Создание колхозных кадров в период массовой коллективизации.** 9 л. Цена 5 руб.

ЛЕВИН Ш. М., д-р истор. наук. **Общественное движение в России в 60—70-е гг. XIX века.** 28 л. Цена 15 р. 35 к.

ОВСЯННИКОВА С. А., канд. истор. наук. **Группа Благоева** (из истории распространения марксизма в России). 4 л. Цена 1 р. 20 к.

ОЛЬШАНСКИЙ П. Н., канд. истор. наук. **Декабристы и польское национально-освободительное движение,** 10 л. Цена 6 руб.

Очерки экономической истории России первой половины XIX века. Коллектив авторов Института истории АН СССР. 25 л. Цена 12 руб.

САЙРАНОВ Х. С. **Дружба рождалась в борьбе.** 8 л. Цена 2 р. 40 к.

СМИРНОВ А. Ф., канд. филос. наук. **Кастусь Калиновский — национальный герой Белоруссии.** 3 л. Цена 90 коп.

СМИРНОВ Н. А., д-р истор. наук. **Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках.** 12 л. Цена 9 р. 65 к.

Цены на книги указаны ориентировочно.

Перечисленные книги Соцэкгиза поступят в продажу в книжные магазины республиканских, краевых и областных книготоргов и потребительской кооперации.

СОЦЭКГИЗ, «СОЮЗКНИГА»